

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лавёров* (председатель), докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, академик *И.А. Глебов*,
докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*, академик *Б.П. Захарченя*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
канд. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
канд. физ.-мат. наук *В.Н. Краснов*, докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*,
академик *А.М. Кутепов* (зам. председателя), канд. техн. наук *Н.К. Ламин*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
член-корреспондент РАН *В.А. Медведев*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. техн. наук *А.В. Постников*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В.Н. Сокольский*, докт. хим. наук *Ю.И. Соловьев*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьев*,
академик *И.А. Шевелев*, академик *А.Е. Шилов*

И. Н. Юркин

ДЕМИДОВЫ-

**ученые, инженеры,
организаторы
науки и производства**

*Опыт науковедческой
просопографии*

Ответственные редакторы:
кандидат исторических наук С. С. Илизаров
кандидат технических наук Н. К. Ламан

МОСКВА
«НАУКА»
2001

УДК 001,37,57,669 (929) Демидовы
ББК - 8*63.3
Ю 74

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н. В. Козлова*
доктор исторических наук *Е. И. Самарцева*

Юркин И. Н.

Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. – М.: Наука, 2001. – 333 с., ил. – (Серия “Научно-биографическая литература”)

ISBN 5-02-013058-3

В книге рассказано о представителях рода Демидовых, широко известных благодаря их научной, научно-технической деятельности и работам в области организации науки и образования. Это Демидов А. Н. – заводовладелец, много занимавшийся вопросами совершенствования техники и технологии черной, цветной металлургии и горного дела; Демидов П. А. и Демидов Г. А. – ученые, занимавшиеся исследованиями в области биологии, создатели первых ботанических садов в России; Демидов П. Г. – ученый-естествоиспытатель, основатель Демидовского высших наук училища; Демидов П. Н. – учредитель Демидовских научных премий; Демидов Ан. Н. – организатор и участник экспедиции по Южной России.

Для читателей, интересующихся историей отечественной науки и техники.

ТП-01-I-252

ISBN 5-02-013058-3

© Издательство “Наука”, 2001

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2001

Предисловие

О ком и о чем эта книга?

Хотя ответ на первую часть этого вопроса, как будто, вполне очевиден, следует сразу уточнить, что перед читателем не сборник биографий избранных представителей рода Демидовых. Всякий, обращающийся к академической биографической серии, вправе претендовать на обладание если не исчерпывающе полной, то, во всяком случае, весьма подробной историей жизни героя. Создаваемая в этой традиции работа, посвященная без малого десятку деятелей, неизбежно должна иметь значительный объем – биографии такого их числа без перехода на неакадемическую скороговорку в 20 авторских листов просто не уместить.

Не о Демидовых вообще, а лишь об отдельных аспектах их жизни и деятельности рассказано на этих страницах. Каких именно?

Первоначальным названием задуманной книги было “Демидовы – ученые и инженеры”. Но по мере работы над темой постепенно становилось все более ясно, что объект и предмет изучения определяются им недостаточно точно. Начнем с того, что сама прописка Демидовых по названным рубрикам то и дело требует определенных натяжек. Лишь немногие из представителей этого рода занимались научной или инженерной работой в “явном” виде – подчас допустимо говорить только об их косвенной причастности к ней, об увлечении и тяготении к миру науки. Последнее нередко граничит с любительством, соприкасается с научным дилетантизмом. С другой стороны, фактом является и то, что демидовские увлечения, подкрепленные гигантскими финансовыми и организационными возможностями, нередко приобретали масштаб столь значительный, что следы их кипучей деятельности ясно различимы и из дали ХХI в.

Не спасает ситуацию и смещение акцентов на просвещение и просветительство. В одном из своих значений эти понятия связаны с образовательной деятельностью, в которую, как ее часть, входят инженерно-техническое образование и подготовка научных кадров. Сходным было положение и в XVIII столетии: показательно, что в только что созданную Петербургскую Академию

наук были “встроены” образовательные структуры – гимназия и университет.

Но смысловое поле понимаемого указанным образом просвещения, вполне естественно, не включает в себя многие иные стороны и аспекты научной деятельности. А значит, оставаясь строго в его границах, легко потерять часть несомненно значимого для нас материала.

Попытка опереться на понятие “просветитель”, подразумевающая под ним деятеля эпохи Просвещения, проблемы также не разрешает. В образ просветителя без особого труда впишется, конечно, и научная деятельность, и инженерия, и образование. Но эпоха Просвещения сошла на нет с XVIII веком, между тем многое, запланированное автором для включения в книгу, далеко выходит за его границу. Больше того, представлялось особенно интересным проследить эволюцию Демидовых и их деятельности именно в “долгом” времени – на фоне длительной и глубокой трансформации общекультурных парадигм, эволюционных и революционных изменений самого “духа эпохи”.

Признаемся, что, дрейфуя по волнам темы “Демидовы и мир науки, техники, образования”, мы, несмотря на приложенные усилия, так и не сумели найти вполне удовлетворившую нас формулу, пригодную для помещения на обложке в качестве названия. Напечатанные там и на титульном листе слова – вынужденная уступка древней привычке книгоиздателей давать различительные имена продуктам своего труда.

В отличие от так и не увенчавшегося успехом поиска названия, цель, ради которой автор принимался за эту работу, а также задачи, которые следовало решить на пути к ее достижению, определились фактически с самого начала.

Прежде всего представлялось необходимым собрать и систематизировать материал, раскрывающий связи избранной группы деятелей с наукой, техникой и образованием. Подчеркнутая фактографичность, изобилие разного рода частных, деталей – таким виделся текст, его излагающий.

Степень полноты привлекаемого материала не регламентировалась: в одних случаях желательно было охватить все, касающееся данного вопроса, в других – представлялось возможным ограничиться иллюстрациями и примерами. При отборе материала учитывалась как степень его введенности в научный оборот, так и значимость по отношению к магистральным для книги проблемам. В общем случае мы старались отобрать наиболее характерное и отметить наиболее выдающееся.

Организация материала подчинялась определенной программе. В наибольшей степени следуют ей очерки о сыновьях Акин-

фия Демидова (главы 3–5). Но выдержать единообразие во всех главах не удалось из-за недостаточной изученности вопроса или потому, что определенной деятельностью данное лицо вообще не занималось, – отсюда отдельные ячейки в типовой схеме часто оказывались полупустыми или вообще незаполненными. Напротив, другие разделы – например, посвященные путешествиям, – нарушая пропорции, подчас разрастались (как это произошло в главе об Анатолии Демидове, вклад которого в развитие науки был в значительной мере связан с экспедицией в Южную Россию и Крым). Как результат, материал некоторых глав “взламывал” единую схему и “самоорганизовывался” на других принципах.

Впрочем, по меньшей мере один структурный элемент строго сохранялся во всех главах – это биографический очерк, на который, как на основу, наслаивалась науковедческая информация.

Науковедение – его проблемы и методология их решения – второй большой комплекс вопросов, которые неизменно волновали автора при написании этой работы. В персональных главах они присутствуют, в основном, в скрытом, свернутом виде. Лишь иногда мы соотносим наших героев, их жизнь и деятельность с процессом развития отдельных научных дисциплин или науки в целом. Между тем обращение к биографиям коллектива лиц открывает дополнительные возможности для выявления и наблюдения закономерностей, характеризующих их самих и осуществляемую ими деятельность. Совокупность связанных с таким подходом методических приемов, равно как и продукт их применения, охватываются понятием просопографии. Последняя, в качестве метода, на наш взгляд, является весьма эффективным и далеко не исчерпанным в плане своего познавательного потенциала инструментом науковедческого анализа.

Поэтому, намереваясь показать связь и определить место Демидовых в развитии науки, техники, образования, автор одновременно решал задачу, стоящую на стыке генеалогии и истории культуры: выявить эволюцию пронизывающих историю данного рода идей и деятельности практик. Конкретный человек в его социальной реализации – в огромной степени дитя своей эпохи. Но столь же верно, что в ребенке, который воспитывается в семье и именно в ее рамках первично социализируется, многое обусловлено именно ее традициями. Важны и биологические константы, определяемые генетически: они задают возможности, а значит границы, преодолеть которые удастся нечасто. Действие совокупности перечисленных факторов и образует неповторимую комбинацию, основу психологической индивидуальности личности. А по справедливому замечанию чешского ученого

Ф. Герека, “интерпретация жизненного пути ученого оказывается весьма поверхностной, если этот путь не рассматривается на фоне его психологических особенностей” (цит. по [141, с. 106]). На примере Демидовых, в их деятельности, по мнению автора, можно проследить все вышеназванное: и роль в биографии родовой биологии, и семейные традиции, и отражающие развитие общества “веяния времени”.

Для просопографического исследования собранная в этой книге группа лиц образует объект, привлекательный во многих отношениях. Особую цельность ему придает родственная их связь, открывающая дополнительные возможности для исследования интересующей нас проблематики. Остается сформулировать общие для группы вопросы, получить ответы и сопоставить их.

Таковыми вопросами явились: род как объект изучения в контексте истории научной и изобретательской работы; методология исследования в группах, объединенных единством рода; рациональное и эмоционально-эстетическое начала у представителей таких групп, их отражение в деятельности; индивидуальное, родовое, социокультурное в коллекционировании; факторы, определявшие развитие в России XVIII в. точных и естественных наук; уровень образования вообще и технических знаний, в частности, у российских заводоуправленцев XVIII–начала XIX в.; их роль в становлении и развитии промышленного хозяйства; патристический компонент “любви к просвещению”; степень государственной детерминации научной работы в России XVIII в.; степень участия в ней русского дворянства; Демидовы-ученые в контексте вопроса о генезисе элит; “ростки” духовной элиты и их социальный материал; генетическое и социальное в способах формирования элиты и др.

К сожалению, ограниченный объем книги не позволил в полной мере реализовать богатые возможности, открываемые просопографическим подходом. Во многих случаях мы вынуждены были ограничиться постановкой вопросов, лишь намечая контуры их решений и указывая на ценный, с нашей точки зрения, для них фактический материал. Эти размышления и предварительные результаты аккумулированы, в основном, в заключительной главе книги.

Предупредим о некоторых других требующих предварительного комментария особенностях данного сочинения.

Связи Демидовых со сферой науки и техники многообразны, но квалификация их в качестве ученых и инженеров, как уже говорилось, часто наталкивается на затруднения. Тем более, по нашему мнению, нельзя было игнорировать это многообра-

зие, а в нем – не прямые (косвенные, опосредованные) формы таких связей.

На страницах книги нашел свое место, в частности, материал об участии Демидовых в организации науки. Последнее тем более важно, что ее государственная поддержка в рассматриваемый период носила ограниченный характер. Инициативный предприниматель, а именно такими были многие Демидовы, выступал в роли главного проводника, обеспечивавшего “перекачку” научных достижений в производство. Нередко именно он выступал инициатором и организатором соответствующих исследований, объективное значение которых далеко выходит за рамки узко прикладного интереса.

При наличии необходимого материала автор стремился охарактеризовать связи Демидовых с деятелями профессиональной науки и техники – как русскими, так и зарубежными. Независимо от того, какое место занимала в этих контактах собственно научная компонента, они несомненно принадлежат истории науки и техники – хотя бы уже потому, что являются частью биографии тех ученых, с которыми общались Демидовы.

Первоначальный замысел книги не включал рассмотрения темы благотворительности. Но игнорировать ее оказалось просто невозможно: соответствующий материал настойчиво “стучался в дверь”. По-видимому, учитывая, что писать предстояло о Демидовых, этого следовало ожидать заранее.

Частная благотворительность может играть заметную роль во всяком обществе, тем более в таком, в котором соответствующие системы государственной поддержки только еще начинали формироваться. В нашем случае важно, что этот вид социальной деятельности, направляемый в адрес различных социально значимых институтов, способен тесно смыкаться с деятельностью научных и образовательных учреждений. А став элементом организации их деятельности, благотворительность заняла свое место в социальной истории науки и образования. Но учитывая, что о благотворительности Демидовых довольно много написано (в нашей библиографии см., например, [108; 109; 224; 254]) и поток публикаций на эту тему не уменьшается [98; 258], а также то, что это все же особая тема, было решено ограничиться преимущественно той частью их благотворений, которые были направлены на развитие науки, техники и просвещения. Помощь беднейшим слоям населения, жертвам стихийных бедствий, поддержку деятелей искусства (меценатство) – а всем эти Демидовы весьма активно занимались – характеризуем совсем кратко или вообще опускаем, отсылая читателей к доступной литературе.

Тема, которой посвящена настоящая книга, специально еще не разрабатывалась. Но во многих исторических сочинениях имеются страницы, содержащие важный для нее фактический материал, а иногда и ценные обобщения.

Выдающийся вклад Демидовых в историю отечественного промышленного предпринимательства был замечен еще в XVIII в. – уже в эту эпоху мы встречаем их имена на страницах сочинений по новейшей российской истории (И.И. Веймарн, В.И. Геннин, И.И. Голиков, В.И. Крамаренков). Но полноценная посвященная им историография начинает формироваться только в XIX в. По-прежнему значительный материал остается рассеянным в работах, посвященных иным вопросам. Но теперь деятельность Демидовых становится предметом и специального рассмотрения: появляются сочинения, непосредственно посвященные Демидовым, – соответствующие статьи включаются в энциклопедические словари (Плюшара, Брокгауза и Ефрона, Русский биографический словарь), создаются первые монографические очерки (Г.И. Спасский, К.Д. Головщиков, В.В. Огарков).

Особое место в “демидововедческой” литературе по сей день занимает книга секретаря Демидовского юридического лица К.Д. Головщикова “Род дворян Демидовых” (1881), явившаяся итогом обобщения к тому времени уже достаточно обширной библиографии темы. Перед нами классический пример коллективной биографии (просопографии, в исторически первом значении этого термина) с растворенными в тексте элементами сравнительного анализа приводимого фактического материала. Автор попытался охватить имена всех известных ему представителей рода, разместив по персональным ячейкам показавшиеся примечательными сведения о них, выявленные как его предшественниками, так и непосредственно им самим. Работа выполнена вполне добросовестно и продолжает широко использоваться. Но фигуры освещены в ней крайне неравномерно, что, помимо реального различия их масштаба, обусловлено еще и недостаточной научной разработанностью отдельных имен и сюжетов.

Будучи универсальной по тематике (материал отбирался по наличию связи с историей рода), работа Головщикова содержит фактический материал, ценный и для нашего исследования. К сожалению, в большинстве случаев эти сведения отрывочны, не всегда точны, подчас не ясны их источники.

Не принадлежала к числу забытых демидовская тема и в советский период: о них писали едва ли не все историографы, занимавшиеся историей отечественной металлопромышленности XVIII в. (Е.И. Заозерская, Б.Б. Кафенгауз, Д.А. Кашинцев, П.Г. Любомиров, Н.И. Павленко, А.А. Преображенский и др.).

Накоплен немалый по объему новый фактический материал, сделаны интересные обобщения. Но связей Демидовых с наукой и техникой эти историки касались редко. На периферии исследовательских интересов долгое время пребывали и сюжеты, связанные с благотворительностью.

Из работ последних лет особый интерес для темы представляют несколько публикаций А.С. Черкасовой [255–257]. В первых двух автор вносит существенные коррективы в сложившиеся представления об Акинфии Никитиче Демидове. О широте его познаний в области горного дела и металлургии писали еще Б.Б. Кафенгауз и Н.И. Павленко, [144, с. 100; 204, с. 75]. Последний назвал его “тонким знатоком горнозаводского дела”, но только А.С. Черкасовой на новом архивном материале удалось убедительно показать реальный объем его научно-технических знаний и опыта, выявить роль, которую они сыграли в рождении “демидовского чуда”. «Хозяин или творец славы “Старого соболя”?» – задает она вопрос в названии одной из этих работ [255]. И решительно отвечает: хозяин, но и творец тоже.

Ценные дополнения по интересующей нас проблеме содержит новейшее исследование Е.П. Пироговой [207а]. Оно посвящено демидовским библиотекам, состав и история которых очень многое разъясняют нам в личностях и судьбах их владельцев. К сожалению, мы не имели возможности учесть результаты этого исследования в необходимом объеме.

Как уже говорилось, учитывая ограниченный объем книги, автор ориентировался, преимущественно на обзор, систематизацию и анализ материала, уже накопленного в посвященной Демидовым литературе. Вместе с тем разработка ряда персоналий потребовала обращения к архивным источникам. В наибольшей мере это коснулось троих Демидовых: Никиты Никитича (младшего сына основателя династии), Никиты Акинфиевича и Анатолия Николаевича. Автором были привлечены материалы Государственного архива Тульской области (для первого) и Российского государственного архива древних актов (для остальных). Тульский материал – в основном, служебная переписка местных учреждений – отчасти освещает занятия Никиты Никитовича в период, когда он работал в Берг-коллегии (обстоятельство, которое во многом и определило включение его фигуры в эту книгу). Из материалов о Никите Акинфиевиче основное внимание было уделено его переписке, содержащей обильный (нами далеко не исчерпанный) материал по множеству вопросов – по интересующим нас в том числе. Обращение к фонду “Демидовы” (№ 1267)

того же архива в части, касающейся Анатолия Николаевича, позволило установить подробности, связанные с изданием и последующей судьбой русского перевода “Путешествия в Южную Россию и Крым” – главного сочинения, по которому отечественный читатель мог познакомиться с результатами этого крупного научного проекта, осуществленного на средства Анатолия Николаевича Демидова. Автор совершил несколько поездок по местам, по которым прошли маршруты этой экспедиции, – к сожалению, поиск следов ее деятельности в местных архивах и музеях оказался малоуспешным. Зато отдельные документы, извлеченные из центральных архивов, пролили дополнительный свет на дни и труды Прокофия и Григория Акинфиевичей (преимущественно на их связи с Академией наук и отдельными учеными). Помимо названных были использованы материалы Государственного архива Свердловской области и архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).

Автор приносит искреннюю благодарность С.П. Калите, Е.В. Карповой, В.А. Касаткину, Б.Б. Кафаевой, Н.В. Козловой, Е.И. Красновой, руководству и сотрудникам Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника “Куликово поле” и другим лицам, чья доброжелательная помощь способствовала работе над книгой.

Строитель и хозяин горного царства

(Акинфий Никитич Демидов, 1678–1745)

Биографическая справка. – Сфера научных и технических интересов, полученное образование и достигнутый уровень специальных знаний. – Собирание научных коллекций. – Организация и финансирование научной деятельности. – Совершенствование техники и технологии. – Научная и техническая литература в библиотеке А.Н. Демидова.

Помещение на первые страницы этой книги очерка об Акинфий Никитиче Демидове – решение спорное. Конечно, в отличие от отца, судя по всему, неграмотного¹, Акинфий грамотой владел². Но конкретные сведения о его образовании отсутствуют – о наличии такового судим лишь по знаниям, которыми он обладал. Нет прямых данных об организации Акинфием научных работ (исключая геологоразведочные), тем более, о непосредственном участии в них. Его имя не увековечено в названиях теорем, химических реакций, физических законов, конструкциях машин и механизмов. Не существует названных в его честь растений и минералов. Уместно ли, зная об этом, тратить время на человека, заведомо не отвечающего устоявшимся критериям, определяющим отбор персоналий для включения в состав научно-биографической серии?

Полагаем, уместно. И вот почему.

Во-первых, говоря о роде как неком единстве, на отдельных его представителей нельзя смотреть изолированно. Они – элементы развернутого во времени целого, свидетельства определенного этапа становления и развития свойств и качеств системы. Каждый из Демидовых – страница родовой биографии, этап ее, фазис, неотторжимый от совокупности без ущерба для постижения закономерностей ее генезиса.

Существует, кроме того, один аспект проблемы, рассмотреть который применительно к фигуре А. Н. Демидова интересно еще и в плане истории отечественного предпринимательства. Это роль, которую на этапе становления промышленных династий играли технические знания и опыт тех, кто начинал дело. Демидовы – род, на примере которого значение этого фактора кажет-

ся возможным проследить в динамике. Поскольку, однако, соответствующих сведений об основателе династии Демидовых известно не так уж много, первым Демидовым в нашем обзоре неизбежно оказывается Акинфий Никитич, жизнь и деятельность которого документированы значительно лучше.

Блестящие успехи А. Н. Демидова на поприще промышленного предпринимательства общеизвестны и общепризнанны. Совместим их хронику с его биографией.

Акинфий Никитич, старший сын основателя династии Демидовых, родился в 1678 г. Местом его рождения некоторые историки (Г. И. Спасский, И. Ф. Афремов, К. Д. Головщиков) называют Тулу [238, с. 2; 78, с. 74 доп.; 109, с. 50], и, хотя документальных подтверждений этой версии нет, она представляется наиболее правдоподобной.

Принято считать, что род Антюфеевых, к которому принадлежал отец и при рождении сам Акинфий, происходит из крестьян с Павшина Алексинского уезда (в настоящее время на территории Дубенского р-на Тульской обл.). Никита Демидович, судя по эпитафии на его надгробии, родился уже в Туле, где “имел жительство” в Оружейной слободе. Но к верхушке слободы ни он, ни его сыновья по рождению не принадлежали. Вплоть до постройки им в середине 1690-х гг. металлургического завода на реке Тулице (в черте современной Тулы) сведений о первом Демидове в источниках крайне мало [266, с. 32–39].

Мать Акинфия, Евдокия (Авдотья) Федотовна, происходила из рода тульских казенных кузнецов [78, с. 74 доп.]. Известны четверо ее и Никиты Демидовича детей, доживших до зрелого возраста: сыновья Акинфий, Григорий, Никита и дочь Анастасия. Все сыновья стали заводовладельцами. Замуж за промышленника, тульского казенного кузнеца Лукьяна Марковича Крайильникова, вышла и дочь [266, с. 69].

Ко времени, когда отец построил вододействующий доменный и передельный Тульский завод, Акинфию было 17 или 18 лет. Но если об отце с этого времени поток сведений нарастает лавинообразно, сведений о сыне даже в начале следующего века по-прежнему мало – все это время он пребывает в тени стремительно развивавшейся и порождавшей все возрастающий интерес и удивление фигуры родителя.

Генеральная линия начального этапа биографии Акинфия (первых его 20–25 лет), несмотря на молчание источников, вполне очевидна: он учится, втягивается в управление производством и постепенно из ответственного (но на вторых ролях) сотрудника

становится полноправным компаньоном. Многолетнее пребывание на заводах в должности их “технического директора” дало ему возможность детально освоить технику и технологию горно-металлургического производства и связанный с ними опыт, накопленный работавшими у Демидовых отечественными и иностранными мастерами.

Развернув промышленное хозяйство на родине, в Туле, Никита Демидов довольно скоро убедился, что его развитие сдерживается все возрастающим дефицитом древесного угля. 2 января 1701 г. Петр I пожаловал ему обширные лесные дачи в Щегловской засеке под Тулой, но уже через полгода отнял их, сочтя более важным сохранить древесину для нужд кораблестроения [144, с. 90, 495, 496; 271, с. 19, 20]. К этому времени Никита был уже осведомлен о ресурсном потенциале Урала, металлургическое освоение которого далеко отставало от возможностей, открывавшихся здесь для опытного и энергичного предпринимателя. В полной мере оценив значение эпизода с засечным лесом (особенно симптоматичного на фоне поддержки, которую последовательно оказывал Демидову царь), тульский промышленник предпринимает шаги с целью переноса своего хозяйства в Сибирь.

Но получив по именному указу от 4 марта 1702 г. построенные и только что пущенные казной “Верхотурские железные заводы на Нейве реке” (позже их будут называть Невьянским заводом) [144, с. 93], Н. Д. Демидов не смог прибыть на них сразу. Власти, напоминая ему о необходимости ехать на Урал, одновременно “нагружали” поручениями, требовавшими присутствия в Туле. Вместо него туда поехал приказчик Емельян Ксенофонтов, в середине мая принявший имущество, работников, нескольких мастеров. Вслед за ним 13 июля Никита отправил на Урал старшего сына. И только почти месяц спустя выехал сам [144, с. 101–103].

Тот факт, что отец послал Акинфия на Невьянский завод раньше себя, говорит о многом. И прежде всего – о доверии заводчика к сыну, о высокой оценке его квалификации, умения применять опыт в новых условиях – чертах специалиста, составляющих важный компонент личности предпринимателя.

Прибыв на завод 8 сентября, Акинфий быстро освоился с обстановкой: пустил молотовые амбары и домну, включился в строительство второй, попытался поставить хорошо ему знакомое литье пушек и мортир [144, с. 100, 117]. Видя успехи сына, отец решил на некоторое время покинуть его: уже в начале 1703 г. Никита снова был в Туле, откуда отправился в Москву [144, с. 122]. Такое разделение – Акинфий на Урале, Никита – на

Хранившаяся в Кунсткамере “восковая персона” (восковое изображение Петра I). Гравюра. Из книги О. Беляева “Кабинет Петра Великого” (СПб., 1800).

тульской родине, в столицах и всюду, где нужно для пользы дела, – задало формулу распределения обязанностей в этой паре – схему, действовавшую около четверти века. В эти годы почти каждодневного контакта с производством (заметим, непрерывно расширявшегося) практические знания и опыт А. Н. Демидова продолжали углубляться.

Труды Акинфия и его отца вплоть до смерти последнего очень часто неразделимы. В равной мере оказались они вовлеченными и в острый конфликт с уральским горным начальством, возникший в первой половине 20-х годов. Главным противником Демидовых выступил В. Н. Татищев, прибывший в 1720 г. на Урал в качестве управителя казенными заводами. Он обвинил заводчиков в том, что они переманивают работников, препятствуют поискам посланных Татищевым рудокопов, отнимают руду, добытую на казенных рудниках, не исполняют и запрещают своим людям исполнять распоряжения представителей горной администрации, не спрашивают у нее разрешения на строительство на частных заводах и землях.

Историки различно оценивали справедливость этих обвинений. Подавляющее большинство принимали сторону Татищева как последовательного выразителя и защитника интересов государства. А.С. Черкасова, замечая, что “государственный интерес не всегда направлен на пользу общества, а часто и противоречит ему”, в последних своих работах достаточно аргументированно защищает иную, более сбалансированную точку зрения [64, с. 175].

Развитие конфликта сопровождалось активной перепиской сторон и жалобами их в центральные учреждения и самому Петру I. В апреле 1722 г. Никита жаловался царю лично [275, с. 111]. В результате Татищев от занимаемой должности был отстранен, его заменил В. И. Геннин. И хотя решением Высшего суда от 22 ноября 1723 г. Татищев по предъявленным обвинениям был оправдан, доверявший Демидову Петр I собственного окончательного решения по делу так и не принял.

Со смертью Никиты дело, ход которого постепенно склонялся в пользу Татищева, пришлось улаживать одному Акинфию. Возможно, он использовал связи с лицами, окружавшими трон, прежде всего с находившимся на пике власти А. Д. Меншиковым. В конце концов стороны пошли на мировую: с выплатой Акинфием Татищеву значительной суммы³ последний свои претензии снял.

Татищев возвратился на Урал только в 1734 г. и снова – в качестве начальника горнозаводской промышленности. Новое столкновение, новые претензии к Демидову. Но последний на этот раз попытался выйти из конфликта иным способом, нежели

его отец 12 лет назад, — без использования слишком уж “черных” технологий. Не опорочить и вывести из игры противника — покинуть поле боя самому, но сохранив все, что хотелось бы сохранить. Опираясь на содействие Бирона, А. Н. Демидов добился своего освобождения от подчинения горной администрации с переподчинением Коммерц-коллегии [275, с. 131].

Акинфий был самым любимым из сыновей Н. Д. Демидова — рука об руку работая с первенцем долгие годы, именно ему основатель промышленной династии, согласно указу о единонаследии (1714), решил оставить заводы — главное дело и достижение своей жизни. После смерти отца, последовавшей 17 ноября 1725 г., Акинфий действительно получил все его недвижимое имение. В пользу Акинфия от своей части мужнина имущества в 1727 г. отказалась и мать, вдова Никиты [266, с. 61–62]. Когда братья Демидовы оформляли вступление в свои доли наследства, императрица Екатерина I в марте 1726 г. дипломом возвела их в дворянское достоинство [190, с. 164], что открыло предпринимателям возможность в полном объеме приобщиться к важным для них дворянским привилегиям.

После смерти отца — еще двадцать лет непрерывного труда. Заводская часть отцовского наследства, перешедшая к Акинфию, состояла из семи действовавших заводов — Тульского доменного и молотового (пущенного около 1695 г.), Невьянского доменного и молотового (1702), Шуралинского молотового (1716), Бынговского молотового (1718), Верхнетагильского доменного (1720), Выйского доменного, молотового и медеплавильного (1722), Нижнелайского молотового (1722). Еще один завод — Нижнетагильский — был при отце почти достроен, и Акинфий пустил его всего через месяц после его смерти. Самостоятельно он построил еще девять железных (Черноисточинский, пущен в 1726 г., Шайтанский — в 1727, Уткинский — в 1729, Нижнечугунский, Верхнечугунский и Корельский молотовые — в 1730, Ревдинский доменный — в 1734, Верхнелайский молотовый — в 1742, Висимо-Шайтанский молотовый — в 1744 г.) и семь медных (Колывано-Воскресенский и Суксунский — 1729 г., Бымовский — 1736, Шаквинский — 1740, Барнаульский — не ранее 1740 г., Ашапский — 1744, Шульбинский — 1744 г.) заводов, увеличив их число за два десятилетия в общей сложности в три с половиной раза. Поразительна динамика первого пятилетия его самостоятельной деятельности: за период с декабря 1725 по 1730 год включительно было пущено девять заводов — без малого по два предприятия в год!

С расширением хозяйства стремительно увеличивалась и принадлежавшая Акинфию собственность, росло богатство.

Акинфий Демидов – личность, полностью слившаяся со своим делом. Не удивительно, что мы почти не знаем подробностей его личной жизни – ее заслоняет история созданного им горного царства. Приведенные даты пуска новых заводов – становой хребет ее хронологии.

Но хроника успехов редко исчерпывает биографию. Судьба не всегда была благосклонна и к Акинфию Демидову. Очень напряженно развивались события в 1721–1723 годах, во время конфликта Демидовых с В. Н. Татищевым. Тяжелыми для Акинфия были и 1733–1735 годы. Начатая по указу императрицы Анны Иоанновны от 4 августа 1733 г. проверка частных металлзаводов России явилась серьезным испытанием прочности всего построенного и созданного им. С осени этого года, когда на его Тульский и сибирские заводы отправились государственные ревизоры, на протяжении полутора лет он не имел возможности даже выехать на Урал. Лишь 13 марта 1735 г. именной указ разрешил отпустить его “от Москвы к заводам, чтобы он мог их исправить и в добром порядке содержать”. Но, несмотря на разрешение, осенью этого года находим его по-прежнему в Туле, причем в положении очень опасном: под арестом, произведенном по распоряжению ведущего здесь расследование (в частности, о взятках) капитана Федора Лаврова. Акинфий просидел под охраной более двух недель (с 14 до, по меньшей мере, 29 ноября). Лишенный права переписки, он даже не мог обратиться с просьбой об освобождении – за него пришлось хлопотать сыну Прокофию [271, с. 26, 29].

Впрочем, еще до конца 1735 г. (12 декабря) последовал указ императрицы, оправдывавший Демидова по большей части предъявленных ему следствием обвинений [266, с. 115]. Вскоре Акинфий возвратился на Урал и в дальнейшем почти постоянно жил в Невьянске, откуда, рассылая приказчикам многочисленные инструкции, руководил своим продолжавшим разрастаться хозяйством [256, с. 12].

Описанный посетившим “Старый” (Невьянский) завод в июне 1770 г. П. С. Палласом “старинной, но величавой и обширной хозяйской каменной дом с двумя флигелями, конторою и протчими деревянными пристройками” [54, с. 226] – возможно, именно тот, в котором жил А. Н. Демидов. Внешний вид хозяйских хором можно представить благодаря рисунку с видом Невьянского завода, помещенному в книге В. И. Геннина “Описание уральских и сибирских заводов” [103, с. 613].

Укажем, кстати, и на другие известные нам дома, построенные или купленные А. Н. Демидовым, в разные годы помимо Невьянска жившего в Туле, Нижнем Тагиле, Москве, Петербурге.

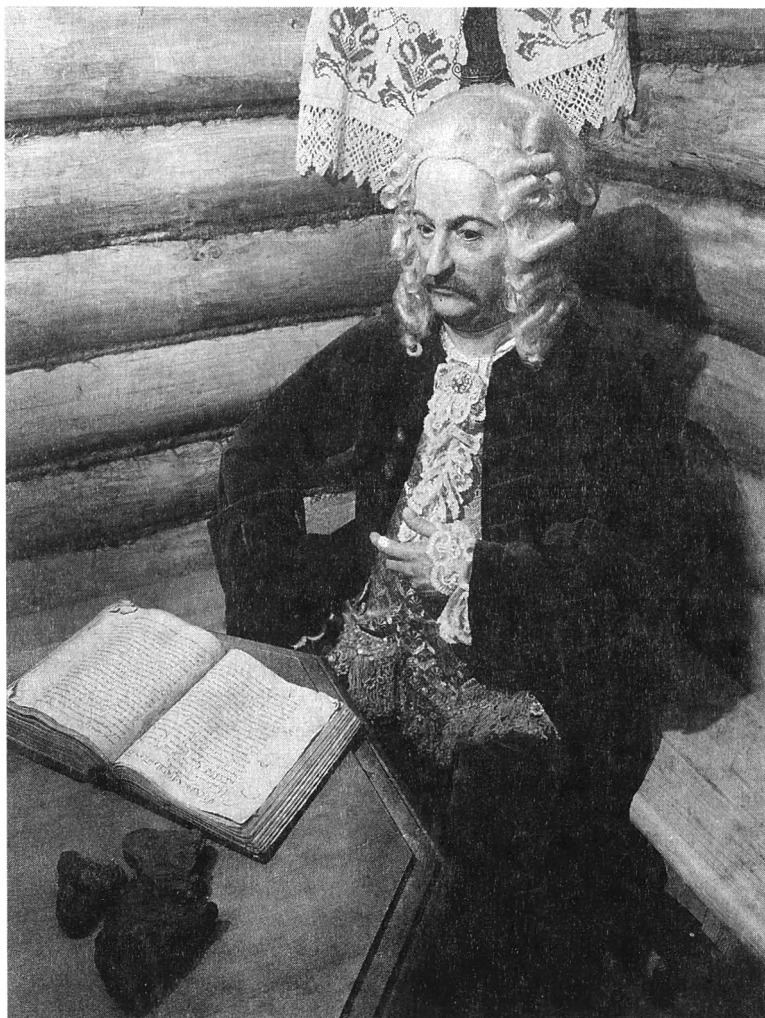
В северной столице в 1729 г. он купил дом, построенный в 1717–1728 годах на берегу Невы, на Стрелке Васильевского острова по проекту, предположительно, Ж.-Б. Леблона для президента Юстиц-коллегии П. М. Апраксина. После смерти Акинфия здание перешло к его наследникам, разместившим здесь, кроме резиденции, торговую контору [76, с. 127]. Ему же принадлежал дом на Фонтанке, на углу современной улицы Белинского, позднее перешедший к его сыну Григорию [159, с. 57].

В Туле, в Оружейной слободе, на месте отцовской усадьбы в 1730–1734 годах А. Н. Демидовым был построен обширный, в три этажа, каменный дом-дворец, отделанный с исключительной роскошью. По сведениям И. Ф. Афремова, здесь Акинфий дважды в течение 1744 г. принимал проезжавших через Тулу императрицу Елизавету Петровну и наследника престола Петра Федоровича с невестой Екатериной Алексеевной (будущей Екатериной II) [78, с. 88, 89 доп.]. Ветхую приходскую церковь Николы Зарецкого (близ нее на кладбище был похоронен Никита Демидов) Акинфий приблизительно в те же годы заменил новым каменным храмом с отапливаемой нижней и холодной верхней церквами [268, с. 11–13].

В общей сложности после смерти Акинфия Демидова, по данным описей 1745–1747 годов, его наследникам осталось 120 домов и дворов заводчиковых с каменным и деревянным хоромным и всяким другим дворовым строением, с огородами, прудами и “скотскими” дворами, в том числе: на заводах 65, в городах и уездах 34, в вотчинах 21. Каменные и деревянные демидовские дома находились в Екатеринбурге, Казани (несколько), Костроме, Кунгуре (несколько), Москве (несколько), Нижнем Новгороде (несколько), Петербурге (несколько), Серпухове, Таре, Твери (несколько), Тобольске, Туле (несколько), Тюмени, Чебоксарах, Ярославле (несколько) и при Ягошихинском заводе (Пермь) [144, с. 220, 239–241]⁴. Назначение их было разнообразным: в них жил или при необходимости останавливался хозяин, его семья, гости; располагались конторы, склады. Заметим, что приведенный перечень характеризует географию торгово-промышленных связей А. Н. Демидова в заключительный период его деятельности.

Акинфий был дважды женат и оба раза – на представительницах тульских посадских родов: первоначально на Евдокии (Авдотье) Тарасовне Коробковой, после – на Евфимии (Афимье) Ивановне Пальцовой. Он имел трех сыновей – Прокофия, Григория, Никиту и дочерей Марию, Евфимию и двух по имени Анна.

Умер Акинфий Никитич 18 августа 1745 г. по пути на уральские заводы в селе Яцкое (Ицкое) Устье на Каме⁵. Тело его бы-

Восковое изображение А.Н. Демидова в экспозиции музейно-выставочного центра “Тульские древности”. Фото В. Якушина. 2000 г.

ло перевезено в Тулу и погребено в фамильном склепе приходской Николо-Зарецкой (Христорождественской) церкви⁶ – в Оружейной слободе, где прошло его детство. После Акинфия осталось огромное наследство (одних крепостных душ – свыше 13 тысяч [144, с. 223]), раздел которого продолжался больше десяти лет. Из разделенного в итоге на три части промышленного хозяйства выпал только один ценный его элемент – алтайские заводы, на которых из полиметаллических руд еще при Акинфии было получено промышленное серебро. При описании имущест-

ва на три эти завода (Колывано-Воскресенский, Барнаульский и Шульбинский) была составлена особая опись, позднее в наследстве не учитывавшаяся [144, с. 221]. 12 мая 1747 г. императрица Елизавета Петровна подписала указ Правительствующему Сенату, согласно которому на названные заводы отправлялся “для исправления горных работ брегадир Андрей Беэр, которому те заводы и прочее на Артыше и Оби реках и между оными все строении, какие обретаются заведенныя от помянутаго Демидова со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем, и с мастеровыми людьми собственными ево Демидова, и с приписными крестьянами ея императорское величество указать соизволила взять на ея величество” [12, л. 59]. Наследникам за реквизированное имущество от казны было заплачено 40 тыс. руб. [231, с. 75].

Акинфий добился многого, и слагаемых у этого блестящего успеха было тоже немало. Важную роль в его достижениях сыграло наличие у заводчика глубоких и разносторонних познаний в области техники и технологии, главным источником которых, как уже говорилось, явился гигантский практический опыт, накопленный за полвека работы в сфере металлургии и горного дела.

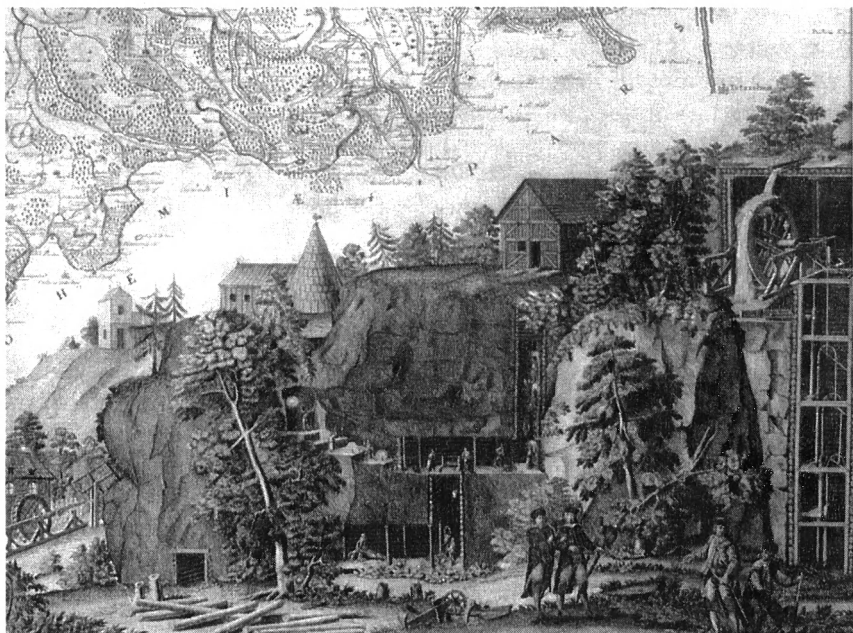
В краткой биографии А. Н. Демидова, сохранившейся в делах Московской домово́й конторы Демидовых, упоминается, что он “приучаем был” к производству и техническим наукам “с самых юношеских лет” (цит. по [256, с. 12]). Нам не известно, насколько достоверны сведения этой биографии в отношении событий, достаточно далеко отстоящих от времени ее составления. Но относительно места, которое в профессиональном становлении Акинфия заняло овладение им местным (тульским) техническим опытом, цитированное утверждение ее анонимного составителя, думается, вполне отражает реальность. Уже на склоне лет, в 1739 г., в письме (от 10 сентября) приказчику Нижнетагильской заводской конторы Григорию Сидорову по поводу предлагавшихся тем переделки (увеличения размера) укладных мехов, Акинфий сообщил, что в слободе, в которой он родился, “больших мехов не имеется” и решительно предупредил: “Впредь, пожалуй, ты нас, чему мы научены, не переучивай” (цит. по [256, с. 22]). Меньше всего в этих словах следует искать свидетельств консерватизма мышления, отсутствия интереса к поиску новых, эффективных технических решений. А. Н. Демидов всей своей жизнью продемонстрировал совершенно противоположное от-

ношение к жизни вообще, и к научно-техническому прогрессу, в частности. Он накапливал знания практически непрерывно – его переписка (о ней позднее) – ясное тому свидетельство. Тем более важны приведенные слова, демонстрирующие непреходящее значение, которое для него даже на склоне лет сохранял технический опыт его юности – опыт, который базировался на более чем столетних технических традициях тульских кузнецов и металлургов.

Опыт мастеров центральных районов России был первым, но не единственным источником полученного Акинфием технического образования. Другим источником явилось знакомство с зарубежным техническим опытом. Оно осуществлялось через контакты с иностранными мастерами, работавшими на демидовских заводах еще при отце, комиссаре Демидове (см., напр., [271, с. 112; 267]) и, возможно, в ходе личного осмотра горно-металлургических производств Европы. На последнем остановимся.

Предполагать, что А. Н. Демидов побывал на европейских горных заводах, позволяют сведения о приобретении им во Фрейберге минералогического кабинета [260, с. 50]. Первым в известной нам историографии об этом упомянул С. П. Шевырев (1855) [260, с. 50], сославшийся в качестве источника на протоколы Университетской конференции, в которых отмечена передача этого кабинета Московскому университету. Четверть века спустя этот сюжет был затронут К. Д. Головщиковым (1881). Если рассказ Шевырева ограничивался указанием на место приобретения кабинета, то Головщиков уже прямо пишет, что Акинфий Никитич “нашел время побывать и за границей для обозрения там горнозаводских промыслов” [109, с. 50–51]. Но кроме упоминания о Фрейберге, никаких сведений об этом путешествии его работа не содержит; а все, что касается судьбы кабинета после его перевозки в Россию, заимствовано из Шевырева.

Фрейберг – город в Саксонии, известный центр горнорудной промышленности (здесь добывали серебряную руду) со второй половины XII в. [80, с. 178]. В начале XVIII в. население города составляло приблизительно девять тысяч человек, не менее пятисот из которых были рудокопами. Немало горняков жило и в окрестностях города. Из знаменитых россиян здесь побывали Петр Великий (22 сентября 1711 г.) и учившиеся у берграта И.-Ф. Генкеля студенты Д. И. Виноградов и М. В. Ломоносов (июль 1739–май 1740) [191, с. 305, 313, 316, 385]. Приезжали сюда и многие из Демидовых, и первым, по-видимому, – Акинфий Никитич.

Горные выработки в окрестностях Фрейберга. С карты Саксонии XVIII в.

Фрейберг. Комплекс наземных построек рудника "Альт Элизабет".
Фото супругов Циглер, 2001 г.

Документальные подтверждения факта посещения А. Н. Демидовым Фрейберга у нас отсутствуют. А. С. Черкасова, авторитетный историк, длительное время занимающаяся изучением истории рода Демидовых и, в частности, фигурой Акинфия, в недавних (1996 и 2000 гг.) работах также отмечала, что по отношению к приведенным Головщиковым (она ссылается именно на него – не на Шевырева) “более подробные сведения о цели и времени его (Акинфия. – *И.Ю.*) пребывания за рубежом пока не найдены” [254а, с. 122; 257, с. 25]. Поскольку детальная хронологическая канва жизни А. Н. Демидова не разработана, не удастся даже достаточно уверенно подобрать для этой поездки подходящее временное “окно”. Если заграничная поездка действительно имела место, то наверняка после строительства отцом его первого Тульского завода (пущен в середине 1690-х годов) – до этого времени Никита едва ли мог осознать необходимость довести уровень образования сына в горном деле до европейского. Между началом проникновения Демидовых на Урал (1702) и смертью Н. Д. Демидова (1725) представить такое путешествие снова довольно трудно – в эти годы по сложившемуся с отцом разделению труда Акинфий жил преимущественно на Урале. А вот позднее покинуть на некоторое время хозяйство стало, наверное, проще – теперь Акинфий сам планировал свою жизнь и мог на время переложить заботы на плечи проверенных годами совместного труда приказчиков.

Собираясь в Германию, конкретно – в Саксонию, какую цель мог преследовать Акинфий Демидов или его отец, если именно он был инициатором поездки? Сомневаемся, что получение основательного образования. Для этого требовалось время, и немалое. Так, упомянутый выше Генкель брался обучить русских студентов горным наукам за полтора года, но Петербургской академии этот срок показался слишком коротким, и она настояла на продлении его до двух лет [191, с. 305]. А ведь ожидавшиеся Генкелем студенты учились сначала в России, после – в Марбурге, где совершенствовались владение языком. Данных об исходной подготовке А. Н. Демидова у нас нет. Сведений о владении им иностранными языками – тоже. Впрочем, в известных документах нигде, кажется, он их знания не обнаружил. Так что едва ли ошибемся, предположив, что на освоение подобной генкелевской учебной программы ему потребовалось бы большее время, чем отправлявшимся во Фрейберг Ломоносову и Виноградову.

В историко-краеведческой литературе поездка А. Н. Демидова в Саксонию иногда связывается с необходимостью разрешения вполне конкретной проблемы, вставшей перед заводчиком в ходе освоения природных богатств Урала: с поиском технологии

плавки магнитного железняка с горы Высокой. Плавить его оказалось сложнее, чем давно освоенный бурый. Решено было обратиться к иностранному опыту: “Акинфий Демидов ездил в Саксонию, где издавна умели плавить магнитную руду, возил тагильский магнит в Невьянск” [198, с. 72]. В том же ключе излагает вопрос другой автор: “Акинфий Демидов предварительно ознакомился с плавкой магнитного железняка в Саксонии”, провел опытные плавки в Невьянске. “И лишь после этого, в 1720 году, у подножия горы Высокой началось строительство сразу двух заводов – Выйского и Нижнетагильского” [197, с. 132]. Эта версия и связанная с ней датировка посещения Демидовым Фрейберга является не единственной: данное событие в литературе относят также и к 1742–1743 годам [238а, с. 135]. Общим для сторонников обеих версий является отсутствие ссылок на источники.

Косвенным подтверждением факта поездки А. Н. Демидова в Германию является наличие в его библиотеке (о ней ниже) иностранного отдела, состоявшего, сколько об этом позволяют судить сохранившиеся описи, исключительно из немецких книг. Высказанное предположение [207а, с. 16], что большая их часть могла быть привезена владельцем из Саксонии, кажется очень правдоподобным. Обратим внимание, что среди этих книг было по меньшей мере одно сочинение, связанное с именем фрейбергской знаменитости – Генкеля. Из работы Е. П. Пироговой (откуда заимствуем этот факт) не ясно, идет ли речь о книге на немецком или русском языке, но в первом случае вполне резонно предположить, что рукопись была вывезена Демидовым непосредственно из Германии.

Каким же в конечном счете оказался уровень почерпнутых Акинфием из перечисленных источников специальных знаний? Практически всеми исследователями он признается весьма высоким. Т.К. Гуськова характеризует заводчика, как «металлурга и строителя, досконально изучившего технологию рудного, плавильного и плотницкого “дела”, неплохо разбиравшегося в планах и чертежах сложных заводских и гидротехнических устройств» [114, с. 25]. Опубликованные А. С. Черкасовой письма заводчика приказчикам Нижнетагильского завода подтверждают и углубляют эту характеристику. Мало того, что “Акинфий Никитич профессионально знал всю технологию получения металла (доменное, молотовое, кузнечное производства)”, а также давал грамотные советы относительно ремонта и нового строительства различных заводских объектов, он, по вполне убедительному предположению Черкасовой, принимал участие и в проектных работах на принадлежавших ему промышленных объектах [256, с. 25].

Итак, Акинфий Демидов обладал весьма обширными специальными знаниями. Но они, вероятно, не выходили за границы техники, технологии, в лучшем случае, связанных с ними технических наук. Сведений о знакомстве Акинфия с естественными науками, не говоря о научной деятельности в них, в нашем распоряжении нет.

Направление, которое в этой ситуации можно было бы попытаться разработать, – связи с деятелями науки. Но немногочисленные факты, которые сегодня на этот счет могут быть привлечены, собственно науки почти не касаются. Так, уже упоминалось о контактах А.Н. Демидова с таким видным ученым, как В.Н. Татищев. Но развивались они исключительно в административной сфере, науки не затрагивая.

Зато, насколько сегодня известно, именно Акинфий был первым из Демидовых, кто начал собирать коллекции, научные в частности, заложив этим традицию, сохранявшуюся в нескольких поколениях рода. Первой научной коллекцией явился привезенный из Фрейберга минералогический кабинет.

В Германии, особенно в среде, связанной с горным делом, коллекционирование минералов было занятием весьма распространенным. Прекрасное их собрание составил И. Ф. Генкель, сформировавший на его основе минералогический кабинет, “ставший гордостью Фрейберга и прославившийся за его пределами”. Коллекционировать минералы он приучал и своих учеников – во Фрейберге этим занимался, в частности, Д.И. Виноградов, доведший описывающий собрание каталог до номера 460. Кабинет минералов в 1720–1740-х годах существовал в дрезденском Цвингере [191, с. 320, 330, 327]. Большую минералогическую коллекцию собрал и отправил в Россию путешествовавший в конце 1730-х годов по Германии для ознакомления с постановкой соляного дела надзиратель соляных заводов в Бахмуте Г.-Ф.-В. Юнкер [191, с. 312].

В России первой половины XVIII в. важную роль в распространении коллекционирования минералов сыграло появление такого собрания в Кунсткамере (позднее переданной Академии наук). Поступление в нее в 1716 г. минерального кабинета гданьского доктора Готвалда [263, с. 762] явилось одним из заметных событий в истории первого русского государственного музея. Каталог минерального кабинета Кунсткамеры, к началу 30-х годов заметно переросшего собрание Готвалда, в 1731 г. начинает составлять И.Г. Гмелин. В июле–октябре 1741 г. эту работу под руководством И. Аммана завершает возвратившийся из-за границы М.В. Ломоносов [170, с. 117; 172а, с. 59,62]. Минералы и руды появляются в частных коллекциях – отметим, например, 122

образца в собрании Я.В. Брюса [184, с. 36]. Позднее, во второй половине века будет создано множество подобных коллекций: в Московском университете, в Эрмитаже и т.д., – а также частных⁷.

Упомянувший о минералогической коллекции (кабинете) А. Н. Демидова С. П. Шевырев по поводу происхождения собрания ограничивается замечанием, что Акинфий Никитич “приобрел этот кабинет в Фрейберге, что в Саксонии, и оттуда вывез его в Петербург” [260, с. 50]. В работе [225, с. 85] без ссылки на источник собрание названо “минеральным кабинетом Генкеля”. Можно предположить, что оно восходит (возможно, опосредованно) к сообщению о передаче Н. А. Демидовым третьей доли “собрания натуральных и курьезных вещей... славного кабинета господина Генкеля”, помещенному в номере от 14 марта 1755 г. “Санкт-Петербургских ведомостей” (цит. по [238а, с. 135]).

Тот факт, что Демидовыми было пожертвовано Университету не просто хорошее минералогическое собрание, но знаменитая коллекция, собранная Генкелем, существенно меняет культурное значение их благотворительной акции, поднимает значимость дара. Поэтому особенно ценны свидетельства, этот факт подтверждающие. Такие данные, причем синхронные времени дарения, обнаружены нами в европейской литературе. Судьбы принадлежавшей Генкелю “удивительной естественнонаучной коллекции”, особенно ценной в минералогическом отношении, касается автор изданного в Париже в 1756 г. под названием “Введение в минералогию” перевода на французский язык книги “Генкель, восставший в минералогию” (посмертного издания курса лекций по минералогии и металлургической химии). Он, в частности, сообщает, что после смерти ученого его наследники продали коллекцию “одному богатому частному лицу по имени Демидов в Петербург”. О том, что покупателем был, скорее всего, Акинфий Никитич, говорят приведенные в этом источнике данные о последующей истории собрания – тот факт, что его сыном оно было подарено основанному в Москве университету [278а, с. 97]. Версия, согласно которой минералогический кабинет Генкеля оказался в Петербурге, была, по-видимому, достаточно распространена – укажем, например, упоминающего об этом минералога А. Брайтхаупта [278а, с. 97]⁸.

Минералогическая коллекция А.Н. Демидова, из Фрейберга доставленная первоначально в Петербург, позднее была перевезена в Сибирь, откуда, дополненная, возвращена в столицу. В 1755–1757 годах его наследники (первым – Никита) сообщили куратору И.И. Шувалову о готовности передать коллекцию, насчитывавшую тогда до 6 тысяч образцов, Москов-

скому университету. В 1759 г. она была перевезена в Москву и, порученная директору М.М. Хераскову и помощнику библиотекаря Савичу, открыто хранилась в университетской библиотеке [260, с. 50–51; 238а, с. 135]⁹. Вероятно, пожар 1812 г., в котором погибли многие коллекции Университета, не пощадил и ее.

Впрочем, какая-то часть ее могла сохраниться, подобно тому как в собрании Нижнетагильского музея-заповедника сохранилась “рудная пирамида”, также входившая в состав минералогической коллекции А.Н. Демидова. Л.П. Малеева описывает ее следующим образом: пирамида выполнена «в виде выкованной из меди горки, изображающей рудник, на верху которого находился вороток с фигуркой мастера-рудокопа возле спуска в шахту (в настоящее время обе эти детали утрачены). Второй рудокop в “немецком” кафтане показан за работой внутри рудника. На внешней поверхности Рудной пирамиды в четыре яруса в особых гнездах размещаются образцы руд из 38 месторождений» [194, с. 18]. Некоторые образцы к настоящему времени также утрачены, иногда вместе с обоями, в которых они находились.

На медных пластинах, укрепленных у основания пирамиды, имеются надписи, сообщающие, в частности, дату, которую при желании можно связать с ее (пирамиды) созданием: “Сия гора содержит на себе медные и железные руды, которые в ведомстве господина дворянина Акинфия Демидова лежащие при Сибирских его заводах. Содействована ноября 1728 года” [194, с. 18–19]¹⁰.

В литературе происхождение тагильской пирамиды связывается с тем же путешествием во Фрейберг, из которого А.Н. Демидов вывез минералогический кабинет [194, с. 19]. Но цитированная надпись на пирамиде ясно говорит, что рудные образцы в ее обоях – не из Западной Европы, а из Сибири. Впрочем, на Германию как-будто указывает платье сохранившейся фигурки рудокопа, покррой которого определяют как “немецкий кафтан”. Но начиная с петровского времени, европейский костюм, благодаря насильственному его внедрению (см. например, [270]), получает широкое распространение и в России. По этой причине покррой платья одной из фигур едва ли является достаточным доказательством иноземного происхождения предмета.

И все же тагильская пирамида, по-видимому, действительно восходит к А.Н. Демидову – высказанное предположение о тождестве сохранившегося экспоната¹¹ с пирамидой, отмеченной в посмертной (1747 г.) описи его имущества [198, с. 15], выглядит вполне убедительно. Упомянутая в документе пирамида при

разделе наследства досталась младшему сыну Никите Акинфиевичу и вместе с остальным имуществом была перевезена из Невьянска в “столицу” его заводского хозяйства – Нижний Тагил [194, с. 19].

Имя А.Н. Демидова нередко связывается и с коллекционированием вещей из древних сибирских курганов, в частности, так называемого “могильного золота”¹². Упоминание об этом находим уже в “Деяниях Петра Великого” И.И. Голикова, в изданной в 1789 г. 9-й их части, содержащей рассказ о поднесении Демидовым (имя не указано) супруге царя Екатерине в честь рождения у нее сына Петра Петровича “приличных даров”, в том числе “богатых золотых бугровых сибирских вещей” [107, с. 443]. Учитывая дату рождения царевича (октябрь 1715 г.), событие можно ориентировочно датировать концом 1715 или 1716 годом. Из текста Голикова не ясно, Никиту Демидовича или Акинфия Никитича подразумевал, говоря о Демидове, автор. Большинство исследователей склоняются к последнему¹³.

Упомянутый в “Деяниях” эпизод длительное время было принято связывать с формированием вполне конкретного, причем хорошо известного эрмитажного собрания подобных предметов, вошедшего в науку под названием “Сибирской коллекции Петра I”. Но в настоящее время твердо установлено, что большая часть входящих в нее вещей была собрана в Тобольске в 1715–1717 годах и поступила к царю не от Демидовых, а от сибирского губернатора М.П. Гагарина [126, с. 68; 127, с. 41–44, 51]. Впрочем, даже если со временем и будет доказано, что нынешняя Сибирская коллекция с Демидовыми не связана вообще (чего автор указанных публикаций не утверждает, откладывая вопрос до выяснения происхождения всех предметов из нее [126, с. 66]), нет никаких оснований в принципе отвергать возможность поднесения Демидовым царю или Екатерине курганного золота. Конечно, утверждения, что Демидовы “оказались первыми, кто подносил царю вещи, добытые печально известным способом” [220, с. 41], требуют серьезных доказательств, но сам по себе факт такого дара представляется даже весьма вероятным. В пользу его говорит и хронология: совпадение времени получения вещей от Гагарина и времени, когда они, если верить Голикову, должны были бы поступить от Демидова. Близость дат свидетельствует, на наш взгляд, об общем начальном импульсе, инициировавшем поиск и собирательство – скорее всего, о существовании некоего особого на этот счет распоряжения Петра I (именного указа?), до нас не дошедшего¹⁴.

Приведенные факты свидетельствуют, что Акинфий Демидов занимался собиранием естественноисторических коллекций, состоявших из предметов, которые являлись традиционными

объектами собирательства в кабинетах натуральной истории. Конечно, перед нами увлечение, еще не слишком ярко выраженное, еще далекое по интенсивности чувства от того, каким был захвачен, например, его сын Никита Акинфиевич (за границей, кажется, не пропустивший ни одной сколько-нибудь примечательной лавки, торговавшей редкостями и предметами искусства). Но хотя кроме коллекции минералов и, может быть, археологического золота нам ничего не известно о принадлежавших Акинфию Демидову предметах, представляющих интерес для науки, и приведенных фактов для сделанного выше вывода вполне достаточно.

Расширить круг таких фактов мог бы, вероятно, более тщательный анализ материалов, касающихся наследства, оставленного Акинфием Никитичем. Останавливающие внимание предметы находим, в частности, в описи имущества, после раздела оставшегося на Нижнетагильском заводе. Здесь наряду с посудой, предметами прикладного искусства, игрушками присутствуют, например, помещенные в художественно оформленные оболочки куски магнитной руды: “два магнита, оправленных медью 2; да простых 10; ... магнитов с ношками болших и малых 13; без ножек 1” [33, л. 3 об., 5 об.]. В одной из описей упомянуто 76 магнитов, оправленных в серебро и медь [198, с. 15]. Перед нами предметы, вполне органичные для коллекций кабинетов натуральной истории.

Представляя музейное значение сегодня, воспринимались ли эти предметы как экспонаты домашнего “музеума” их владельцем? По отношению к Акинфию Демидову уверенно ответить на этот вопрос в настоящее время невозможно. Последнее, однако, не только не исключено, но и вероятно. Утверждать это позволяет тот факт, что Акинфий являлся владельцем довольно большой (173 единицы) коллекции картин [106, с. 108]. В отличие от минералогической коллекции, для владельца горных заводов несомненно представлявшей утилитарный интерес, собрание живописи было во всех отношениях бесполезным. Даже формой помещения капитала оно было плохой: обращенные в картины деньги невозможно было быстро и с прибылью вернуть. Очевидно, что средства, потраченные на произведения искусства, в бюджете Акинфия проходили затратной статьей. Нам, однако, важно отметить этот факт, поскольку он демонстрирует следование культурным стереотипам, чуждым практичной натуре Акинфия, но присущим среде, представителем которой в процессе сословного метаморфоза он стал.

То, что для Акинфия было покорением природы культурой, для его сыновей стало частью природы. Они собирали, потому что без этого уже не могли представить жизнь.

Сравнительно слабая связь Демидовых с наукой на данном этапе развития рода заставляет обратить особое внимание на их участие в организации и финансировании научной деятельности. Пожалуй, по этому поводу нашлось бы что сказать даже об основателе династии. Подразумеваем предпринимавшиеся по инициативе и на средства первых Демидовых исследования минеральных богатств России.

“Горное царство” Демидовых представляло собой обширное и непрерывно расширявшееся хозяйственное образование. Втягивавшиеся в него новые территории присоединялись чаще не потому, что тяготели к нему по своему местоположению (хотя учитывалось и это), но прежде всего на основании своего промышленного потенциала. Присоединялась не земля, а рудные месторождения, каменоломни, реки, являвшиеся транспортными путями и источниками энергии, леса, дававшие строительную древесину и древесный уголь. Рудники в сочетании с площадками, удобными для постройки заводов, были главным, что искали заводчики, а найдя – старались получить в свое распоряжение. Экстенсивное промышленное развитие (путь вполне естественный в условиях малой хозяйственной освоенности края) требовало предварительного изучения территории, прежде всего – изучения ее горнорудных богатств.

Разведки полезных ископаемых на Урале осуществлялись еще Н.Д. Демидовым. “Всякую свою поездку по Уралу, – писал Н.И. Павленко о Никите и Акинфии Демидовых, – они использовали для пополнения сырьевых запасов вновь открытыми рудниками”. Так, во время поездки отца с Урала в Москву весной 1725 г. в Кунгурском и Осинском уездах на речках Турке, Быме и в других местах им были обнаружены признаки медных руд [204, с. 103].

Практически непрерывно занимался организацией исследований малоизученных районов Урала и Алтая и А.Н. Демидов. Сколько можно судить из документов, организовывавшиеся им геологоразведочные работы, как правило, не носили характера масштабных экспедиций – в дорогу чаще отправлялись рудознаты-одиночки (часто – представители местного населения) или их небольшие группы.

Опубликованные А.С. Черкасовой письма А.Н. Демидова к нижнетагильским приказчикам содержат многочисленные свидетельства его живой заинтересованности ходом и результатами геологоразведочных работ. Он принимает меры для приобщения местного населения к разведке железных и медных руд (даже порицает приказчика за проявленную скупость), торопит с присылкой в Невьянск образцов, сам посылает их (в частности, “гал-

мей” – цинковую руду) для раздачи “по малой части для прииску” тем, “которые охоту к тому имеют”, отдает распоряжения об испытании в печи обнаруженного камня. Интересны письма конца января–начала февраля 1732 г., речь в которых идет о бурении в шахте, начатом иностранным мастером. Прося всемерно ускорить работу, Акинфий признается: “мне ваша руда не нужна” – и объясняет, что интересуется результатом “ради испытания, что в глыби будет являтца”, ибо “все иноземцы сказывают, что в глыбе бывает руда лутчее” (цит. по [256, с. 12–14]). Перед нами эксперимент, ориентированный не на достижение частного результата, но на установление общей, выходящей за границы частного случая, закономерности.

Акинфий Никитич демонстрирует знание простых, применимых в полевых условиях способов определения конкретных руд, причем некоторые из этих приемов, судя по тому, как подробно он их описывает, неизвестны его приказчикам. В письме от 21 ноября 1739 г. он предлагает применять (обучая ей изыскателей) следующую пробу, позволяющую определить магнитную железную руду: “Вели побить железом, то он (определяемый “камышек”. – *И. Ю.*) из себя испустит счетинки чернинькия. Твои нынешне присылки как станешь железцом стукать, то кажет он дресву вместо счетинок. Кого ты со оным пошлешь, покажи ему оную пробу, вели ему побить по ребру легонько гвозком или ножевым обухом у обоих камышков, то всяк может разсудить твой присылки, что он не магнит” [256, с. 15].

Одним из ценных открытий демидовских рудознатцев в то время, когда еще жив был Никита Демидов, явилось обнаружение на р. Тагил месторождения асбеста, состоявшееся, по одним данным, в 1710 г., по другим, более вероятным, в 1720 г. [207, с. 66, 67]. Мы, разумеется, не можем утверждать, что это была первая на Урале находка асбеста как такового. Но именно она дала импульс началу его промышленного использования.

В связи с этим приведем интересный для нашей темы факт, свидетельствующий, что и четверть века спустя после смерти Акинфия на Урале сохранялась память о нем как об “охотнике к испытаниям”. Именно так называет его П.С. Паллас, во время своего путешествия захвативший в его уральские владения и осмотревший некоторые заводы. Забравшись на Асбестовую гору (близ Невьянска), он обнаружил здесь выкопанную по распоряжению Акинфия “наибольшую рудню”. “В тогдашнее время, – сообщает он, – копали здесь проходные рвы, сличаясь положению каменных рядов” [54, с. 238]. Это известие очень любопытно: речь идет о геологоразведочных работах, выходящих за пределы чисто утилитарного поиска полезных ископаемых, т. е. об

исследовании геологического строения земных недр. К сожалению, оно недостаточно определено в отношении времени: не ясно, кто вел названные работы – современники Палласа или рудознатцы Акинфия.

Поскольку проводившиеся по инициативе и на средства Демидова исследования преследовали вполне определенные, причем сугубо практические цели, их результаты не публиковались, а следовательно, не вводились в научный оборот. Больше того, часть данных, очевидно, засекречивалась, поскольку ими в ущерб Демидову могли воспользоваться его конкуренты. Но значение последнего обстоятельства не следует преувеличивать. Соккрытие информации носило ограниченный и временный характер. Завод и рудник становились фактом публичным задолго до пуска – здесь, кроме “своих”, бывали чиновники, торговцы и совсем случайные люди. Не были они окутанной туманом тайной и для ученых путешественников, проезжавших через демидовские владения и неизменно находивших у хозяев гостеприимный кров. Полтора месяца провел у А.Н. Демидова на Невьянском заводе возвращавшийся из Китая секретарь русского посольства Лаврентий Ланг, автор книги с описанием своего путешествия [194, с. 54]. На Колывано-Воскресенском заводе в 1734 г. побывал и описал его академик И.Г. Гмелин [87, с. 107]. Эти примеры можно умножить.

Разумеется, Демидовы были не единственными, кто искал руды на Урале и Алтае. Искали их и в XVII – начале XVIII века, тем более – после появления Берг-привилегии (1719). Заслуга Демидовых в том, что соединив воедино собственные специальные знания, интерес к делу, заинтересованность в его результате и финансовые возможности, они сумели придать своим разведкам небывалый прежде масштаб.

Если первых Демидовых наука волновала преимущественно в одном (прикладном) ее аспекте, то организация и финансирование работ в области техники и технологии велись ими достаточно широко.

Представляется верной высказанная в литературе мысль, что в условиях, когда государство не занималось (или занималось недостаточно) внедрением научных достижений в промышленность, “первые опыты применения научных исследований в производстве осуществлялись в основном по инициативе отдельных предпринимателей” [234, с. 15]. Если говорить о России, то для нее это положение представляется справедливым по отношению к более широкому историческому периоду, нежели вто-

рая половина XIX в., о которой пишет цитированный автор. Но в XVIII в. дело заключалось не в том, что правительство “недооценивало важность внедрения”, а в том, что в то время, о котором идет речь, еще не вполне сложилась система трех, по выражению В. Гумбольдта, “опор” развития науки (академия, университет и исследовательские институты) [154, с. 31], не определилось место в ней государства. Как результат, на первый план выходила инициатива лиц, непосредственно заинтересованных в совершенствовании производства и обладавших достаточными финансовыми и материальными ресурсами для его развития.

Уже говорилось о предпринимавшихся по инициативе и на средства А.Н. Демидова геологоразведочных работах. Эти научные исследования носили прикладной характер – их результатом являлось строительство новых рудников и заводов, а в ряде случаев и освоение новых или редких в России технологий. Учтем, что поскольку руды разных месторождений могли существенно отличаться друг от друга, освоение новых рудников часто означало решение технологических задач – даже, если принципиальные изменения в технологию не вносились.

Демидовское промышленное хозяйство развивалось в атмосфере постоянного поиска и эксперимента. Уже в первый приезд на Невьянский завод (в 1702 г.), ознакомившись с положением дел, Акинфий, “в совершенстве” (по оценке Б.Б. Кафенгауза) знавший мортирное и пушечное литье, предложил поставить и это производство [144, с. 100]. Судя по переписке 30-х–начала 40-х годов А.Н. Демидова с заводской конторой на Нижнетагильском заводе, под личным руководством Акинфия Никитича велась практически непрерывная модернизация доменного и железоделательного производств. Модернизацию при нем претерпел и первый (Тульский) завод Демидовых [271, с. 154, 157, 213]. Уже упоминалось о его участии (предполагаемом, но весьма вероятном) во всех, включая проектные, видах работ по заводам и гидротехническим сооружениям [256, с. 25].

Элемент технической новизны возрастал, когда осваивалась выплавка нового металла. Так было с серебром алтайских заводов Демидова. Напомним, что Россия XVII века собственного производства серебра не знала. Поиск содержащих его руд предпринимался неоднократно, и не раз, казалось, их удавалось найти. В 1660-х годах на базе 3-го Городищенского доменного завода (в Тульском уезде) был даже построен сереброплавильный завод, но действовал ли он – неизвестно [269; 274]. Лишь забайкальское и алтайское серебро открывают историю его промышленной добычи в России.

В популярной литературе, повествующей об открытии алтайского серебра, подчас воспроизводится драматическая история, выставляющая Акинфия в невыгодном, если не сказать преступном, свете. Вот один из ее вариантов. Идя по следам “чудских копей”, демидовские рудознатцы обнаружили на Алтае медные руды. Выплавлявшаяся из них на Колывано-Воскресенских заводах медь, в которой обнаружилось серебро, свозилась в Невьянск. Здесь ее перерабатывали, выделяя серебро и чеканя (в подвалах Невьянской башни) поддельную монету. Продолжалось это до тех пор, пока донос одного из мастеров не заставил Демидова сообщить об открытии серебра [136, с. 32]. Здесь не хватает только драматического финала: эпизода с затоплением тайного монетного двора – легенды, обильную дань которой отдали и фольклор и вдохновленные им беллетристы. В другом сочинении, сходном по жанру, но, к счастью, лишенном подобных “страстей”, сообщаются даты: донос (саксонца Трагера) имел место в 1744 г., а зимой 1745 г. на Алтай по распоряжению императрицы прибыл “начальник тульских заводов Беэр”, которому предписывалось “надлежащим образом” осмотреть находящиеся на Колывано-Воскресенских заводах руды [178, с. 164].

Не станем обсуждать историю с тайным монетным двором – слишком мало аргументов в ее пользу. Но после “отжима” романтических деталей остается факт: на Колывано-Воскресенском заводе при А.Н. Демидове действительно началась выплавка серебра, положившая начало добыче его на Алтае, продолжавшейся до конца XIX в. За первые 10 лет здесь было добыто около 2000 пудов этого металла [178, с. 166].

А.Н. Демидов не ограничивался организацией работ, направленных на совершенствование металлургических технологий. Родившийся и получивший первоначальное профессиональное образование в Оружейной слободе Тулы, он, несомненно, хорошо владел и технологическим опытом в области металлообработки. Больше того – развивал его. В связи с этим вызывает интерес факт устройства А.Н. Демидовым водяной косной фабрики. Акинфий и выступавший его компаньоном зять Ф.П. Володимиров пустили ее в сентябре 1735 г. Для ее заведения были выписаны два мастера из Пруссии. Организация и налаживание производства потребовали значительных усилий, в том числе и в связи с необходимостью адаптации к российской традиции “необыкновенного фасона” кос, делавшихся первоначально по немецкому образцу. По словам Демидова, косной фабрики “и поныне (конец 1736–начало 1737 г. – *И. Ю.*) ни у кого в России не имеется” [204, с. 82].

Еще одна технология, освоенная на заводах при А.Н. Демидове, а после утраченная – способ изготовления изделий из “горно-

го льна” (асбеста). Об открытии его месторождения на р. Тагил уже упоминалось. Именно оно открывает историю асбестовой промышленности в России [207, с. 66]. Академик В. М. Севергин по поводу начала изготовления асбестовой пряжи и изделий из нее (полотна, колпаков, перчаток, мешков, бумаги) писал (1821), что она “делаема была тщанием статского советника Демидова” [229, с. 223]. Обратим внимание, что здесь сообщается не об открытии, а именно об освоении технологии. Хотя источники, на которые опирается автор, в данном случае не ясны, утверждение представляется вполне правдоподобным: скорее всего именно Акинфий, проводивший большую часть времени на заводах, а не его отец, и занимался организацией соответствующих технологических экспериментов.

Севергин так описывает использовавшуюся в Невьянске технологию производства: “Колотили зрелый асбест, а сажущуюся муку отделяли через промывание, в коем случае оный оставался в виде тонких нитеобразных, мягких охлопков... Для прядения асбеста смешивали его с тонким льном, а при прядении на прялке, так как и при вязании и ткании, употреблялось много масла. Когда же таковые изделия через каление освобождены были от масла и льна, то имели большую гибкость; и можно было их мыть и гладить, а от грязи очищать посредством каления” [229, с. 223].

П.С. Паллас, посетивший в 1770 г. уральские заводы Демидовых, сообщает, что обнаружил в Невьянске старуху, которая “умела ткать несгораемой холст и перчатки и делать бумагу из каменного шелку” [54, с. 239]. Кратко сообщив о применявшемся ею способе (в общем, сходном с описанным Севергиным), он замечает: “но как сие полезно для одного токмо любопытства, то Демидовы наследники работу сию прекратили, и едва одно оной хранится воспоминание” [54, с. 240]. В последней фразе внимание привлекают два момента. Первый – это содержащаяся в ней косвенная характеристика Акинфия: он занимается не только реально полезным, но и тем, что “полезно для одного токмо любопытства”. Эта черта хорошо согласуется с другой его характеристикой, данной Палласом: он назвал его “охотником к испытаниям”. Заметим, что Паллас с Акинфием лично знаком не был – тем более ценны эти свидетельства, отражающие образ заводовладельца, оставшийся в памяти современников и потомков. Вторым моментом касается детей Акинфия, которые, по мнению Палласа, научно-техническим любопытством не отличались. Здесь требуется сужающее их круг уточнение. Сказанное следует отнести прежде всего к Прокофию Акинфиевичу, который после раздела с братьями как раз и стал владельцем Невьянского завода.

Его рано проявившееся нелюбопытство к технической сфере со временем прогрессировало – нет сомнения, что именно оно сыграло немалую роль в решении Прокофия продать заводы, расставшись с тем, что было так дорого его отцу и деду.

Скажем теперь несколько слов о естественнонаучном и техническом разделах библиотеки А.Н. Демидова, судить о которой стало возможно благодаря новейшему исследованию Е.П. Пироговой о библиотеках Демидовых.

Книжное собрание Акинфия Никитича не сохранилось – его состав реконструируется из ведомостей, связанных с разделом его наследства. В библиотеке Акинфия Никитича присутствовали книги (печатные и рукописные на русском и немецком языках) по экономике (“Экономия Флоринова”), географии (“География”, несколько атласов, “Предисловие о восхождении рек”), мореплаванию (“Описание морских признаков”), кораблестроению (“О строении корабельном”) [207а, с. 11–17], а также несколько учебных руководств: “к рисовальному художеству”, “к познанию машин” (Г.В. Крафта), “к арифметике” (Л. Эйлера и еще одно, возможно Л. Магницкого), “Атлас к пользе юношества” и др.

В его библиотеке имелись книги и по горным наукам, в частности, “Описание собранных покойным саксонским берг-советником Гениелем (несомненно, Генкелем. – *И. Ю.*) рудных металлов и минералов” и книга “О пробирной науке”. По поводу сочинений Генкеля известный минеролог и геолог А.-Г. Вернер (1749–1817) писал, что в свое время они “читались со всеобщим одобрением, чрезвычайно широко использовались” (цит. по [191, с. 325]). Известен русский перевод одной из написанных Генкелем книг (“Руководство к химическому рудословию”), появившийся в 1775 г. (там же) – как видим, и через три десятилетия после смерти автора его труды сохраняли научное и образовательное значение. К сожалению, из описания Е.П. Пироговой не ясен язык находившейся в библиотеке А.Н. Демидова книги Генкеля. Тот факт, что она была рукописной, позволяет подозревать, что это был перевод. Если это так, то он минимум на три десятилетия старше отмеченного выше.

Впрочем, в данном случае время создания экземпляра, находившегося у Демидова, может быть установлено с большой точностью. В приведенном названии Генкель назван “покойным” – следовательно, экземпляр книги, принадлежавший А. Н. Демидову, был создан не ранее года смерти ученого (1744). С другой стороны, книга принадлежала А.Н. Демидову (в противном случае

она не попала бы в списки подлежащего разделу имущества, по которым и реконструируется библиотека), из чего заключаем, что она попала к нему до смерти владельца в августе 1745 г. Период (1744–август 1745 г.) и определяет временные границы создания рукописной книги, находившейся в библиотеке Акинфия Никитича.

Но каким именно из генкелевских сочинений он обладал? Приведенное название, если это был перевод, могло существенно отличаться от авторского. Под ним мог скрываться “Минералогический лексикон”, издать который автор предлагал саксонскому правительству еще в 1726 г. [191, с. 320]. Но сведений о реализации этого замысла у нас нет. Второй претендент на отождествление с демидовской рукописью – курс лекций по минералогии и металлургической химии, изданный под названием “Генкель, восставший в минералогии”. (Необычность заглавия объясняется отчасти тем, что это было посмертное издание [191, с. 322].) Не исключено, что в библиотеке А.Н. Демидова находилась оригинальная копия или ранний (предшествующий изданию!) перевод лекций выдающегося немецкого минералога¹⁵.

Еще одно название из описей библиотеки А.Н. Демидова – сочинение Г.В. Крафта “Краткое руководство к познанию простых и сложных машин” (у Е.П. Пироговой – без первого слова). Как и упоминаемые в ведомостях “разным чертежам немецких две книги” и книга, “а в ней разные заводские чертежи” [207а, с. 16, 17], она свидетельствует о профессиональных интересах Акинфия Никитича и в какой-то степени об уровне его подготовки, достаточном для чтения подобной литературы. Но примечательна она еще и тем, что позволяет высказать осторожное предположение о том, каким путем эта книга попала к ее владельцу. Профессор физики Петербургской Академии наук Георг Вольфганг Крафт (1701–1754) преподавал в академической гимназии, для учеников которой и предназначалась данная книга, – изложение в форме вопросов и ответов элементарной теории машин, описание достижений механики [244а, с. 712]. Среди окружения Акинфия Никитича удастся обнаружить лицо из этого круга. Учеником академической гимназии был Иван Сердюков, сын знаменитого гидротехника, строителя Вышневолоцкой водной системы М.И. Сердюкова и зять А.Н. Демидова. На дочери заводчика Сердюков женился между октябрём 1741 г. и мартом 1743 г. [266, с. 197]. А 1744 годом датируется любопытный факт, свидетельствующий, что связи с Тулой, возникшие у него (нетуляка) благодаря этому браку, укрепились: вместе с прихожанами здешней Николо-Зарецкой (демидовской) церкви он в качестве ее вкладчика подписывает прошение архиерею [13б, л. 2].

Есть очень интересное упоминание о заказе И. М. Сердюковым в инструментальной мастерской Академии наук водоподъемной машины, описанной в подготовленном тем же Крафтом реферативном сочинении “Краткое описание разных машин...”, переведенном на русский язык И.А. Толмачевым и М.В. Ломоносовым и в 1739 и 1742 годах опубликованном в научно-популярном журнале “Примечания к Ведомостям”. Исполнить заказ было поручено руководителю мастерской А.К. Нартову [244а, с. 728, 729]. Данный факт свидетельствует, во-первых, что Сердюков-младший читал выпускавшиеся Академией сочинения по машиноведению, во-вторых, что он обладал материальными возможностями, достаточными, чтобы заказывать изготовление заинтересовавших его машин в академической мастерской. Мог заказать машину – тем более мог покупать издававшиеся Академией книги.

Так, через Ивана Сердюкова, “Краткое руководство” Крафта, скорее всего, и попало в библиотеку А. Н. Демидова.

Кем же предстает перед нами Акинфий Демидов в свете приведенных здесь фактов?

Во-первых, металлургом-практиком, прекрасно знакомым с техникой и технологией всех соответствующих производств. Источник этих знаний – Тульская оружейная слобода и металлургические заводы Центрального металлургического района, знания мастеров-иностранцев, работавших на его заводах, и, возможно, личное знакомство с работой иностранных заводов аналогичного профиля.

Во-вторых, Акинфий – эмпирик-экспериментатор. Прежде всего, разумеется, в сфере металлургических и связанных с ними технологий. Но по той же причине, применительно к геологоразведочным работам он оказывается прямо причастным еще и к науке.

Другая ниточка, связывающая Демидова с наукой, – собирание научных коллекций. У него это занятие носит еще ограниченный и сугубо утилитарный характер, еще не превратилось в страсть. Но эта деятельность – одно из направлений, на котором связь с наукой у Демидовых следующих поколений существенно окрепнет.

¹ Нам автографы Н.Д. Демидова неизвестны – напротив, имеются документы, подписанные по его просьбе другими лицами (см., например, [1, л. 212]). О неграмотности говорят и упоминания о его “словесных” (т. е. устных) челобитных [144, с. 90; 238, с. 10]. Что он был “грамоте не учен”, упоминает хо-

рошо его знавший В.Н. Татищев [242, с. 56]. Наконец, в изложении Геннина сохранилось признание самого Демидова: “я де писать не могу и как писать, не знаю” (цит. по [275, с. 112]).

Из этого ряда идеально согласующихся между собой фактов выпадает, однако, известие Г.И. Спасского о существовании документа, якобы подписанного Н.Д. Демидовым: найденной “в Нижнетагильском заводе ... собственноручной записки, ... писанной из Тулы к одному из его прикащиков, которая между прочим доказывает, — полагает историк, — что Никита Демидович не был безграмотен, как заключали о сем из подписи вместо его другого лица в слушании указа” [238, с. 37].

Заметим, что из приведенной фразы не следует, что Спасский видел эту записку лично, и неясно, как бы он оценил подлинность предполагаемого автографа при непосредственном с ним знакомстве. Полагаем, что этот неизвестный современным историкам документ никак не перетягивает веса множества других известных источников, свидетельствующих о противоположном.

- ² Это доказывают многочисленные сохранившиеся автографы Акинфия, в частности, его письма. А.С. Черкасова обращает внимание на грамматические ошибки в текстах, написанных его рукой, из чего заключает, что чтению и письму он обучался, “по-видимому, лишь в раннем детстве” [107, с. 12]. Не отвергая этого вывода по сути, заметим, что предвзвешенно от ошибок желательно было бы отсечь присущую эпохе недостаточную определенность грамматической нормы.
- ³ По одним данным 2000 руб., по другим — в три раза больше [275, с. 131].
- ⁴ К этому списку, возможно, следует добавить Соликамск. Согласно В. Н. Берху (1821), заводчики Михаил Турчанинов и Акинфий Демидов, “обладая оба великими капиталами и отличным вкусом, украсили ... его (Соликамск. — И. Ю.) многими великолепными зданиями” (цит. по [155, с. 52]).
- ⁵ Принимаем дату Б.Б. Кафенгауза [144, с. 236]. В литературе чаще приводится более ранняя — 5 августа [256, с. 28; 157, с. 7; 220, с. 61], воспроизводимая обычно со ссылкой на К.Д. Головщикова [109, с. 86]. Заметим, кстати, что, согласно ему, смерть застала А.Н., когда он направлялся в Сибирь из Петербурга. А.С. Черкасова, ссылаясь на эту работу Головщикова, пунктом отправления называет, однако, Москву [256, с. 28]. В популярной литературе в том же качестве называются и другие места, в частности, Тула [220, с. 61, 62].
- ⁶ О судьбе его погребения см. в работах автора [268, с. 38–46; 273].
- ⁷ Екатерина II в письме к Ф. М. Гримму от 18 сентября 1790 г. сообщала, что естественнонаучное собрание, входящее в состав Эрмитажа, занимало в это время “две большие залы” [171, с. 109].
- ⁸ Демидовы, вывезя в Россию одну из лучших для своего времени минералогических коллекций Германии, позднее сами делились горными редкостями своих рудников. Так, в 1826 г. кем-то из Демидовых (Николаем Никитичем?) в дар одному из германских собраний был поднесен кусок золота, найденный в районе Нижнего Тагила [282а, S. 194].
- ⁹ По сведениям С.П. Шевырева, позднее это собрание поступило в ведение профессора минералогии И.Х. Керштенса, а от него в 1770 г. было передано профессору М.И. Афонину [260, с. 51].
- ¹⁰ В путеводителе [194], на который дана ссылка — “его Сибирских”. Исправляем по тексту, отчетливо читаемому на фотографии, воспроизведенной на той же странице этого издания. Дату исправляем по публикации той же надписи в [198, с. 69].
- ¹¹ Предмет надежно отождествляется с упомянутым в путеводителе по Нижнетагильскому горнозаводскому музею 1906 г. [194, с. 18].

- ¹² П.А. Словцов, ссылаясь на свидетельство Гмелина, сообщает, будто в Красноярске “могильное золото” прежде было “в таком изобилии, что можно было покупать золотник по полтине” [232, с. 194].
- ¹³ Из новейших публикаций сошлемся, например, на работу Е.П. Пироговой [207а, с. 9]. Но с данной точкой зрения (доминирующей) сосуществуют другие. Например, у Т.М. Трошиной дарителем “коллекции скифских золотых зверей” выступает не Акинфий, а его отец, адресатом же дарения – не Екатерина, а сам Петр I [242а, с. 159, 160].
- ¹⁴ Возможно, на упоминание именно о нем наткнулась М.П. Завитухина в указе М.П. Гагарина тюменскому коменданту от 5 июля 1717 г. [127, с. 51].
- ¹⁵ Заметим, что не исключено (и даже, на наш взгляд, очень вероятно), что под приведенным выше названием скрывалось описание (каталог) минералогической коллекции Генкеля – той самой, которая была приобретена Акинфием и привезена им в Россию. Но и вероятности присутствия в его библиотеке оригинального научного сочинения Генкеля отрицать также нельзя.

Демидовы в Берг-коллегии

(Никита Никитич Демидов, ?–1758)

Начало карьеры. – Берг-коллегия. – Промышленник и цегентнер в одном лице. – Конфликты с мелкими производителями. – Борьба против владельцев ручных заводов – борьба за передовые металлургические технологии. – Пользовался ли Демидов служебным положением в личных интересах? Конфликт с алексинской таможней. – Н.Н. Демидов после Берг-коллегии. – Другие Демидовы на службе в Горном ведомстве.

Никита Никитич Демидов, младший сын основателя промышленной династии и брат Акинфия – фигура, стоящая несколько в стороне от включенных в книгу представителей этой фамилии. Подобно старшему брату и он – прекрасный специалист-практик. Мы, однако, не наблюдаем у него тех щедро представленных у Акинфия качеств, которые “стучатся” в науку и инженерию. Еще дальше он от следующих поколений рода, связи которых с историей техники, науки, с научным образованием тесны и разнообразны. Возможно, его образ искажен из-за того, что в научный оборот не введены соответствующие источники. Но не исключено, что наличная источниковая база характеризует положение вполне объективно.

И все же пройти мимо Н.Н. Демидова никак невозможно. Мощная энергетика, заимствованная им у отца и роднящая его с Акинфием, общность среды, в которой формировалась система ценностей, приоритетов, мотиваций, – все это, взятое в совокупности, просто не могло породить совсем другого человека. Вместе с тем он подчас использует сценарии социальной реализации, мимо которых по разным причинам прошел его брат. Он интересен, в частности, выраженной связью с государственными формами организации и управления промышленностью. Акинфий, напомним, лицо частное до мозга костей. Его младший брат – нет.

Жизнеописание Никиты Никитича как письменного текста не существует – его фигура особого внимания биографов не привлекала. Почти все, что о нем в этом плане написано – побочный продукт исследований, посвященных истории промышленности. Показательны слова крупнейшего специалиста в генеалогии Де-

мидовых Е.И. Красновой, в одной из новейших, 2000 года, публикаций отозвавшейся о нем как о человеке, “о котором почему-то мало кто знает” [159, с. 57].

Никита Никитич родился не позднее 1696 г., полагаем, в конце 1680-х–первой половине 1690-х годов. Сведений о его детстве и юности нет никаких. В 1711 г. (раздельная запись от 23 марта) Никита был выделен отцом из своего хозяйства с передачей ему в собственность тульского двора в Оружейной слободе на берегу реки Упы, нескольких лавок поблизости от него и в городских торговых рядах и Перевинских (или Перевидских) винных заводов [14, л. 1–2].

Несмотря на отсутствие поддержки со стороны отца, Никита решил посвятить себя, как и он, промышленному предпринимательству. В 1716 или 1717 г. он за 1000 руб. купил у отца и брата Григория Дугненский (Верхний) доменный и молотовый завод на р. Дугне в Алексинском уезде. Поскольку завод находился в нерабочем состоянии, Никита отстроил его заново (с переносом вниз по реке) и пустил в феврале 1718 г. Через год, однако, из-за повреждения плотины, завод остановился. Лишь в январе 1720 г. домна была задута вновь.

Дугненский (Дугненский Нижний) завод целое десятилетие (до пуска в 1728 г. Брынского молотового на р. Брыне в Мещовском уезде) оставался единственным заводом Никиты Никитича, и именно на нем он сформировался как самостоятельный промышленник. Завод расширился: хозяин построил вторую домну, получил разрешение строить третью [4, л. 9 об.]. В 1720-х годах на заводе выпускали железо различных сортов (полосное, дощатое, брусчатое, связное) и изделия бытового назначения, преимущественно, чугунное литье. Торговыми партнерами, закупавшими продукцию, были купцы из Москвы, Петербурга, Тулы, других городов России. Изделия направлялись в Москву, Смоленск, Бахмут, Астрахань, Петербург, Великие Луки и др. города.

Далеко не всегда оставаясь покорным сыном, Никита был прилежным учеником своего отца. Немалые усилия прилагал он, чтобы вслед за ним проторить дорогу на Урал. В 1720 г. отец даже подал властям челобитную, в которой, трактуя действия младших сыновей как направленные против него происки, просил остановить их, в противном случае пугал ослушников отцовским проклятием [221, с. 293, 294]. Хотя в документе говорилось о двух сыновьях, конкретные обвинения предъявлялись только младшему. Закрепиться на Урале Никите Никитичу удалось лишь в начале 30-х годов, уже после смерти отца.

К этому времени Н.Н. Демидов был женат (вступив в брак не позднее 1707 г.) на представительнице тульского купеческого ро-

да Постуховых Анастасии Герасимовне, сестре Антипа и Терентия Постуховых [266, с. 175]. Последние принадлежали к одному из двух крупнейших для 40-х годов XVIII в. тульских торгово-промышленных домов, ведших русско-восточную торговлю [276, с. 15].

Обратимся теперь к Берг-коллегии, учреждению, контакты с которым Н.Н. Демидова в первую очередь нам и интересны.

Берг-коллегия – центральное учреждение, созданное на основе Берг-привилегии – законодательного акта (опубл. 10 декабря 1719 г.), определившего основные правила ведения частными лицами всех основных видов горнозаводской деятельности – от поиска руд до строительства и эксплуатации горно-металлургических заводов [209, т. 5, № 3464].

При создании коллегий ответственным за горное ведомство был назначен Я.В. Брюс, поставленный одновременно во главе нескольких других учреждений. Это обстоятельство явилось одной из причин того, что на начальном этапе Берг-коллегии как самостоятельного учреждения не существовало: она была образована как составная часть объединенной Берг- и Мануфактур-коллегии, разделенной лишь в начале 1722 г. [75, с. 134]. После ухода Брюса в отставку летом 1726 г. [2] Берг-коллегию возглавил А.К. Зыбин. Деятельность коллегии была прервана через пять лет, когда по указу от 2 октября 1731 г. ее, а также Мануфактур-контору, влили в Коммерц-коллегию, образовав в составе последней особую, 2-ую, Горную и минеральную экспедицию [209, т. 8, № 5860]. Президентом объединенного учреждения стал А.Л. Нарышкин, вице-президентом И.И. Исаев. В 1733 г. их сменили барон П.П. Шафиров (в качестве президента) и кн. И.А. Щербатов (вице-президента). Горной экспедицией руководил в эти годы бывший президент Берг-коллегии А.К. Зыбин [151, с. 54]. В 1736 г. для управления горным делом было создано новое учреждение – Генерал-берг-директориум (директор А.-К. фон Шемберг), после ликвидации которого, согласно высочайше утвержденному докладу Сената от 7 апреля 1742 г., была восстановлена Берг-коллегия, существовавшая вплоть до 1784 г.

Берг-коллегия находилась в Петербурге, исключая 1728–1731, 1742–1760 и 1767–1768 годы, когда пребывала в Москве [79, т. 1, с. 46]. Подобно другим коллегиям, она включала присутствие, канцелярию и внеканцелярских служителей (унтер-офицеров, нижние чины). Коллегия имела местные органы: Московский обер-берг-амт (с 1736 г. – Московская берг-контора), Си-

бирский обер-берг-амт¹, Пермский и Казанский берг-амты, Петербургскую и Архангелогородскую берг-конторы, Томское горное начальство, канцелярию Олонецких заводов и др. [205, с. 137, 138].

Работа в Берг-коллегии требовала основательных профессиональных знаний, в том числе знаний технических. В первую очередь это касалось ее “верхнего этажа” – членов присутствия. Ими обладали первые президенты коллегии Я.В. Брюс (1717–1726) и А.К. Зыбин (1726–1731), тем более должны были обладать советники, ассессоры, горные чины. На практике, конечно, картина отличалась от идеальной – больше того, комплектование квалифицированными кадрами, как правило, оставалось проблемой достаточно острой². Учреждение постоянно ощущало нехватку специалистов – состоявшие в штате были перегружены, что отражалось на качестве работы.

Обращение к практикам, не имевшим чинов и дипломов, но достигнутыми успехами доказавшим профессиональную пригодность, в условиях кадрового дефицита было естественным и практиковалось в разных ведомствах. Показательна в этом плане практика привлечения специалистов в состав Коммерц-коллегии (Я.М. Евреинов, И.И. Исаев) и, особенно, Главного магистрата, в присутствие которого были включены представители российского и иностранного купечества [151, с. 59–60, 122–124].

Для Берг-коллегии Демидовы были фигурами во многих отношениях притягательными. Прецедент их использования на государственной службе был заложен пожалованием в 1709 г.³ чина комиссара основателю династии. Первые Демидовы, похоже, этим гордились: на надгробной плите Никиты не только упомянуто, что такой чин был ему пожалован, но и подробно объяснено за какие заслуги: “за знатную его службу, за неусыпный его труд в произведении как железных и медных, так к пользе всему нашему российскому государству многих воинских и прочих припасов и кованного железа” [74а, с. 125, 126]. В.Н. Татищев в указах 1721 г. Н.Д. и А.Н. Демидовым называет комиссаром также Акинфия, а в одном из доношений (от 17 июня этого года) последний так именует себя и сам [64, с. 184, 186]. Какие обязанности этот чин фактически на него налагал, нам неизвестно.

Задача обеспечения квалифицированными специалистами центральных учреждений, образованных в процессе реформы их системы, ставила кадровый вопрос с особой остротой. Тем не менее Демидовых второго поколения в штате государственных учреждений не встречаем вплоть до смерти Никиты Демидова. И это, в общем, понятно. Занятый производственной “текучкой”, Акинфий, как уже говорилось, при отце оставался несколько в

тени – тот, выступая в роли комиссара, “оттягивал” соответствующие претензии казны на себя. Если отдавать Акинфия Берг-коллегии отцу было жалко, то Никита из-за напряженности их отношений с отцом [266, с. 77, 78, 91, 92] становился для него в качестве служащего этого учреждения опасен. Нельзя исключить, что Никита Никитич пытался “устроиться” в Берг-коллегию еще при жизни родителя. Но столь же вероятно, что Демидов-старший предпринял все необходимые шаги, чтобы этого не допустить.

Нам известны несколько Демидовых, являвшихся служащими Берг-коллегии. Никита Никитич, кажется, первый из них, и вообще первый из Демидовых в штате госучреждения. Учитывая пионерский (для Демидовых) характер этого факта, представляется необходимым уточнить его хронологические рамки.

Одной из важных задач, возложенных на Берг-коллегию, являлось взимание с частных металлзаводов десятины – особого налога, исчислявшегося из объема произведенного металла. Первоначально (в 1718–1720 гг.) его сбор был поручен воеводам – Сенат и новорожденная Берг-коллегия лишь напоминали им об этом. Такая система оказалась неэффективной, в связи с чем Берг-коллегия начала формирование собственных органов на местах [205, с. 136]. 14 февраля 1722 г. был создан Московский обер-берг-амт. В инструкции ему от 8 февраля именно в его обязанности был включен и сбор десятинного налога на территории Московской губернии [205, с. 138].

23 декабря 1723 г. Берг-коллегия предложила своему московскому отделению для сбора налога и штрафов (за задержки) послать по заводам особого подьячего с солдатами. А некоторое время спустя – поручила сбор десятины Н.Н. Демидову, передав подьячего с солдатами непосредственно в его распоряжение [205, с. 138, 139].

Вскоре – но когда именно? У Н.И. Павленко по этому поводу сказано буквально следующее: «Не успел обер-берг-амт сообщить, что указанная экспедиция (подьячий с солдатами. – *И. Ю.*) отправлена,.. как из Петербурга было получено новое предписание: “возложить обязанности сборщика десятины на Никиту Демидова”» [205, с. 138–139]. Использование оборота “не успел,.. как...” уместно, если подразумевается, что посылку подьячего и назначение Демидова разделяло сравнительно небольшое время: дни, максимум месяцы. Проверить это предположение по источнику, однако, затруднительно: автор не дает на него ссылку. Картину запутывает упоминание о сенатском указе, по которому

обязанность сбора десятины была переложена на Камер-коллегию; отмененный уже в 1725 г., он действовал около года [205, с. 410]. Возникает вопрос: если Демидова назначили сборщиком до указа, то что в его положении изменилось после его (указа) появления? А если после (т.е. не раньше 1725 г.), то как понимать цитированную выше фразу? Не снимает вопросов и упоминание Павленко границ интервала (1726–1734), соответствующего пребыванию Демидова у десятинного сбора [205, с. 470]. Первая дата с формулой “не успел,.. как...” уже совсем не согласуется – остается выяснить, то ли приведенная дата не верна, то ли оборот неудачен.

Свет на отношения Н.Н. Демидова с Берг-коллегией в 1724 году проливают материалы архива Тульской провинциальной канцелярии об уплате налога с принадлежавшего ему Дугненского завода. Остановимся на некоторых подробностях этой истории.

Указом Берг-коллегии Московскому обер-берг-амту от 11 июня 1724 г. было предписано взять с Н.Н. Демидова за 1723 год 159 руб. 51 коп. Для его сыска трижды посылались солдаты, которые в Москве ни его самого, ни приказчиков не нашли. На московском дворе его отца им наконец сообщили, что Никита Никитич “обретается в Туле” [3, л. 1]. Указом Московского обер-берг-амта тульскому воеводе А.Н. Головкину от 10 сентября 1724 г. было предписано его отыскать и немедленно выслать для платежа десятины в Москву [3, л. 1–1 об.].

19 сентября указ прибыл в Тулу, и через неделю в казенную слободу отправился солдат, посланный из провинциальной канцелярии с поручением привести в нее Демидова. Тот, прочитав наказную память, идти за солдатом отказался, заявив, что придет для ответа в канцелярию сам [3, л. 3–3 об.]. Обещания он, судя по всему, не исполнил: во всяком случае, ни Демидова, ни рапорта об исполнении поручения Московский обер-берг-амт из Тулы не получил. 4 октября тульскому воеводе был направлен повторный указ о высылке Демидова в Москву [3, л. 4, 4об.]. Почти одновременно “туленин железных воденых заводов управитель Никита Никитин сын Демидов” явился в Тульскую провинциальную канцелярию. Платить налог он не отказывался. Но ссылаясь на некий (без указания даты) “состоявшийся в Сенате и присланный в Тулу ис Камор-коллегии” указ, согласно которому десятину в денежном выражении надлежало платить “во всех губерниях и правинциях в городех камериром и камисаром” [3, л. 6], просил освободить его от поездки в Москву и разрешить уплатить начисленную сумму в Туле, в камерирской конторе [3, л. 6 об.].

Автограф Н.Н. Демидова под данным им 23 ноября 1724 г. в Тульской
 провинциальной канцелярии обязательством своевременно вносить
 в Московский обер-берг-амт налог за принадлежащий ему
 Дугненский завод. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 847. Л. 22 об.

Автограф Н.Н. Демидова под данным им 23 ноября 1724 г. в Тульской
 провинциальной канцелярии обязательством своевременно вносить
 в Московский обер-берг-амт налог за принадлежащий ему
 Дугненский завод. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 847. Л. 22 об.

Тем временем (15 октября) в Тулу прибыл указ Московского
 обер-берг-амта с повторным требованием о присылке Демидова.
 Из провинциальной канцелярии около 10 ноября (не позднее) от-
 правили на демидовский двор солдата Ивана Вешникова с зада-
 нием привести в канцелярию либо хозяина либо двух человек его
 людей. Прочитав посланную с солдатом наказную память, Демидов
 решительно заявил, что в Москву для платежа не поедет, а
 “денги с того заводу готов платить в Тульской правинской канце-
 лярии”. Но в канцелярию все же не пошел, обещав быть позднее.
 Людей якобы за отсутствием их на месте не дал [3, л. 13–13 об.].

Чуть раньше, а именно 4 ноября, из Московского обер-берг-
 амта в Тулу был послан третий указ (поступил 10-го) – на этот
 раз с солдатом Петром Шмаровым, которому предписывалось,
 приняв Демидова в провинциальной канцелярии, препроводить
 его в Москву [3, л. 15а]⁴. 12 ноября на двор Демидова был послан
 третий нарочный – урядник Наум Опасов (Апасов). На этот раз
 Никиту в доме он не застал – во всяком случае к посланному тот
 не вышел. Наказная память была объявлена его жене Настасье,
 которая обещала, что муж явится в канцелярию 14 ноября [3,
 л. 18, 18 об.]. В обещанный срок Никита, похоже, опять не явил-
 ся, и не позднее 18 ноября за ним было послано в четвертый раз.

Представителя провинциальной канцелярии на этот раз сопровождал солдат, прибывший из Москвы. Неплательщика опять не нашли, но взяли в “заложники” его человека Макара Андреева [3, л. 19]. За Демидовым решено было послать на заводы.

Пятой экспедиции не потребовалось. Никита Никитич наконец объявился – во всяком случае около 20 ноября (не позднее) в провинциальную канцелярию от него поступила челобитная. Ничего нового в ней не содержалось: присутствовала все та же ссылка на сенатский указ о платеже десятины камерирам и комиссарам (уточнено: “те денги отдавать в рентерии, как и другие сборы”), та же просьба позволить платить их в Туле, в камерирской конторе, освободив от поездки в Москву [3, л. 20, 20 об.].

О решении, принятом воеводой Афанасием Головкиным, узнаем из его пометы на челобитной Демидова. Он пошел навстречу просителю: распорядился “до получения по оным указа означенные денги у оного заводчика Демидова принять х камерирству”. Любопытно, что при платеже, состоявшемся 23 ноября, Демидов подчеркнул свое законопослушание: заявил, что если впредь ему будет повелено с платежом ездить в обер-берг-амт, “то де он, Демидов, с плотезем поедет без всякого умедления и отлагательства” [3, л. 21, 21 об.].

25 ноября в провинциальной канцелярии была подготовлена отписка для Московского обер-берг-амта, на другой день вместо Демидова и врученная возвращавшемуся в столицу солдату [3, л. 24, 24 об.]. На этом эпизод, а вместе с ним архивное дело заканчиваются.

Итак, сначала обер-берг-амт целое лето усиленно разыскивает Демидова в Москве с целью заставить платить налог. Не находит и переносит поиск в Тулу, для чего настойчиво посылает сюда указ за указом. Демидов в это время предпринимает решительные усилия, чтобы избежать встречи с берг-амтом, и избегает ее, несмотря на то, что в Туле за ним посылают четыре раза (что вместе с посылками по московским адресам составляет уже 7). Демидов вроде бы и не отказывается платить – но только не в структуру Берг-коллегии.

Из сказанного следует очевидный вывод: Н.Н. Демидов в это время (июнь – декабрь 1724 г.) не только не является сборщиком металлургической десятины, но вообще не имеет с Берг-коллегией отношений – помимо, разумеется, обычных для заводчика и учреждения, которое “ведает” принадлежащее ему предприятие. В противном случае изложенные события приобретают совершенно нелогичный и труднообъяснимый характер.

Обратим, кстати, внимание на упомянутый Демидовым сенатский указ о сдаче десятинных денег камерирам и комиссарам

(по-видимому, тот самый, о котором в связи с передачей сбора десятины в Камер-коллегию говорил Н.И. Павленко). Как видим, несмотря на это распоряжение, Берг-коллегия по-прежнему пыталась собирать ее сама. Но делала это, судя по всему, на данном этапе без участия Демидова.

Итак, Никита Никитич Демидов вплоть до конца 1724 года был еще очень далек от Берг-коллегии. Сближение их уместно отнести ко времени не раньше 1725 года, когда сбор десятинных денег снова безраздельно вернулся в сферу компетенции этого ведомства, и ему нужно было искать эффективные способы решения этой задачи.

В нашем распоряжении нет указа о приеме Н.Н. Демидова на службу в Берг-коллегию. Точную его дату обнаруживаем в другом распоряжении Берг-коллегии – тульскому воеводе Михаилу Шепелеву от 4 февраля 1729 г. В нем названа и дата и главная цель привлечения заводчика: “а в прошлом 726 году февраля 23 дня по определению Берг-коллегии велено помянутому дворянину Демидову быть в Туле у десятинного с кампанейских заводов збора яко цегентнеру и показать в том Его императорскому величеству верную службу” [5, л. 12]. Эта дата хорошо согласуется и с вышеприведенными умозаключениями, и с документами о службе Демидова на этом посту. Так, из его доношения в Тульскую провинциальную канцелярию от 9 июня 1726 г. с очевидностью следует, что сбор десятинных денег с казенных кузнецов в то время им начат еще не был. Это вполне понятно: указы Московского обер-берг-амта и Берг-коллегии, на которые он ссылается для обоснования своего намерения этим заняться, были получены первый 24 мая, второй 6 июня того же 1726 г. [9, л. 1]⁵.

Что же подтолкнуло Берг-коллегию обратиться к услугам Демидова? Главную роль, считает Н.И. Павленко, сыграла надежда выяснить с его помощью реальное положение дел в неподдававшейся полноценному контролю частной металлопромышленности. Хотя Берг-коллегия и знала о многочисленных искажениях заводчиками предоставлявшейся ими отчетной статистики (она собиралась для исчисления суммы обложения), у нее, по мнению Павленко, “не было других путей исправить дело, кроме назначения своим агентом одного из промышленников” [205, с. 139]. Полагаем, однако, что перед нами пример бессознательной попытки представить действительное разумным. Наверное, не все прочие способы решения проблемы были исчерпаны. Например, можно было продолжать терзать воевод – ведь собирали же они прочие налоги, привыкли бы и к этому. Да и считать

эксперимент с привлечением в аппарат одного из заводоладельцев в полной мере оправдавшим себя, как мы убедимся, не приходится.

Но логика в таком обращении несомненно была: Никита Никитич Демидов являлся человеком, который, во-первых, прекрасно знал техническую сторону производства, во-вторых, на практике знал его экономику, наконец, в-третьих, без сомнения был лично знаком с подавляющим большинством промышленников (всех уровней), которые интересовали Берг-коллегию, знал историю и состав принадлежавших им промышленных хозяйств. Что это было именно так, говорит, в частности, избрание его в качестве “первого и старшего” в годовую службу на 1722 год в группе из семи оружейников “для отправления во Оружейной слободе мирских людей собъственных дел, и между ими всякого щету, для выбору в надзиратели, в целовальники и в ыную службу ко оружейным и протчим государевым делам” [10, л. 22–22 об.].

Должность обер-цегентнера (сборщика налога) присутствовала уже в разработанном Берг-коллегией предварительном штате Московского обер-берг-амта. Но Демидов, скорее всего, занял штатную должность не сразу – с Берг-коллегией он сотрудничал первоначально “на общественных началах”. Во всяком случае, именно так может быть истолкован тот факт, что в указе Берг-коллегии от 4 февраля 1729 г. он упомянут без указания чина – лишь “определенным в Туле у десятинного збора дворянином” [5, л. 11]. С этой формулой вполне согласуется сообщение Н.И. Павленко о том, что за успешную работу коллегия пожаловала Демидова горным чином цегентнера лишь в 1729 г. [205, с. 139].

Архив Московского обер-берг-амта утрачен: сгорел в мае 1737 года [205, с. 137]. Но определенная информация об Н.Н. Демидове периода его сотрудничества с Берг-коллегией может быть извлечена из фондов других учреждений, прежде всего самой Берг-коллегии. Интересный материал обнаруживается и в документах учреждений местных, в частности, Тульских провинциальной канцелярии и оружейной конторы. За немногочисленными исключениями в них нет развернутых сюжетов с интересующим нас героем в качестве действующего лица – чаще он только упоминается. Но упоминания достаточно информативны.

Итак, что же представлял собой Н.Н. Демидов как промышленник в “берг-коллежский” период его биографии?

У его брата Акинфия в год смерти отца (1725) было 7 заводов (один в Туле и шесть на Урале). У Никиты Никитича – только один, Дугненский, купленный, как уже говорилось, в 1717 г., пе-

рестроенный и пущенный в 1718 г. [239, с. 147]. 4 февраля 1726 г. Берг-коллегия дала разрешение на строительство на нем второй домны [204, с. 96]. Ею планы мануфактуриста в отношении Дугненского завода не исчерпывались: в одном документе 1727 г. сказано, что “к прежде заведенным ево заводам на речке Дугне по указу, данному из Берг-коллегии в прошлом 726 году, велено ему построить третью домню” [4, л. 9 об.]. Нам неизвестно, удалось ли реализовать это намерение, но об отведении под копку руды для третьей домны участка в Малиновой засеке Демидов в следующем 1727 г. хлопотал весьма энергично [4, л. 9–9 об.]. В феврале 1726 г. Демидов получил разрешение и на строительство нового передельного завода (на реке Брыне). Последний был пущен около 1728 г. [204, с. 96].

Преодолевая сопротивление сменившего отца старшего брата, Никита Никитич упорно продолжал пробиваться на Урал. Итогом борьбы явился полюбовный раздел записанных ранее за одним Акинфием нескольких перспективных заводских мест. Никите досталось одно – на р. Шайтанке. 9 июля 1730 г. Берг-коллегия дала ему разрешение на строительство здесь завода, начатое в следующем году и законченное пуском домны 1 декабря 1732 г. [204, с. 104]. Так, у Никиты Никитича появился еще один – Шайтанский (или Нижнешайтанский [109, с. 92]) завод⁶.

Добавим к этому, что в 1731 г. Н.Н. Демидов предпринял попытку освоить и медеплавильное производство: приобрел у Тряпицына Давыдовский завод на р. Давыдовке в Казанском уезде. Опыт оказался не слишком удачным: приблизительно через три года завод пришлось остановить [204, с. 105].

Как видим, Н.Н. Демидов в период службы в Берг-коллегии – энергичный, быстро растущий предприниматель, стремящийся сократить разрыв с обогнавшим его братом. Его хозяйство находится в стадии становления, развития; в него, судя по всему, вкладывается и львиная доля прибыли. Возможно, именно об этом свидетельствует следующий любопытный штрих, касающийся упоминаемого в документах тульского (в Оружейной слободе) двора Н.Н. Демидова. Когда посланный к нему осенью 1724 года солдат, не застав Демидова, решил, согласно инструкции, забрать с собой в канцелярию кого-нибудь из его людей, таковых в доме не оказалось: разговаривавшая с посланцем жена заводчика сказала, что кроме единственной дворовой девки в доме никого больше нет [3, л. 18 об.]. Видно, невелики были у Никиты тульские его хоромы, немногочисленна жившая в них дворня, если время от времени они почти совершенно пустели (или, не выходя за границы правдоподобия, можно было утверждать, что они пусты).

По поведению Демидова в ряде эпизодов отчетливо видно, насколько он оторвался от почвы, его породившей – Тульской оружейной слободы. Он живет среди оружейников, но, как мы сейчас увидим, уже не боится пойти наперекор им, выступая проводником изменений, слободе невыгодных, встречаемых ею буквально в штыки. “Демидов, – пишет Павленко, – взялся за дело весьма энергично, организовал в Туле контору десятинного сбора” [205, с. 139]. Ее статус был во всяком случае не ниже статуса Тульской оружейной конторы: заключаем это из того, что десятинная контора с оружейной сносилась не доношениями, а промемориями [11, л. 12].

Отмечая успех действий Демидова в отношении мелких производителей ручного железа Тульско-Каширского металлургического района, Павленко подробно останавливается на трудностях, с которыми тот столкнулся, пытаясь подчинить общим требованиям многочисленных железного дела промышленников Тульской оружейной слободы [205, с. 139, 468–470]. Принадлежа к числу казенных оружейников, они подчинялись артиллерийскому ведомству, в рамках которого использовались иные экономические рычаги регулирования производства: через указные цены на металл и выплату фиксированных заделных денег за изделия. Можно предположить, что обещание принудить металлургов из числа оружейников подчиниться новой системе обложения (через десятину, исчисляемую из объема произведенной продукции) было одним из условий, может быть, предварившего назначение Демидова устного договора его с Берг-коллегией: будущий сотрудник пообещал призвать своевольных земляков к порядку. Во всяком случае, возможность такой договоренности невольно приходит на ум в связи с датой описанного Павленко первого конфликта Демидова с оружейниками. Включавший взятие под стражу одного из братьев Мосоловых (представителей одного из наиболее влиятельных родов в слободе) и последовавшее за этим избивание оружейниками людей Демидова, он произошел 24 февраля 1726 г. [205, с. 469] – буквально на следующий день после назначения Н.Н. Демидову “быть в Туле у десятинного с кампанейских заводов збора яко цегентнеру” [5, л. 12]. И хотя обложить оружейников десятиной, равно как и взять с них торговую пошлину (за продажу железа на рынке) Демидову, несмотря на все усилия, так и не удалось, их сопротивлению уступил не он, а Берг-коллегия, сначала пошедшая на компромисс с Артиллерийской канцелярией, а после просто смирившаяся с существующим положением дел [205, с. 469, 470].

Неудачу в борьбе с владевшими ручными горнами оружейниками Берг-коллегия в вину Демидову не поставила. Напротив,

как уже говорилось, в 1729 г. она даже пожаловала его горным чином [205, с. 139]. Говоря об этом, Павленко отмечает авторитет, который сумел завоевать в коллегии Демидов, и это, по-видимому, соответствует действительности. Показательно, что в ряде случаев, когда у Берг-коллегии возникали вопросы к ведавшей казенными кузнецами Тульской оружейной конторе, коллегия обращалась не к ней непосредственно, а к своему тульскому сборщику налогов, предполагая, что в контору обратится именно он. Так произошло, например, в марте 1729 г., когда Берг-коллегии потребовались сведения о тульском оружейнике мануфактуристе Иване Баташеве и его детях: принадлежат ли они артиллерийскому ведомству, каким мастерством владеют и проч. Соответствующий указ она направила Н.Н. Демидову, а уж он, подписавшись цегентнером, послал промеморию с запросом в Оружейную контору [11, л. 12–13].

Подводя итог деятельности Н.Н. Демидова в Берг-коллегии, мы склонны оценивать ее в целом положительно. Задачи, которые перед ним ставились, в тех случаях, когда это было возможно, Демидовым решались и решались вполне успешно.

Важно подчеркнуть, что в спорах с мелкими производителями Н.Н. Демидов последовательно проводил прогосударственную линию, объективно направленную на перекрытие одного из каналов расхищения природных богатств региона. Чего добивалась Берг-коллегия и Демидов как проводник ее политики? Прежде всего, конечно, преследовались цели фискальные. Но одновременно это было наступление на мелкого производителя, конкурентоспособность продукции которого сохранялась в значительной степени благодаря тому тепличному режиму, в котором он, как предприниматель, издавна находился. (Речь идет, разумеется, о железного дела промышленниках – ремесленники металлургических профессий Берг-коллегию, а следовательно и Демидова, не интересовали.)

В экономическом отношении казенные оружейники пребывали в условиях, заметно выделявших их из других групп городского торгово-ремесленного населения. Не удивительно, что их ряды постоянно вполне добровольно пополнялись представителями других групп этого населения. Не удивительно также, что именно из их среды выросли не только Демидовы, но и целая группа иносемейных предпринимателей – мануфактуристов российского масштаба.

Важным элементом, формировавшим такое социально-экономическое положение казенных кузнецов, являлся налоговый

режим. Система льгот, которая издавна распространялась на владевших доменными горнами оружейников, в том числе на владельцев мелких безуказных предприятий, забравших эти льготы, так сказать, явочным порядком, как раз и позволяла их продукции конкурировать с продукцией вододействующих металлургических заводов, основанных на менее энергоемких, более экономичных технологиях. В условиях непрерывного уменьшения площади годных для пережога лесов сохранение этого режима для металлургов-оружейников становилось неоправданной роскошью. Берг-коллегия и Н.Н. Демидов как ее представитель боролись за увеличение доходов казны, но одновременно с помощью финансовых рычагов — за современные металлургические технологии, обеспечивавшие щадящий режим природопользования. В связи с этим мы не можем в полной мере разделить той иронии, с которой об “административном пыле”, полностью направленном Демидовым “в ущерб интересам мелких производителей”, писал в свое время Н.И. Павленко [205, с. 139].

О том, какой остроты достигла к этому времени проблема обеспечения древесиной и продуктом ее переработки — древесным углем различных “огнедействующих” производств региона, говорит множество фактов. От “дровяного кризиса” страдали все промышленные отрасли: металлургия доменная, металлургия ручных горнов, металлообработка. Показательна ситуация с обеспечением древесиной оружейного производства — производства казенного, которое вправе было рассчитывать на первоочередное удовлетворение своих потребностей. Представление о все возраставшем напряжении, в котором пребывала эта отрасль, дают два нижеследующих фрагмента документов.

Первый — это текст из направленного Кабинетом е. и. в. в Сенат 14 сентября 1738 г. “объявления”, содержащего изложение доношения советника Андрея Безра. Он сообщал, что для приготовления “дерев на дело фузейных и пистолетных станков посылал он промемории в Алексин и в Лихвин к воеводам и нарочно в те уезды закупщиков, однако ж ни по какой цене годных на то дерев достать не могли, и крестьяня не возят, отъговариваясь тем, якобы леса вырублены, а иные за недосугами, збиранием с полье хлеба; и за тем в деле ружья учинилась всеконечная остановка; ... и хотя он, едучи чрез те засеки, приказывал крестьяном, чтоб удобной лес возили на станки в Тулу, но оные без указу не слушают и отговариваются, что кроме засеки такого лесу взять негде, а воеводы и надзиратель без указу в засеке рубить не дают, однако ж воровски много той засеки утрачено”. Безра требовал “упомянутые засеки приписать к оружейным Тулским заводам и употреблять к оружейному делу на уголь и станки и прот-

чие потребности”. На заседании Кабинета было “усмотрено, что тамошние помещики и крестьяня на свои собственные нужды такой заповедной лес самоволно рубят и выводят, а к оружейному делу принуждены доставать из других дальних мест дорогими ценами, отчего и ружью цена повышается, и дабы в деле ружья за лесами ни малейшей остановки быть не могло, того ради Ея императорского величество указала вышепомянутые все засеки приписать ко оружейным Тульским заводам, ... а чтоб к другим ни х каким делам упомянутого леса отнюдь никто не употребляли, о том тамошним обывателям объявить и во всех тех местах указами публиковать” [12, л. 29–29 об.].

Итак, выход был найден в передаче казенному заводу последнего (в этом районе) лесного резерва: казенных же засек (Лихвинской, Перемышльской, Козельской и Одоевской), приписанных к нему именным указом от того же 14 сентября 1738 г. [209, т. 10, № 7655].

Принятое решение позволило обеспечить деревом “на уголь и станки и протчие потребности” оружейный завод, то есть чисто казенное производство. Но большая часть технологических операций, связанных с изготовлением оружия, выполнялась в Туле все еще в многочисленных частных мастерских, принадлежавших оружейникам – учитывая это, обеспечение их углем являлось задачей не менее важной, чем поиск дерева на дело фузейных и пистолетных станков. Для рядовых кузнецов, работавших хоть и на казну, но в собственных дворах в слободе, с припиской к заводу засек ситуация фактически не изменилась. Узнаем об этом из сенатского указа от 27 сентября 1739 г., содержащего изложение доношения в оружейную канцелярию того же А. Беэра, сообщавшего о конкуренции между казенными оружейными мастерами и владельцами железцовых кузниц (тульских и в с. Павшино Алексинского уезда), “в которых делают плашечное ручною работою железо”. Железного дела промышленники, по словам Беэра, “привозимой в Тулу для продажи уголь у оружейных мастеров перекупают по ночам и выезжая по дорогам, а оружейным мастерам за непристанною при оружейном деле работою, от которой им всегда отлучится не можно, того угля по времени, как от работ свободятся, и купить нечего; а хотя многократно от оружейной канторы опубликовано, и тем промышленникам перекупать угля и запрещено, пока оружейные мастера не накупятся углем, однако на то несмотря, крадком покупают и великую цену на уголь поднимают, и за уголем в оружейном деле остановку чинят” [12, л. 33].

Примеры относящихся к этому времени свидетельств острого дефицита топлива в регионе могут быть многократно увеличе-

ны. Обратим внимание также на то, что цитированные тексты принадлежат лицу из “лагеря” иного, нежели тот, в котором находился Н.Н. Демидов. Полсотни семей тульских железного дела промышленников (48 в 1729 г. [11, л. 10–11 об.]) – кость в горле и у Берг-коллегии (не платят десятину), и у ведомства, к которому в данный момент были приписаны завод и слобода (“крадком” перекупают уголь у оружейных мастеров). Краски в доношениях Безра несколько не сгущены – перед нами картина вполне реальная, может быть, лишь более контрастная вследствие того, что относится к немного более позднему времени, чем интересующее нас в связи с Н.Н. Демидовым восьмилетие.

Расставание Н.Н. Демидова с Берг-коллегией было обусловлено не претензиями к выполнению им своих основных обязанностей. Сохранение исторически сложившегося привилегированного режима для мелкого частного производителя в условиях прогрессирующего истощения природных ресурсов противоречило и экономическим реалиям и здравому смыслу. Ведомство, на службе в котором состоял Демидов, пыталось этот анахронизм ликвидировать. А ведомство, в ведении которого находились оружейники, заинтересованное в максимальной их поддержке, довольно успешно саботировало эти усилия. Не вина Демидова, что он не сумел преодолеть сопротивление Тульской оружейной конторы, в конечном счете – артиллерийского ведомства.

Осознавая это, Берг-коллегия достаточно долго оценивала деятельность Н.Н. Демидова вполне положительно. Консолидированные и хорошо защищенные поддержкой курировавшего их ведомства железного дела промышленники Тульской оружейной слободы оказались для него единственным орехом “не по зубам” – с прочими металлопромышленниками он справлялся вполне успешно. Вот, например, как его успехи характеризуются в указе Берг-коллегии от 4 февраля 1729 года: “а по справке во оной коллегии родением ево Демидова в зборе и в Берг-коллегию в присылке десятинных с партикулярных заводов денег с 726 года немалое число” – напротив, ранее этого “збору, за неизвестием в коллегии о некоторых заводах и ручных домнах, и кузницах, приходило в казну малое число” [5, л. 12]. Больше того, в ситуациях, когда к Демидову возникали претензии других ведомств, Берг-коллегия пыталась по мере возможности защитить своего сотрудника (один подобный пример будет приведен ниже).

В уходе Демидова из Берг-коллегии сыграли роль отнюдь не служебные упущения. Дальнейшему их сотрудничеству помешало то, что, соблюдая государственный интерес, Демидовы (Ники-

та Никитич – в их числе) не забывали и о своем собственном. Иногда – балансируя на грани допущенного законом.

Пребывание на службе в казенном ведомстве, причем в том, которому он, как владелец партикулярного завода, подчинялся, давала Демидову возможность поставить собственное хозяйство в льготные условия функционирования. За прочими промышленниками он следил истово и бессонно – но внимательно наблюдали за ним и они.

7 октября 1728 г. в Камер-коллегию поступило доношение кузнеца Тульской оружейной слободы, откупщика таможенных сборов Терентия Мосолова. Он сообщил, что “в бытность ево в Алексине, как зборы были за ним на откупу, он, Демидов, и прикащики ево на покупку угля, дров и всяких припасов денег ничего не явили и за уездных продавцов пошлин не платили, также и с продажи дельного полосного, связного и дощатого железа, чюгунных котлов, горшков и вещей гирь и протчих припасов таможенных пошлин и вещей денег в Алексине в таможе ничего не платили ж” [5, л. 14]. Мосолов просил коллегию послать указ в Тульскую провинциальную канцелярию, дабы она сделала выписку из таможенных записных книг и по этой выписке доправила с Демидова таможенные пошлины, которые просил зачесть себе (Мосолову) в доимку. Соответствующий указ Камер-коллегия направила в Тулу 29 октября 1728 г. [5, л. 14 об.].

Пристальный интерес Мосолова к демидовским делам объяснялся тем, что по итогам его (Мосолова) деятельности в качестве откупщика в 1724–1726 годах в провинциальной канцелярии на нем числилась довольно значительная доимка (1207 руб. 7 коп.), известие о которой было направлено в Алексинскую канцелярию воеводского правления еще 18 июля 1728 г. [5, л. 18]. По сделанной в провинциальной канцелярии на основании указа Камер-коллегии выписке из алексинских таможенных книг на Демидова за период с мая 1723 по май 1727 г. насчитали доимку в 1053 руб. 24 коп. – сумму близкую той, что требовали с Мосолова [5, л. 9].

Первоначально Берг-коллегия, извещенная о претензиях к Демидову Камер-коллегии, послала к нему в Тулу послушный указ, о чем 6 ноября 1728 г. сообщила тульскому воеводе [5, л. 1 об.]. Но 23 января 1729 года Демидов подал в Берг-коллегию прошение о защите, и она приняла его сторону, 4 февраля потребовав от провинциальной канцелярии прислать ей заверенную Мосоловым и Демидовым выписку из таможенных книг, и больше этим делом не заниматься – завершить его Берг-коллегия бралась самостоятельно. Аргументация: ни Мосолов, ни Демидов в скором решении вопроса не заинтересованы, а поскольку для последнего затяжка означает длительные ограничения в пере-

движении, может быть нанесен ущерб делам, которые тот ведет от имени Берг-коллегии [5, л. 11–12 об.]. Не останавливаясь далее на этом конфликте (в котором тульский воевода занял, между прочим, сторону Камер-коллегии, т.е. выступил противником Демидова [5, л. 13]), отметим, что ни одно из причастных к нему ведомств не отрицало правдоподобности предъявленных Демидову обвинений и необходимости в них основательно разобратся.

Заметим, что якобы утаенная Демидовым от казны сумма не касалась тех сборов, которыми занималась Берг-коллегия и сам Демидов как ее полномочный представитель. Вскоре, однако, оказалось, что и в части десятинного сбора к собственному и чужим заводам Демидов применял существенно разные стандарты.

Переломным для отношений между Н.Н. Демидовым и Берг-коллегией явился рубеж десятилетий. В 1729 г. после переезда коллегии в Москву было решено отправить ее представителей с ревизией в районы, где была развита частная металлопромышленность. Фактически это была первая попытка проверить на местах достоверность сведений, сообщавшихся в коллегию заводчиками. В Тульскую провинцию отправились сам президент коллегии Зыбин и ассессор Телепнев. Им удалось уличить Н.Н. Демидова и заводчиков Меллеров в обмане. В частности, сообщенный первым год начала работы Дугненского завода (дата, важная для определения времени начала начисления налога) не совпал со сведениями в сказках опрошенных мастеровых. Не подтвердились и данные по заводам Меллеров. Следствие, впрочем, не было закончено в связи с произошедшей через год ликвидацией Берг-коллегии [205, с. 411].

В 1733 г. заводы Н.Н. Демидова попали под новую, на этот раз всеобщую проверку, проведенную силами Коммерц-коллегии. Ее перипетии уже не раз привлекали внимание исследователей (В.И. Рожкова, Б.Б. Кафенгауза, С.Г. Струмилина, Н.И. Павленко и др.); писали о ней и мы [271; 266]. Среди уличенных обследовавшим предприятия Центрального металлургического района ассессором В. Васильевым оказался и Н.Н. Демидов. Нет сомнения в том, что по некоторым позициям претензии ревизора были необоснованными. Но столь же очевидна и основательность других его обвинений. Хотя по большинству пунктов Демидову удалось оправдаться, от должности он был отстранен [205, с. 139, 414]. Сыграло роль и то, что проверка той же комиссией уплаты налога мелкими производителями показала, что металлурги из числа тульских оружейников, как не платили десятины и таможенных сборов, так продолжали их не платить и в 1734 году. Демидов с расходными и приходными книгами был вызван в

контору Коммерц-коллегии для сдачи дел новому десятинному сборщику прапорщику Меркулу Филисову [205, с. 470]. В дальнейшем тульской конторой десятинного сбора руководили офицеры артиллерийского ведомства [205, с. 139].

Не оправдывая Демидова по конкретным пунктам предъявленных ему претензий, хотелось бы, однако, напомнить, что финансовые отношения Демидовых с казной были чрезвычайно запутанными и оставались таковыми на протяжении десятилетий. Каждая из сторон в этом конфликте, по временам обострявшемся, искренне считала себя правой. Претензии к казне (в связи с внеочередными принудительными поставками, несвоевременной оплатой поставленной продукции, отказами от приема заказанного) давали Демидовым моральное право на поступки достаточно резкие, не вписывающиеся в иконные образы последовательных радетелей государственной пользы. Наибольшего масштаба подобные конфликты достигали в отношениях между казной и Акинфием Демидовым [271, с. 95–100]. Его младший брат, как государственный служащий, старался собственные отношения с государственными учреждениями не обострять. Кроме того, он в меньшей степени был связан с поставками в казну, чем Акинфий, на протяжении десятилетий расплачивавшийся ими за приписку к Невьянскому заводу нескольких близлежащих слобод.

Свидетельством высокой оценки государственной деятельности Н.Н. Демидова явилось пожалование ему чина статского советника. Оно состоялось в 1742 г., когда брат Акинфий, к тому времени уже имевший этот чин, был произведен в ранг на ступень выше: в действительные статские. Оба пожалования имели одинаковую мотивировку: “за тщательное произведение и размножение железных и медных заводов” [109, с. 86, 92]. Полагая, однако, что для Никиты Никитича за этими словами могло подразумеваться и поощрение за работу в качестве цегентнера. С момента оставления им службы по горному ведомству прошло уже восемь лет, она стала забываться. Но постепенно стали забываться и некоторые детали, связанные с его расставанием с этой службой. Кроме того, несколько лет уже не существовало самой Берг-коллегии: сначала ее влили в Коммерц-коллегию, после поручили принадлежавшие ей дела Генерал-берг-директориуму.

И все же быть признательным Демидову государство могло не за одни только “размноженные” его старанием заводы.

Выше мы уже подчеркивали, что оборотной стороной борьбы Демидова с мелкими металлопроизводителями Тульско-Каширского района являлась борьба за более совершенные, менее энергоемкие, ресурсосберегающие металлургические техноло-

гии. Такова была объективная направленность его действий, и, хотя у нас нет на этот счет прямых документальных свидетельств, можно уверенно утверждать, что он вполне это осознал. В пользу этого говорит и наличие у него достаточно основательных практических знаний в сфере техники и технологии металлургического производства, собственно и обусловивших привлечение его к работе в Берг-коллегии.

Завершая рассказ о Н.Н. Демидове, кратко остановимся на некоторых вехах того периода его биографии, когда, оставив Берг-коллегию, он снова стал обычным партикулярным (частным) металлопромышленником. Практически все перечисляемые ниже события связаны не столько с его жизнью, сколько с деятельностью – и это характерно для данного поколения рода, оставившего в источниках память о себе не столько выразительностью и масштабом составлявших его личностей, сколько трудами. Личность через труды раскрывается, но одновременно и растворяется в них.

Во второй трети столетия Никита Никитич построил еще несколько заводов. В 1739 г. он купил Ромодановскую волость, в которой, на р. Вырке, в 7 верстах от Калуги, по разрешительному указу от марта 1740 г., пустил небольшой передельный Выровский завод. Августовский указ 1754 г. о ликвидации мануфактур, расположенных в 200-верстной зоне вокруг Москвы, поставил под удар сразу два его предприятия – заводы Дугненский и Выровский. Опасаясь неблагоприятного развития событий, Демидов построил в Европейской части России два новых передельных завода: Людиновский в Брянском уезде на р. Ломпадь (пущен в ноябре 1756 г.) и Есенковский в Мещовском уезде на р. Сентец (пущен в 1757 г.) [204, с. 99–102]. Но Дугненский и Выровский заводы ему также удалось сохранить.

Эксплуатация крепостных крестьян, занятых в хозяйстве Н.Н. Демидова, была весьма тяжелой, а управление ими отличалось жестокостью. Что с неизбежностью порождало сопротивление. К “наиболее крупным крестьянским восстаниям XVIII в.” отнес Б.Б. Кафенгауз возмущение демидовских крестьян, охватившее в 1752 г. принадлежавшую Никите Никитичу Ромодановскую волость в Калужском уезде – 28 сел и деревень с населением 2268 ревизских душ мужского пола [144, с. 241]. Восставшие разгромили посланную на их усмирение воинскую команду и взяли в плен полковника [35, с. 176–195]. Ромодановские волнения, выделяясь масштабом, отражали общую для этого времени неспокойную обстановку на землях Н.Н. Демидова: в 1751 г. купив

у кн. Репнина Оболенскую волость, он также столкнулся с энергичными попытками тамошних крестьян “до отказу себя не допустить” [6б, л. 1, 1 об., 3 об.], а в 1752-м, по мере развития событий в Ромодановской волости, — с распространением этих волнений на другие, в том числе уральские, владения [35, с. 177, 268–270]. Документы, подробно освещающие ход событий, косвенным образом характеризуют и самого заводовладельца. Они свидетельствуют, что жесткость, с которой он, будучи цегентнером, пытался разговаривать с казенными кузнецами, быстро перерастала в жестокость, стоило лишь на месте оружейников, состоявших под защитой достаточно сильного ведомства, оказаться фактически беззащитным крепостным крестьянам.

Несмотря на сопротивление отца и брата Акинфия, Никите Никитичу в конце концов удалось проникнуть и на Урал. За Шайтанским заводом, пущенным в 1732 [204, с. 104] или 1733 г. [109, с. 92], последовали построенные им Верхнесергинский (1743 г.) и Нижнесергинский (1744 г.) заводы. В 1751 г. у екатеринбургского купца (выходца из Тулы) Я. Коробкова он купил железный Каслинский завод (в конце 50-х годов ставший и медеплавильным). Позднее построил и в 1757 г. пустил Кыштымский завод в Исетской провинции⁷. В общей сложности Н.Н. Демидов построил и приобрел 11 заводов. Этот результат скромнее, чем достигнутый Акинфием (18 заводов), но по справедливому замечанию Н.И. Павленко, учитывая, что Никите Никитичу “пришлось самому создавать производственную базу на Урале и преодолевать сопротивление своих ближайших родственников,.. его успехи следует признать значительными” [204, с. 105].

Как уже говорилось, Н.Н. Демидов был женат на представительнице заметного в Туле купеческого рода Постуховых. Он имел пятерых сыновей: Евдокима (1713–1782), Ивана (ум. 1807), Никиту (1728–1804), Алексея (ум. 1786) и загадочного Василия, о котором ничего не известно, кроме того, что, как считается, он уехал в Америку [157, с. 9]. Ближайшим помощником отца в управлении заводами был Евдоким, от которого сохранилось немало толково составленных документов.

Н.Н. Демидов владел домами в Туле, в Петербурге, Москве, на своих уральских заводах.

Тульский его дом находился в Оружейной слободе [3, л. 13 об.], в приходе, по-видимому, Николо-Зарецкой церкви [13а, л. 1 об.]. В Туле мы снова и снова встречаем Никиту Никитича вплоть до начала второй половины столетия⁸ — потомки его старшего брата к этому времени родной город уже покидают.

В Петербурге по указу Анны Иоанновны в 1735 г. ему был отведен участок на Английской набережной, в связи с чем для

постройки дома велено было, сыскав, выслать в столицу. Впоследствии этот дом несколько раз продавался внутри семьи [159, с. 57].

Дом Никиты Никитича в старой столице в 1752 г. находился “за Москвою-рекою, у Живого мосту, в приходе церкви Божии Софии Премудрости” [7, л. 2, 2 об.]. Из нескольких московских церквей с таким посвящением в данном случае подходит единственная – в Средних Садовниках (на Софийской набережной)⁹.

Никита Никитич Демидов открыл список представителей этого рода, состоявших на государственной службе в Берг-коллегии. Но не исчерпал его.

В письме Екатерины II Г.А. Потемкину, написанном в 1774 г. (до 21 мая), читаем: “Тем, коим не нравится пожалованье Господ Демидовых в советники Берг-коллегии, в которой части они, однако, знания имеют довольные и с пользою могут быть употреблены, в ответ можно сказать, что Сенат часто и откупщиков жалует по произволению своему в чины. И так, чаю, и мне можно, по власти моей, жаловать разоренных людей, от коих (порядочным управлением заводов) торговле и казенным доходам принесена немалая и долголетняя прибыль, и оне, чаю, не хуже будут дурака генеральского господина Бильштейна, за которого весь город старался” [46, с. 24].

Кто именно из Демидовых подразумевался в этом отрывке? В комментарии к новейшей публикации письма В.С. Лопатиным названы внук Н.Д. Демидова Никита Акинфиевич и правнук Евдоким Никитич [46, с. 567]. Даже если автор не подразумевает, что это были отец и сын (прямо это не утверждается, но строй фразы позволяет такое прочтение предположить), в этом утверждении все же содержится генеалогическая ошибка: названные Демидовы были двоюродными братьями и оба приходились основателю династии Никите Демидовичу внуками.

Важной деталью в цитированном фрагменте является упоминание (в связи с объяснением причин пожалования) о разорении заводчиков. Комментатор вполне правдоподобно связывает его с действиями пугачевцев. Сведения о значительном ущербе, нанесенном отрядами Пугачева заводам Е.Н. Демидова, действительно имеются [204, с. 110].

И все же более вероятным нам представляется, что в письме императрицы подразумевались другие лица. Сведений о службе в Берг-коллегии Н.А. и Е.Н. Демидовых мы не нашли. Разорение пугачевцами достаточным основанием для идентификации не является: от них пострадали многие заводчики.

С другой стороны, известно о службе в Берг-коллегии племянников Никиты Акинфиевича – Александра (1737–1803) и Павла (1738–1821) Григорьевичей. Александр Григорьевич многократно называется советником Берг-коллегии в документах 1779–1781 гг., связанных с покупкой у него полученного по наследству бездействовавшего Тульского завода (первого из заводов Демидовых) [271, с. 60, 61, 63, 64, 67]. Имеются сведения о пожаловании в советники Берг-коллегии и П.Г. Демидова [128], причем отмечается, что сделано это было именно Екатериной II. Впрочем, приводимая в литературе дата его определения в советники Берг-коллегии (1762 г. [108, с. 6]) далеко отстоит от датировки цитированного выше письма Екатерины.

Рассказ о деятельности братьев А.Г. и П.Г. Демидовых в Берг-коллегии опустим. В том числе потому, что о втором из них, Павле, речь пойдет в одной из последующих глав. Обратим здесь внимание только на высокую оценку познаний и деятельности Демидовых, данную императрицей в цитированном письме: Екатерина отмечает “порядочное управление заводами”, уже принесшее немалую пользу торговле и государственным доходам, и выражает уверенность, что их знания и опыт “с пользою могут быть употреблены”.

- ¹ Н.И. Павленко называет его то обер-берг-амтом [205, с. 138], то берг-амтом просто [205, с. 137]. Принимаем первое.
- ² Говоря о штате Московского обер-берг-амта и отмечая намерение Берг-коллегии комплектовать его квалифицированными специалистами, Н.И. Павленко пишет, что “фактически такими специалистами обер-берг-амт никогда не располагал” [205, с. 139]. Не обсуждая это заявление по сути, отметим, что все приведенные автором факты не могут служить его обоснованием: они касаются затруднений с подбором исключительно канцелярских служащих.
- ³ Этой дате противоречат сведения, указанные на надгробной плите Никиты Демидовича Демидова, сами по себе тоже противоречивые. Здесь сказано, что он “именовался чином ... кузнец оружейного дела мастер” до 1701 г., оставался в этом чине 51 год, а потом за службу был пожалован комиссаром. Указанный год присутствует в тексте источника, дважды опубликованном Н.Ф. Андреевым [74, с. 212; 74а, с. 126]. В публикациях того же памятника, осуществленных Г.И. Спасским, К.Д. Головщиковым и В. Шишонко, другая цифра – 1707 год [238, с. 57; 109, с. 48; 261]. Она “лучше” первой, поскольку не противоречит арифметике (1656 + 51 = 1707). Но эта дата расходится с другой – 1709 год, которую обнаруживаем и в источниках и в историографии. В документе 1785 г. именно ее называет Прокофий Демидов. Головщиков и следующий его тексту Шишонко указывают дату грамоты, которой Н.Д. был пожалован в комиссары: 11 февраля 1709 г. [109, с. 42]. Б.Б. Кафенгауз называет даже два указа 1709 года – январский и февральский – непосредственно касающиеся этого события [144, с. 156].
- ⁴ Интересно, что резолюция на доезде Вешникова датирована тем же числом, а в самом доезде день не указан. Этот факт, а также большой интервал между 10 ноября и прибытием в Тулу второго указа из Москвы (15 октября) поз-

воляют предположить, что Вешникова к Демидову послали сразу же по получении третьего указа, хотя в документах хотели показать обратную последовательность.

- ⁵ Сказанное, заметим, окончательно опровергает хронологические ориентиры, которые подразумевает цитировавшаяся выше фраза (“не успел ..., как было получено...”) из работы Н.И. Павленко.
- ⁶ Не путать с заводами А.Н. Демидова. Шайтанские заводы Демидовых – “классический” (по справедливому выражению Е.С. Мальцевой) пример заводов с одноименными названиями [180, с. 96].
- ⁷ По К.Д. Головщикову, Н.Н. Демидовым также основаны Лайский и Буйский заводы [109, с. 92]. В действительности, Нижнелайский завод построил Н.Д. Демидов, Верхнелайский А.Н. Демидов [266, с. 70], Буйский завод начал строить М.П. Мосолов, закончил его сын А.М. Мосолов [204, с. 139, 140].
- ⁸ См., например, несколько упоминаний, относящихся к февралю и июлю 1751 г. [6а, л. 10; 6с, л. 14, 17, 21].
- ⁹ “Живыми” в то время называли наплавные мосты. В “Описании Москвы” В.Г. Рубана (1782) на Москве-реке их значится четыре: 1) Москворецкий, 2) на Красном холме, 3) у Данилова монастыря, 4) у Смоленской ул. и Дорогомиловской слободы [222, с. 83]. Храмов, посвященных Софии Премудрости Божией, в старой столице было всего 3 [237, т. 4, с. 515, 548]. Искомая церковь, таким образом, идентифицируется однозначно: это ц. Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках (Софийская наб., 32) [237, т. 2, с. 597–601]. Поблизости от нее и находился дом Н.Н. Демидова.

Нескучный создатель Нескучного (Прокофий Акинфиевич Демидов, 1710–1786)

Лицо и маска, миф и реальность. – Биографическая справка. – Филантропическая деятельность. – Сфера научных и технических интересов, образование, уровень специальных знаний. – Наука. Исследовательская работа в области биологических наук. – Сочинения. – Ботанические сады. – Организация и финансирование научной деятельности. Вклад в развитие научного образования. – Контакты с учеными и научными обществами. – Оценка деятельности современниками и потомками.

Образ Прокофия Демидова в сознании современников и потомков (последних, в особенности) складывался не столько из фактов биографии, сколько из заменявших ее анекдотов. Число последних обширно, один занятней другого. “Известным и славным проказой” называл “Проньку Демидова” в записках А.Т. Болотов [39а, с. 680], выразивший в такой характеристике мнение если и не всех, то многих своих современников. Маска разбрасывающего золото шута прочно приросла к утвердившемуся в глазах общества образу Прокофия еще при его жизни. Исправно служит она и сегодня, что, в общем, вполне понятно, если учесть, откуда широкий читатель черпает сведения о представителях рода Демидовых¹.

Колоритные исторические анекдоты плотной пеленой заслоняют многообразие черт личности Прокофия Демидова, личности, подчеркнуто “нелинейной”, живописной. Впрочем, отвергать их, что называется, “с порога” едва ли оправданно – рождены они не на пустом месте. Подобные рассказы – продукт рецепции и художественной переработки реальной истории поглощающим ее фольклорным сознанием, продукт процесса объективного и подчиняющегося определенным законам. Очень верно в сходном случае высказался Н.С. Лесков, высоко ценивший подобные тексты. Вспоминая об орловском епископе Смарагде Крижановском, он заметил, что “если ходящие о его расправах с губернатором анекдоты не всегда фактически верны, то все они в самом сочинении своем верно изображают характер ссорившихся... и общественное о них представление” [52, с. 193]. Учтем и то,

что “чуждачество” как форма социального поведения – сложный социокультурный феномен, образующийся на стыке индивидуальных предрасположенностей личности и поведенческих эталонов данной эпохи. С должным вниманием рассмотренное, немало интересного способно оно рассказать и о человеке, вместившем в себя свое время, и о времени, наполненном индивидуумами и их общностями.

Старший сын Акинфия Демидова Прокофий (№ 7 по родословной росписи Е.И. Красновой) родился 8 июля 1710 г. в Сибири [157, с. 9]. Детство и юность он провел на Урале. С 1729 по 1738 г. вместе с братом Григорием жил преимущественно в селе Красном под Соликамском. Время от времени он оттуда, разумеется, выезжал: так, документы второй половины 1735 г. упоминают о его длительном, в течение нескольких месяцев, пребывании в Туле [266, с. 132]. С переходом соликамской вотчины к Григорию Прокофий покинул Урал окончательно и вплоть до 1748 г. жил в Туле [139, с. 97].

О полученных им воспитании и образовании сведений немного. “Воспитание мое сибирское”, – говорил Прокофий [142, с. 103], но выразительную лаконичность подобных формул оценить можно лишь при наличии обильного фактического материала, а его то и нет. Культурные навыки и знания, преподанные Прокофию, были, кажется, весьма разнообразны – от знаний технических, нужных для управления производством, до умения “на рапирах биться” (что этому он “помоложе учился”, Прокофий не забыл и 70-летним стариком [56, № 21]). Не все науки он усвоил успешно. Подкупающие свободой слога письма Прокофия Акинфиевича одновременно подтверждают справедливость его признания в неумении “гладко ответить” [56, № 4]. Да и во многом другом такое воспитание дало результат, по-видимому, отличный от ожидавшегося. Формирование некоторых свойств своего характера, например упрямства, Прокофий прямо относил на счет недостатков воспитания [56, № 10].

Отношения с отцом складывались у него непросто. Акинфий видел в детях не только наследников, но и продолжателей дела. Прокофий, хотя некоторое участие в управлении обширным промышленным хозяйством принимал и даже время от времени выступал с разного рода по этой части инициативами, не был для отца надежной опорой. По-видимому, по мере взросления он вел себя все более самостоятельно и все менее удовлетворял представлениям Акинфия о том, каким должен быть его преемник. Незадолго до смерти отца конфликт разгорелся с особенной силой.

Нарушив данную ему инструкцию, Прокофий вместо того, чтобы “править заводскую экономию”, уехал в деревню, а потом, даже не уведомив отца, – в Петербург. Исчерпав собственные меры воздействия, уставший от борьбы с сыном заводчик обратился к кабинет-секретарю И.А. Черкасову, прося того “выслать” Прокофия с женой на Сибирские заводы [204, с. 87].

Реакцией со стороны Акинфия на все нараставшие подобные разногласия явилось составленное им завещание. В литературе можно встретить утверждение, что за увлечение Прокофия и Григория ботаникой и садами отец лишил их наследства, завещав все младшему сыну Никите [146, с. 151–153]. Утверждение это ошибочно: Акинфий намеревался ограничить старших сыновей только в недвижимом имении, лишить их заводов, но не всего остального. Сыграла ли решающую роль именно ботаника вкупе со своевольным поведением сыновей и отсутствием у них отчетливо выраженного интереса к занятиям промышленным предпринимательством, или Акинфий не мог смириться с предстоящим распадом десятилетиями создававшегося хозяйства – судить трудно. Но фактом остается, что старшему сыну, в отличие от двух других, Акинфий не собирался оставлять промышленной собственности: только две вотчины, дом в Москве и 50 тысяч деньгами [204, с. 86] (сумму, заметим, немалую – достаточную, чтобы купить не один завод).

Но спустя некоторое время после смерти отца Прокофий и Григорий опротестовали его завещание и длительное время (пока продолжался раздел наследства) вместе с Никитой считались совладельцами оставленных заводов. По итогам раздела, длившегося более десяти лет (вступление в “особые” владения произошло только 1 мая 1758 г.), Прокофий получил из наследства Невьянскую часть. Она включала пять уральских железных заводов (Бынгровский, Шуралинский, Верхнетагильский, Шайтанский и старейший демидовский на Урале – Невьянский), а также заводы в Нижегородском уезде – Нижнечугунский, Верхнечугунский и Корельский молотовые. Кроме того, он получил шесть домов: один каменный в Москве и пять деревянных – в Казани, Чебоксарах, Ярославле, Кунгуре и Тюмени [144, с. 238, 239].

Раздел имущества завершил длительный период напряжения в отношениях между братьями. Следует отметить, что не последнюю роль в трудностях, которые между ними подчас возникали, играл и характер (“ндрав”) Прокофия. Любопытный отзыв о нем находим в письме Григория Акинфиевича младшему брату от 1 октября 1758 г. Сообщив, что по вопросу, о котором писал к нему Никита, он с братом (подразумевается скорее всего Прокофий²) еще не виделся, но предположив, что тот, по его мнению,

на некие предложения не согласится, он замечает: “однако ж угадать не могу, может быть, что доброй стих на него и придет” [18, л. 2]. Добрый стих был нередким гостем Прокофия. Но сколько еще “стихов” приходило к нему! В живописном их сочетании и рождалось поведение, оставившее по себе веселившие современников и потомков исторические анекдоты.

В 1750 г. П.А. Демидов переселился в старую столицу [139, с. 97]. Если в известных нам его письмах за 1763, 1764, 1773, 1775, 1779–1780, 1783–1785 годы указано место написания, то только одно – Москва [43; 56]. За долгие годы Прокофий привык к этому городу, “вжился” в него. В основном на Москву и москвичей была направлена широко развернувшаяся в эти годы его филантропическая деятельность.

Уже в 1750 г. он вел в своей московской усадьбе какое-то строительство³. А около 1756 г. на окраине города, на высоком берегу Москвы-реки заложил новый удобный вместительный дом и ставший впоследствии знаменитым сад [206, с. XV], созданием которого вписал свое имя в историю отечественной ботаники. Архитектор здания (сейчас в нем расположен Президиум Академии наук) неизвестен; с разной степенью вероятности называют имена крепостного строителя Ситникова, архитекторов Иехта (или Иеста) и В. Яковлева [77, с. 97, 100, 102]. Перемене мест, вероятно, чем дальше, тем больше мешали и с возрастом пришедшие к Прокофию болезни.

В Петербург, где у него был дом на Миллионной улице [159, с. 57], он отлучался все реже, но все-таки отлучался. Об одной такой поездке Прокофий упомянул в письме (уже из Москвы) к зятю М.И. Хозикову от 28 марта 1779 г. [56, № 7]. Возможно, именно к ней относится известие Е.П. Карновича (со слов Кастера) об устроенном им в 1778 г. в Петербурге народном празднике, неумеренное винопитие на котором стало причиной смерти более 500 человек [224, с. 611; 140, с. 204].

Когда Прокофий женился – не известно. В спутницы он избрал дочь тульского купца Антипа Герасимовича Постухова Матрену, племянницу Анастасии Герасимовны Постуховой, жены Н.Н. Демидова. Родив ему сыновей Акакия, Льва, Аммоса, Степана (умер во младенчестве) и дочь Анну, она умерла в 1764 г. [266, с. 132, 175; 157, с. 9].

После завершения раздела отцовского наследства Прокофий продолжал управлять (через приказчиков) заводами около десятилетия. К этому времени интерес к подобной деятельности, и прежде не слишком сильный, угас в нем совершенно: за все эти годы он ни разу свои мануфактуры не посетил. (Впрочем, в 1763–1764 годах там находились сыновья Акакий и Лев – послан-

ные на уральские заводы учиться, они принимали участие и в управлении производством [43].) Занимаясь строительством единственного предприятия – Верхнейвинского завода, Прокофий потратил на него 22,5 тыс. рублей, но пустить так и не сумел. В конце концов он оставил малоуспешные опыты в сфере промышленного предпринимательства и в два приема “стряхнул прах”, напоминая об источнике родового богатства. Прокофий продал заводы: сначала, в 1769 г., уральские Савве Яковлеву (завершившему строительство Верхнейвинского завода), позднее, в 1772 г., бездействовавшие нижегородские тульскому купцу Лариону Лугинину [204, с. 89].

П.А. Демидов ездил за границу, причем, возможно, не один раз⁴. Он посетил Германию (Саксонию), Голландию, Англию.

Уже в пожилом возрасте он совершил путешествие в Голландию. Встречающаяся в литературе датировка этой поездки – 70-е годы [139, с. 98], учитывая возраст Прокофия, может вызывать сомнения. Но она, по-видимому, верна. Подтвердить и уточнить ее позволяет послание П.А. Демидова М.И. Хозикову от 14 февраля 1773 г. В нем сообщается о растениях, “поморенных” московскими садовниками в отсутствие хозяина, и о полученном (судя по контексту – недавно) из Голландии письме, в котором обсуждается поведение там Демидова [56, № 1]. Перед нами явные отголоски недавней поездки автора за границу – вояжа, который на основании этих данных следует отнести к началу 1770-х годов. Возможно, именно с ним связан составленный Демидовым “План коммерческой конторы”, отправленный им Екатерине II из Амстердама в 1770 г. и опубликованный в 1883 г. в “Русской старине” [207а, с. 24].

Судя по упомянутому письму 1773 г., будучи за границей, Прокофий подтвердил уже закрепившуюся за ним репутацию чудака. В Голландии, например, он демонстративно передвигался пешком или на извозчике “в посмеяние” (так, во всяком случае, поняли его местные жители) “тем, у которых недостаточны карманы, а ездят в каретах”. Демидов добавляет: за то, что он во время путешествия “по-галански скупой жил, ... они радуются и не вытерпели за оное меня похвалить” [56, № 1]⁵. Поездка оставила по себе долгую память: в своих письмах последующего времени он долго будет вспоминать разные мелочи, связанные с ней, например, как, будучи в Лондоне, пил чай – “очень хорош, только духу нет” [56, № 22].

“Что желаешь мне так быть здоровому, как ты, того-то нельзя: у меня уж песочек сыпется”, – писал престарелый Демидов М.И. Хозикову 3 августа 1783 г. [56, 32]. В письмах упоминания о подагре, мучившей старика так, что по временам он не мог пе-

редвигаться, встречаются начиная с 1773 г., а потом повторяются снова и снова [56, № 1, 22, 23, 24 и др.]. Подступающая дряхлость не помешала ему, однако, в 1784 г., 30 июня⁶, вступить во второй брак. Избранницей оказалась некая Татьяна Васильевна Семенова, бывшая на 37 лет моложе жениха и уже родившая ему к тому времени дочерей Анастасию, Марию и еще одну Анастасию [157, с. 9; 266, с. 132].

На скромной процедуре венчания из родственников присутствовал только младший брат Никита. Отношения между ними к этому времени давно уже были вполне дружескими – вплоть до предоставления взаимных денежных ссуд⁷.

П.А. Демидов умер на 77 году жизни 1-го, по другим данным 4 ноября 1786 г. [157, с. 9; 61, с. 148]. Похоронен в Москве, в Донском монастыре; могила его с красивым надгробием сохранилась.

Потомки Прокофия по мужской линии ничем выдающимся не прославились. Хотя сыновья, пожив и поучившись и на заводах и за границей [257, с. 26], должны были получить разностороннее образование, на пользу им оно, кажется, не пошло: наполовину позабыв в Гамбурге русскую речь [216, с. 43], реализоваться как личности по возвращении они не смогли. Может быть сыграло роль то, что слишком сильной и яркой личностью был их отец – в его присутствии трудно было сохранить и развить собственную индивидуальность.

Посвящая Екатерине II составленный им и незадолго до смерти изданный ботанический каталог, П.А. Демидов перечислил, чем именно, по его мнению, ее наполненная мудростью и человеколюбием деятельность “оживляют” подданных, создавая в их глазах образ “истинной своего отечества матери”. Это “премудрыя” установления, новоучрежденные училища, свобода торгов, вольностей и распространение коммерции, наконец, “возвышение” наук и художеств [67, с. IV].

Приведенный перечень интересен тем, что устами непосредственного свидетеля в нем отмечены черты позитивного образа не только императрицы, но и ее царствования, черты, не выдуманные историками задним числом, а, как видим, ощущавшиеся современниками как значимая реальность. Но интересен он и для характеристики Демидова. Последний из множества достижений, которые перед подданными могла ставить себе в заслугу Екатерина II, выбрал не расширившие империю военные победы и не успехи на дипломатическом поприще. Он выбрал то, что выбрал: прогресс в развитии коммерции, образования, наук и искусств.

И перечислил все это в сочинении, изданном, заметим, в год смерти, что позволяет отнести к его словам как к итоговой оценке.

В качестве заслуг императрицы Прокофий назвал то, что было небезразлично в первую очередь ему лично, те сферы жизни общества, состояние которых его волновало, ту деятельность, в которой с немалой энергией, часто не оглядываясь на расходы, он принимал непосредственное участие. И очень важно, что общим знаменателем, объединявшим достижение в них прогресса, являлись, в его представлении, мудрость и человеколюбие.

В одном из посланных на уральские заводы сыновьям Акакию и Льву писем (от 5 января 1763 г.) в ответ на сообщение, что работные люди, глядя на соседних приписных крестьян, отказываются трудиться, Прокофий писал: “хоша они совсем работать не станут, в том их не принуждать и в канцелярии просить на них не велеть”. Прокофий надеется, что ослушников образумит сама жизнь: “как они проживутся, тогда работать охотно станут” [43, с. 2230]. Столь либеральные декларации на фоне жестокости, к которой, смиряя и подчиняя горнозаводское население, подчас прибегали некоторые Демидовы⁸, может показаться лицемерием. Но, полагаем, что в данном случае автор письма был искренен. Его филантропическая деятельность – наглядное тому доказательство.

Прокофий Акинфиевич Демидов – едва ли не наиболее щедрый из Демидовых, занимавшихся благотворительностью. Согласно “Перечню пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям”, составленному в 1841 г. по просьбе его внучатого племянника Анатолия Николаевича, Прокофий являлся абсолютным лидером в роде Демидовых по общей сумме пожертвованного [258, с. 266]. Не беремся, впрочем, утверждать, что это лидерство сохранилось за ним навсегда – Демидовы продолжали заниматься активной филантропической деятельностью и после составления этого документа.

Согласно перечню 1841 г., наиболее значительными благотворительными акциями П.А. Демидова были следующие: пожертвование московскому Воспитательному дому суммы в 1 млн 107 тыс. руб. серебром (3 млн 874 тыс. ассигнациями по курсу на год составления документа), часть из которых предназначалась на устройство при доме Коммерческого училища для купеческих детей; дополнительный дар Коммерческому училищу 250 тыс. руб. асс.; передача суммы в 20 тыс. рублей серебром (70 тыс. ассигнациями) на основание госпиталя для бедных роже-

ниц при петербургском Воспитательном доме; пожертвование главному училищу Москвы 5 тыс. руб. сер. Перечисленное плюс пожертвования в адрес Московского университета (о них будет сказано ниже) составили в общей сложности 4 млн 282 тыс. рублей ассигнациями [258, с. 266]. В Перечне отмечен также подаренный Москве ботанический сад, но это упоминание недостаточно отчетливо (отсутствуют год и сведения о стоимости дара) и требует уточнения.

Обратим внимание на то, что средства, пожертвованные П.А. Демидовым одному только московскому Воспитательному дому, заметно превышали сумму, вырученную им от продажи всех своих уральских заводов вместе с имевшейся на них готовой продукцией: по данным Н. И. Павленко [204, с. 89] С. Яковлев заплатил за них всего 800 тыс. руб.

Императрица оценила благородные поступки дарителя: после учреждения в 1772 г. Коммерческого училища П.А. Демидов, не имевший раньше чинов, был сразу пожалован чином статского советника [258, с. 273]. Позднее он был произведен в действительные статские советники.

Самая масштабная и дорогостоящая из благотворительных акций, в которых участвовал П.А. Демидов, – создание Воспитательного дома для “приносных” (незаконнорожденных) детей в Москве. Он был учрежден на основании манифеста Екатерины II от 1 сентября 1763 г. (обратим внимание: в год, которым датировано цитированное письмо Прокофия о непокорных работных людях) на средства жертвователей, первыми среди которых стали сама императрица (внесшая 100 тыс. руб.), наследник престола Павел Петрович, Дени Дидро, Е.Р. Дашкова и П.А. Демидов, причем последний был самым крупным вкладчиком [258, с. 273; 98, с. 11]. Лишь в небольшой по сравнению с жертвователями степени в создании дома участвовало государство. Так, в 1765 г., в период, когда директором (главным надзирателем) дома служил Г.Ф. Миллер, на его строительство были отданы белый камень и железо, оставшиеся от недостроенных Петром III палат в казенном селе Люберицы (Люберцы, Новое Преображенское) [188, с. 227, 430]. Одним из источников постоянных доходов Воспитательного дома стали образованные в 1772 г. по инициативе П.А. Демидова две казны – Ссудная и Сохранная – банковские учреждения, занимавшиеся коммерческим кредитованием под залог движимого и недвижимого имущества [98, с. 16].

Кроме благотворительности (о которой кратко сказали выше), кроме чудачеств (рассказы о которых опускаем), жизнь

Прокофия сопровождал устойчивый интерес к некоторым естественным наукам, прежде всего к наукам биологическим: ботанике, отчасти к энтомологии. Этот интерес он удовлетворял с достойным Демидовых размахом – благо, материальные возможности для этого имел широкие. Так возникали ботанические сады и связанные с ними ученые сочинения самого Демидова и профессиональных ученых.

Одним из источников увлечения Демидова садами была присущая многим Демидовым страсть к коллекционированию. Но было бы ошибкой сводить все дело к ней одной. Связанная с садами, его деятельность включалась в более сложные когнитивные и аксиологические контексты, затрагивала его представления о мироустройстве. Познание многообразия ботанических видов (а именно систематикой и отчасти морфологией растений Демидов прежде всего и интересовался) было для него путем, который, “восхищая разум”, наглядно и с почти чувственной остротой демонстрировал ему бесконечность мудрости создателя. Об этом он прямо пишет, объясняя причины, подвигнувшие его к составлению нового каталога растениям своего Московского сада: тот создавался “из любопытства моего,.. в одном том намерении, чтоб возбудить удивление о премудрости и величестве Божиим” [67, с. VI].

Проведший молодые годы преимущественно в провинции – на Урале, в Соликамске, Туле, опыт и знания в сфере садоводства Прокофий приобретал, по-видимому, из общения с практиками, соответствующие знания – из литературы, из переписки и общения с другими любителями и профессиональными учеными. Ниже мы специально остановимся на вопросе образования, пока же лишь отметим, что и в отсутствии “регулярных” его форм в то время еще могли формироваться разносторонне образованные люди. В качестве иллюстрации сошлемся на А.Т. Болотова, пример которого в данном случае особенно ценен тем, что как ученый наиболее впечатляющих успехов он добился в области именно биологических наук.

Сходным образом осуществлялось освоение технических знаний и опыта. Именно в такой, внешкольной форме получали их все представители первых поколений рода Демидовых. И, как мы уже убедились, накопленный предшественниками опыт осваивали достаточно успешно, чтобы и поддерживать производство и, во многих случаях, эффективно его развивать.

Важно, однако, что у Прокофия “чистый” интерес к технике так и не сформировался или во всяком случае не закрепился. Отношение к ней было эмоционально окрашенным из-за конфликтов с властным отцом, долгие годы старавшимся перекроить

натуру Прокофия по своей мерке. Это не удалось; больше того, напрочь испортило отношение сына к главному делу отца.

В отличие от техники, интерес к науке был у Прокофия вполне самостоятельным. Будучи подчеркнуто неутилитарным, он, вероятно, еще и противостоял “полезным” занятиям, навязывавшимся отцом. Именно в научную и околонаучную сферы ушла у Прокофия значительная часть демидовской энергии и настойчивости, природных дарований. Для поколения, к которому он принадлежал, именно этот интерес во многом и определил вектор акцентуированности его личности – явления, столь характерного для этой фамилии.

Строптивый сын родного отца, в выборе наук, в наибольшей степени увлекавших душу, сердце и внимание, Прокофий был вполне послушным сыном века.

Из всех наук наибольшее влечение Прокофий Демидов испытывал к ботанике.

Все три сына Акинфия Демидова в большей или меньшей степени отдали дань увлечению ею и немало сил и средств потратили на создание ботанических садов. Для Прокофия этот интерес оказался и наиболее сильным и самым длительным. Больше того, именно образ любителя, знатока и испытателя живой природы был, похоже, основным из тех, в которых он хотел предстать перед современниками.

Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней портреты Прокофия⁹. Заметим, что появиться они могли только как заказные, а значит, неизбежно должны отражать присущее заказчику представление о себе и своем достойном публичной презентации идеале. На сохранившихся портретах он изображен в окружении предметов, связанных с царством Флоры. Горшок с цветущим растением в руке видим на его портрете из Липецкого музея¹⁰. Богатые и разнообразные флористические контексты присущи известному портрету кисти Д.Г. Левицкого, хранящемуся в Третьяковской галерее. П.А. Демидов изображен на нем в домашней одежде, в колпаке, с большой лейкой в руке на фоне какого-то парка или сада на заднем плане¹¹. Во всем его облике то “чувство прислоненности садовника к ландшафту и к архитектуре”, которое, размышляя о натуралистах XVIII в., тонко подметил О.Э. Мандельштам [286, с. 125].

В текстах, вышедших из-под пера Прокофия, нередко пассажи, отражающие его личное отношение к растениям и ботанике. Уже цитировалось предисловие к составленному им каталогу Московского сада, в котором автор с восторгом пишет об

удивительном свойстве ботаники “возбудить удивление о премудрости и величестве Божиим”. Здесь же – выразительный пассаж о богатстве мироздания, открывающемся при изучении растений с использованием приборов: “Сотворение его то-лико хитро, что человеческого разума не достаёт к открытию всего. Ежели, например, делать наблюдение чрез микроскоп собранных некоторых семян, хранимых в продолговатых скляночках с одного конца на другой, то скрываются в них столь чудные подобия, иногда похожие на насекомых или на иныя одушевленные вещи, иногда кажутся в совершенном виде съедомых плодов, так что разность их восхищает разум” [67, с. VI, VIII].

Восторг Демидова перед картинами, открывающимися взгляду в окуляре микроскопа, перекликается со стихами М.В. Ломоносова:

Но в нынешних веках нам микроскоп открыл
Что бог в невидимых животных сотворил! ...
Не меньше, нежели в пучине тяжкий кит,
Нас малый червь частей сложением дивит [285, с. 519].

Формирование интереса П.А. Демидова к живой природе относится, по-видимому, еще к отроческому возрасту: первые известные нам сведения об увлечении садоводством принадлежат соликамскому этапу его биографии. Далее эти свидетельства сопровождают его жизнь вплоть до ее окончания практически непрерывно.

“Потому что у меня к тому охота”, – объясняет Прокофий посылку им в 1764 г. цветочных семян своим сыновьям на уральские заводы и не без гордости сообщает, что у него “собрано много плантов, которое для вашего ж увеселения впред служить может” [43, с. 2233]. Восхитив разум, наука, как видим, еще и увеселяет его душу. “У меня только и радости. Как жадный, веселюсь на растения”, – признается он в письме М.И. Хозикову от 25 мая 1780 г. [56, № 25].

Прокофий Акинфиевич Демидов.
С портрета Д. Г. Левицкого.
Из книги: Русские портреты
XVIII–XIX столетий / Изд-е вел.
кн. Николая Михайловича. СПб.,
1909. Т. 5. № 180.

Изучение растительного мира земли невозможно без экспедиций. Но с успехом работать в таких отраслях ботанической науки, как систематика, морфология и даже география растений, позволяет и ботанический сад. Помимо прочего, он дает возможность изучить полный цикл развития растения, что для вечно спешащего путешественника, как правило, невозможно. Экспедиционные и стационарные исследования не противостоят друг другу – напротив, друг друга дополняют. П.С. Паллас, как и многие русские ботаники XVIII в., их совмещал: собирал растения в поездках и одновременно, работал в ботанических садах. Прокофий Акинфиевич Демидов пошел другим путем: сам в экспедиции не ездил, направив основные усилия на создание ботанических садов и организацию научной работы именно в них.

Рассказ об истории садов и собранных в них ботанических богатствах еще предстоит. Пока лишь отметим, что в Московском саду Прокофия существовали необычно крупные экземпляры ряда малорослых деревьев, на основании чего в позднейшей литературе высказано обоснованное предположение о проводившейся в нем селекционной работе [173, с. 46]. Здесь, кроме того, велись успешные исследования в области семеноводства, в частности, по совершенствованию агротехнологии выращивания из семян.

К сожалению, говоря об этих работах, мы чаще всего не можем уверенно разделить в них вклад Демидова и работавших у него садовников. Вполне очевидно, однако, что именно П.А. Демидов был сердцем той гигантской как рутинной, так и творческой деятельности, которая осуществлялась в его садах и на его средства. О том, что работа в Московском саду “происходит под присмотром самого почтеннейшаго Господина сего сада”, прямо пишет П.С. Паллас [206, с. XXIII]. Привлечение к ней других лиц естественно и неизбежно – решение подобных весьма трудоемких задач невозможно без участия большого числа работников разных профессий и квалификации.

Материал исследований, проводившихся в садах П.А. Демидова (прежде всего Московском), нашел отражение в трудах, под которыми стоит его подпись. Некоторые из них, например, сочинение “О пчелах” содержит прямые упоминания о личном участии автора в экспериментах: “сам своими руками вышеписанную пробу делал”, говорит он, например, об опытах, посвященных изучению влияния на роение оставленного в улье меда [68].

От Прокофия Демидова дошло несколько небольших сочинений, относящихся к научной или, точнее, к “научно-практической” прозе.

Самая ранняя из этих работ – упомянутый трактат “О пчелах” (1765), напечатанный спустя столетие с лишним после создания, в 1873 г., в журнале “Русский архив” [68], к издателю которого, П.И. Бартеневу, он поступил от Платона Александровича Демидова (1840–1892), праправнука Прокофия по линии, идущей от его сына Льва [82, с. 2213]. Создание трактата связывается с намерением завести пасеку при московском Воспитательном доме. Он выполнял, таким образом, роль своего рода инструкции – подобно инструкции по уходу за коровами и учету молока, сочиненной Прокофием для существовавшего при доме скотного двора [207а, с. 24].

Отметим, что вторая половина XVIII в. – время распространения пчеловодства по всей центральной территории России, в особенности – по лесостепным ее районам, где оно выступало преимущественно в качестве дополнения к хлебопашеству [223, с. 295]. Интерес к нему возрастал и среди ученых, особенно у занимавшихся прикладными исследованиями.

Одним из них был А.Т. Болотов, коснувшийся вопросов пчеловодства в работе “Описание свойства и доброты земель Каширского уезда и прочих до сего уезда касающихся обстоятельств...”, опубликованной в Трудах Вольного экономического общества в 1766 г. Соответствующий фрагмент является ответом на вопросы, “много ли разводят пчел, у всякого ли мужика они есть, какие ульи, не убивают ли пчел и не можно ли завести их у всех мужиков” [91, с. 32]. О пчелиных заводах говорится и в другой его работе – в “Наказе управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина”, четыре года спустя опубликованной там же. В разделе “О прочих источниках доходов, кои не во всех местах бывают” имеется посвященный пчеловодству особый параграф [91, с. 69].

Упоминание о Болотове обусловлено не столько научной значимостью посвященных пчеловодству его текстов, сколько достаточно показательным интересом к теме. Материал по пчеловодству в последней четверти XVIII в. включается в различные оригинальные и переводные справочные издания по сельскому хозяйству. В качестве примера укажем на два: Описание скотов и птиц домашних также и пчел с изображением их свойств и способностей, с прибавлением историй, служащих к увеселению читателей. СПб.: Тип-я Артилл. и инж. кад. корпуса, 1777. 81 с.; *Осинов Н.П.* Карманная книга сельского и домашнего хозяйства; содержащая в себе: I. Экономический календарь, или... наста-

вление... в разсуждении хлебопашества, садовничества, коноводства, скотоводства, пчеловодства... Собрана из разных иностранных и российских экономических записок и сочинений. СПб.: Имп. тип-я, 1791. XXXVIII, 336 с.

Существовали и специальные издания по пчеловодству, например: *Уайлдмэн Даниэль*. Руководство к содержанию пчел во все времена года, как в садах с пользою, так и с удовольствием в комнате, без всякого от них беспокойства. Выписано из аглинского подлинника... СПб.: Тип-я Горнаго училища, 1788. IV, 73 с.; Календарь для любителей пчеловодства, или Опытное наставление, служащее к содержанию пчел, расположенное на каждый месяц в году. А с нем. на российск. пер. ... М. Терновским. М.: Сенатск. тип-я, у В. Огорокова, 1793. 277 с.

Книга Уайлдмэна примечательна включением в нее материала, адаптирующего издание к российскому пользователю: как отмечено на титульном листе, к английской основе приобщено примечание, “каким образом и в северных странах употреблять средство сие”.

Подобно названным изданиям демидовский трактат (датированный январем 1765 г.) также носит подчеркнуто прикладной характер. Прокофию 55 лет, за плечами – значительный опыт практической работы в растениеводстве, позади Соликамский и Тульский ботанические сады; уже создан и сад Московский. Накоплен, оказывается, основательный багаж и в области пчеловодства. Этот опыт и перенесен на страницы трактата.

Одна из загадок этого сочинения – имя лица, которому оно адресовано. Если на автора прямо указывает стоящая в конце публикации подпись (“Прокофий Демидов”), то адресат не назван. О его существовании позволяют заключить некоторые присутствующие в тексте обороты. Автор несколько раз обращается к собеседнику, призывает его: “матку не лови”, учит: “у старого улья открой нижнюю и верхнюю колодку и дымом всех пчел выгони” и т.д. Конечно, повелительное наклонение глагола может и не подразумевать конкретного лица. Но в одном месте текста ситуация отчетливо индивидуализирована и персонифицирована. Утверждая, что для лучшего роения надо оставлять в ульях больше меда, автор сообщает о собственных пробах, сделанных им в “голодных местах и бессильными пчелами”, что не помешало ему добиться положительного результата. “А <в> ваших изобильных местах с прикладываем меда можно по 4 (роя. – *И.Ю.*) или больше получить”, замечает он и делает вывод: “ваш обычай (т. е. привычную практику. – *И.Ю.*) надобно перемениать”. В данном случае вполне очевидно, что Демидов обращается к вполне конкретному слушателю, ему известен и его “обы-

чай” и природно-климатические условия, в которых содержится пасека. Трактат, таким образом, имеет форму письма, причем подразумевающего конкретного адресата.

Сочинение “О пчелах” интересно местом, которое занимает в нем опытное начало, многочисленными ссылками в качестве аргумента на результаты эксперимента. Где осуществлялась эта работа? где и кем был накоплен тот обширный практический опыт, который получил отражение в трактате Демидова? Таким местом мог быть один из принадлежавших Прокофию Акинфиевичу садов, судя по времени создания текста – скорее всего, Московский. Но в двух описывающих этот сад каталогах о пасеке, и вообще о пчелах, не упоминается. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют установить местоположение пасеки, опытная работа которой отражена на страницах трактата. Между тем определить его было бы крайне интересно уже потому, что, как считается, первое в мире опытное учреждение по пчеловодству – Измайловская пасека в Москве – была открыта только в 1865 году [214, с. 134]. Трактат П.А. Демидова отражает достижения неизвестной нам частной пасеки, занимавшейся опытной работой в сфере пчеловодства более чем за столетие до Измайловской.

Через два десятилетия, в самом конце жизненного пути, вышло в свет главное сочинение П.А. Демидова – “Каталог растениям по алфавиту, собранным из четырех частей света, с показанием ботанических характеров, находящимся в Москве в саду действительного статского советника Прокофья Демидова”. Оно было напечатано в Москве, у содержателя типографии Ф. Гиппиуса, в 1786 г. Содержание этой книги, являющейся перечнем растений Московского сада Демидова, будет охарактеризовано ниже, в рассказе о самом саде.

Хотя имя автора на титульном листе издания отсутствует, о принадлежности его П.А. Демидову говорит подпись под предвещающим текст посвящением Екатерине II. Встречающиеся попытки поставить это издание в непосредственную зависимость от каталога той же коллекции, созданного и опубликованного за пять лет до того П.С. Палласом (В.С. Сопиков, например, прямо приписывал авторство последнему и второго каталога¹²), представляются малооправданными. То, что в обоих случаях составителями использована система К. Линнея, свидетельствует прежде всего о признании, которое к этому времени она получила. Слишком многое отличает каталоги 1781 и 1786 годов. Принцип группировки у Демидова алфавитный, у Палласа – по классам; в демидовский включены не только виды (как у Палласа), но и садовые формы (сорта); названия у Демидова представлены по-

линоминалами, у Палласа они бинарные. Похоже, каталог Московского сада, составленный петербургским академиком, очень скоро перестал удовлетворять владельца уникального собрания. И, судя по тому, что он был не только дополнен, но и радикально переработан, создание нового каталога было вызвано не только тем, что старый уже не отражал всего богатства непрерывно прирастающей ботанической коллекции.

В приложении к демидовскому каталогу опубликована небольшая статья, названная “Способ как семена растить” [67, с. 466, 468]. Органично связанная с каталогом, она представляет и самостоятельный интерес. Еще Паллас, рассказывая о московском саде Демидова, отметил обративший на себя его внимание способ подготовки семян к высадке, который заключался в их проращивании под слоем влажного мха [206, с. XXV]. Подробный рассказ об этом способе и содержит названная работа. По утверждению автора, предлагаемый им метод позволяет проращивать семена даже десятилетней давности. Помимо его описания, статья содержит советы относительно выращивания кактусов.

Данная статья – наглядное свидетельство той большой экспериментальной работы, которая велась в демидовских садах. А объем ее позволяет представить следующий единичный, но показательный факт, упоминаемый в одном из писем Прокофия: только в 1780 г. в Московском саду было высажено около 2000 разновидностей семян [56, № 25]. В связи с холодной весной значительная их часть погибла и посадки, можно предположить, были частично возобновлены.

Собирание естественнонаучных коллекций – одна из важных форм научной работы и, одновременно, деятельность, подготавливающая почву для реализации других ее форм. Ее особенностью является то, что коллекционированием могут заниматься и любители – эта работа не требует научной подготовки столь же основательной, как, допустим, теоретические исследования.

Начиная с коллекционировавшего минералы Акинфия, многие Демидовы, жившие в XVIII–начале XIX в., отдали дань собиранию научных коллекций. Не было исключением и П.А. Демидов. Наибольшую ценность представляли коллекции живых растений в его садах.

Первый сад, к созданию которого причастен Прокофий Демидов – Соликамский. В 1780 г. его посетил И.И. Лепехин, поместивший в третьей части “Дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства” сведения о нем с приведением списка растений, здесь находившихся [173, с. 15, 47].

В известной нам литературе данные об этом саде настолько противоречивы, что не позволяют четко разделить роль и характер участия в его создании и последующей истории братьев Прокофия и Григория Демидовых¹³. Этот вопрос требует дополнительного специального изучения. Нам более вероятным представляется, что главную роль в его создании играл постоянно живший в Соликамске Григорий (поэтому в главе о нем мы еще вернемся к этому саду). Но и старший брат Соликамским садом, видимо, занимался – иначе, после смерти Григория Никитича, имя все более “прираставшего” к Москве Прокофия не связывали бы с далеким от столицы садом так настойчиво.

Следующий сад – Тульский. О нем известно еще меньше, чем о Соликамском.

Упоминается, что Прокофий, собирая в 40-х годах экзотические растения, пользовался отводками и семенами из ботанического сада села Красного [146, с. 151–153]. Поскольку жил он в эти годы в Туле, новая коллекция могла собираться только здесь. Кроме Соликамского сада источником пополнения сада Тульского были обмены с другими ботаниками и собственная собирательская деятельность. Сохранились несколько писем, которыми Демидов обменивался из Тулы с академиком И. Амманом. В письме последнего от 9 апреля 1741 г. сообщается о посылке Демидову “преизрядно редких растений”, в частности, мимозы. В обмен на экзоты Демидов обещал высылать Амману, начиная с осени, семена дикорастущих видов, произрастающих в окрестностях Тулы [139, с. 97] – естественно предположить, что образцы местной флоры в какой-то мере были представлены и в его собственном Тульском саду.

Садов у Демидовых в Туле было по меньшей мере два. Один, судя по плану города приблизительно 1740 года [16], находился в южной части главной городской усадьбы Демидовых (в Оружейной слободе). Судьба его неизвестна.

Остатки второго упоминаются в документах конца 1770-х годов: в Экономических примечаниях к генеральному межеванию (1777) и в описи к тому времени (1779) давно бездействовавшего Тульского завода Демидовых, при котором этот сад и находился. Он был нерегулярным, “плодовитым” (яблони, сливы) [13, л. 18], с высившимися между деревьями тремя кедрами [271, с. 59]. Существование здесь этих представителей урало-сибирской флоры, является, заметим, прямым свидетельством проводившихся кем-то из хозяев сада опытов по интродукции растений. По разделу наследства между сыновьями Акинфия Демидова Тульский завод с прилегающими землями (включая сад) достались среднему из сыновей, Григорию, и оставались в собственности этой линии ро-

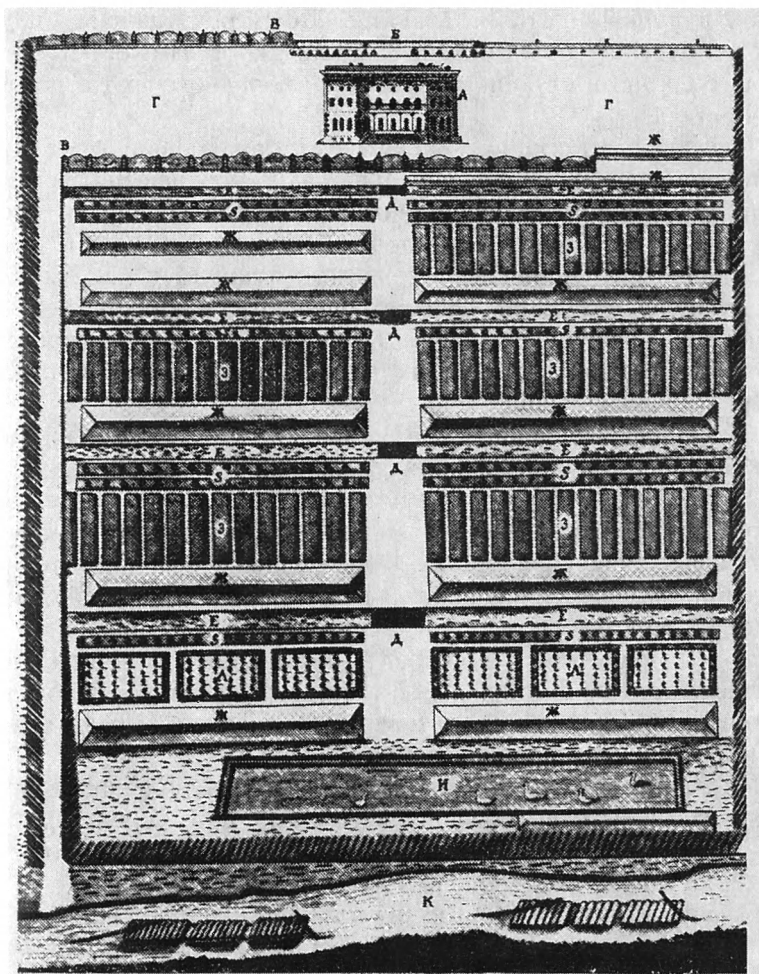
да до продажи завода казне в 1779 году. Но до смерти Акинфия и даже в первые годы после нее, пока еще не определилась окончательная схема раздела имущества, Прокофий вполне мог жить не в Оружейной слободе, а в заводском доме, тем более – мог работать в здешнем саду. О том, что в 1738 г. дом при заводе был в жилом состоянии, и Прокофий в нем по крайней мере появлялся, свидетельствуют документы [266, с. 269, 270].

Недостаток сведений о Соликамском и особенно о Тульском садах с лихвой восполняется информацией о саде Московском. Последний, кроме исключительной ценности своей коллекции, интересен еще и тем, что явился первым частным ботаническим садом Москвы [173, с. 46]. Москва второй половины XVIII века была зеленым городом, садов в ней было много, но создавались они, как правило, либо для пользы (“плодовитые” сады), либо для красоты. Число “произрастаний” в саду городской усадьбы брата Никиты Акинфиевича приближалось к величине коллекции, собранной Прокофием. Но ни младший брат, ни другие москвичи обычно не называли свои сады ботаническими и не издавали их печатных каталогов. Прокофий ясно осознавал отличие своего сада от прочих. “Жалею, – писал он в 1780 г., – что здесь нет ботанического сада: я бы уделил; ... а другой, кроме короны, пожалеет” [56, № 25]. Как видим, оставаясь владельцем единственного в старой столице ботанического сада, Прокофий был готов содействовать появлению новых.

Краткий очерк истории и описание структуры сада, перечисление построек, располагавшихся на его территории, содержится в предисловии к каталогу, составленному П.С. Палласом. Подробные сведения о растениях, здесь находившихся, дает этот же каталог, а также второй, подготовленный и изданный пять лет спустя самим владельцем.

Как уже говорилось, московский дом и сад при нем были заложены П.А. Демидовым около 1756 г. В качестве места для строительства был избран находившийся на краю города участок по Калужской дороге, образованный соединением владений, принадлежавших ранее кн. Д.Ф. Репниной и детям гр. Ф.И. Соймонова [146, с. 151–153]. Отсюда, с высокого берега Москвы-реки, открывался прекрасный вид на луга, рощи, расположенный поблизости монастырь и саму Москву. К концу 1780-х годов площадь под селением на этой демидовской усадьбе составляла 10 дес. 320 кв. саж. [240, т. 2, с. 285].

Но для устройства сада природный профиль берега был неудобен. В течение двух лет 700 человек занимались работами по его вертикальной планировке, перемещая грунт и формируя террасы, что позволило, в конечном счете, придать участку, по вы-

План ботанического сада П.А. Демидова в Москве. Из книги “Каталог растений, находящимся в Москве в саду ... Прокофия Акинфиевича Демидова, сочиненный П.С. Палласом...”, СПб., 1781.

ражению Палласа, “правильную фигуру амфитеатра” [206, с. XV]. Его образовывали пять уступов разной ширины и высоты, но одинаковой длины – 95 саженей (202 м). Площадки соединяли “сходы” – лестницы с железными плитами.

Ко времени, когда в саду работал Паллас, участок имел следующую планировку и застройку.

Верхнюю террасу занимал двор с “преогромным” (Паллас) каменным жилым домом. Его садовый фасад изображен на вкле-

енной в первый каталог гравюре. Дом трехэтажный, на низком цоколе, с 11 окнами по фасаду в каждом этаже, решетками вдоль балкона и крыши, с лестницей парадного входа по центральной оси.

Красивая металлическая решетка отделяла двор от сада. Заложенный первоначально как плодовый, позднее он был перепрофилирован: определен “для одной ботаники”. Первая садовая терраса имела ширину всего около 10 саженей (21 м). С правой стороны на ней размещались гряды для лукович и “как бы зверинец для кроликов, кои здесь и зиму сносят на открытом воздухе”. Слева находились обращенные к югу каменные стены для защиты от непогоды особо нежных плодовых деревьев [206, с. XVII] и парник для ананасов¹⁴.

Сход из 17 ступеней вел на следующую площадку шириной чуть больше 10 саженей. Здесь размещались гряды с однолетними (“годовыми”) и многолетними (“переннисами”¹⁵) растениями, в том числе кустарниками. Помимо находившихся в грунте, часть содержалась в горшках. В левой части каменная стена отделяла плодовые деревья. Справа параллельно друг другу стояли две кирпичные оранжереи, длиной каждая 40 саженей (85 м). В одной выращивался виноград¹⁶, назначение второй менялось в зависимости от сезона: зимой в ней содержались многолетние растения, весной ее использовали “для рождения семян” [206, с. XIX].

На третьей, более широкой, площадке, размещались три оранжереи, в том числе, одна для пальм и других деревьев и “сочных” растений из теплых стран. Зимние оранжереи находились также на четвертой площадке [206, с. XIX].

Самой обширной была пятая площадка, продолжавшаяся до берега реки. Помимо оранжерей здесь находились большой пруд и обсаженный деревьями птичник. Раньше в нем содержались редкие животные, выписанные из Англии и Голландии, на момент же описания – только “редкая иностранная птицы из роду кур и уток” [206, с. XXI, XXIII].

Прокофий, кстати, был большим любителем птиц, особенно певчих. В своих письмах он вспоминает о них чаще, чем о многих знакомых. “Мои птички хуже твоих поют”, – признается он М.И. Хозикову в письме 14 февраля 1773 г. Другое послание, от 1 июля 1779 г., заканчивается сообщением: “У меня перелиняли соловьи и едва запели, только не громко. Малиновки, жаворонки поют...”. В письме от 17 февраля 1780 г.: “Да за выбор канареею приношу многую благодарность, которая получены. Дорогою свалилась одна; поют”. Из весенних (письмо от 25 мая) новостей того же года: “Соловьи, малиновки, пеночки линять начали и

твоему (Хозикова. – *И.Ю.*) здравью кланяются” [56, № 1, 15, 23, 25]. Число подобных примеров можно умножить.

В этом интересе Прокофия к птицам, возможно, проявляются вкусы и предпочтения, сформировавшиеся еще в детстве, в тульский период его жизни. Певчие птицы были одним из любимых развлечений “тулян” XVIII в. В состав созданной в конце столетия “Истории города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах” входит “Толкование о чижиной охоте” – увлеченный рассказ и одновременно оригинальная инструкция птицеловам [265, с. 92–104]. Последние на “охоты” в тульские леса приезжали даже из столиц ¹⁷.

Качество ботанического сада определяет в конечном счете не общая его площадь, не характер, число и размеры построек на нем, и даже не площадь защищенного грунта. В конечном счете он определяется качеством и состоянием сохраняющейся в нем ботанической коллекции – числом, а также редкостью и полнотой растений, в нем произрастающих. В сущности именно это подразумевал Паллас, когда перечень того, что в Московском саду “особливого удивления достойно”, начинал с указания на уникальное, “по числу и по редкости, собрание иностранных дерев, ежегодно с великим иждевением умножаемое” [206, с. XIX].

Наиболее раннее известное нам свидетельство о количестве растений в ботаническом саду П.А. Демидова относится к 1780 г. В письме Хозикову от 25 мая Демидов сообщает, что “перенисов и деревьев” в нем “тысячи с три” [56, № 25].

Детальное представление о числе и характере “произрастающих”, собранных в Московском саду, можно составить на основании упоминавшихся выше двух каталогов этого сада – палласовского (1781) и демидовского (1786). Заметим, кстати, что к идее публикации первого в параллельном переводе на латинский и русский языки причастен, возможно, сам Демидов. В письме М.И. Хозикову от 8 апреля 1779 г. по поводу прочитанной им книги он высказывает сожаление о том, что “в оной несколько есть писаны Латинскими литерами. Хорошо, кто учен; а болван и не прочтет. Хорошо бы и вторично приписали толкование Русское, то бы и простым людям было угоднее” [56, № 8]. При подобных его на данный предмет взглядах Прокофий не мог, полагаем, не побеспокоиться о том, чтобы снять языковой барьер между книгой и читателями из числа не всегда в достаточной степени образованных российских любителей ботаники.

Согласно каталогу 1781 г., в Московском ботаническом саду П.А. Демидова находилось 2224 видов растений [206, с. 149]. Это число несколько меньше трех тысяч, которые год назад насчитал

в своем саду Прокофий, но отличается от прежнего не настолько, чтобы требовать объяснения.

Данные, приведенные во втором каталоге, существенно иные [67, с. 462]. Последний номер, внесенный в его алфавитную часть – 4363. Но далее следует “Прибавление”, в котором сообщается, что владельцу сада “вновь прислано из разных мест семян, которых в каталоге не написано, 665; да сибирских, американских, индийских плантов, которые еще цветов не принесли, с 2000”. Приводятся цифры, характеризующие число других полученных и не внесенных в каталог луковок “плантов” и плодовых деревьев. В общей сложности, по этим подсчетам, “сверх каталогу” оказалось 3637 учетных единиц, что в сумме с ботаническими материалами, включенными в каталог, давало цифру, по мнению Демидова, реально оценивавшую величину собранной в саду коллекции на момент публикации каталога 1786 г.: ровно 8000 штук [67, с. 463].

Причина столь значительного расхождения количественных данных двух источников лежит на поверхности, и сказанное о ней М.Н. Караваяевым и А.И. Ефимовым представляется вполне убедительным [139, с.100]. Паллас в свою публикацию включил только виды, тогда как Демидов, заинтересованный в том, чтобы представить свою коллекцию как можно более солидной, – также садовые сорта и формы. Нельзя, разумеется, сбрасывать со счетов и естественный рост его собрания, продолжавшийся и после завершения работы над каталогом 1781 г.

Оценка качества ботанических коллекций Прокофия Демидова, прежде всего коллекций его Московского сада, сегодня, когда от нее осталось только описание, связана с определенными трудностями. Косвенным образом ее характеризует известность, “цитируемость” научным сообществом – профессиональными ботаниками, ее видевшими и с ней работавшими. Для них, в общем, характерен устойчивый интерес к ней и высокая оценка ее качества. Демидовский сад для биолога той эпохи являлся одной из притягательных достопримечательностей Москвы, артефактом, который был на слуху.

Но внутри сферы этого внимания оценка Палласа – едва ли не самая важная. Порукой тому и общий высокий его авторитет¹⁸, и то, что он был знаком с Московским садом основательнее многих. Хотя он, как мы помним, работал в демидовском саду на этапе, когда тот еще не достиг высшей точки своего развития, качество коллекции последнего оценено им очень высоко. “Сей сад, – пишет ученый, – не только не имеет себе подобного во всей России, но и со многими в других Государствах славными ботаническими садами сравнен быть может как редкостью, так и множеством содержащихся в оном растений” [206, с. XIII].

Садовые работы у П.А. Демидова в 1780 г. выполняли четыре садовника – “они все то (три тысячи растений. – *И.Ю.*) берегут да поливают”. По-видимому, здесь не учтены подсобные рабочие – посадить вчетвером семена “разностей” числом “без малого две тысячи” [56, № 25], не забывая при этом и о других сезонных садовых работах, довольно трудно.

На первом этапе истории ботанической коллекции П.А. Демидова важную роль сыграло включение в нее части материалов Соликамского сада: некоторые наиболее ценные растения из него Прокофий перевез в Москву после смерти брата (1761) [81, с. 38; 146, с. 151–153]. Но ими дело не ограничилось – быстрый рост нового сада был результатом упорной собирательской работы. “Из всего света получаю всякое разное растение и семена”, – сообщал он в 1780 году М.И. Хозикову [56, № 25]. Источниками пополнения московской коллекции Демидова на всем протяжении ее истории являлись обмены с другими ботаниками. Тесные рабочие контакты связывали Прокофия и с представителями коммерческих фирм по продаже растений [146, с. 152–153].

Помимо ботанических коллекций в садах следует помнить о редких растениях, находившихся в домах, принадлежавших Демидовым. У Прокофия Демидова их было несколько. Кроме описанного выше в старой столице ему, по-видимому, принадлежал еще один, на Басманной улице [236, с. 112]¹⁹, в отношении которого упоминается об использовании в нем экзотических растений для украшения окон и лестницы [262, с. 357]. Сходные сведения имеются и о тульском доме отца в Оружейной слободе, в котором Прокофий подолгу жил в 1730-х–1740-х годах [78, с. 88 доп.].

Кроме живых растений, ценные для ботанической науки коллекционные материалы представляли богатые гербарии П.А. Демидова, которые, естественно, в основном составлялись из растений принадлежавших ему ботанических садов. Паллас отмечал, что все растения, произраставшие в Московском саду, ежегодно “с великими рачением и искусством” собирались и высушивались, как с целью пополнения хозяйского травника, “так и для снабдения оными охотников и любителей ботаники, в числе коих и я, по благосклонности сего достохвальнаго мужа, получил знатное собрание растений для травника” [206, с. XXVII]. О передаче через Хозикова ящика “с гербариею” упоминается в письме Прокофия Акинфиевича от 19 февраля 1779 г. [56, № 2].

Собранный П.А. Демидовым гербарий был подарен его наследниками в 1789 г. Московскому университету. К сожалению, основная его часть, подобно большей части прочих научных коллекций, принадлежавших Демидовым, погибла в московском пожаре 1812 г. Печальной участи избежали лишь несколько гер-

барных листов, как предполагается, из дублирующего гербария. Но сохранились некоторые гербарные материалы, из числа тех, что были подарены еще самим Прокофием, – выявлено, в частности, около 150 листов, переданных Палласу [139, с.101]. Имеются данные о том, что составленный из растений демидовского сада гербарий, принадлежавший Палласу, поступил позднее в не менее знаменитый Горенский ботанический сад А.К. Разумовского [96, с. 203].

Предисловие, предваряющее каталог демидовского сада, П.С. Паллас завершил выражением надежды на долгую жизнь рукотворного чуда, созданного Демидовым: “остается только желать того, чтоб сей толиким иждивением заведенной сад пребыл вечно в своем совершенстве и красоте, в память сего знаменитого любителя ботаники, и послужил бы к распространению ботаники в Российской империи” [206, с. XXIX]. Надежда не осуществилась: сад немного пережил своего создателя. Спустя год вдова обратилась к императрице с просьбой о его передаче в ведение Московского университета. Согласие получено не было, поэтому только часть редких растений демидовского собрания поступила в университетский ботанический сад [146, с. 152–153]. Позднее некоторые из еще остававшихся здесь растений были перевезены в московский аптекарский огород [96, с. 203].

Вероятно, в 1788 г. усадьба П. А. Демидова была продана Е.Н. и А.А. Вяземским, которые через пять лет перепродали ее гр. Ф.Г. Орлову, купившему несколько окрестных усадеб и, по видимому, перестроившему главный демидовский дом. Проданный в 1832 г. Николаю I, он стал именоваться Александринским²⁰ дворцом [77, с. 95]. Работы в нем в 1833–1870 годах вел архитектор Е.Д. Тюрин [240, т. 3, с. 211; 77, с. 108, 109]. Упомянутое объединение соседних усадеб (Л.А. Шаховского, Орловых, Д.В. Голицына) образовало замечательный садово-парковый массив, за которым в 1830-х годах закрепилось название Нескучного сада [96, с. 203; 284, с. 410–425, 607]. Еще в начале XX в. несколько сохранившихся в нем экземпляров сосны Веймутова могли напомнить о былых богатствах ботанического сада П.А. Демидова [96, с. 203]²¹.

Прокофий Демидов собирал и выращивал не только растения. Не менее страстно составлялись им и другие естественнонаучные коллекции. Об их составе и ценности узнаем, в частности, из сведений об их дарениях. Остановимся на этом подробнее, тем более что подобные факты интересны и в плане оценки вклада в развитие сферы образования.

Характеризуя состояние науки и высшего образования России середины XVIII в., И.П. Кулакова замечает: “В русском обществе возникает небывалый интерес к проблемам воспитания и образования; появляется новый тип – тип организатора науки, профессионала, вынужденного обращаться к теоретическим проблемам организации науки и образования и одновременно сталкивающегося с сиюминутными практическими потребностями и трудностями повседневной жизни учебных заведений” [166, с. 5].

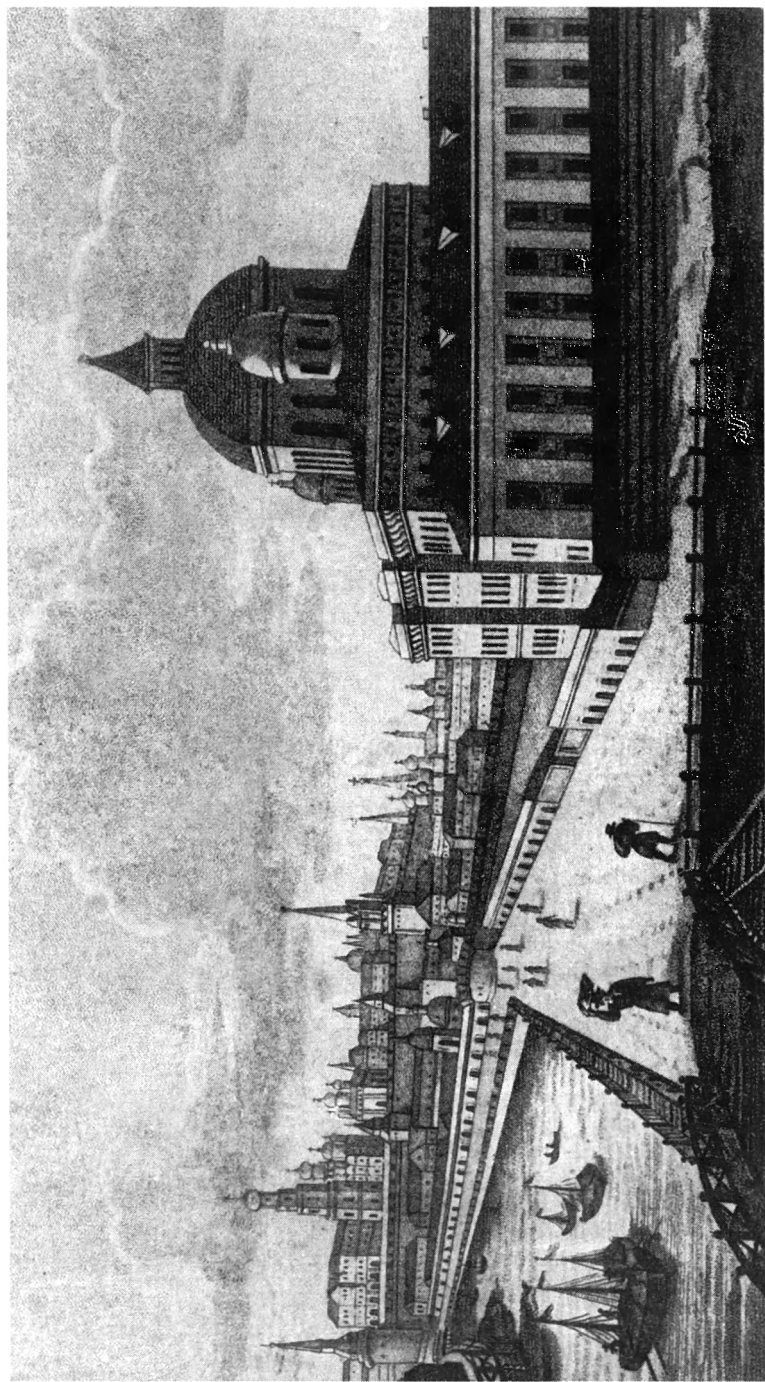
Даже если никак не связывать Демидовых с этим типом, больше того, если не замечать в них интереса к проблемам воспитания и образования и учитывать всю их деятельность в этой сфере исключительно по статье “благотворительность”, налицо благотворительность, ориентированная вполне определенным образом – с учетом веяний, пронизывающих атмосферу эпохи. В отличие от представителей первых двух поколений рода не на строительство церквей жертвуют они средства – на образование и науку. Не на богоугодное (в узком смысле) дело – на филантропические цели, понимаемые как столь же богоугодные. И в этом они, конечно, дети своего века.

И все же: правомерно ли включать Прокофия Демидова в число “организаторов науки”? Если “да”, то в чем именно заключалась эта его деятельность?

Сведения об организации и финансировании П.А. Демидовым научной деятельности достаточно скупы. Есть только две области, два аспекта такой деятельности, которые можно считать серьезным исключением. Во-первых, большие усилия были им положены на создание и содержание являвшихся центрами научной работы ботанических садов, прежде всего самого крупного из них – Московского. Большие усилия и, заметим, огромные средства. В нашем распоряжении нет точных данных по Московскому саду П.А. Демидова, но есть по Горенскому А.К. Разумовского: тому он обходился по разным оценкам от 50 до 150 тыс. руб. в год [173, с. 47]. Полагаем, что затраты на демидовский сад по порядку величины были близкими приведенным цифрам.

Связанной с немалыми затратами была и помощь развитию научного образования.

Благотворительность в адрес учреждений сферы науки и научного образования – одна из характерных черт совокупного образа социально-культурной деятельности Демидовых. “Фамилия Демидовых, – писал историограф Московского университета С.П. Шевырев, – не переставала благотворить Университету и русскому просвещению. Подобныя пожертвования были в их семейном духе, сделались благородными признаками их рода” [260,

Вид Воспитательного дома, части набережной и Кремля. Литография. 1820-е годы.
Фрагмент "Плана столичного города Москвы"

с. 117]. Формируется эта традиция начиная как раз с поколения детей Акинфия Никитича.

Отношение Прокофия Демидова к основанному в 1755 г. Университету (по мнению И.П. Кулаковой, достаточно характерное для московского дворянства той поры [166, с. 21]) рисуют его слова из письма М.И. Хозикову, написанные около 1 июля 1779 г.: “Слава Богу, хорошо. Жаль, что тесно” [56, № 15].

Помощь Университету со стороны П.А. Демидова состояла из денежных пожертвований и передачи ему разного рода научных коллекций.

Наиболее ранние сведения о денежных дарах относятся к самому основанию Университета, когда “от тех г-д Демидовых” было “принято и в расход записано” 13 тыс. руб. До февраля 1757 г. от них было получено еще 8 тыс. [260, с. 75]. Источник (опубликованное С.П. Шевыревым письмо кн. Хованского от 3 февраля 1757 г.) имена Демидовых не расшифровывает, но наиболее вероятными кандидатурами представляются наследники А.Н. Демидова, до 1757 г. (когда завершился раздел) считавшиеся совместными владельцами отцовского имущества.

Еще 10 тыс. руб. П.А. Демидов пожертвовал Университету 11 января 1779 г. [260, с. 113]. Деньги были посланы им при письме на имя куратора И.И. Шувалова. Акция была оценена. В письме от 1 июля 1779 г. польщенный благотворитель сообщил Хозикову о состоявшемся в Университете 30 июня торжественном акте, на котором, в присутствии куратора, профессоров, студентов и приглашенных лиц, после благодарственной речи, обращенной к императрице, прозвучала “и мне речь от молодого студента” – текст этой речи он посылал при письме своему корреспонденту. Тронутый вниманием, Демидов продолжил благотворения: “прикупил домишко за 10 тысяч” и в тот же день “отослал”. “Я еще оставил, – признается он и как бы оправдывается: – а ведь это, право, надобно” [56, № 15]. В конечном счете вторая сумма была принята в денежном выражении, и, как и первая, положена в банк [260, с. 113]. Впоследствии на проценты с этих 20 тысяч содержались шесть недостаточных студентов.

Говоря о приобретении дома, Демидов пояснил, что сделал это “тех ради нуждов”. Демидов подразумевал состояние университетских помещений, собственную оценку которым дал в том же письме в следующих словах (приводим абзац полностью): “Можно сказать, хоша на курячьих лапках куратор основал, да слава Богу, хорошо. Жаль, что тесно. Благородное общество для ученья отдают детей, и в тесноте обучаются” [56, № 15].

Если сравнить изображения, с одной стороны, первого, достаточно скромного, университетского здания на Красной площади,

вскоре купленного в прибавление к нему главного дома бывшей усадьбы кн. П.И. Репнина (на Моховой) и, с другой стороны, имеющего совершенно иной масштаб гигантского комплекса Воспитательного дома (возведенного, напомним, в значительной степени на деньги Прокофия), станут понятными и представления Демидова о том, каким должно быть подобное заведение, и сожаления о тесноте, и желание этому горю помочь. Но купленный (скорее, намеченный для покупки) дом не был принят – вероятно потому, что не вписывался в стратегию развития Университета, какой ее представлял куратор.

Сумма, фактически переданная Демидовым Университету, оказалась скромнее, чем можно было бы ожидать. Судя по “Перечню пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям” (1841), Университету Прокофием были пожертвованы лишь упоминавшиеся 20 тыс. руб. серебром или 70 тыс. ассигнациями [258, с. 266]²². Учитывая, что сумма пожертвований П.А. Демидова, по данным того же “Перечня”, достигла 4 млн 282 тыс. руб. асс. [258, с. 266], 70 тыс., выделенные им Университету и составляющие всего 1,6 % от общей суммы, выглядят весьма скромно.

Пожертвования действительно могли бы быть более значительными. Имя Прокофия связывают с нереализованным проектом переноса Университета на Воробьевы горы. По некоторым данным (которые К.Д. Головщиков осторожно называет “преданием” [109, с. 110]), это место для нового здания было предложено именно П.А. Демидовым, который был готов выделить на само строительство полтора миллиона рублей. Но оно, якобы, не понравилось императрице, вследствие чего идея Демидова была реализована только в XX в. и, разумеется, без участия его капиталов.

Впрочем, покровительство Демидова Университету финансовой помощью не исчерпывалось. Уже упоминалось о передаче наследниками Акинфия Демидова, включая, Прокофия, в дар Университету минералогического кабинета, содержавшего около шести тысяч образцов [109, с. 51–52; 165, с. 62]. (Заметим, что другие факты кооперации Демидовых при проведении благотворительных акций нам неизвестны.)²³ Первоначально специального помещения для хранения и экспонирования естественноисторических коллекций, постепенно собиравшихся в Университете, не было, и их размещали в университетской библиотеке. В 1791 г. хранилищем этих коллекций стал Кабинет натуральной истории (фактически – первый научный музей Москвы), получивший специальное помещение в университетском здании на Моховой. К сожалению, большая часть экспонатов этого со вре-

менем ставшего лучшим в Европе собрания погибла в московском пожаре 1812 г. [165, с. 62, 63].

Высказанная в одном из писем (от 25 мая 1780 г.) готовность П.А. Демидова делиться редкими растениями (“я бы уделил, потому что из всего света получаю всякое разное растение и семена” [56, № 25]) практических шагов не повлекла и университетских коллекций при его жизни не обогатила – соответствующего типа садов в Москве в то время просто не было. Лишь после смерти Демидова в Университет была передана значительная часть его библиотеки, некоторые из редких растений Московского сада и гербарий [146, с. 152–153; 139, с. 101].

Но в целом благотворительная деятельность П.А. Демидова в адрес Московского университета была высоко оценена еще при его жизни. Уже говорилось о речи в его честь, сказанной на торжественном собрании Университета 30 июня 1779 г. Также приветствовав речью, избрало его в свои члены и существовавшее при Университете Вольное российское собрание. Благодарная память о нем сохранилась на долгие годы. На вывешенных в 1822 г. двух досках с именами благотворителей Университета в числе первых было помещено имя Прокофия Акинфиевича Демидова [109, с. 110].

Характер интересов и занятий П.А. Демидова предопределил появление в кругу его общения деятелей науки.

Известно о переписке, которую, еще живя в Туле, Демидов поддерживал с одним из создателей академического ботанического сада (в Петербурге) И. Амманом. Уже упоминалось о письме последнего Демидову, в котором сообщается о посылке в Тулу редких растений. Возможно, эта посылка явилась ответом на присланные Демидовым образцы местной флоры – в письме от 18 марта 1740 г. он, во всяком случае, сообщил Амману о своей готовности, начиная с осени, высылать ему таковые [139, с. 97].

Знакомство П.А. Демидова с другим натуралистом – П.С. Палласом – сыграло решающую роль в увековечении памяти о его Московском ботаническом саде.

Паллас впервые осмотрел его (“с великим удовольствием, но при том как бы мимоходом”), оказавшись в Москве “по случаю предпринятого” им “для физических наблюдений и примечания путешествия”. Некоторые авторы относят это событие к 1773 г. [139, с. 98; 125, с. 77]. Сам Паллас в предисловии к составленному им каталогу растений Московского сада ограничился туманным указанием, что оно состоялось “за несколько лет пред сим”. Местопребывание Палласа в 1773 г. едва ли не поденно восстанавливается из его “Путешествия по разным провинциям Российского государства”. Этот год он провел в поездках по Западной

Сибири, Южному Уралу, Поволжью²⁴. Посещение Москвы и Демидова в ней в эти маршруты не вписывается.

Тем не менее, знакомство состоялось и, опираясь на общие научные интересы, закрепилось. П.А. Демидов присылал Палласу редкие семена. Так, в 1778 г. им было отправлено их из Москвы, по одним данным, 400 [172b, с. 649], по другим – около 500 [146, с. 152–153]. 4 мая 1778 г. Паллас передал эти семена И.И. Лепехину для использования в Ботаническом саду Академии [172b, с. 649]. Уже упоминалось о подаренном Палласу гербарии.

В конце лета 1781 г.²⁵, будучи в Москве, Паллас почти месяц жил в доме П.А. Демидова, на этот раз познакомившись с садом гостеприимного хозяина весьма обстоятельно. “Дабы удовлетворить желание господина онаго сада, а при том собственное свое любопытство”, он начал сочинять его (сада) описание [206, с. XI, XIII]. Во вводном к нему разделе (“предуведомлении”) Паллас по нескольку раз называет Демидова “почтеннейшим господином”, “достохвальным мужем” и “знаменитым любителем ботаники” [206, с. XI, XXVII, XXIX]. Одно из обнаруженных в демидовском саду растений, семена которого были присланы владельцу под названием “тетрагонии корнuty”, Паллас переименовал в “демидовию тетрагоноидес” – “в память сему славнейшему в России любителю и распространителю ботанической науки, коему принадлежит и сей сад” [206, с. 151, 157]. В приложении к каталогу он подробно описал это растение и приложил к описанию изображающую его гравюру [206, с. 151–157, таб. I].

Пока Паллас жил у П.А. Демидова, именно к нему пишет его (Прокофия) брат Никита (письмо от 12 августа 1781 г.), ища способ “господину Палласу Петру Симановичу доложить”, как именно он намерен исполнить одну из просьб последнего [22, л. 101].

Возможно, Прокофий был знаком с ученым-агрономом А.Т. Болотовым – последний упоминает его в своих записках [39a, с. 680].

Из московских ученых, с которыми поддерживал связи Прокофий Демидов, можно назвать директора медицинского сада Т. Гарбера и ботаника Ф.Х. Стефана [146, с. 152–153]. Последний приехал в Россию в 1782 г. и в 1786 г. был назначен профессором химии и ботаники в Московскую медицинскую школу. Впоследствии (в конце 1790-х–начале 1800-х годов) он много занимался Аптекарским садом (за Сухаревой заставой) и заведовал в будущем не менее знаменитым, чем демидовский, Горенским ботаническим садом А.К. Разумовского [130, с. 265]. Стефан – еще одна ниточка, связывающая два замечательных частных ботанических сада России этой эпохи.

Демидов поддерживал контакты и с зарубежными садоводами. В письме М.И. Хозикову от 3 августа 1783 г. он сообщает о получении от Туена (А. Туина) из Франции черенков яблонь и груш: завернутые в мох, они благополучно перенесли пятимесячное путешествие [56, № 32]. Упомянем также Жакина (вероятно, Н. Жакера, директора Венского ботанического сада [146, с. 152–153]), приславшего Прокофию семени “противного вкуса” растения “американской породы” – того самого, которое Палласом в честь Прокофия Акинфиевича было названо “демидовией” [206, с. 151].

Иными взаимными интересами были обусловлены связи П.А. Демидова с известным историком и археографом Г.Ф. Миллером. В литературе высказано предположение, что тот посетил Демидова “во время своих путешествий по Сибири и Уралу” [213, с. 375], но прямых или хотя бы косвенных аргументов, подтверждающих догадку, не приводится. Впрочем, даже если в период миллеровского путешествия (1730-е–начало 1740-х годов) они познакомиться не успели, судьба должна была свести их в Воспитательном доме, на должность главного надзирателя которого (с оставлением при Академии) Миллер был назначен 1 января 1765 г. Он прибыл в Москву уже в марте этого года и приступил к исполнению своих обязанностей [129, с. 13, 15], но довольно скоро от дел отошел. В конце 1765 г. ему было предложено место начальника Архива Коллегии иностранных дел [73, с. 290], и в конце первого года пребывания в Москве он был назначен членом этой коллегии при Московском ее архиве [129, с. 15]. Миллера П.А. Демидов не мог не заинтересовать – и не только в силу служебных обязанностей по “новой странной профессии” (выражение С.С. Илизарова), но и как историографа, взявшегося писать историю первых лет Воспитательного дома²⁶ [129, с. 15].

Еще одна ниточка, протянувшаяся между Миллером и Демидовым, возникла благодаря сохранявшейся у П.А. Демидова, в силу происхождения, связи с народной культурой. Маска неученого простака позволяла ему эту связь не скрывать – как результат, для Миллера он оказался одним из каналов, через которые ученый мог приобщиться к исторической информации, сохранявшейся в социокультурной памяти этноса. В 1768 г. Демидов отправил Миллеру текст исторической песни об Иване Грозном “Никите Романовичу дано село Преображенское”. В сопроводившем его письме он сообщил, что “достал” ее от “сибирских людей”, “понеже туды (в Сибирь. – *И.Ю.*) всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют по голосу” [213, с. 373, 376, 385]. Что предшествовало посылке песни, какова была роль Миллера (если она вообще была) в появлении у Демидо-

ва знаменитого впоследствии фольклорного “Сборника Кирши Данилова” (куда вошла и названная песня) – доподлинно неизвестно. А.М. Лободой (1896) высказывалось мнение, что инициатором сбора песен, составивших сборник, явился именно Миллер, снабдивший Демидова необходимой для этого инструкцией – но современным исследователям эта концепция представляется “увлекательной”, однако, увы, зиждящейся “на очень зыбких доказательствах” [213, с. 376].

Безусловно, очень интересно было бы прояснить роль самого Демидова в судьбе уникального Сборника. Сведения о его в ней участии исходят от редактора первого издания (1804) А.Ф. Якубовича, его “собирателем” назвавшего “известного по своей странной жизни” П.А. Демидова. Что понимать под “собирателем” – неясно. Б.Н. Путилов, например, ограничивает вклад Демидова (сугубо, разумеется, предположительно) приобретением им рукописи или заказом копии [213, с. 376–377]. Но в его безусловной причастности к начальной истории памятника убеждает уже тот факт, что к первому точно известному владельцу рукописи Сборника Ф.П. Ключареву он попал от Н.М. Хозикова [213, с. 375] – сына многократно упоминавшегося Марка Ивановича. А.А. Горелов напоминает, что последний посылал Демидову разного рода “сказки”, и полагает, что одно из наиболее перспективных направлений исследований истории Сборника – поиск новых сведений об окружении Прокофия Демидова [110, с. 168–169].

Научные связи П.А. Демидова осуществлялись и через научные общества. Он был причастен к нескольким. В 1782 г. на пожертвования его, а также П.А. Татищева, кн. А.А. Черкасского, кн. Н.Н. Трубецкого, И.Г. Шварца и других лиц, в присутствии московского главнокомандующего гр. З.Г. Чернышева и митрополита Платона, состоялся акт торжественного открытия Дружеского ученого общества [192, с. 228, 229; 131, с. 125].

А что же техника, технические науки, изобретательство?

П.А. Демидов большую часть своей 76-летней жизни числил заводчиком – только последние 14 лет ее прошли вне забот о железных заводах.

В одной из предыдущих книг мы уже пытались рассеять сложившееся представление о Прокофии как о человеке, избегавшем техники и связанной с ее использованием деятельности [266, с. 132, 133, 312, 313]. И хотя сегодня сведения о его занятиях в этой сфере несколько пополнились (промышленным хозяйством Прокофий все-таки занимался), по-прежнему нет никаких осно-

ваний даже сравнивать его в этом отношении с братом Никитой. Возможно, открытия еще предстоят, но на сегодняшний день нет сколько-нибудь достойных внимания данных ни об изобретательской деятельности Прокофия, ни об организации и финансировании им работ в области техники и технологии, ни об участии в развитии технического образования. Многолетний конфликт с отцом, по-видимому, до такой степени негативно маркировал в нем все техническое, что начисто “забил” традиционный для Демидовых интерес к этой сфере (что не исключало работу в ней по необходимости).

Прокофий Демидов не только во-первых, но и во-вторых, в-третьих – не техник, он ботаник, садовник.

Но и садовник садовнику рознь. Кто он – ученый или дилетант-любитель, естествоиспытатель или коллекционер творений живой природы, в меру (но не “чрезмерно”) просвещенный? Или причудливая смесь того и другого?

Не имея достаточных данных для самостоятельного заключения по данному вопросу, естественно обратиться к оценкам и мнениям современных ему ученых. Среди них были фигуры, к мнению которых нельзя не прислушаться. Но приведенные выше высказывания о Прокофии Демидове с трудом согласуются друг с другом. “Знаменитый любитель ботаники” и “распространитель ботанической науки” в оценке Палласа – у Болотова только “проказа”. И правы, насколько можно судить по фактическому материалу, оба. И все же, ища ответ на поставленный вопрос, более обоснованно присоединиться к оценке Палласа. И не потому, что в качестве специалиста он более для нас авторитетен – авторитетен и Болотов. Важно, что первый, в отличие от второго, имел возможность познакомиться с Демидовым-ботаником и с результатами его научной работы (главным из которых являлся Московский сад) – познакомиться не только воочию, но и самым *детальным* образом. Болотов, насколько нам известно, такой возможности не имел. Не удивительно, что в формировании его мнения о Прокофии Демидове определяющую роль играла молва, слухи. А молве до ботаники дела не было. Не то, что до лошадей в очках или катания верхом на должнике по комнатам.

Заметим, что демидовские чудачества некоторыми воспринимались как признак низости происхождения и связанной с этим нравственной низости личности. По своей резкости особенно выразительна характеристика, данная Прокофию М.М. Щербатовым²⁷ в известном памфлете “О повреждении нравов в России”. Для последнего Демидов – развратный хам, откупающийся от на-

казания за проступки против благопристойности неуместно щедрой в нормальном обществе благотворительностью, которая, к тому же, наносит ущерб его наследникам. Осудив практику “чины за деньги продавать”, историк приводит пример: “Прокофей Демидов, привоженный под виселицу за пашквили, бывший под следствием за битие в доме своем секретаря Юстиц-коллегии, делавший беспрестанно наглости и проказы, противные всякому благоучрежденному правлению, за то, что, с обидою детей своих, давал деньги в сиропитательный дом, чин генерал-маеорской получил, а за дание пяти тысяч в пользу народных школ учинено ему всенародно объявленное чрез газеты благодарение²⁸. Якобы государь не мог полезных учрежденей завести, без принятия денег от развратных людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы!” [202, с. 126].

Итак, в образе П.А. Демидова, каким он сложился в глазах современников, доминировали, уживаясь, две черты: чудачество и шутовство, с одной стороны, щедрая благотворительность – с другой. Его увлечение естественными науками, созданные благодаря этому сады, в том числе уникальный Московский, рассматривались большинством тех, кто о них знал, как причуда богатого человека – не более [97, с. 178]. Научные лавры доставались исключительно профессиональным ученым, в них работавшим. А со смертью Прокофия, с исчезновением садов, с превращением в библиографическую редкость их описаний о Демидове-натуралисте забыли совсем. Остались исторические анекдоты и рисуемый ими образ чудаковатого богача-благотворителя.

С наступлением этой эпохи писать портрет П.А. Демидова стали по анекдотам. Из созданной на их основе литературы упомянем посвященные ему страницы в книгах М.И. Пыляева “Замечательные чудачки и оригиналы”, Е.П. Карновича “Замечательные богатства частных лиц в России”, В.В. Огаркова “Демидовы: Их жизнь и деятельность”, а также очерк С.Н. Шубинского “Русский чудак XVIII столетия (1710–1786)”. Все перечисленное – научно-популярные сочинения, созданные, в основном, на основе предшествующей историографии с использованием многочисленных опубликованных источников. Впрочем, поскольку отдельные авторы занимались еще и научными исследованиями, некоторые из их книг поднимаются над средним уровнем популярных работ. Но обратим внимание на приведенные заголовки: богатство и чудаковатость – вот координаты, в которых интерпретируется образ Прокофия Демидова.

Чудачество – черта штучная, и, как всякое маргинальное поведение, чрезвычайно интересная для постижения социокультурной специфики эпохи. Напомним слова А.С. Пушкина, находив-

шего в “странностях” уездных барышень “существенные достоинства”, “из коих главное: особенность характера, самобытность (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия” [289, с. 110–111]. Но глубоким исследованием этого феномена на демидовском материале историография темы не пополнилась.

Показательно, что в отличающейся основательностью охвата опубликованного к тому времени материала и привлечением некоторых новых источников работе К.Д. Головщикова “Род дворян Демидовых” материал о чудачествах П.А. Демидова (составляющий около половины посвященного ему очерка) сводится к пересказу анекдотов в сопровождении комментирующих некоторые их реалии цитат из документов.

И все же, дореволюционная историография выработала, в общем, достаточно взвешенный взгляд на Прокофия Демидова – сформировала точку зрения, в которой крайности принятия или отвержения (по факту и духу) сообщаемого историческими анекдотами сменились их трезвой оценкой как культурного факта. Его психологический портрет был реконструирован в основном верно (обратим в связи с этим внимание на краткий, но выразительный эскиз П.И. Бартенева, предпосланный публикации в “Русском архиве” писем Прокофия [56]). Общим недостатком этих работ было то, что в них, как правило, отсутствовала оценка Демидова-ученого.

Историки науки вспоминали о П.А. Демидове нечасто. Один из редких примеров внимания к нему – несколько упоминаний в написанных в 1912–1914 годах “Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии” В.И. Вернадского. Характеризуя отношение общества к науке в середине этого столетия, он отмечает, что “среди нарождавшегося, затронутого культурой, иногда и вполне образованного барства немногие из этого поколения интересовались вопросами, связанными с точным знанием или естествознанием”. Указав, что “большей частью это был интерес дилетанта или любителя природы, садоводства и т.д.”, он называет, в качестве примера, два имени: кн. А.Д. Кантемира и П.А. Демидова, на последнем из которых специально останавливается. Он отмечает, что увлечение ботаникой Демидов пронес через всю жизнь, говорит о его прекрасных садах в Соликамске и Москве, называет имена тех, кто занимался в них научной работой и их описывал, обращает внимание на непонимание его интересов обществом. Общая оценка не только благожелательная, но и приподымающая Прокофия Акинфиевича над окружением: “по-видимому, это был один из пионеров натуралистов-любителей из среды образованного русского общества” [97, с. 178].

В дальнейшем, несмотря на некоторое расширение круга источников, введенных в научный оборот, принципиально новых по результатам “прорывов” к П.А. Демидову и интересующей нас сфере его деятельности не произошло.

Демидовскому ботаническому саду в Москве был посвящен специальный раздел в работе С.Ю. Липшица, опубликованной в составе изданных в 1947 г. “Очерков по истории русской ботаники”. В нем подчеркнуто, что это был первый частный ботанический сад в Москве, и отмечается важная роль, которую он, а после него сад А.К. Разумовского сыграли в развитии в России систематики и флористики. Указано на “интересную селекционную работу”, которая велась в саду Демидова, о составлении ценных гербариев. Опираясь на печатные каталоги, автор кратко рассказывает о создании сада и его составе. Упоминается также о саде в Соликамске, принадлежавшем, по мнению автора, тому же Прокофию. В отношении истории демидовского рода и места в ней П.А. Демидова представления довольно смутные: Прокофий (“крупный капиталист и меценат,.. одновременно страстный любитель ботаники”) ошибочно назван “родоначальником знаменитой фамилии” [173, с. 15, 46, 47].

У историков, занимавшихся социально-экономической проблематикой, большого интереса личность Прокофия не вызывала. В том числе у Б.Б. Кафенгауза, одного из самых серьезных отечественных исследователей, занимавшихся историей рода Демидовых в XX в. В своей известной монографии 1949 г., в главе об организации заводского хозяйства Демидовых во второй половине XVIII в., он уделил ему только один абзац. В нем читателю был предъявлен стандартный набор компонентов, образующих сложившийся еще в предыдущем столетии плакатный образ Прокофия: богатство (иллюстрированное цитатой из С.Н. Шубинского), чудачества, пожертвования. Впрочем, невнимание автора к Прокофию Демидову в вину ему не поставишь, оно вполне объяснимо. Его книга не о Демидовых, а об их хозяйстве. Между тем, как заводчик Прокофий ничем особенным, по Кафенгаузу, не прославился, кроме того, разве, что продал свои заводы. Характерно, что, говоря о Нескучном саде, Кафенгауз посчитал уместным упомянуть только одну связанную с его историей конкретную деталь: численность работников, занимавшихся вертикальной планировкой предназначенного для него участка [144]. Не баловали вниманием Прокофия (в сравнении с иными Демидовыми) и другие крупные исследователи истории русской промышленности XVIII в. – П.Г. Любомиров, С.Г. Струмилин, Н.И. Павленко и др.

На этом фоне выделяется работа М.Н. Каравая и А.И. Ефимова, специально посвященная Прокофию Демидову-натуралисту

(1983) и включающая, помимо известных, некоторые новые материалы, в частности, о судьбе демидовских гербариев. Принадлежность Прокофия Демидова к истории науки сомнения у авторов не вызывает.

В конце столетия о Прокофии вспоминают все чаще, но главный нерв интереса к нему остается все тем же: богатство, чудачества, благотворительность. Показателен всплеск интереса к старым популярным работам – переизданы Карнович, Пыляев, Огарков, Шубинский [140; 216; 215; 200; 262]. Характерно, что даже в таком отличающемся новизной подходов и оценок издании, как 1-ая книга “Демидовского временника” (Екатеринбург, 1994), число страниц, на которых упомянут Прокофий Демидов, в три с половиной раза меньше, чем число страниц с упоминанием о его младшем брате Никите.

Прокофий Демидов – историческая фигура, которая еще ждет внимательного и беспристрастного взгляда историка и культуролога. Ждет введения в научный оборот сохранившихся в архивах обширных массивов документальных источников, ждет открытий в музейных собраниях. Только тогда объективное и всестороннее освещение получит его деятельность в сфере науки, тогда его личность займет свое место в ее истории.

Эта глава – попытка напомнить некоторые результаты работы, уже проведенной историками, и наметить основные направления для работы последующей.

¹ Здесь не только непрерывно переиздаваемый роман Е.А. Федорова, но и книги вроде “Замечательных чудачков и оригиналов” М.И. Пыляева [215], в своем роде, заметим, весьма любопытные.

² Не исключено, впрочем, что в этом письме подразумевается кто-то из двоюродных братьев автора из числа сыновей Никиты Никитича. Но Прокофий в контекст письма “вписывается” очень правдоподобно, тогда как о них сказать этого нельзя.

³ В доношении в Камер-коллегию от 25 июня 1750 г. П.А. Демидов жаловался на задержку на Даниловской заставе таможенными откупщиками “для дому ево припасов”, присланных к нему в Москву с Тульского завода Демидовых. На Гостином дворе, куда отправили, “заарестовав всю оную присылку”, оказались металлоизделия (преимущественно железные) “кузнечной недорогой разной работы для полатного строения”: какие-то решетки (две), кольца (13 штук), дверные (18) и “окошечные” (52) подставки общим весом 18 пудов 19 фунтов. Объяснения Демидова и малое число предметов в конце концов убедили власти, “что оные везены” не на продажу, а “про домашнюю их нужду”. Тем не менее, Камер-коллегия своим указом распорядилась вернуть их хозяину лишь два (без малого) года спустя – 9 апреля 1752 г. [6d, л. 1, 2, 2 об.].

⁴ Кроме упоминаемой ниже поздней поездки в Голландию есть сведения и о более ранней: отмечается, что Прокофий отправился за границу по окончании раздела отцовского наследства [207a, с. 27].

⁵ Этот эпизод, судя по качеству источника, вполне достоверный, перекликается с одним из исторических анекдотов о Прокофии – только ведет себя в нем

главный герой с точностью до наоборот. Приводим эту историю в изложении К.Д. Головщикова (1881):

“Той же своей оригинальностью, проживая в Саксонии, удивлял Демидов тамошнее население – как закупкою на их рынках всего продаваемого там, по-видимому, вовсе и ненужного для него, так и роскошными своими, и по русской натуре, угощениями; сидевшие же за его огромным столом гости, говорили друг другу на ухо: “Какой мот! С чем он выедет отсюда!” Между тем Демидов вслух смеялся над бедностью столичного их города Дрездена, говоря, что некуда ему девать здесь денег: купить нечего” [109].

Этот сюжет присутствует и в более раннем (1864) очерке С.Н. Шубинского [262, с. 356], но без подробностей, в том числе топонимов.

⁶ Эту дату Демидов называет в письме М.И. Хозикову от 1 июля 1784 г., написанном на другой день после венчания [56, № 38]. Обряд состоялся в воскресенье, в третьем часу пополудни, в присутствии брата Никиты и некого Коробкова, судя по фамилии, возможно, кого-то из родственников первой жены отца.

⁷ В письме от 12 августа 1781 г. Н.А. Демидов сообщает брату Прокофию о посылке ему взятых у него на вексель 10300 рублей ассигнациями и благодарит за ссуду [22, л. 101].

⁸ Например, герой предыдущей главы, дядя Прокофия, статский советник Никита Никитич Демидов, или его сын, Прокофию двоюродный брат, тоже Никита Никитич (для различения с отцом обычно именуемый с прибавлением слова “дворянин”). Особенно характерны письма последнего к приказчикам, наполненные самой грубой бранью и стремлением унижить корреспондента. Любопытно, что автором одного из них, опубликованного в 1873 г. в “Русском архиве”, явно по ошибке назван Прокофий Демидов [44]. Встающий за строками этого письма образ его автора настолько же не согласуется со всем, что известно о Прокофии, насколько согласуется с известным о дворянине Н.Н. Демидове. Сравнение письма с недавней публикацией (по копиям из челябинского архива) пяти других писем Никиты Никитича близкого времени [58], выявляет множество лексических и стилистических совпадений, которые в совокупности просто не могут быть случайностью (слово “смелоотчаянные”, фразеологизмы “цыц и перецыц”, “хотя бабку свою пойте”, “как лягушек (вариант – “раков”) раздавлю” и т.д.). Но если письмо, опубликованное в “Русском архиве”, принадлежит в действительности Н.Н. Демидову, снимается главный аргумент в пользу предлагаемой К.Д. Головщиковым [109] смещения даты смерти П.А. Демидова с 1786 на 1788 год.

⁹ На “говорящий” характер портретов Прокофия обратили внимание М.Н. Караваев и А.И. Ефимов [139, с. 97].

¹⁰ Этот портрет воспроизведен в первом издании родословной росписи Демидовых, составленной Е.И. Красновой (Екатеринбург, 1992. С. 10).

¹¹ Подразумеваемая сложное сочетание традиционных и новаторских художественных решений, реализованных в этом портрете, искусствовед Т.В. Ильина в монографии о другом замечательном русском живописце – Иване Вишнякове – писала: “Только Левицкому будет доступно изобразить человека в величественно-царственном облике при всей “домашности” его одяния, как он сделал это в своем “Демидове”, но, во-первых, это произойдет через тридцать с лишним лет, во-вторых, художник создаст этот сложный образ в традиционной и отшлифованной схеме композиции парадного портрета” [133].

¹² Составители “Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века” на авторстве Палласа не настаивают, но все же считают Каталог 1786 г. составленным “на основе изданного Палласом в 1781 году”. Высказывается также предположение об участии в его составлении В.Г. Вороблевского, представившего его в цензуру [230, т. 2, с. 28].

- ¹³ По С.Ю. Липшицу, сад в Соликамске, список растений которого опубликовал Лепехин, принадлежал Прокофию Демидову [173, с. 47]. В.В. Косточкин пишет, что он был им создан [155, с. 51]. М.Н. Караваев и А.И. Ефимов говорят об обоих братьях, но склоняются к предположению, что “основные работы по созданию сада” “принял на себя” все же Прокофий [139, с. 97]. Л.В. Баньковский о Прокофии даже не упоминает, связывая создание и содержание сада с деятельностью исключительно Григория Демидова [81, с. 34–38]. “Его (Г.А. Демидова. – *И.Ю.*) садом” называет Соликамский сад и А.С. Черкасова, о причастности к нему Прокофия также не упоминающая [254а, с. 117]. Повествуя о 1740-х годах, В. Киприн и Г. Шалыпина также считают, что этот сад принадлежал Григорию, Прокофий же лишь заимствовал из него некоторые ботанические материалы [146, с. 151–153].
- ¹⁴ Англичанин У. Кокс в своих записках пишет: “Со времени моего отъезда из России (1785 г. – *И.Ю.*) садоводство сделало в этой стране большие успехи. По сведениям, сообщаемым Ритчером, в окрестностях Москвы разводят в парниках много ананасов, которые продают по рублю штука” [49, с. 191].
- ¹⁵ В Каталоге Палласа латинское слово *perennis* (длящийся круглый год, неизменный, вечный) набрано литерами кириллического алфавита.
- ¹⁶ Относительно выращивания винограда русские садоводы конца XVIII в. добились и больших успехов. У. Кокс, в частности, сообщает: “Один датчанин, недавно вернувшийся из России, говорил мне, что он видел в имении князя Голицына виноград, зревший на воздухе” [49, с. 191].
- ¹⁷ Укажем в качестве примера на дело в фонде Тульской провинциальной канцелярии, возникшее по указу от 27 июня 1737 г., присланному из Конюшенной канцелярии, о посылке в Тулу “для ловли белых воробьев птичек” ея императорского величества охоты охотников ястребника Федора Шамаева и помытчика Степана Акутина и о оказании им со стороны местной администрации помощи в “ловлении оных воробьев” [6, л. 1].
- ¹⁸ Подразумеваем авторитет научный. Современниками (в том числе достаточно образованными, чтобы понимать значение Палласа как ученого) личность последнего оценивалась неоднозначно. Укажем, например, на резко отрицательную характеристику его нравственных качеств, данную Е.Р. Дашковой: “Этот ученый, известный публикациями о своих путешествиях по России и познаниями в естественной истории, был человеком беспринципным, безнравственным и корыстным” [42, с. 162].
- ¹⁹ Описание обстановки дома П.А. Демидова в Басманной слободе дает С.Н. Шубинский [262, с. 357]. Некоторые авторы отождествляют с ним построенное по проекту М.Ф. Казакова здание по адресу Гороховский пер., 4. После его смерти оно перешло к А.Б. Куракину [236, с. 112]. Впрочем, в литературе чаще называется другой заказчик указанного здания. Сообщается, что участок земли, где стоит “Дом Демидовых” в Басманной слободе (так называют эту усадьбу), принадлежал их роду уже в начале XVIII в. Нынешнее здание строилось Казаковым для представителей той его линии, которая идет от младшего брата Акинфия Никиты, а именно для его внука Ивана Ивановича Демидова [135, с. 46], во владение которого участок перешел в конце 1770-х годов [99, с. 160]. После него усадьбой владел его сын Николай. Нет определенности и относительно даты постройки: одни относят ее к 1780 г. [236, с. 112], другие (издатели обмерных чертежей) к 1780-м годам, третьи утверждают, что строительство было завершено только в 1791 г. [135, с. 46].
- ²⁰ У А.П. Вергунова и В.А. Горохова – Александровским [96, с. 203].
- ²¹ Могли, но большинству уже не напоминали. М.Н. Загоскин в написанном в 1839 г. очерке, посвященном прошлому и настоящему Нескучного (вклю-

- ченном позднее в книгу “Москва и москвичи”) о Демидове не упоминает. В XX в. число помнивших еще уменьшилось. Показательна следующая цитата из статьи, подготовленной к 800-летию юбилею Москвы для достаточно ответственного издания – газеты “Московский большевик”: “Во второй половине XVIII века знаменитый путешественник и естествоиспытатель академик Паллас устроил в Московском Нескучном саду ботанический сад на месте теперешнего Зеленого театра и против теперешнего здания Президиума Академии” [94, с. 60]. Автор этих строк – президент Академии наук С.И. Вавилов, писавший их, возможно, в здании, которое занимал Президиум, – в бывшем доме П.А. Демидова.
- ²² И.П. Кулакова упоминает также о пожертвованиях П.А. Демидова на постройку нового университетского здания, сделанных “благодаря заботам И.И. Шувалова” [166, с. 21]. Не ясно, подразумеваются ли какие-то особые дарения, денежные или имущественные (почему они в таком случае не попали в цитировавшийся “Перечень пожертвований”?) или речь идет все о тех же 20 (70 на асс.) тысячах рублей, переданных университету в 1779 г. Второе вероятнее. Но эти деньги, как уже говорилось, и предназначались не на строительство, и использованы были на другие нужды.
- ²³ Первым из братьев объявил о решении передать Университету свою треть собрания отца Н.А. Демидов 17 февраля 1755 г. [238а, с. 135] (та же дата указана и в [255, с. 85]), что позволяет связать это пожертвование непосредственно с открытием Университета – указ о его учреждении был подписан месяцем раньше [209, т. 14, № 10346], собственно же открытие (“инавгурация”, как называли этот акт в “Санкт-Петербургских ведомостях”) состоялось в этом году 26 апреля [193, с. 9, 36].
- ²⁴ Осень 1772 г. застала Палласа на пути из Забайкалья к Иркутску, откуда он пошел на запад – в сторону Красноярска и абаканских степей. Той же осенью он успел обследовать Минусинскую котловину. Зимой 1772–1773 гг. путешествовал по Западной Сибири. Вернувшись из Сибири на Южный Урал (в Челябинск), в марте 1773 г. направился к реке Уфе. Его маршруты этого года проходили по Уралу и Поволжью. Осенью 1773 г. он исследовал озера Эльтон и Баскунчак. Зимовал в Царицыне [137, с. 322; 177, с. 31–33, 149].
- ²⁵ Опираемся на дату, приведенную в работе М.Н. Караваева и А.И. Ефимова [139, с. 98]. Сам Паллас в книге, изданной в 1781 г., говорит о “конце прошлого лета”, когда он “по случаю” опять находился в Москве. Если его каталог вышел из печати осенью или зимой указанного года, под прошлым летом можно понимать лето того же 1781 г. Но заметим, что его в этом случае точнее было бы назвать “нынешним” или “минувшим”, поскольку определение “прошлое” в равной мере может быть отнесено и к прошедшему лету текущего года, и к лету предыдущего года. И все же дело происходило, по-видимому, именно в 1781 г. – в пользу такой датировки говорит письмо брата Никиты к П.А. Демидову от 12 августа 1781 г.
- ²⁶ Достойно сожаления, что два последних (1996 г.) издания трудов Г.Ф. Миллера, подготовленные А.Б. Каменским и С.С. Илизаровым и включившие основные его москвоведческие сочинения [187; 188], не содержат этой работы историка.
- ²⁷ Последний, между прочим, как и многие Демидовы, был владельцем “изобильного кабинета натуральных вещей” [202, с. 22].
- ²⁸ Содержание большинства перечисленных эпизодов изложено в посвященном П.А. Демидову разделе работы К.Д. Головшикова [109].

Соликамский ботаник

(Григорий Акинфиевич Демидов, 1715–1761)

Биографическая справка. – Собирание научных коллекций. Соликамский сад. – Вклад в развитие научного образования. – Контакты с учеными. – Отношение к технике, техническим наукам и техническому образованию.

Григорий, средний из сыновей Акинфия Демидова, известен менее своих братьев, хотя задатки для того, чтобы оставить след в истории, имел, судя по всему, нисколько не меньшие, чем они. Он обладал выраженным интересом к науке, был склонен к творческой работе в ней. Причина невнимания к нему – может быть, более короткий, чем у братьев, жизненный путь. Умерший в возрасте 46 лет, Григорий успел реализовать свои возможности в меньшей степени, чем проживший почти на два десятка лет дольше Никита, тем более Прокофий, умерший на 77-м году.

Григорий Акинфиевич Демидов (№ 8 в родословной росписи Е.И. Красновой) родился 14 ноября 1715 г. [157, с. 9].

Годы его юности и ранней зрелости (вплоть до смерти отца) прошли преимущественно в Соликамске. 1720-е годы – период быстрого экономического и культурного подъема этого города – “соляной столицы” России, время, когда он достигает наивысшего расцвета [155, с. 48]. Поблизости от Соликамска – в XVIII в. в полутора верстах – находилось село Красное, в котором Демидовым принадлежали земли и крепостные¹. Село располагалось на крутом берегу реки Усолки, недалеко от ее впадения в Каму – принято считать, что благодаря величественной панораме, открывавшейся отсюда, село и получило свое название [155, с. 94].

Судя по письму Акинфию Демидову его соликамских приказчиков Анания Козлова и Федора Цыкина от 13 марта 1732 г. (“а коликое число, – сообщают они, – в выварке соли, о том писали до вашего благородия прежде сего з государем нашим Григорьем Акинфиевичем” [32, л. 2]), последний появился здесь не позднее 16-летнего возраста. Но произошло это по меньшей мере на год раньше: заключаем это из того, что летом 1731 г. Гри-

Григорий Акинфиевич Демидов.
Миниатюра. Из книги: Русские
портреты XVIII–XIX столетий /
Изд-е вел. кн. Николая
Михайловича. СПб., 1909. Т. 5.
№ 181

горий женился² на дочери крупнейшего местного солепромышленника Павла Суровцева³ Анастасии.

Почему отец выбрал для Григория местом его пребывания в начале 30-х годов именно Соликамск? Причин, вероятно, было несколько.

Несомненно, было учтено особое положение этого города в коммуникационной сети, связывавшей в то время Европейскую Россию с Уралом и Сибирью. Он был начальной точкой Бабиновской дороги – тракта Соликамск-Верхотурье, являвшегося единственным официальным путем с таможеней на нем (в Верхотурье), пропускавшей все товаропотоки между регионами [195а, с. 21]. Постоянно приходилось проезжать этой дорогой и Акинфию Демидову – сын, приучавшийся жить самостоятельно, оказывался, таким образом, под контролем.

Не последнюю роль сыграли, по-видимому, и планы Акинфия в отношении судьбы его промышленного хозяйства. Осознавая неизбежность разделения имущества после смерти и, вероятно, предпочитая, как некогда отец, передать все металлзаводы в руки одного владельца, он вполне мог допускать отделение от основной части промышленной недвижимости (предприятий железнорудных и медеплавильных) заводов солевых – автономного и самодостаточного промышленного комплекса. Несомненно рассчитывая, что его преемники, подобно отцу и деду, будут лично заниматься производством (“заводы, – считал он, – яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзирания” [47а, с. 607]) – он готовил их к этому. Непосредственно при демидовских металлзаводах соль, насколько нам известно, не добывали, поэтому, живя на них, можно было набраться опыта в области металлургии, но никак не солеварения.

Но были ли у Акинфия соляные варницы? В сводке, характеризующей состав демидовского хозяйства на момент смерти А.Н. Демидова, Н.И. Павленко о соляных промыслах не упоминает.

нает (хотя отмечает кожевенные заводы и даже пильную мельницу) [204, с. 85]. Таким оказался итог, на пути же к нему Акинфий предпринимал попытки наладить и производство соли. Ему принадлежали купленные у гостя Филатьева⁴ соляные варницы близ Соликамска. Они действовали до 1740 г. (соль поставляли в Ярославль и Кострому), когда пришли в запустение, были остановлены, но позднее вновь пущены [144, с. 222]. Варницы у А.Н. Демидова имелись также в Кунгурском уезде – на р. Шакве в 35 верстах от Кунгура. За “невыходом” соли не позднее лета 1740 г. и они были уничтожены, а на их месте построен Шаквинский медеплавильный завод [204, с. 85].

К сожалению, в отношении обоих промыслов нет данных о принадлежности их Демидову в начале 30-х годов, но применительно к соликамским варницам последнее очень вероятно. Во всяком случае, весной 1732 г. они, как следует из цитированного выше письма приказчиков, действовали.

Но то ли в ближайшее время изменилась хозяйственная ситуация, то ли, что вероятнее, в эти годы отец еще не вполне определился в планах относительно Григория. Всего через год А.Н. Демидов, приехав в Соликамск, забирает отсюда сына и направляет его изучать заводское дело в Суксун [81, с. 34]. Новое место “производственной практики” Григория было выбрано не случайно. Только что пущенный (в начале 1729 г.) Суксунский завод строился, похоже, как образцовое, отвечавшее новейшему уровню техники и технологии, предприятие – об этом свидетельствует, в частности, необычно большое количество на нем производственных построек, выполненных в камне [204, с. 83]. Важно и то, что Суксунский завод был медеплавильным. Возможно, на данном этапе Акинфий не исключал раздела между наследниками и металлургических заводов, но раздела по технологическому принципу: железные одному сыну, медные другому. Достоинством этого варианта (в сравнении с иными схемами раздробления заводского хозяйства) было исключение конкуренции между наследниками – каждый занимал свою независимую нишу. В пользу этого предположения говорит то, что даже в окончательном завещании (1743 г.) остался след этого намерения – раздел, выражавший волю отца, передавал в руки одного из сыновей, как увидим, отнюдь не всю промышленную недвижимость. Следует, наконец, учесть и тот факт, что в районе Соликамска также имелись месторождения медной руды – ведь именно здесь, поблизости от них, по принуждению казны поставил Троицкий медеплавильный завод М.Ф. Турчанинов [204, с. 266].

Независимо от того, какие из перечисленных факторов в наибольшей степени влияли на переезды юного Григория (позд-

нее он из Суксуна в Соликамск возвращается [81, с. 35]⁵), не вызывает сомнения, что отцовская воля, выраженная в завещании Акинфия от 24 марта 1743 г.⁶, явилась результатом долгого и тщательного обдумывания им сценариев будущего.

По этой духовной к Григорию должны были отойти бывшие филатьевские соляные варницы со всем строением, инструментами, мастеровыми и работными людьми. (После восстановления этот промысел, по отзывам Григория, оказался “за плохостью рассолов к варенью соли не годен” [144, с. 222].) Помимо них Григорию предстояло получить вотчины в трех уездах (Арзамасском, Галицком и Ярославском), два двора в Ярославле и один в Казани. Акинфий прощал ему 10 тыс. руб., взятых Григорием в Петербурге у зятя Акинфия Ф.П. Володимерова, и обещал дать еще 20 тыс., выплачивая их ежегодно по пять тысяч. Наконец, он “переписывал” на Григория государственный долг: 32 тыс., которые должна была ему казна за соль, поставленную до 1740 г., и, дополнительно, еще неизвестную завещателю сумму за ее поставку в 1740-м.

Так подробно на касающемся Григория разделе завещания А.Н. Демидова мы остановились потому, что у Н.И. Павленко он изложен с выпуском важных для нас деталей и с неточностями в деталях воспроизведенных⁷. Акинфий завещает Григорию “недвижимым и движимым ему... владеть и к размножению оных соляных заводов прилежное старание иметь и в казну Ея Императорского Величества соль ставить повсегодно со всякою исправностию против прежняго с приумножением”. Отец, как видим, в 1743 г. полагал возможным функционирование солеварен “с приумножением”, и, составляя в уме долю среднего сына, включил в нее позиции, способствующие скорейшему достижению этого приумножения; отдал ему каменные склады для хранения соли в Ярославле (в одном из городов, куда поставлялась продукция) и передал все связанные с поставками соли долговые обязательства казны, что конечно, в известной степени могло упростить отношения с ней.

Подчеркнем еще раз: Акинфий видел среднего сына одним из *преемников* его дела и старался подготовить его для этого в профессиональном плане.

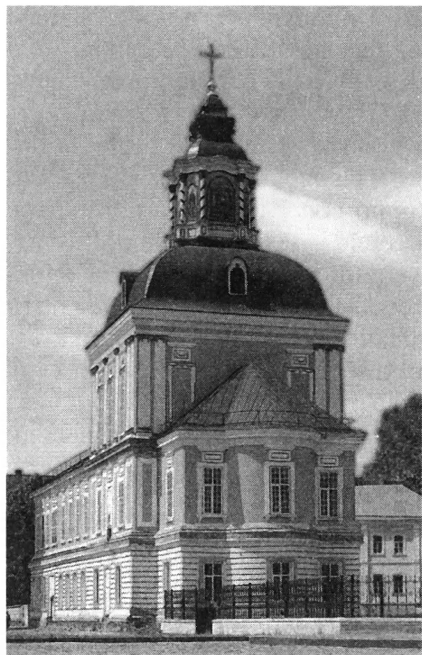
Преемником Григорий действительно стал, но только не в том, что намеревался отдать ему отец. Планам Акинфия не суждено было исполниться. По завершившемуся в 1757 г. разделу с братьями Григорий получил из отцовского наследства Ревдинскую часть, включавшую четыре медных завода в Кунгурском уезде (хорошо знакомый ему Суксунский, Бымовский, Ашапский и Шаквинский), три железных завода на Урале (Рождественский

в Казанском уезде, Ревдинский, Уткинский), а также заводы Тульский доменный и молотовый, Тисовский кожевенный, упомянутый запустелый соляной промысел близ Соликамска “с угоды”, десять дворов в разных городах и более 9,5 тыс. душ (крепостных и приписных) мужского пола [144, с. 239, 240]. Любопытно, что одновременно с первым заводом, некогда построенным его дедом (Тульским), Григорию досталось и самое первое сделанное тем земельное приобретение – земля пустоши (полвека назад – деревни) Понарыной в Крапивенском (прежде Соловском) уезде [144, с. 96; 8, л. 1]. Перешедшие к нему от деда эти “первоэлементы” демидовского хозяйства если и сохраняли к тому времени ценность, то преимущественно символическую. Впрочем, в Понарыне руда до конца 50-х годов еще добывалась, хотя уже для других, недемидовских заводов [8, л. 1]. А Тульский их завод, при совместном владении братьев еще некоторое время действовавший (во всяком случае, молотовое производство), не позднее 1753 г. был остановлен, и в период владения им Г.А. Демидовым вновь пущен так и не был [144, с. 33, 35]. Известные нам документы, касающиеся этого предприятия, упоминают Григория только в связи с затянувшимся разделом хранившегося на заводе имущества [18, л. 1 об.].

Собственные успехи Григория в качестве металлурга-мануфактуриста были довольно скромными (хотя и не столь удручающими, как у Прокофия). Один завод – Бисертский молотовый на р. Бисерти – он все-таки построил. Пущен тот был 5 ноября 1761 г. – за неделю до смерти хозяина.

В разное время Григорий Демидов жил в Петербурге, Соликамске, Суксуне, Туле, бывал, возможно, в Ревде. По результатам раздела отцовского имущества он получил десять дворов, в том числе два двора в Москве (каменный на погребках и со службами в Садовниках и палатка на Балчуге), двор в Серпухове с каменными и деревянными палатами, каменный дом в Петербурге на Фонтанке, дворы с деревянной застройкой в Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Кунгуре и при Ягошихинском заводе (Пермь) [144, с. 240].

В северной столице, бывшей основным местом его пребывания в 1750-х – начале 1760-х годов, он владел несколькими домами [163, с. 26]. Ему принадлежала приобретенная в 1755 г. у обершталмейстера П.С. Сумарокова обширная усадьба на Мойке, в районе Гривцова переулка (ранее Демидов пер., еще прежде Малая Сарская ул.). Не позднее 1756 г. он начал здесь каменное строительство, завершившееся в 1759 г. Проект построенного

Христорождественская, что на
Оружейной стороне
(Николо-Зарецкая) церковь в Туле,
место погребения
А.Н. и Г.А. Демидовых. Фото конца
1990-х годов

дома по стилю приписывают С.И. Чевакинскому. Кроме главного здания, стоявшего параллельно Мойке (оно сохранилось), усадьба включала флигели, парадный двор, большой сад и службы [158, с. 128–129]. В оформлении фасадов и интерьеров были использованы чугунные украшения, отлитые на сибирских заводах владельца [65, т. 1, с. 165]. По смерти Григория Акинфиевича усадьба перешла по наследству к его сыновьям [158, с. 129].

С определенной вероятностью можно говорить о принадлежности Г.А. Демидову в Петербурге еще нескольких домов, уже после смерти Григория полученных в качестве приданного его дочерьми. Особенно это вероятно в отношении дома (близ ц. Симеона Богоприимца), отошедшего Пульхерии, свадьба которой была сыграна всего через пол-

года после смерти отца [163, с. 26]. Наталья получила дома на 6-й линии Васильевского острова и на Симеоновской (совр. Белинского) улице [167, с. 24]. По сведениям Е.И. Красновой, полученный Григорием от отца дом на Фонтанке (на углу ул. Белинского), достался обеим дочерям – Пульхерии и Наталье [159, с. 57].

Григорий умер 13, по другим сведениям 15 ноября 1761 г. [157, с. 9]. Его похоронили в Туле, в родовой усыпальнице внутри Николо-Зарецкой церкви. Позднее здесь же была похоронена его вдова Анастасия Павловна, пережившая мужа на два года.

Я. Штелин сообщает о необычном (из-за множества “говорящих” деталей) семейном портрете, написанном с Г.А. Демидова и его супруги немецким портретистом Давидом Людерсом. Муж был изображен перед кабинетом редкостей натуральной истории, жена – на фоне сада. Перед ней стоял горшок с розовым кустом с 25 листьями на нем и 5 увядшими розами. 5 свежих роз жена протягивала мужу. “Это должно означать, – поясняет Ште-

лин, – что они живут в супружестве 25 лет, у них было 10 детей, из них 5 умерли, а 5 живы”. Несмотря на хорошее сходство с моделями, на то, что это была самая большая и, по мнению Штели-на, самая лучшая картина из написанных живописцем в период его пребывания в Петербурге (1757–1758 гг.), Штелину она не нравилась. Демидов, по его словам, походил лицом на Иуду, композиция была плохая, а “инвенция глупая и невразумительная”. В сочинении этой аллегии, по утверждению Штелина, принимал участие И. Тауберт [65, т. 1, с. 74].

О сыновьях Григория Акинфиевича – Александре (1737–1803), Павле (1738–1821) и Петре (1740–1826) – уже упоминалось в связи со службой Демидовых в Берг-коллегии. Старший сын был последним из Демидовых, владевших первым заводом этой промышленной династии (Тульским). Именно он, получив его по наследству, в 1779 г. продал в казну, вскоре после чего (в 1782 г.) ветхие производственные постройки и усадебный дом при заводе были разобраны [271, с. 48, 49].

О среднем сыне, Павле, будет рассказано в отдельной главе.

Прочие семеро детей – дочери. О Степаниде не известно ничего – по-видимому, она умерла в юные годы. В девицах умерли дочери Василиса и Ирина. О двух последних, а также об их сестре Хионии, известно, что они занимались литературными переводами. Хиония и остальные сестры (Пульхерия, Мария и Наталья), дожив до зрелых лет, вышли замуж.

Пульхерия (1741–1781) и Наталья (1748–1832) связали свои судьбы с выдающимися деятелями русской культуры – архитекторами Александром Филипповичем Кокориновым (1726–1772) (первая)⁸ и Иваном Егоровичем Старовым (1744 или 1745–1808) (вторая) [157, с. 11]. Последнее – яркое свидетельство демократизма духовной среды, царившей в доме Г.А. Демидова, в частности, высокого статуса, который имели в его семье представители художественной интеллигенции. Хотя и Кокоринов и Старов женились на дочерях Г.А. Демидова уже после его смерти, первый обручился с 15-летней Пульхерией Демидовой еще при жизни ее отца. Именно с решением Кокоринова жениться часто связывают отмену намерения отправить его в качестве пенсионера Академии художеств в Италию – туда посылали только холостых [163, с. 26; 65, т. 1, с. 74]⁹.

Иван Старов впоследствии спроектирует целый ряд усадеб для сыновей Григория Акинфиевича в окрестностях Петербурга (на Ижорской возвышенности): для Александра построит дачу на Петергофской дороге (1769–1790) и усадебный комплекс в Тайцах (1774–1778), для Петра – усадьбу в Сиворицах (1775–1777) [84, с. 48–59; 167, с. 126–144]¹⁰.

Подобно старшему брату, Григорий Акинфиевич остался в памяти потомков не в образе промышленника-мануфактуриста, хотя в этой сфере его успехи, как уже отмечалось, были более значительными, чем у Прокофия, но все же не выдающимися. Григория запомнили благодаря его увлечению естественными науками.

Сферой научных интересов Григория Акинфиевича являлась ботаника. Не имея источников, трудно судить об уровне его специальных знаний. Но судя по результатам, несмотря на едва ли серьезное образование (во всяком случае в Соликамске и Суксуне получить такое было невозможно), в конечном счете этот уровень оказался достаточно высоким.

Как и у Прокофия, главной формой его деятельности, сопряженной с научной работой, а часто и непосредственно в нее выливавшейся, было собирание и неизбежно с ним связанное изучение ботанических коллекций.

В истории главного сада Григория Демидова – Соликамского ботанического – немало белых пятен. Не ясно, в частности, как разделить вклад в его создание Григория и старшего брата Прокофия, некоторое время также жившего в Соликамске. Мы, как уже говорилось, не отвергая соучастия Прокофия, склонны ведущую роль отводить все же Григорию.

Сад располагался не в самом Красном, а поблизости – между ним и Соликамском. Он был преимущественно оранжерейным [155, с. 51, 94]. В качестве даты его закладки называется лето 1731 г. – время, памятное Григорию еще и в связи с женитьбой на Анастасии Суровцевой [81, с. 34].

Приблизительно к этому же времени относится закладка подобного сада при Петербургской Академии наук. Первый проект создания в Петербурге ботанического сада, разработанный доктором медицины и ботаники французом П. Дешизо, появился в 1725 г. В следующем году начались хлопоты о выделении для него места [81, с. 35]. Доклад, содержащий просьбу дать указ об основании Ботанического сада, был подан от Академии Петру II 2 августа 1727 г. [172, с. 73]. Создание сада задержал отъезд из столицы ботаников И. Буксбаума, а позднее отправившегося во 2-ю Камчатскую экспедицию И.Г. Гмелина [81, с. 35]. В 1732 г. Академией у К. фон Бреверна был арендован (позднее куплен) находившийся на 2-й линии Васильевского острова так называемый Бонов дом с обширным участком при нем, где несколько лет спустя¹¹ был заложен “ботанический огород” (сад). Заведование им было поручено ботанику И. Амману [81, с. 35, 36]; позднее главным садовником Академии выступал профессор ботаники и натуральной истории И.Г. Сигезбек [173а, с. 30]. Через 10 лет, в 1736–1737 годах, составляется, а в феврале 1741 г.

сдается в Канцелярию каталог растений этого сада. Академический Ботанический сад находился в это время все там же, на 2-й линии – здесь в 1752 г. строится его оранжерея [172, с. 82, 91]. Как видим, создание научного ботанического сада в Соликамске идет фактически одновременно с рождением сада академического, больше того – несколько опережает его. Даже если в дальнейшем дата его закладки окажется несколько откорректированной, законность ее присутствия на самых первых страницах истории ботанических садов России будет поколеблена едва ли.

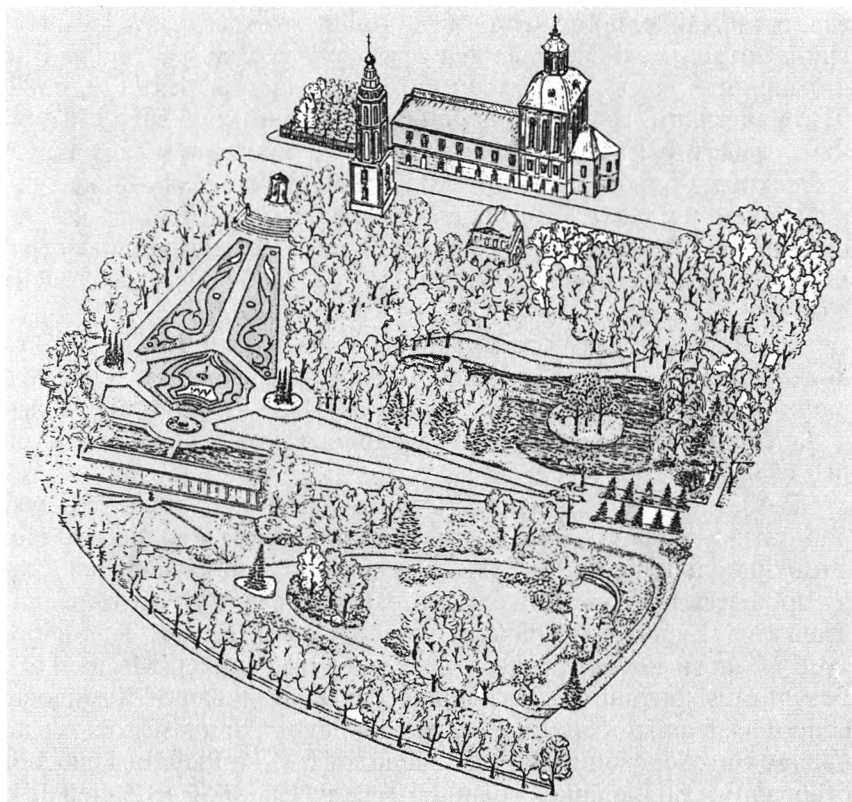
В собственности рода Демидовых сад находился до 1772 г., когда вместе с селом Красным был продан заводчику А.Ф. Турчанинову. Сад прекратил свое существование в 1810 г. после раздела соликамского имения Турчанинова между наследниками [81, с. 38].

Г.А. Демидов проводил в Соликамском саду значительную работу, научный уровень которой со временем повышался. Несомненное влияние на это оказали встречи с побывавшими в саду профессиональными учеными. Впоследствии Демидов выписывал из Европы новейшую научную литературу, вел работу в области интродукции и селекции растений [254а, с. 117]. Результаты ботанико-географических исследований Демидова, сопровождавших создание и расширение Соликамского сада, наряду с исследованиями И. К. Кирилова, П.И. Рычкова способствовали установлению границы между Европой и Азией [81, с. 36].

За время существования Соликамский сад посетили многие ученые: И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, И.И. Лепехин, Г.Ф. Миллер, Н.П. Рычков¹² и другие [81, с. 35; 254а, с. 117]. Лепехин оставил его описание и список растений, изданные в составе подготовленных им “записок путешествия”¹³. Дважды по несколько месяцев в саду работал другой известный путешественник и натуралист, адъютант Петербургской Академии наук Г.В. Стеллер, проводивший здесь флористические исследования Пермского края.

Григорий не оставил занятий ботаникой и переселившись в столицу. В петербургском доме Г.А. Демидова (на Мойке) жил садовник. Судя по публикации в “Санкт-Петербургских ведомостях” объявления о производившейся им здесь торговле “заморскими цветочными луковичками” [158, с. 128], он вел достаточно энергичную работу, не только полностью обеспечивая посадочным материалом потребности хозяина, но и снабжая им столичных любителей-цветоводов.

В память о Григории Демидове и его вкладе в развитие бота-

Эскизный проект планировки Демидовского мемориального ботанического сада-музея в г. Туле. Разработан Московским государственным университетом леса; рук. творч. коллектива Л.М. Фурсова. 1995 г. На заднем плане Николо-Зарецкая церковь, где похоронен Г.А. Демидов

нической науки в Туле рядом с Николо-Зарецкой церковью, в которой он похоронен, в июне 1993 г. был заложен Демидовский мемориальный ботанический сад-музей.

Помимо живых растений, собранных в ботаническом саду Григория, вполне в духе века он составлял коллекции естественнонаучные, художественные, разыскивал и приобретал редкости.

Принадлежавшее Г.А. Демидову собрание живописи взыскательный Я. Штелин охарактеризовал как “пристойное,.. составленное, однако, без вкуса и разбора”. Он упоминает об одном из источников его комплектования: посылках картин из европейских стран от долгие годы находившихся там на учебе сыновей. Хотя Штелин отзывался о получаемых от них картинах, как о

“хороших” [65, т. 1, с. 368], едва ли этот канал пополнения собрания существенно способствовал качественному совершенствованию коллекции.

Дети Акинфия Никитича Демидова – первое поколение, занимавшееся активной благотворительностью в адрес учреждений сферы науки и научного образования. Прокофий и Никита благотворили и с размахом и с умом. Григорий на их фоне на первый взгляд выглядит странным исключением.

Впрочем, в хронике благотворений Демидовых известны два ранних эпизода, в которых можно заподозрить соучастие Г.А. Демидова. Во-первых, это два упоминавшихся выше денежных пожертвования, сделанных Демидовыми одно к основанию Московского университета (13 тыс. руб.), другое немного позднее (8 тыс.) [260, с. 75]. В источнике жертвователи указаны обобщенно, только по фамилии во множественном числе (Демидовы), – полагаем, однако, что это были братья Акинфиевичи, к тому времени еще не разделившие наследство и потому выступавшие коллективно.

Во втором случае речь идет еще об одном, также упоминавшемся коллективном даре братьев, подписавших дарственную и в 1759 г. перевезших в Москву для передачи Университету обширную коллекцию минералов, основу которой составлял минералогический кабинет, привезенный их отцом из Фрейберга. Г.Г. Кривошеина, говоря об этом, в качестве дарителей называет Прокофия и Никиту [165, с. 62]. С.П. Шевырев и опирающийся на него К.Д. Головщиков, подразумевая то же событие, выражаются менее определенно: пишут о “наследниках” Акинфия, не раскрывая их имен [260, с. 75; 109, с. 51–52]. Поскольку Кривошеина на неизвестные источники в связи с этим эпизодом не ссылается, считаем более правильным опереться на текст Шевырева. Но в этом случае вероятнее всего среди дарителей был и Григорий Акинфиевич.

Какие-то благотворения со стороны Г.А. Демидова Московскому университету несомненно были – уверенно заключаем это на основании того факта, что помимо имен его братьев, на первой из двух досок, в 1822 г. повешенных в Университете “для всегдашней памяти” о благотворителях, начертанным золотыми буквами оказалось и имя Григория Демидова [109]¹⁴.

Итак, получается, что несмотря на малый отпущенный ему жизненный срок, Григорий все же успел реализовать в себе новое, только еще пробивавшееся на свет начало, в будущем свойственное многим Демидовым. Конечно, личная его деятельность

в этом направлении по сравнению с братьями при нынешнем уровне разработки вопроса выглядит достаточно туманно – утверждая ее факт, мы лишь отчасти можем раскрыть содержание. Но обратим внимание на то, что развивается она в период, когда братья, как благотворители, выглядят почти столь же скромно. Подаренная ими минералогическая коллекция – один из первых (если не первый) опыт, проба. Прокофий и Никита в полной мере проявили себя в сфере благотворительности только в 1760-х. По состоянию на 50-е – начало 60-х годов их средний брат несколько от них не отстает (за это время, повторяем, он успел сделать достаточно, чтобы попасть на мемориальную доску). И если учесть все, что мы знаем об отношении Григория к этим сферам социальной деятельности, учесть то, в каких убеждениях и идеалах он воспитал своих сыновей, не возникает сомнения, что проживи Григорий дольше, он оказался бы среди самых активных благотворителей из рода Демидовых.

Одна из важных характеристик включенности в мир науки – наличие, интенсивность и содержание контактов с “ученым миром”: собственно учеными, а также научными организациями, государственными и “вольными” (общественными).

Среди наиболее значительных ученых, с которыми был знаком Г.А. Демидов – И. Амман, К. Линней, участники академического отряда 2-й Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер¹⁵, Г.В. Стеллер, С.П. Крашенинников. Со многими из них он поддерживал научные контакты: переписывался, обменивался научными материалами.

Гмелин при посещении Соликамска в 1742 г.¹⁶ осмотрел демидовский сад, предложил новую его планировку, оказал содействие в приобретении семян южных растений. Он посоветовал Демидову собрать здесь полную коллекцию уральской флоры [254a, с. 117].

Первое знакомство Георга Вильгельма Стеллера с Соликамским ботаническим садом состоялось в конце 1730-х годов¹⁷, когда, ожидая экспедиционные грузы, он провел в городе почти три месяца. За это время Стеллер определил в саду ряд растений и семян, помог поставить их учет и описание, систематизировать гербарий. Он высоко оценил коллекцию местных растений иполнил ее своими сборами [81, с. 36].

Вторично Стеллер появился в Соликамске в апреле 1746 г., возвращаясь из Сибири в Петербург. С собой он вез 14 ящиков с коллекциями (минералы, животный мир, гербарии) и редкие растения, которые намеревался высадить в Ботаническом саду Ака-

демии наук. Этой весной он планировал быть уже в Петербурге, но не успел из-за задержки в Иркутске, где его в 1745 г. допрашивали в местной канцелярии по поступившему в Сенат доносу. Задержка в пути поставила под угрозу доставку живых образцов сибирской флоры: собранные с великим трудом растения и кусты растаяли, так что их оставалось либо бросить, либо, спасая, как можно скорее где-то высадить. Возможность для этого в принципе была: Соликамский ботанический сад Демидова позволял решить эту проблему. “Прилежное надзирание сего саду”, которое наблюдал Стеллер, вероятно, тоже сыграло известную роль в корректировке планов. Стеллер решил остановиться в Соликамске – “выбрал сие... яко полезное для сада академического”. В демидовском саду Стеллер высадил 80 видов редких растений. Из этого, заметим, следует, что Демидов любезно предоставил необходимую для таких посадок площадь и, когда Стеллер вскоре уехал, позаботился об уходе за ними. Стеллер, оставив коллекцию, решил на свой счет предпринять поездку по Пермскому краю и осуществил намеченное: в течение лета 1746 г. проехал более двух тысяч верст [235, с. 77]. Есть сведения, что “ботаническая экспедиция” на север Верхотурского уезда была совершена им вместе с Г.А. Демидовым [254а, с. 117].

Стеллер вернулся в Соликамск в августе с намерением продолжить путь в Петербург, но здесь его нашел курьер, специально направленный за ним, чтобы везти назад, в Иркутск, все по тому же делу. До Иркутска Стеллер не доехал: другой курьер привез разрешение следовать в Петербург. Стеллер повернул, но уехал недалеко: он заболел горячкой и умер в Тюмени в 37-летнем возрасте 12 ноября [235, с. 77; 153, с. 67].

После смерти Стеллера Г.А. Демидов сохранил его коллекцию. Часть своих материалов (отчет, каталог растений, семян и луковиц) Стеллер успел отправить в столицу сам – Академия наук получила их еще 15 января 1746 г. В нее же поступила основная часть материалов, оставшихся после него. Растения умершего Стеллера были переданы в Академию Демидовым 11 марта 1748 г. [172, с. 86, 88]¹⁸.

По убедительно аргументированному заключению А.С. Черкасовой, встречи Демидова с Гмелиным и Стеллером сыграли важную роль в научном развитии молодого соликамского садовода: благодаря именно им и последующая его деятельность и сам сад “приобрели научную значимость” [254а, с. 117].

Дубликаты стеллеровских ботанических материалов Демидов отправил в Упсалу К. Линнею. На протяжении 15 лет он находился в переписке с последним¹⁹, регулярно обменивался с ним ботаническими материалами. Хорошее знакомство Линнея

с растениями, произраставшими в России (включение около 300 видов в номенклатуру, присутствие 118 видов только уральских и сибирских растений в ботаническом саду в Упсале) в немалой степени обязано научным контактам Линнея с Г.А. Демидовым. По приглашению Линнея в 1760 г. он отправил к нему учиться своих сыновей [81, с. 37–38].

Из ботаников Григорий Акинфиевич был знаком также с И. Амманом: имеются сведения о переписке и обменах материалами между ними [81, с. 36].

Контакты Г.А. Демидова с ученым миром не ограничивались сферой ботаники. По-видимому, он был знаком (во всяком случае – заочно) с немецким ученым Х.Э. Геллертом – крупным специалистом в области минералогии, после И.-Ф. Генкеля руководившим работой лаборатории “металлургической химии” во Фрейберге. В письме оттуда от 15 апреля 1758 г. сын Петр сообщил отцу в Россию о посылке ему Геллертом недавно изданной им книги о пробирном деле [257, с. 26].

В отличие от науки, отношение Григория к технике менее ясно. Положительной информации на этот счет мало – больше известно о том, какими эти отношения не были. Они не были настолько холодными, как у Прокофия. Но и подтверждающихся или хотя бы единичных, но ясных, свидетельств стойкого к ней интереса (как у Никиты Акинфиевича) в нашем распоряжении тоже нет.

Состояние хозяйства, вполне удовлетворительное, но при нем не претерпевавшее существенных изменений, говорит, скорее, что, по крайней мере, сильной страсти к техническому у Григория не было. Но правомерен и другой вывод: дела он не запустил, значит, не было с его стороны ни опасного невнимания, ни неграмотного вмешательства.

Некоторые факты позволяют, впрочем, утверждать, что Григорий Акинфиевич интересовался техническими вопросами, связанными с принадлежавшим ему промышленным хозяйством. Известно, в частности, о существовании списка знаменитой работы В.И. Геннина (изданной в 1937 г. под названием “Описание Уральских и Сибирских заводов”) с пометой, свидетельствующей о его изготовлении для Григория Демидова²⁰. Этот список был переписан со списка Академии наук, считающегося одним из наиболее близких к протографу [103, с. 633].

Возможность прояснить вопросы, связанные с отношением Григория к сфере техники, позволяет анализ его взглядов на образование. О последних можно судить по тому, какое образова-

ние он дал собственным детям – трем сыновьям, около 1751 г. отправленным им на учебу за границу. По требованию отца они аккуратно писали ему письма, кроме того посылали ежемесячные отчеты – из последних и извлекаем интересующие нас сведения.

Характерная черта, прослеживаемая на протяжении всей затнувшейся почти на десятилетие их учебы – значительное место, возможно, доминирование прикладных, прежде всего технических знаний, ориентированных, вероятно, на представления отца об их использовании в будущем. Вот слова младшего из братьев Петра Григорьевича (из его письма из Фрейберга от 31 января 1756 г.), прямо перечисляющие, что, по мнению отца, они должны были изучить: “понеже Вы... нам повелели, чтоб точное известие о всей плавильне и печах получить помогаться, то не токмо одни чертежи от сих, также и всего горного завода с принадлежащим описанием... и манускрипт от господина Гофмана (преподававшего Демидовым плавильное дело. – *И.Ю.*), отчасти также о плавильных обрядах и отчасти до других вещей касающееся, яко соловаренных заводов и прочее. Но целую плавильну со всеми и разными печами, мехами и про[ч]., также и что до горного касается, модели сделать велели... О жжении угольев точнаго известия достать также не упустим” (цит. по [257, с. 26]).

Перескажем этот несколько “корявый” по языку фрагмент своими словами. Итак, Г.А. Демидов требовал от прибывших во Фрейберг сыновей составить чертежи и описание всех производств типичного горного и металлургического заводов и собрать сведения о существовавших там “плавленнных обрядах”. Для металлургического и горного оборудования (плавильных печей, мехов и проч.) нужно было сделать модели. Кроме того, предписывалось собрать аналогичные сведения, “до других вещей касающиеся”, в частности, относительно солеваренных (!) заводов. Прикладная ориентация разработанной отцом для сыновей данной образовательной программы очевидна.

Григорий Акинфиевич Демидов – фигура, которая, как и его старший брат, еще ждет своего внимательного исследователя. Не вызывает сомнения, что некоторые сюжеты, не превышающие в нашем тексте абзаца, а то и фразы, окажутся при тщательной их разработке достойными особых статей. Штрихи, упоминания, единичные факты уже сегодня формируют картину, весьма привлекательную для изучения.

Григорий Акинфиевич интересен уже в плане генеалогии как недостаточно “прописанный”, но важный элемент родословного древа. Ситуация с ним отчасти напоминает положение его дяди – тоже Григория (? – 1728) и тоже среднего сына, только в данном случае сына Никиты Демидовича Демидова. Оба Григория сравнительно рано умерли и не смогли реализовать себя в полной мере. Но при этом они приобрели особый интерес для исследователя: на наше отношение к ним не “давит” заключительный этап биографии, на котором, собственно, и рождается законченный образ личности. “Вычтем” из Прокофия его филантропическую деятельность, вполне развернувшуюся только с 60-х годов, вычтем Московский сад, расцвет которого происходит в это же время, вычтем, наконец, нарастающую с возрастом склонность к чудачествам – разве наше представление о нем не изменилось бы? Григории (и Никитич и Акинфиевич) для двух важных поколений демидовского рода позволяют более ясно и объективно представить их (поколений) юность и зрелость.

Сказанное интересно и в применении к частному, но для этой книги одному из центральных, вопросу – о месте Демидовых в истории отечественной науки. Чем обусловлено количественное отставание соответствующего материала по Григорию Акинфиевичу в сравнении с его братьями? – тем, что он мало успел? Или характер его связей с ней был другим, более “интимным” (переписка, личные контакты с учеными), а потому оказался в меньшей степени мемориализованным? Подозреваем именно последнее, хотя не исключаем, что Г.А. Демидов еще удивит исследователя, ищущего ответа и на этот вопрос.

¹ В литературе сосуществуют две версии о присоединении села Красного к собственности Демидовых. По одной, А.Н. Демидов купил его вместе с соляными промыслами в 1730 г.; по другой, оно было получено Григорием в качестве приданного за невестой [207а, с. 34].

По сведениям В. Шишонко, в последствии демидовские земли в с. Красном на особых “кондициях” были переданы в пользование соликамскому промышленнику А.Ф. Турчанинову. Дата сделки не называется, но из замечания, что обнаружение на них медной руды “дало новые богатства Троицкому заводу” (в Соликамском уезде, принадлежал Турчаниновым) [261, с. 223–225], заключаем, что произошло это не раньше пуска этого предприятия, состоявшегося, по данным Н.И. Павленко, в марте 1731 г. [204, с. 266]. На средства А.Ф. Турчанинова заканчивалось строительство Иоанно-Предтеченской церкви в с. Красном, начатое солепромышленником И. Суровцевым [155, с. 94].

² Год, когда был заключен этот брак, может быть приблизительно определен на основании приводимых ниже сведений Я. Штелина о несохранившемся семейном портрете Г.А. и А.П. Демидовых, написанном художником Д. Людерсом – к этому времени супруги, по Штелину, состояли в браке уже 25 лет [65, т. 1, с. 74]. Зная время работы над портретом (1757 и/или 1758 г.), вступление в брак относим к 1731–1733 годам.

В историографии это событие датируют, преимущественно, 1731 г. Из новейших авторов именно его называют В.В. Косточкин [155, с. 52] и Л.В. Баньковский [81, с. 34], причем последний уточняет, что женитьба состоялась летом. Косточкин ссылается на публикацию 1821 г. В. Берха, женихом у которого назван Акинфий Демидов. Здесь несомненная ошибка в имени – вторично Акинфий женился значительно раньше, и жена (именно эта, вторая) его пережила. Из детей Акинфия в женихи по возрасту подходят Прокофий и Григорий. Прокофий отпадает – фамилии всех трех его жен известны. Еще одной, неучтенной супругой, названная Косточкиным Суровцева быть не могла, поскольку православная церковь четвертый брак воспрещает. Итак, речь может идти только о Григории Акинфиевиче.

- ³ Ситуация с фамилией жены Григория Акинфиевича неясна. По одним данным она была Суровцевой, по другим (текст на надгробной плите) – Сурмищевой. Из сведений, сопровождающих данное Я. Штелиным описание семейного портрета Демидовых, заключаем, что в период длительностью четверть века, начиная приблизительно с 1732 г., Григорий Акинфиевич жен не менял. Никаких данных о вступлении его в новый брак в последующие годы (с 1758 по 1761 г.) в нашем распоряжении также нет, и такое маловероятно. Кроме того, совпадают отчества жены в 1731 г. и вдовы в 1763-м. Итак, Суровцева и Сурмищева – одно лицо?

Краснова этого не исключает, хотя в качестве основной формы дает в своей росписи все же Суровцеву, а Сурмищеву помещает в скобки и сопровождает знаком вопроса [157, с. 9]. Мы также полагаем, что речь идет об одном человеке, хотя, конечно, все-таки следует разобраться, откуда появилась каждая из фамилий. Косточкин многократно упоминает “самых крупных предпринимателей Соли Камской” Суровцевых, называет имена представителей рода (Павел, Иван, Максим Григорьевич), места их погребения, построенные на их средства храмы [155, с. 52, 77, 79, 90–92, 94] – при этом ни разу не вспоминает Сурмищевых. То же – и В.Н. Шишонко [261]. Суровцевых (не Сурмищевых) называют в числе крупнейших промышленников, в руках которых сосредоточилось солеварение Прикамья после введения в 1705 г. государственной соляной монополии [174, с. 9]. Но никуда не деться и от дважды осуществленной Н.Ф. Андреевым публикации надписи на надгробии вдовы Григория Акинфиевича – в ней она названа Сурмищевой [74, с. 213; 74а, с. 127]. Может быть, описанная плита была позднейшим переливом, содержащим ошибку? Или публикатор пользовался неисправным списком с оригинала?

- ⁴ В завещании этот Филатьев назван “соликамским гостем”. С середины XVII в. представителей данной фамилии в разные годы встречаем в списках обеих привилегированных купеческих корпораций – гостей и гостиной сотни [107а, с. 184, 213, 242, 252, 293 и др.]. По Б.Б. Кафенгаузу, варницы (числом четыре) были куплены за 1000 руб. Демидовым не у Филатьева, а у его наследников [144, с. 222] – впрочем, инициалов продавцов он не указывает.

- ⁵ Времени возвращения Григория в Соликамск Л.В. Баньковский не называет, но упоминает о его встрече с участниками 2-й Камчатской экспедиции Миллером, Гмелиным и Крашенинниковым, посетившими город в 1733 г. [81, с. 35].

- ⁶ Список с духовной опубликован в документальном приложении к биографическому очерку Г.И. Спасского об А.Н. Демидове [238].

- ⁷ У Павленко опущено упоминание о передаче ему права на получение с казны долга за поставленную соль, вместо двух ярославских дворов указан один [204, с. 86]. Но Павленко ссылается не на публикацию Головищикова, а непо-

средственно на архивное дело. Может быть, он столкнулся с другой редакцией завещания?

⁸ В родословной росписи Демидовых, составленной Е.И. Красновой, в отношении дочерей Г.А. Демидова дата вступления в брак указана для одной Натальи. Приводим ее для Пульхерии: она вышла замуж 13 мая 1762 г. [65, т. 1, с. 233].

⁹ Ситуация с несостоявшейся поездкой была, возможно, сложнее. В комментарии к сочинениям Я. Штелина К.В. Малиновский приводит документальные свидетельства того, что ее Кокоринову обещали долгие годы, и сам он, по некоторым сведениям, сильно сомневался в возможности ее осуществления еще во второй половине 50-х годов [65, т. 1, с. 233], т. е. задолго до обручения с Демидовой.

¹⁰ Время постройки – по данным Д.А. Кючарианц. Большие Тайцы были приобретены А.Г. Демидовым у А.И. Головина в 50-х годов XVIII в., Сиворицы – П.Г. Демидовым у потомков Ф.М. Апраксина в 1761 г. [167, с. 127, 136].

¹¹ Г.А. Лихоткин сообщает, что сад был разбит через четыре года после взятия в аренду Бонова дома [173а, с. 29, 229], т. е., в 1736 г. В другой работе (А.Н. Калинина) годом закладки сада назван 1735. Позднее именно здесь по инициативе Ломоносова была построена первая химическая лаборатория Академии наук [136а, с. 156].

¹² По утверждению А.С. Черкасовой, Соликамский сад посетил “ученый путешественник” Иван Рычков [254а, с. 117]. По Е.П. Пироговой, в 1770 г. в Соликамске побывал известный ученый, географ и путешественник П.И. Рычков [207а, с. 36]. Сведения, которыми располагаем мы, говорят, что в район Соликамска в 1770 г. приезжал сын последнего, Николай Петрович Рычков, автор “Журнала, или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году” [246а, с. 143].

¹³ Интересно, что ссылаясь на общий источник – “Записки” И.И. Лепехина – разные авторы называют разные цифры растений в Соликамском саду: С.Ю. Липшиц – 422 вида, Л.В. Баньковский – 524. Е.П. Пирогова – до 525 [173, с. 47; 81, с. 38; 207а, с. 36].

¹⁴ Мемориальные доски были повешены “для всегдашней памяти” по инициативе попечителя Московского университета, позднее министра народного просвещения гр. А.К. Разумовского.

¹⁵ Л.В. Баньковский утверждает, что члены академического отряда 2-ой Камчатской экспедиции, в состав которого входили Гмелин и Миллер, посетили Соликамск в 1733 г. – здесь они осмотрели ботанический сад, здесь Гмелин и Крашенинников общались с его владельцем [81, с. 35]. Сведения о начальном этапе работы отряда не противоречат этому утверждению ни в части датировки, ни относительно маршрута. Путешественники покинули столицу летом 1733 г. и уже к концу этого года прибыли в Екатеринбург. Отсюда отправились в Тобольск: Делиль де ла Кройер и Миллер в самом начале 1734-го, Гмелин, решивший осмотреть заводы, – немного позже [87, с. 20]. Посещение Соликамска (неизбежное при следовании Бабиновской дорогой) должно было состояться во второй половине 1733 г.

О посещении Гмелиным и Миллером Соликамска на обратном пути см. следующее примечание.

По В.В. Косточкину, Миллер некоторое время жил в Соликамске также в 1745 г. [155, с. 50]. Это утверждение представляется сомнительным. Возвратившись из экспедиции в Петербург, Миллер сразу включился в академическую жизнь (о чем свидетельствует, в частности, его активное участие в известном конфликте членов Академии с адъюнктом М.В. Ломоносовым

[138, с. 380; 170, с. 132]). Не очень для путешествия в Соликамск подходит и собственно 1745 год. 25 февраля этого года в Академическом собрании Миллер читал предисловие к своей работе об обычаях народов, живущих в Российской империи, 22 апреля представил первую часть “Генерального описания народов Сибири” и два тома “Географии Сибири” [172, с. 84]. Подписав в числе прочих письмо, опровергавшее направленные Сенату Шумахером обвинения в адрес академических профессоров [227, с. 38], 3 октября он вместе с Ломоносовым был в Сенате, где подал встречное профессорское доношение о злоупотреблениях Шумахера. 27 ноября присутствовал в Академическом собрании, где обсуждался штат Академии [172а, с. 93, 95]. Эти и другие сведения о его петербургских занятиях 1745 г. не оставляют, как кажется, достаточного “окна”, чтобы съездить в промежутке между ними в далекий Соликамск.

- ¹⁶ Через Соликамск Гмелин и Миллер проезжали на пути из Сибири. Известные нам точные “окрестные” даты, к сожалению, сильно разведены: 1 июля 1741 г. Гмелин прибывает в Екатеринбург, 14 февраля 1743 г. – въезжает в Петербург. В промежутке – путешествие по Исетской провинции, возвращение в Екатеринбург (где он соединился с Миллером) и дорога в северную столицу через Верхотурье, Соликамск, Чердынь, Великий Устюг и Вологду [87, с. 25–26]. В Соликамске Гмелин повторно побывать должен был, судя по этой программе, в 1742 г.
- ¹⁷ Согласно Л. Баньковскому, первое посещение Г.В. Стеллером Соликамска имело место в 1739 г. [81, с. 36]. Эта дата вызывает сомнения. В путешествие, конечной целью имевшее Камчатку, Стеллер выехал в конце 1737 г. Добравшись по Волге до Казани, он направился в Екатеринбург, а из него в Тобольск. Осенью 1738 г. он прибыл в Томск, откуда, переболев горячкой, отправился в Енисейск, где в январе 1739 г. встретился с Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным. Далее он двинулся к Красноярску, а из него – на восток (к Иркутску и далее) [235, с. 73]. Посетить Соликамск он мог только на пути между Казанью и Екатеринбургом, а здесь Стеллер был в 1738 г.
- ¹⁸ В краткой “Летописи Академии наук” указано, что передал эти материалы А. Демидов [172, с. 88]. Аналогично – и в “большой” “Летописи” [172b] Полагаем, что это опечатка: по техническим причинам оказался “потерян” первый инициал – Г.
- ¹⁹ Г.А. Демидов был не единственным русским, состоявшим в переписке с Линнеем. Ее поддерживал его сын Павел Григорьевич (см. ниже). Личную переписку с ним вел также С.П. Крашенинников [246, с. 45].
- ²⁰ В археографической справке, включенной в издание 1937 г., он обозначен литерой Д. На момент издания этого сочинения Геннина данный его список принадлежал Институту книги, документа и письма [103, с. 633].

“Неутомимый вояжир и хороший описатель”

(Никита Акинфиевич Демидов, 1724–1787)

Биографическая справка. – Собираание научных коллекций (ботанической, естественнонаучных, художественной). Библиотека. – Вклад в развитие научного образования. – Контакты с учеными и научными обществами. – Техника и технические науки. Изобретательская деятельность. Организация и финансирование работ в области техники и технологии. – Содействие развитию профессионального образования.

Младший и любимый сын Акинфия Демидова Никита (№ 9 в родословной росписи Е.И. Красновой) родился 8 сентября 1724 г. на берегу реки Чусовой во время переезда его матери Евфимии (Афимьи) Ивановны из Тулы на Урал. Приближаясь к старости, 54-летний Никита Акинфиевич распорядился поставить на месте своего рождения каменный крест с памятной надписью¹.

Сведений о его воспитании и образовании в нашем распоряжении нет. Но попытаюсь представить окружавшую его в детстве среду, обратим внимание на то, что Никита Акинфиевич – первый из прошедших перед нами Демидовых, который уже не имел возможности лично знать людей, буквально перевернувших государственное и семейное бытие его рода: императора Петра Великого и основателя фамилии Никиты Демидова. Конечно, сыновья Никиты Демидова, в особенности Акинфий, многим напоминали отца. Он как бы задержался в них – идущее от него начало в них не только не умерло, но было передано дальше по нисходящей линии, отразившись (в том числе – и через воспитание) в Демидовых третьего поколения. И все же с Петром I и Никитой Демидовичем уходила в прошлое целая эпоха. И воспитанные вне ее дети оказались со временем во многом не такими, какими мечтали их увидеть родители.

Впрочем, в Никите, похоже, в наибольшей степени соединились черты, ценимые его отцом, – не случайно именно ему намеревался он оставить основную часть своего промышленного хозяйства.

Итак, согласно воле, выраженной в завещании Акинфия Демидова 1743 года, все металлургические заводы должны были пе-

рейти в собственность младшему сыну. Последовавший вслед за опротестованием завещания братьями длительный, завершённый только в 1758 г. раздел наследства оставил Никиту Акинфиевича владельцем Нижнетагильской части, состоявшей из шести находившихся на Урале металлургических предприятий: заводов Нижнетагильского, Черноисточенского, Выйского, Висимо-Шайтанского, двух Лайских, Сулемской пристани и 9600 приписных и крепостных душ мужского пола. Как и его братья, Никита становился владельцем, помимо заводов, нескольких (в данном случае – восьми) городских усадеб: каменного дома в Петербурге, на Васильевском острове и деревянных в Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске, Таре и Екатеринбурге [144, с. 240, 241].

Полученные по наследству заводы Никита, в отличие от брата Прокофия, не только не растерял, но и приумножил, построив три новых: молотовые Нижнесалдинский (пущен в 1760 г.) и Висимо-Уткинский (1771 г.), а также Верхнесалдинский доменный и молотовый (1778 г.) [204, с. 93]. В целом его предпринимательская деятельность была весьма успешной: суммарная производительность принадлежавших ему предприятий превышала выпуск чугуна и железа на всех заводах его отца до их раздела наследниками [144, с. 268]. Больше того, Никита Акинфиевич сохранял живой интерес к занятиям заводским хозяйством на протяжении практически всей жизни. Живя десятилетиями в столицах, он поддерживал активную переписку с Нижнетагильской заводской конторой, входил в мельчайшие детали заводской жизни, ясно представляя ее состояние и изменения.

В свое время немалую роль в быстром взлете Никиты Демидова сыграло личное расположение к нему Петра I. Пользовался сложившимися у него при дворе связями и Акинфий Демидов. Некоторые из Демидовых следующих поколений также имели подобные связи, но для решения хозяйственно-экономических вопросов они их, как правило, уже не использовали.

Никита Акинфиевич сумел завоевать расположение и доверие великого князя Петра Федоровича, впрочем, как утверждает биографическая традиция [109], благодаря тому, что неоднократно одалживал тому деньги. По некоторым данным, великий князь пожаловал ему орден св. Анны, с тем, однако, условием, чтобы он возложил его на себя только по кончине императрицы Елизаветы Петровны. Но после восшествия Петра III на престол Демидов, очерненный завистниками, потерял расположение государя и был ордена лишен. Сменившая его Екатерина II якобы подтвердила право Демидова на орден и произвела его в чин статского советника. Достоверность этой истории современными ис-

Никита Акинфиевич Демидов. Гравюра Г.И. Скородумова с портрета А. Рослина (?). До 1786 г.

следователями ставится под сомнение [122, с. 319]. Но она отражает, по-видимому, вполне реальные связи Н.А. Демидова с двором великого князя. К. Д. Головщиков также упоминает, что по просьбе Демидова Екатерина II запретила “употреблять его в службу” без именного на то указа [109]. Какое-то решение по этому поводу действительно было: в формулярном списке 1785 г. (об ордене св. Анны не упоминающем) в записи, отвечающей на

Александра Евтихиевна Демидова. С портрета А. Рослина. Из книги:
Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд-е вел. кн. Николая Михайловича.
СПб., 1909. Т. 5. № 37

вопрос “в какой именно службе или в отставке”, читаем: “По имянному ея императорского величества 1762 года июля 27 дня указу от службы уволен” [17, л. 2].

Со второй половины 1760-х годов Никита Акинфиевич живет преимущественно в Москве.

Женат он был трижды. В первый брак, с Натальей Яковлев-ной Евреиновой, Никита Акинфиевич вступил 9 ноября 1748 г.

В 1756 г., 11 августа, она умерла. Вторая жена, Мария, принадлежала к роду Сверчковых. В 1767 г. Демидов вступил в третий брак, женившись на 22-летней Александре Евтихиевне Сафоновой [157, с. 9], происходившей из среды московского купечества [142, с. 110]². Явившееся самым значительным для первой половины 1770-х гг. событием в его жизни путешествие за границу, длившееся два года восемь месяцев, было предпринято как раз ради молодой жены: главным, что толкнуло Демидова в дорогу, была ее “безпрестанная болезнь” и надежда, благодаря “водам, в Спа находящимся”, “видеть в совершенном здоровье свою супругу” [47, с. 1].

Коротко расскажем об этом путешествии, помимо прочего заметно обогатившем его культурный багаж.

Выехав из Петербурга 17 марта 1771 г., через два дня супруги прибыли в Нарву. 12 апреля приехали в Кёнигсберг. Миновав Данциг, 1 мая прибыли в Берлин. 19 июля добрались до Spa, где на другой день начали курс лечения. Среди соотечественников, находившихся здесь, встретили Е.Р. Дашкову с сыном и дочерью.

В Spa долго не задержались – почувствовав облегчение, 4 сентября продолжили путешествие, направившись в Голландию. Проехав Льеж, достигли Антверпена, откуда отправились на побережье, где наняли яхту до Роттердама. Добравшись далее в наемной карете до Амстердама, познакомились с ним, после чего на яхте посетили Саардам, осмотрев там дом, в котором жил Петр I. Проследовали в Лейден.

24 ноября Демидовы прибыли в Париж, “в рассуждении всего наивеликолепной и славной город в Европе”, который произвел на них большое впечатление. Они съездили в Версаль, посетили королевский зверинец. Жили здесь долго, поэтому осмотрели город и его окрестности достаточно подробно. Во время пребывания в Париже королевским живописцем А. Рослином были написаны портреты Демидова и жены.

Далее Демидов решил посетить Англию. Поскольку жена была беременна, он поехал без нее, в сопровождении кн. С.С. Гагарина. В путь отправились 12 мая 1772 г. 15-го наняли яхту и плыли 5 часов. Большую часть времени провели в Лондоне. Назад в Париж вернулись 20 июня. Здесь Александра Евтихиевна 26 сентября родила дочь, названную Екатериной.

В ноябре месяце русский пенсионер скульптор Ф.И. Шубин начал делать бюсты Демидовых. Своими рассказами об Италии, откуда недавно приехал, он пробудил в них желание побывать и в этой стране. Вместе с Демидовыми поехали Шубин, А.И. Мусин-Пушкин и С.С. Гагарин.

Отправившись 4 декабря, миновали Лион, перебрались через Альпы. 21 декабря прибыли в Турин, оттуда направились в Болонью, потом во Флоренцию. В Риме осмотрели Ватикан, наиболее известные памятники античной эпохи, в том числе, “круглопродолговатое строение” (Колизей). 12 января 1773 г. И.И. Шуваловым были представлены папе Клименту XIV. В феврале смотрели карнавал.

18 февраля поехали в Неаполь. Совершили восхождение на Везувий (впрочем, сам Демидов до вершины не добрался – туда дошел только Шубин с товарищем). Осмотрели археологические раскопки Помпей и Геркуланума. 21 марта вернулись в Рим, 3 апреля выехали в Пизу. Проследовав Геную, Тулон, Марсель и Лион, прибыли в Женеву. Осмотрели часовые фабрики.

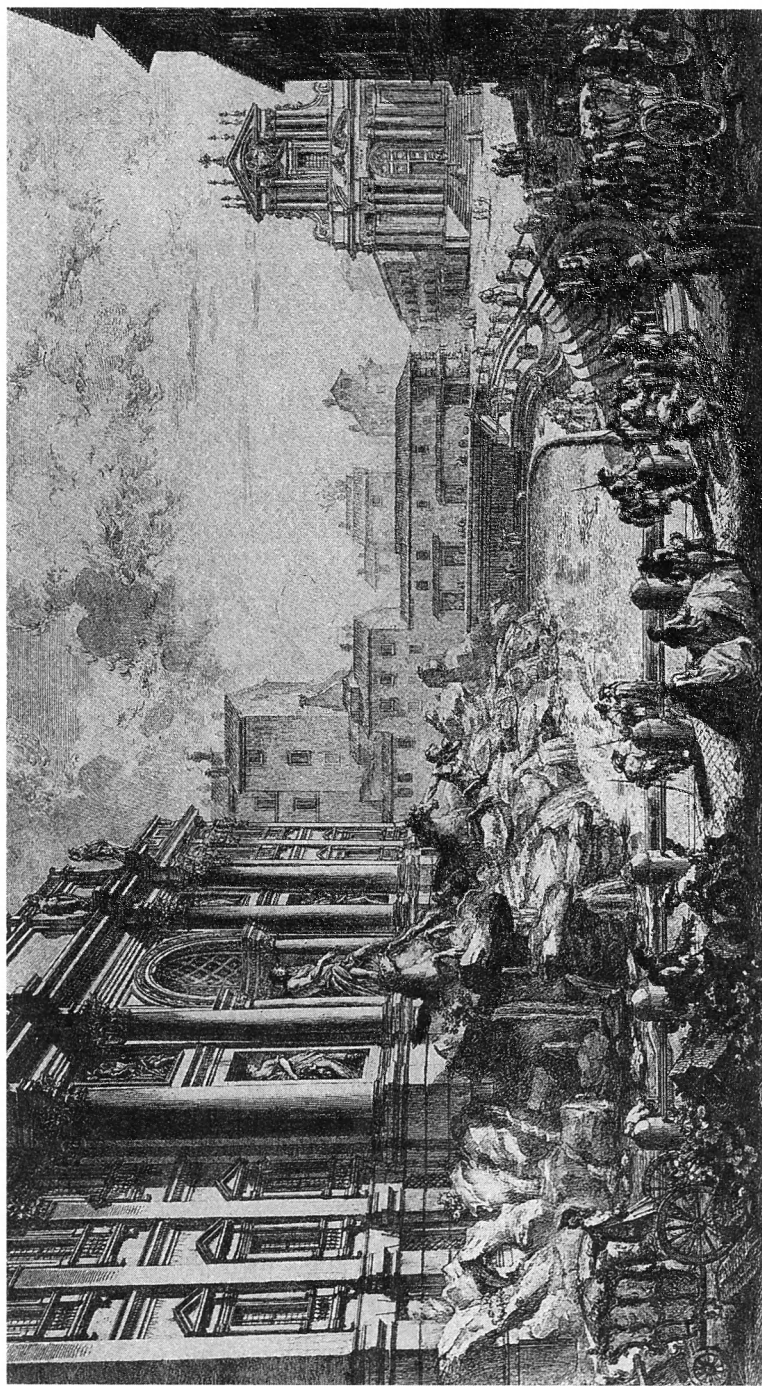
10 мая были в Париже, но на этот раз долго здесь не задержались – уже 18-го выехали в Англию, где Александра Евтихievна еще не бывала. В Лондоне были представлены королю и королеве³. Побывали в Бирмингеме, где осмотрели стальные фабрики.

14 июля покинули Лондон и 19-го возвратились в Париж. В течение последующего почти полного месяца Александра Евтихievна никуда из-за болезни не выезжала. Когда здоровье окрепло, продолжили экскурсии, посетив, в частности, Академию художеств.

Вскоре начались сборы в обратный путь. Выехали 30 августа. Маршрут проходил через Страсбур, Франкфурт, Дармштадт, Лейпциг, Дрезден. 26–28 сентября посетили Фрейберг, город, Демидовым особенно интересный “славными и полезными рудниками”. Здесь путешественник и сопровождавший его офицер по стоящим вертикально лестницам, “с великой опасностью сходить начали в преисподнюю” – спустились в одну из шахт, где добывалась серебряная руда. 1 октября приехали в Берлин, оттуда направились в Данциг.

Приближалась Россия. 1 ноября Никита Акинфиевич был в Риге, 6-го в Нарве. 9-го в сельце Чирковицы Александра Евтихievна родила сына, нареченного Николаем. Узнав об этом от посланного в Петербург лекаря, навстречу выехали племянники путешественника Демидовы Александр и Петр Григорьевичи и племянница (по сестре) Е.И. Сердюкова. Наконец, 22 ноября все прибыли в Петербург.

Два с половиной года, проведенные за границей, несомненно серьезно повлияли на Никиту Акинфиевича: расширился его кругозор, умножились знания (особенно в сфере культуры), завязались полезные знакомства. Но главная цель, ради которой предпринималась поездка, – излечение Александры Евтихievны – достигнута, похоже, не была. 21 апреля 1778 г. в 33-летнем

Дж.-Б. Пиранези. Фонтан Треви. Из серии "Виды Рима". 1751

возрасте она умерла⁴. Вдовец доживал век в Москве, в отставке, в чине статского советника [17, л. 1 об., 2]. Доживал, вспоминая, между прочим, счастливые дни во Франции и Италии; даже выпустил за несколько лет до смерти книгу о них: “Журнал путешествия его высокородия господина статского советника, и Ордена Святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным Государствам с начала выезда Его из Санкт-Петербурга 17 Марта 1771 г. по возвращение в Россию, Ноября 22 дня 1773 Года”. Книга была напечатана в Москве, в типографии у содержателя Ф. Гиппиуса в 1786 г.⁵

Александра Евтихиевна оставила вдовцу троих детей: рожденных во время путешествия Екатерину и Николая и появившуюся на свет 2 июня 1776 г. Марию [17, л. 1 об., 2; 157, с. 11, 13]). Именно Николай стал наследником всех заводов отца, умершего 7 мая 1787 г. [207а, с. 76].

Никита Акинфиевич был крупным земле- и душевладельцем, большая часть собственности которого находилась на Урале. Как и другие Демидовы его поколения, он еще не утратил связей с Тулой. После раздела ему принадлежал здесь дом, он переписывался с тульскими корреспондентами, иногда сюда приезжал [266, с. 138, 139, 180–183].

Но со столицами – Петербургом, Москвой – он был связан более тесно. Здесь у него имелось несколько усадеб.

Главное здание московской усадьбы (ул. Вознесенская, позднее Радио, 10) именовалось “Слободским домом” по своему расположению в Немецкой слободе. Ранее этим участком владел граф М.Г. Головкин (сын канцлера Г.И. Головкина), у которого в 1741 [236, с. 110] или 1742 г. [92, с. 66] усадьба была конфискована. К Демидову она перешла около 1744 г. Существовавший старый деревянный дом нового хозяина не удовлетворил. В 1760–1761 годах здесь началась подготовка к строительству, а с 1762 г. – собственно строительные работы, законченные к концу 1770-х годов [92, с. 66, 68]. Головкинский дом был заменен новым, более обширным (с фасадом длиной 94 м [249, с. 31]). Автор проекта неизвестен, предположительно им был крепостной архитектор Ф.С. Аргунов. Основную роль в архитектурном надзоре за строительством играл И.Х. Юст⁶. В усадьбе существовал театр (имевший особое здание), оранжереи, сад-парк площадью около 10 гектаров. В оформлении дома и сада усадьбы широко использовалась декоративная скульптура, в том числе чугунное литье [249, с. 31–33]. По смерти Никиты Акинфиевича усадьба перешла к его сыну Николаю, в 1818–1820 годах сдававшего дом Медицинской конторе [92, с. 72], а позже пожертвовавшего его для основанного в 1827 г. Дома трудолюбия [249, с. 33].

В настоящее время здание “Слободского дома” занимает Государственный педагогический университет [249, с. 31].

Есть сведения о принадлежавших Никите Акинфиевичу других московских домах: на Мясницкой улице [182, с. 161], в Большом Толмачевском переулке, на улице Басманной [207а, с. 94].

Два крупных поместья имелись у него под Москвой: в нынешнем Щелковском районе Московской обл. Алмазово (оно же Ошитково, Сергиевское), которым он владел с 1753 г., и в Наро-Фоминском районе Петровское (оно же Княжищево; в литературе именуется также Петровским-Алабино или просто Алабиным), принадлежавшее Демидовым с 1740-х годов. В каждом имелись господский дом, службы и обширный усадебный сад [250, с. 29; 259а, с. 92, 190]. Дом в Петровском был заложен летом 1776 г. и предназначался для супруги Никиты Акинфиеича. Этот “непревзойденный шедевр усадебной архитектуры” (И.Э. Грабарь) [113, с. 125], судя по тексту на закладном камне, имел собственное “имя”: “Не забудь меня”. Автором проекта здания был М.Ф. Казаков, к тому времени один из ведущих зодчих Москвы (строивший, кстати, для того же Н.А. Демидова торговую контору в Твери) [99, с. 89, 90]⁷. Но в “шедевре” никогда не жили: Александра Евтихievна умерла до окончания строительства, а Никита Акинфиевич после нее жил в Петровском во флигеле [243, с. 8]. Здесь, в усадебной церкви, Н.А. и А.Е. Демидовы похоронены.

Один из петербургских домов, принадлежавших Н.А. Демидову, достался ему после раздела отцовского наследства. Он находился на Неве, на Стрелке Васильевского острова [159, с. 57]. Дом был трехэтажным, на каменных подвалах. В 1748–1766-х годах, возможно, именно в нем размещались лишившиеся после пожара собственного крова Кунсткамера и Библиотека Академии наук (см. ниже). Предполагается, что, приезжая в Петербург, Демидов жил именно в нем [156, с. 198–199].

Н.А. Демидову принадлежал еще один дом в Петербурге – на Мойке. Местоположение двора, купленного в 1755 г. у М.А. Гарднер, жены английского купца Ф.В. Гарднера, описано в купчей как “на Адмиралтейской стороне за Мойкой речкой на берегу оной близ Крюкова канала” [156, с. 199]⁸. Здание располагалось на большом участке 40 на 100 саженей. Основной дом был одноэтажным, но на высоких каменных подвалах [162, с. 69–70]. Штелин упоминает о существовавшем между въездами во двор этой усадьбы со стороны улицы чугунном портике, представлявшем, по-видимому, художественный интерес: о нем говорится на страницах его записок, посвященных истории скульптуры в России [65, т. 1, с. 165]. Поскольку Демидов в Петербурге жил только эпизодически, а приезжая, жил, по-видимому, в другом доме,

это здание сдавалось внаем. В начале 1780-х годов его снимал знакомый Никите Акинфиевичу по совместному пребыванию во Франции и Италии историк и археограф А.И. Мусин-Пушкин. В декабре 1782 г. здание было продано Г.А. Потемкину, вскоре заложившему его тому же Мусину-Пушкину, который в конце концов стал его полным владельцем [162, с. 69–70].

В окрестностях северной столицы Никита Акинфиевич имел небольшое имение в Ораниенбаумском уезде Санкт-Петербургской губернии – в 14 верстах от Петербурга, в Приморской мызе по Петергофской дороге. Записанных здесь купленных им крепостных в 1785 г. было всего 6 человек [17, л. 1 об., 2].

Обратимся теперь к научным и техническим интересам и занятиям Н.А. Демидова.

Сразу скажем, что его связи с наукой слабее, чем у Прокофия. На конкретном материале сколько-нибудь успешно можно попытаться осветить только три аспекта этой проблемы: собирание научных коллекций, вклад в развитие научного образования и контакты с отдельными учеными и научными обществами.

Из источников, использованных ниже для реконструкции их содержания, особо выделим его обширную переписку (в том числе с Нижнетагильской заводской конторой), “Журнал путешествия” и остатки личной библиотеки со множеством интереснейших автографов-”рецензий”. Круг потенциально полезных для решения данной задачи источников ими, разумеется, не исчерпывается. Но чтобы представить общие контуры картины, достаточно и перечисленных.

К сожалению, в этом ряду нет сочинений, принадлежащих Н.А. Демидову. Его научные работы нам неизвестны, да, видимо, и не существовали. В нашем распоряжении только упомянутое описание путешествия по Европе – сочинение, степень участия в котором Демидова в качестве автора неясна. Интересное во многих отношениях, в наибольшей степени оно, конечно, освещает одну грань его культурного бытия: связи с западноевропейской культурой.

Заметим, что эта культура (в широком и узком значениях слова) занимала в сознании Н.А. Демидова особое место, пользовалась особым уважением. “Иностранные же языки никогда вредить не могут”, полагал он; служащие, владеющие языками, “всегда мне могут быть полезны”. Услышав, что правительство отправило молодых людей учиться коммерции в Бразилию, задается вопросом: “для чего ж бы и мы туда кого не послали”? [117, с. 200].

Как же европейская культура повлияла на Демидова, погрузившегося в нее на два с лишним года? Сколь результативны были контакты с ней? Что он воспринял, мимо чего прошел, не заметив? Помочь разобраться в этом позволяет изучение хода и обстоятельств его путешествия по Европе.

Остановимся на содержащихся в его описании сведениях, имеющих отношение к истории науки.

Сама по себе описанная в “Журнале” поездка научных целей не преследовала – путешественник сообщает, что в дорогу отправился исключительно ради жены, намеревавшейся пройти курс лечения. Но очень скоро при чтении “Журнала” убеждаемся, что кроме здоровья жены (которую он, судя по всему, действительно нежно любил и о которой заботился) во время путешествия Демидов был озабочен еще множеством вещей, возбуждался множеством импульсов, исходивших от артефактов страстно интересовавшего его европейского мира. И не будучи ученым ни по уровню профессиональной подготовки, ни по склонностям, ни по стилю жизни, в ходе путешествия он независимо от желания обрел некоторые черты, знакомые нам по совершавшимся в те годы (конец 60-х – первая половина 70-х годов) путешествиям петербургских академиков – со всеми неизбежными при этом поправками и оговорками. Демидова интересовали многие общие с ними вопросы, как и они, он (или кто-то из его окружения) вел записи, с увлечением собирал в ходе поездок разного рода коллекции.

Предметы, закупленные Демидовым в годы его пребывания за границей, существенно дополнили принадлежавшие ему научные и художественные собрания. Остановимся на этом подробнее.

а) Ботаническая коллекция

Увлечение коллекционированием ботанических редкостей и тесно с ним связанным садовым и парковым строительством не обошло ни одного из сыновей Акинфия Демидова – Никиту Акинфиевича в том числе.

Ботанического сада в чистом виде, каким владели его братья, Никита Акинфиевич не имел. Но в нескольких его городских и сельских усадьбах были сформированы ботанические коллекции, по величине и разнообразию немногим от такого сада отличавшиеся.

Прекрасный сад существовал при Слободском доме в Москве. Характер рельефа, на котором он был разбит, заставляет вспомнить о Московском ботаническом саду Прокофия Демидо-

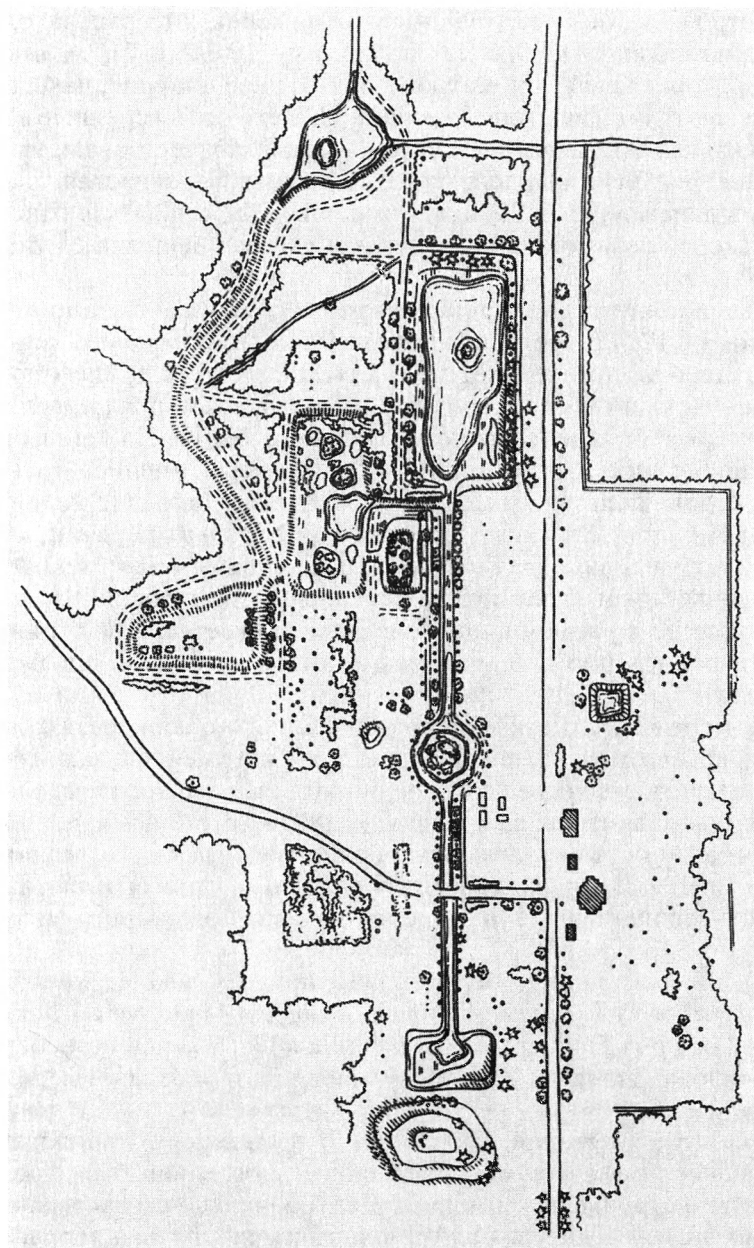
ва: как и последний, он был устроен на террасах, уступами спускавшихся к реке (в данном случае – Яузе) [249, с. 31]. На перепаде первой и второй площадок стоял главный дом. Среди усадебных построек особое место занимали оранжереи, которых, по одним данным, было 7 [249, с. 32], по другим – 10 [92, с. 71]⁹. Самая большая, “оранжевая” (68 метров в длину, 9,6 в ширину), находилась слева от дома, на второй террасе. На лето оранжерейные деревья в кадках выставлялись в особом садике. Существовали также оранжереи овощная, персиковая, виноградная, сливовая, ананасная, вишневая [92, с. 71] и три теплицы [249, с. 32]. Над одной из оранжерей возвышалась деревянная часовая башенка с куполом [92, с. 67].

Общее количество растений в оранжереях усадьбы Слободского дома в 1774 г. составляло около 9 тысяч. Нам не известно, учитывались ли при подсчете дублиеты, но даже если число видов было меньшим, оно, вероятно, имело тот же порядок величины, что и в ботаническом саду старшего брата. На территории усадьбы, преимущественно в оранжереях, имелись тисы, лавры, кедры, пальмы, самшиты, герани, розы, алоэ (15 видов), фикусы (8 видов), ананасы (5 сортов), цитрусовые, персики, абрикосы, арбузы, виноград, разнообразные цветочные. Некоторые деревья, в согласии с распространенными в садово-парковом искусстве приемами, подвергали художественной стрижке, придавая им форму шара, трех и четырехугольной пирамиды, винта.

По смерти Н.А. Демидова созданная в его оранжереях коллекция была сохранена, но начала постепенно уменьшаться. Тем более не способствовал ее сохранению отъезд ее нового владельца, Николая Никитича, за границу. В 1803 г. растений при Слободском доме осталось немногим более трех тысяч. Но и семь лет спустя Н.Н. Демидов все еще гордился тем, что в его оранжереях есть единственные в Европе образцы некоторых видов пальм.

В оранжереях при Слободским доме при Н.А. и Н.Н. Демидовых работали садовники Андриас (Андрей Иванович) Фогт, Иоганн Готфрид Пренер, Андрей Гаврилович Ткачев (крепостной Демидова), Алексей Узянов, Михаил и Козьма Ивановы [249, с. 32].

Коллекцию растений, собранных в оранжереях, дополняли находившиеся в усадебном саду. Заложен последний был одновременно со строительством дома. Первоначально им занимался Фогт, позднее – Ткачев. Сад располагался на третьей террасе. Он был регулярным, имел четыре искусственных фигурных пруда (питавшихся от впадавшей в Яузу речки Чичеры), фонтаны,

Современное состояние парка усадьбы Сергиевское (Алмазово).
Обмер Е.П. Шукиной. Из сб.: Русское искусство XVIII века (М., 1973)

грот, гору с беседкой в форме небольшого храма, декоративные скульптуры из чугуна и мрамора [236, с. 110; 249, с. 33].

Оранжереи и сад пополнялись из разных источников. В том числе за счет поступления растений из-за границы. В “Журнале путешествия” сделано немало записей, сообщающих о покупках растений, предназначенных для отправки в Россию. Так, в записи от 31 мая 1773 г. говорится о посещении находящимися в Англии путешественниками ботанического сада и его директора Горвеха, “где Никита Акинфиевич купил чайное дерево, и алеприс, и особливо и редкое в Европе доселе нигде не виданное Кокусово пребольшаго рода молодое деревцо, которое изобильно вырастает в империи Сиамской и на острове Цейлане”. Какие-то принадлежавшие Н.А. Демидову “редкие растения” сопровождал отправлявшийся летом 1773 г. в Россию Ф.И. Шубин [122, с. 320].

Практиковалась также выписка растений из-за границы (из Рима, Любека, других городов), обмена с российскими коллекционерами [249, с. 32]. Переписка Никиты Акинфиевича сохранила немало свидетельств подобных контактов. Таково, например, письмо от 17 декабря 1773 г., адресованное некому Антону Ефимовичу¹⁰. В нем говорится о судьбе принадлежащих Демидову деревьев и цветочных луковиц, уже погруженных на корабль для отправления. Адресат, как уведомился Демидов через своего человека, любезно обещал написать шкиперу этого корабля, чтобы тот взял этот груз “в точное свое сохранение в целости довести сюда, до Петербурга, будущю весною” и при этом “сохранить от повреждения” – Демидов письмом и благодарит его за эту любезность. На случай, если в ожидании рейса держать в корабле растения будет нельзя, он просит выгрузить их и далее поступать, как должен был известить адресата посланный им раньше служитель: обвязав “оставленными... воилаками и рогожами с мохом,... поставить в теплом погребе или покое” [21, л. 12].

Московская ботаническая коллекция Н.А. Демидова привлекала внимание специалистов: ее осматривали А.Т. Болотов (1779) [39а, с. 680], И.А. Гильденштедт (1768) [152, с. 19], позднее, при Николае Никитиче – московский профессор ботаники Ф. Стефан (1800) [249, с. 32]. К сожалению, после смерти Никиты Акинфиевича она существовала сравнительно недолго. После отъезда Н.Н. Демидова за границу часть дома, театр и сад были сначала сданы в аренду, а впоследствии там был основан Дом трудолюбия [249, с. 33].

В 1760-е – 1770-е годы Н.А. Демидовым создаются садово-парковые ансамбли и в его подмосковных¹¹. В результате усадь-

ба Сергиевское (Алмазово), по оценке искусствоведов, становится “одним из интереснейших садово-парковых ансамблей Подмосковья” [264, с. 114]. Регулярный парк, разбитый на плоском заболоченном участке местности, неузнаваемо преобразил окрестность: здесь появились пруды, каналы, искусственная гора, лабиринт, разнообразные малые архитектурные формы. Имелись и оранжереи – вдоль главной усадебной аллеи (улицы), поблизости от театра. Большой вклад в развитие и последующую реконструкцию этой усадьбы внес упоминавшийся Ткачев, выступавший здесь в роли не только садовника, но и архитектора [264, с. 114–115, 117].

Формировавшийся в эти же годы по проекту М.Ф. Казакова ансамбль другой подмосковной усадьбы – Петровского-Княжичево (Алабино) – также включал интересный парк [250, с. 29].

В связанной с Никитой Акинфиевичем части архивного фонда “Демидовы”, хранящегося в РГАДА, немало материалов, так или иначе касающихся его ботанических увлечений. Мы видим, что последние буквально следуют за Н.А. по пятам: куда он – туда и любимые его “произрастания”. При этом постоянно возникают и решаются вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к проблемам, которые в то время волновали прикладную науку.

Вот Никита Акинфиевич принимает решение навестить свои уральские заводы. За несколько месяцев до предполагаемой поездки, 12 марта 1768 г., он отправляет туда большое количество разнообразных семян и при них – “садовнического ученика” Петра Агапова. Демидов предписывает: “чтоб к прибытию моему в заводы потребная зелень была чрез твое старание в готовности”. Таким образом, основная цель агаповской командировки – обеспечить огородными травами и плодами кухню хозяина, привыкшего к их разнообразию и изобилию. Часть этих семян Агапов должен оставить в другой – нижегородской – вотчине Демидова, селе Фокине (через которое, вероятно, намеревался проследовать хозяин), а вместе с семенами – и “наставление” тамошним садовникам, как их сеять. Сам он получил перед отправлением соответствующие инструкции от садовника А.И. Фогта. Одновременно в Нижнетагильскую заводскую контору посылается распоряжение обеспечить Агапова рабочей силой – людьми для сооружения теплицы и парников, удобрения земли и проч. [23, л. 50–51].

Агапов по приезде на Урал успешно решил возложенную на него задачу, но трудился, как оказалось, напрасно, потому что Демидов на заводы так и не приехал. Исчерпав запас семян, Агапов запросился домой, сообщив, что в случае надобности его

сможет заменить другой прибывший из Петербурга служитель, Осип Алексеев, который “как те семена садят и с ними обходится, знает”.

В ответ на его просьбу Демидов дал распоряжение отправить на завод из своей Московской конторы новую партию садовых и огородных семян. В сохранившемся их списке 41 позиция, но это только виды – с учетом сортов число приближается к 60 [23, л. 121 об. – 122]¹². Существенно расширился и их ассортимент. Если в первом списке были только овощные растения [23, л. 49–49 об.], то теперь к ним прибавились цветочные. Эти семена Демидов распорядился передать уже Алексееву, но при этом приказал, “что как делать, велеть Петру Агапову ему растолковать и дать письменное наставление”.

Особо подчеркивается, что Алексеев должен стараться “семена впредь приводить в зрелость там (т. е. на Урале. – *И.Ю.*), чтоб не всякой год отсюда посылать по крайней мере хотя те, которые можно”. Сформулировав в общем виде задачу приступить на Нижнетагильском заводе к работе по интродукции в местных условиях новых или малораспространенных здесь растений, Демидов дает и конкретные распоряжения: “в будущую весну, исправя теплицы, велеть Осипу посланные семена посеять” и т. д.

Заметим, что многие позиции в упомянутом списке посланных из Москвы семян сопровождаются указаниями на далекое от Урала, в том числе иноземное происхождение сортов (турецкие гвоздики, тихвинская капуста, голландские огурцы, бобы английские и проч.) [23, л. 121–122]. Перед нами прямая иллюстрация отмеченной исследователями важности места, которое “в научных изысканиях того времени занимают ... работы по расширению ассортимента насаждений в садах и парках путем акклиматизации растений, вывезенных из различных областей России или южных стран” [264, с. 113]. Автор этой цитаты писал о конце XVIII в., но, судя по приведенному выше материалу, подобное положение, вероятно, справедливо по меньшей мере для всей последней трети этого столетия.

Как видим, казалось бы чисто утилитарная проблема – обеспечение зеленью хозяйского стола – разрешается путем организации важной и в научном плане работы по интродукции растений. Создание садово-парковых комплексов также многими своими гранями соприкасалось с наукой. Прежде всего, это, разумеется, та же интродукция. Но не только она.

Специалисты в области ландшафтной архитектуры XVIII в. отмечают характерную для этой эпохи любовь в России к старым, “отслужившим” (не приносящим пользы) деревьям, указывают на практику передвижки и пересадки таких деревьев [264,

с. 112, 113]. Очевидно, что независимо от основной цели, с которой она осуществлялась, ее методика и результаты представляют еще и научный интерес.

То более, то менее удачные попытки перевозки на значительное расстояние взрослых деревьев предпринимались в России задолго до Н.А. Демидова. Укажем на готовившуюся в 1724–1725 годах весьма масштабную акцию, которая, кажется, не увенчалась успехом. 19 ноября 1724 г. к В. Геннину, находившемуся в то время, по-видимому, на Пыскорском заводе, прибыл из столицы садовник Александр Тучков. Он доставил письмо кабинета-секретаря А.В. Макарова, содержавшее распоряжение Петра I сыскать в районе Соликамска и отправить в чанах до Казани 1300 кедровых деревьев разного размера. Уже через неделю Геннин отчитался о предпринятых во исполнение указа действиях [40, с. 257]. В его доношении в Кабинет от 15 января 1725 г. находим любопытные сведения, касающиеся технологии и процедуры перевозки. Садовнику, полагает Геннин, “весма надобно быть нынешнею весною за первыми кедром для охранения их в пути – полевать и беречь, понеже здешние люди к тому неискусны и могут без доброго надзирания кедров все испортиться. А наипаче, ежели они будут зимовать на Вышнем Волочке (подразумевается, следовательно, что деревья повезут в Петербург. – *И.Ю.*), то и пуще тамо их надобно от морозов хранить, осыпав наплотно навозом и землею, чтоб не замерзли, а ежели оного не учинить, то воистенно промерзнет скрозь в судах и чанах вода и земля, и коренья у кедров все промерзнут и до основания пропадут, а ежели же они на воде в судах будут стоять, то и пуще их мороз возмет. Я мню, что и прежние кедровы небрежением от морозу пропадали” [40, с. 267].

Из последней фразы, заметим, следует, что подобная этой перевозка затевалась не впервые, но предыдущая была неудачной – деревья в пути погибли. Но прав ли был Геннин, сваливая неудачу на то, что деревья переморозили? верен ли его совет их “от морозов хранить”? Во всяком случае в настоящее время считается, что взрослые деревья (на профессиональном языке озеленителей – “крупномер”) лучше всего сажать зимой – в коме мерзлой земли лучше сохраняются корни. А деревья с диаметром ствола больше 20 см допускается пересаживать исключительно в зимнее время.

Геннин быстро справился с изготовлением чанов, которые обошлись казне в 419 руб. 52 коп. Но понадобились они не все: после смерти Петра I (для петербургского сада которого и предназначались кедровы) задание было изменено: их решено было отправить “только малых пятьсот”. Об этом Геннин был извещен в

Петербурге, куда по делам отбыл еще зимой. Пока он находился в столице, кедром в Соликамске не занимались. А по возвращении неожиданно выяснилось, что “и оно число пятьсот кедров годных приискать вскоре невозможно, а хотя и сыскано кедров с двести, но и те стоят к выниманию тех в нужных местах и от реки далеко”. Охотников заниматься “выниманием” нашлось только два человека, запросивших по рублю за дерево [40, с. 292].

Приведенный эпизод особо интересен тем, что в сохранившейся о нем сведения официальной переписке имеются данные о предполагаемой стоимости работ. С письмом А.В. Макарову с Пыскорского завода от 22 октября 1725 г. Геннин отправил смету, согласно которой доставка 500 “малых” деревьев должна была обойтись в 5795 руб., причем он не исключал, что “еще на оныя кедры цены прибавятся”. Основной статьей в смете являлась плата работникам на 17 судах, по 20 человек на каждом [40, с. 291–293]. В приложенном расчете, кажется, содержится арифметическая ошибка: оплата работников при означенном в документе их числе и ставке получается больше указанной. Если учесть эту поправку, то окажется, что доставка одного кедра из Соликамска в Петербург обошлась бы казне как минимум в 13 руб. 59 коп. Для сравнения: полосовое уральское железо по официальной биржевой расценке в том же 1724 г. продавалось в Петербурге по 1 руб. 50 коп. за пуд, в Москве – несколько дешевле [239, с. 180, 181]. Итак, перевозка одного “малого” дерева приближалась по стоимости к перевозке десяти пудов железа. И это – без гарантии доставки материала в “живом” виде, без гарантии, что он после перевозки вынесет еще и пересадку. Как видим, подобные эксперименты организаторам их проведения обходились недешево.

Но Н.А. Демидов на подобные расходы шел, опыты предпринимал, причем в отношении тех же представителей уральской флоры, что и исполнявший распоряжения царя Геннин. Пихты и кедры были отправлены в московский дом Демидова с одним из железных караванов в 1764 г. Деревья в пути засохли. Решив, что виной тому небрежение караванных служителей, Демидов, чтобы другие служащие впредь “затылком не смотрели”, наказал караванного приказчика Семена Бредихина: наложил на него штраф в сумме 22 руб. 74 коп. Только в августе 1768 г. он простил его и, распорядившись предупредить служащих, что “впредь упущено не будет”, приказал возратить штрафные деньги [23, л. 91].

Возможно, смягчению Никиты Акинфиевича способствовал полученный в конце марта этого года рапорт приказчиков Нижнетагильской заводской конторы, которые по поводу очередного

распоряжения хозяина об “уком̑плектовании Московскаго его высокородия саду” кедровыми, пихтовыми и “свяничными” деревьями, каждого сорта по дюжине, сообщили, что выполняют его, причем учтут все требования, сообщенные им три с половиной года назад: отберут деревья “с наблюдением, чтоб были здоровыя, и кудрявыя и штамы прямыя”, и высотой в определенных границах. Деревья, уже отобранные близ Висимо-Шайтанскаго завода, писали приказчики, будут выкопаны и отправлены в будущем караване до Дубенской пристани, причем караванному приказчику будет приказано, а кроме того и инструкцией подтверждено, чтоб он те деревья “как наивозможно” сохранял от повреждения и следил за их поливкой. Ящики для деревьев также обещано было изготовлять строго по предписанию [23, л. 169, 169 об.].

Выше уже упоминалось о наличии кедров в саду московской усадьбы “Слободской дом” — как видим, многолетние усилия Н.А. Демидова, его приказчиков и садовников оказались ненепрасными¹³.

Отбором и организацией перевозки взрослых деревьев для их последующей посадки в условиях иной климатической зоны Никита Акинфиевич занимался и лично — во время своего итальянскаго путешествия. В “Журнале” сообщается, что в последние дни пребывания в Риме (он покинул его 18 февраля 1773 г.) Демидов ездил по разным загородным местам и деревням, где купил несколько “самых толстых” померанцевых и фиговых деревьев и, выкопав их с корнями, передал банкиру Барацию для отправления морем в Россию. 5 февраля путешественники весь день потратили на поездку “за Позилину” (гору Позилиппо), во время которой “при себе выкопать заставили претолстыя горьких померанцов деревья для отправления в Россию”. На другой день были у банкира Бранкачю (так в источнике) и просили о содействии в доставлении купленных деревьев к “Барациеву корреспонденту” Оттону Франку, в Ливорно, откуда и планировалось отправить их в Петербург. Наконец, в записи за 16 марта сообщается, что писали письма в Лондон, Амстердам (банкиру) и в Петербург, в дом Никиты Акинфиевича, “касательно до деревьев”, после чего, “при себе их (деревья. — *И.Ю.*) закупарив, отослали на аглинской корабль для доставления чрез Англию в Петербург“ [47]. Приведенные данные ценны тем, что раскрывают роль, которую лично Никита Акинфиевич играл в проведении подобных экспериментов: он не только оплачивал их, но отбирал материал, следил за его упаковкой и писал инструкции доверенным лицам в города, через которые должен был следовать ценный груз.

В техническом обеспечении связанных с садами “затей” Никиты Акинфиевича были задействованы практически все демидовские вотчины, ближайшие к Москве – в особенности. Из Тулы, с крестьянами расположенной поблизости деревни Куруловки, в Москву весной 1754 г. отправляются 16 с дубовых, с железной оковкой садовых кадей – [19, л. 1].

б) Другие естественнонаучные коллекции

Как и прочие Демидовы его поколения, Никита Акинфиевич с увлечением собирал и другие коллекции, в том числе естественнонаучные. На плане его Слободского дома одна из комнат названа “куцкамерой” [92, с. 69] – по-видимому, Кунсткамерой назван домашний музей.

В 1750-х годах Никита Акинфиевич являлся совладельцем оставшегося от отца минералогического кабинета [109, с. 51–52]. Этот кабинет, как уже говорилось, был подарен Московскому университету, но несомненно, что у Никиты Акинфиевича была и собственная коллекция того же профиля. Отправлявшимся на заводы служащим он заказывал нужные для ее пополнения образцы руд и минералов. Например, в ордере в Нижнетагильскую контору от 1 октября 1768 г., выразив уверенность, что отосланный им в августе приказчик Евтифей Матфеев уже прибыл на место, Никита Акинфиевич просит напомнить ему, что к началу мая следующего года (времени, на которое было намечено возвращение Матфеева) ему нужно отыскать, чтобы взять с собой, “покуриознее штучных камней, наипаче друзов, то есть кучками растущих топазов”¹⁴ [23, л. 102]. Обещание распорядиться поискать окрест заводов и доставить в Петербург нужные образцы руд дает он в 1781 г. и П.С. Палласу [22, л. 101].

в) Помимо коллекций ботанических и минералогических Н.А. Демидов увлеченно собирал *произведения искусства*. Эта сфера коллекционирования выходит за границы темы книги. Но в сознании собирателя XVIII в. научные и художественные коллекции не были разделены непреодолимой стеной. В конкретных собраниях, как правило, органично уживалось произведения искусства изобразительного и прикладного, образцы флоры и фауны, ископаемые, древности. Сближало их и отношение к ним всем, как к дорогим редкостям, и установка на энциклопедичность у лиц, имевших духовные интересы или хотя бы изображавших их наличие в угоду моде века Просвещения. Разумеется, в разных коллекциях какое-то одно из направлений собирательства могло быть более развито, другое – менее, но чаще всего в кабинетах и домашних музеях богатых антиквариеров XVIII в., повторяем, присутствовало все.

Владельцем ценных художественных коллекций являлся и Никита Акинфиевич.

В городах, через которые проходил маршрут его путешествия, он целенаправленно посещал мастерские художников, аукционы, лавки с изделиями местного ремесла или промышленности и отбирал наиболее интересное. Прибыв 24 ноября 1771 г. в Париж, он в тот же день смотрел товары, принесенные купцами, и ничего не купил только потому, что решил предварительно присмотреться к ценам. 28-го посетил гостинный двор, 2 января по объявлению в газете о продаже разных вещей и картин ездил в Версаль, тогда же купил на аукционе картину. 11 января ездил к продавцам картин, купил две. 13-го ездил по лавкам, купил золотые табакерки, каменные вызолоченные приборы, стенные подсвечники, две вазы и бархат на кафтаны. 15-го в “самой богатой” лавке купил медную курительницу и собачку “для накладки на книшки медную же”. “Журнал путешествия” содержит множество других подобных этим сообщений о приобретениях произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В некоторых случаях мастерам и художникам давались индивидуальные заказы. Так, уже через день по прибытии в Париж он заказал художнику Верне написать для него морскую бурю с кораблекрушением, а часовщику Грексону – сделать часы “весьма плоские горизонтальные с секундами”.

Существовали и другие каналы комплектования коллекции. Один из них – закупки через доверенных лиц, в том числе – за границей. Так в письме из Гданьска от 4 февраля 1781 г. некий Семен Сергеевич Волчков уведомил Никиту Акинфиевича о посылке ему с отбывающим в Россию московским купцом Г.И. Протопоповым обещанного “янтарного ящика” (шкатулки?). Он был, вероятно, вещью достаточно хрупкой: “мне не осталось по сему больше желать, – писал Волчков, – как только то, чтобы оная посылка вскоре и целно до вас дошла”. “По получении, – просил он, – прикажите чтоб с бережливостию отворяли, дабы от неосторожности чего не испортили”. “Я могу вас, милостиваго государя, уверить, – замечает Волчков, – что таковой работы ящик и в здешних местах почитается за редкость” [22, л. 46, 46 об.]. Драгоценный “ящикек” добирался до адресата полтора месяца, но был доставлен в исправности. “Я сею посылкою, – сообщил в ответном письме Демидов, – весьма доволен; и впредь благодарить не примину” [22, л. 48].

Еще один источник комплектования – покупка вещей из распродаваемых коллекций. Так, за полторы тысячи рублей не позднее 1758 г. Демидов приобрел 12 картин из собрания, оставшегося после смерти голштинца тайного советника фон Пехлина. Ос-

таток их купил И.И. Шувалов [65, т. 1, с. 367]. Е.В. Карпова высказала предположение, что “вкус” к собирательству Никита Акинфиевич обрел в период пребывания в Париже [142, с. 107]. Факт довольно крупного приобретения художественных предметов еще в 50-х годах свидетельствует, что вкус к ним появился у него значительно раньше.

Укажем, наконец, на опубликованное недавно письмо Н.А. Демидова в Нижнетагильскую заводскую контору, свидетельствующее, что “куриозные” вещи поступали к нему и с Урала. Какие-то старинные предметы (конкретно назван только топор) прислал ему приказчик Евтифей Матвеев (уже знакомый нам по письмам 1768 г.), сообщивший об их находке в Нижнетагильском пруду. Осмотрев их, Демидов 5 июля 1765 г. распорядился “в воде у берега, железными частыми граблями поискать, а в берегу и землю поразрыть, не окажется ли еще каких старинных вещей”. Письмо имеет собственноручную приписку заводчика, в которой он просит в случае, если найдутся “отменной величины” кости, “неупустительно” прислать и их [51, с. 202, 203]¹⁵. Заметим, что факт предшествовавшей этому письму посылки старинных предметов свидетельствует, что на заводах прекрасно знали о собирательских увлечениях Никиты Акинфиевича.

г) Библиотека

Личная библиотека – окно в душу ее владельца. Особенно широко распахнуты его створки, когда на книгах остались следы, отражающие восприятие прочитанного.

Остатки личной библиотеки Н.А. Демидова выявлены в шести современных книжных собраниях Урала, в том числе в библиотеках Свердловского областного краеведческого музея в Екатеринбурге и Музея горнозаводского дела в Нижнем Тагиле [117; 194; 207а]. На многих книгах интересные маргиналии. Последние и позволили выделить демидовские книги из общей массы – экслибрисов и записей, фиксирующих владельческую принадлежность, они, как правило, не имеют [194, с. 53].

Среди книг, принадлежавших Никите Акинфиевичу, обратим внимание на научную литературу – издания, посвященные биологическим наукам, земледелию. В их числе – журнал А.Т. Болотова “Сельский житель”, который Демидовым проработан очень тщательно. Среди записей руки Демидова, присутствующих в конце каждого листка (недельного номера) – имеются заметки, отмечающие материалы, остановившие его внимание или разочаровавшие. Так заметка о грибах его заинтересовала (“и о шампинионах знать не худо”), а одна из статей по цветоводству,

показалась неудачной (“тульпаны ни к чему столь замарали бумагу”) [194, с. 53].

Некоторые научные книги, вошедшие в состав библиотеки Н.А. Демидова, были привезены им из-за границы. Книги и библиотека – предметы постоянного интереса путешествующего Н.А. Демидова. В Европе среди прочих достопримечательностей он неизменно осматривает и библиотеки. И покупает книги для библиотеки собственной. Привлекает внимание запись в “Журнале путешествия” от 20 января 1772 г. (Демидов в Париже): “ездили по книжным лавкам и купили книгу в эстампах, ильлюменованную всякого рода произрастения и пресмыкающихся сюринамских”. Возможно, речь идет о каком-то из изданий главного труда знаменитой Марии Сибиллы Мериан – “Метаморфозов сюринамских насекомых” с их и по сей день поражающими зрителя иллюстрациями. Очень вероятно, что это был перевод Ж. Марпе, изданный П.-Ж. Бюко в Париже в 1771 г. под названием: “*Histoire générale res insectes de Surinam et de toute l’Europe*”. Т. 1. *Des plantes de Surinam*. Том in folio содержал 72 гравюры [175, с. 182].

Имелась в библиотеке и литература по техническим, а также тесно связанным с техникой и производством наукам, например, по минералогии – о них позже.

Представление о связях Н.А. со сферой науки дополняют сведения о благотворительности, направленной на поддержку высшего образования. В целом благотворительная деятельность Никиты Акинфиевича более скромна, чем брата его Прокофия.

Выше уже упоминалось о денежных пожертвованиях Демидовых Московскому университету, к февралю 1757 г. достигших 21 тыс. руб., и о минералогическом кабинете Акинфия Демидова, также переданном в Университет его наследниками [260, с. 50, 75; 109, с. 51–52]¹⁶. Имеются данные и о пожертвованиях Университету, сделанных Никитой Акинфиевичем персонально. Так, 11 декабря 1779 г., в период подготовки к строительству нового университетского здания, он прислал куратору И.И. Шувалову письмо, в котором обещал пожертвовать для кровли дома пять с половиной тысяч листов черного аршинного железа со своих заводов. Исполнив это обещание, 8 мая 1781 г. Демидов для укрепления стен здания прислал еще 800 пудов лучшего связного железа [260, с. 117].

Интересы Н.А. Демидова отразились и на круге его личных контактов. Среди его знакомых – известные и забытые деятели русской и европейской культуры и науки.

Одним из первых в их ряду следует назвать имя выдающегося русского скульптора Ф.И. Шубина¹⁷, сопровождавшего Демидова

дова в его путешествии по Европе и создавшего скульптурные портреты Н.А. и А.Е. Демидовых. Их знакомство и связи требуют особого рассмотрения, исследователями уже предпринимавшегося [122; 142].

Из русских литераторов Н. А. Демидов, возможно, был знаком с переводчиком В. Г. Вороблевским (1730–1797), крепостным Шереметевых, их дворецким, библиотекарем и режиссером крепостного театра. Последний, во всяком случае, посвятил ему свой выполненный в 1775 г. перевод (с французского) “Жизни Лазария Тормского” (“Ласарильо с Тормеса”) [71, с. 61]. Очень осторожно можно указать на одну из возможных точек соприкосновения Вороблевского и Демидова. Вороблевский является автором оставшегося в рукописи описания принадлежавшей П. Б. Шереметеву коллекции золотых монет, медалей и жетонов [165а, с. 175]. Хотя этот его труд относится к 1796 г. (времени, когда Н. А. Демидова уже не было в живых), не исключено, что Вороблевский как-то был связан с хранением и обработкой шереметевских коллекций и раньше, а значит, мог представлять интерес и для коллекционера Демидова.

Заметим, что Никита Акинфиевич – не единственный из Демидовых, с которым был связан Вороблевский. Шереметевский библиотекарь, напомним, представлял в цензуру “Каталог по алфавиту” Прокофия Демидова; высказано предположение, что он даже участвовал в его составлении [230, т. 2., с. 28]. Его фамилия (в несколько искаженной форме) упомянута в одном декабрьском, 1785 г., письме Прокофия, отмечающем факт их личной встречи (“от дома графа Петра Борисовича Шереметева господин Воробьевской принес ко мне книжку” и т. д. [207а, с. 30]).

Во время путешествия 1771–1773 годов Никита Акинфиевич встречался с деятелями культуры – посещал художников, коллекционеров. Эти связи сыграли определенную роль в комплектовании его собраний произведениями искусства и редкостями.

Общим местом при характеристике Н.А. Демидова стало упоминание о его переписке с Вольтером [224, с. 611; 142, с. 103; 200, с. 472 и др.] – при этом никаких подробностей, с ней связанных, не приводится. “Интересно было бы знать, что писал грозному рабовладельцу знаменитый фернейский отшельник и боец за права личности”, – замечает В.В. Огарков (на совести которого и оставляем корректность приведенной характеристики Н.А.), сообщая далее, что эта переписка не сохранилась [200, с. 472]. Заметим, что в “Журнале путешествия” о встречах Никита Акинфиевич с Вольтером не упоминается. По-видимому, их знакомство – очное или, скорее, заочное – произошло в более позднее время.

Характер интересов и занятий Н.А. Демидова предопределил его знакомство с учеными, сотрудничество с Академией наук.

Как и старший брат, он был знаком с П.С. Палласом, содействовал его научной работе, исполнял некоторые просьбы в части комплектования научных коллекций.

При отправлении Палласа летом 1768 г. в очередную экспедицию, Никита Акинфиевич пригласил его посетить Нижнетагильский завод и вручил ему (9 июля) следующее письмо для передачи заводской администрации по прибытии:

“В Нижнетагильскую мою заводскую кантору.

Господин доктор и профессор Пальлас, которой 13 числа сего месяца отправляется в сибирскую часть Урала и Оренбурга описывать примечания, будет же в Екатеринбурге и Гороблагодатские смотреть заводы, прошен по той близости объезд сделать на мой Нижнетагильской завод, где показать, что полутчее примечания стоит; принять онаго учтиво, и в дорожном случае учинить вспоможательное удовольствие” [23, л. 83].

Судя по помете на отпуске с этого письма (отправленного с Палласом), аналогичные распоряжения были посланы на завод еще и по почте.

Паллас воспользовался любезным приглашением – потому, что и так намеревался осматривать заводы, расположенные по пути следования (а Нижнетагильский был среди них далеко не рядовым), и, полагаем, потому, что путь предстоял довольно утомительный и едва ли разумно было пренебрегать гостеприимством. На Нижнетагильском заводе ученый побывал в 1770 г. и нашел его в “цветущем состоянии”. По его заключению, тот оказался “меж всеми частными сибирскими заводами совершеннее, порядочнее, важнее и прибыльнее железом” [54, с. 249]. Подробный рассказ об этом посещении вошел во вторую часть его “Путешествия по разным местам Российского государства” (СПб. 1786).

Научная деятельность Палласа включала сборы различных коллекций. Они были не только обязательным атрибутом его экспедиционных поездок – в Петербурге Паллас ведал минералогическим кабинетом Эрмитажа [171, с. 121]. Стремясь пополнить коллекции, он обращался к горнозаводчикам. 12 августа 1781 г. в письме брату Прокофию Никита Акинфиевич попросил того “доложить” Палласу, “что по записке ево о доставлении требуемых руд” окажет ему просимую помощь. Он обещал: “ежели такова свойства”, как описано в записке, руды найдутся, “набрать и будущую весною в однолетнем караване по штуке отправить в Петербург к прикащику моему, Зубрилову, прикажу”. “Но надобно знать, – замечает он, – где их там отдать”, ведь “иногда

ево, господина Петра Симановича, в Петербурге и не случитца”. В связи с этим Никита Акинфиевич просил сообщить ему адрес, по которому можно будет передать собранные по просьбе Палласа образцы [22, л. 101].

Другой посланец Петербургской академии, И. А. Гильденштедт, по пути из Петербурга на Волгу, которым начиналось его путешествие, заехал в старую столицу, где, изучая природу Москвы и ее окрестностей, провел почти полгода – с сентября 1768 г. по март 1769 г. Осенью он посетил и принадлежавший Н.А. Демидову сад, поразивший его редкостью собранных в нем растений [152, с. 19]¹⁸.

О встрече с Никитой Акинфиевичем в Москве в первых числах сентября 1779 г. рассказывает в своих записках А.Т. Болотов. Это была первая их встреча, но ей предшествовала переписка. Посетить в Москве Демидова Болотова подтолкнули уверения его московского знакомого А.А. Владыкина в том, что Демидов “отменное желание имел” его видеть и “познакомиться лично”. Отзыв оказался верен: посетив Демидова в его доме в Немецкой слободе, Болотов нашел в нем, по его словам, “человека, любившего меня еще заочно и не только принявшего меня весьма благоприятно, но и старающегося и угостить всячески”. (Обратим на это внимание: косвенным образом такое отношение характеризует статус ученых людей в глазах Демидова.) Болотов рассказывает об удовольствии, которое получил, “при пересматривании его драгоценных и прекрасных картин и многих других редкостей, которыми весь дом его был наполнен. Я засмотрелся на все оные, – продолжает Болотов, – и имел случай видеть тут множество таких редких вещей, каких никогда еще не видывал”. Болотов упоминает о состоявшейся после обеда прогулке по “прекрасному саду и по всем... богатым ранжереям”, где он “также видел множество вещей, никогда... до того не виданных”. В общем, Болотов провел большую часть дня, как он пишет, “с превеликим удовольствием”.

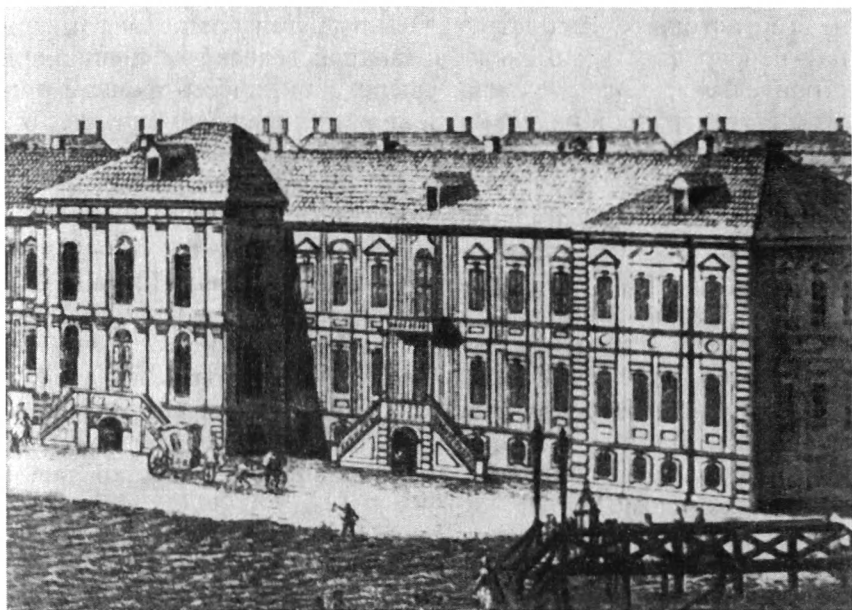
Интересно, что и наслаждение, испытанное от встречи с поразительными по качеству и количеству коллекциями, и радушная встреча не помешали Болотову весьма критично оценить личность самого Демидова. Болотов сообщает, что в отличие от всего прочего, общение с хозяином большой радости ему не доставило, и объясняет, почему: он, Болотов, “при всем его (Демидова. – *И.Ю.*) огромном богатстве и знаменитости находил в нем самого простака и сущего богача-ахреяна, в котором и сквозь золото видима была еще вся грубость его подлой природы, из которой произошел он чрез богатство в знать и в люди” [39а, с. 680].

Е.В. Карпова, убедительно переведшая в слово богатство психологических красок, присущих великолепному бюсту Н.А. Демидова работы Шубина, ссылается на приведенные строки Болотова, как на свидетельство определенной близости восприятия ими (Шубиным и Болотовым) личности Демидова: Болотов, по ее мнению, тоже “вынес из общения с Демидовым” какую-то “двойственность впечатлений” [142, с. 113]. Полагаем, что Болотов смотрел на Демидова иными, нежели Шубин глазами – жестко и плоско, со скрытым раздражением. Не оспариваем его на это права – но, думаем, так можно одно не заметить, другое – сильно упростить.

Насколько справедлив отзыв Болотова? И в чем именно почувствовал он пробивающуюся сквозь культурный макияж простоту и “грубость подлой природы”? Сохранившийся эпистолярный Никиты Акинфиевича, конечно, не демонстрирует особой тонкости души – но ведь перед нами, в основном, деловая переписка. Но грубость для нее отнюдь не характерна – даже для переписки с подчиненными (караванными, заводскими приказчиками и проч.). И явным простаком его по этим письмам не назовешь. Так прав ли Болотов? Не звучит ли в его словах обида представителя небогатого, но старого дворянского рода, столкнувшегося с человеком из рода “новых русских”, не заслуживающим чести выскочкой?

Укажем еще на одно знакомство Н.А. Демидова с человеком из мира науки – с Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, историком, коллекционером, государственным деятелем. Оно состоялось за границей, где Мусин-Пушкин находился в 1772–1775 годах [156, с. 196; 70, с. 18]. В компании русских, в конце октября или ноябре 1772 г. он из Спа прибыл в Париж, и именно там произошла встреча его с Н.А. Демидовым [156, с. 196]. Как раз в это время Демидов, увлеченный шубинскими рассказами об Италии, решил посетить и эти земли – Мусин-Пушкин и С.С. Гагарин согласились ехать туда вместе с Демидовыми. Выехав 4 декабря, они перевалили через Альпы и 21-го были в Турине. Далее на страницах “Журнала путешествия” довольно подробно описаны месяцы, проведенные Демидовыми в Италии. Упомянуты многочисленные знакомства и встречи с “одноземцами” и иностранцами, там произошедшие, причем некоторые имена (например, И.И. Шувалова) повторяются неоднократно. Но А.И. Мусин-Пушкин не упомянут в тексте после Турина ни разу – остается только гадать, сопровождал ли он Демидовых все это время или где-то отделился от них.

Впрочем, ожидать возникновения между ними сильного взаимного интереса не приходится. Они принадлежали к разным по-

Г.А. Качалов, с ориг. М.И. Махаева. Здание Академии наук. Деталь гравюры из альбома “План столичного города Санкт-Петербурга” (СПб., 1753). Офорт

колениям. Мусину-Пушкину при встрече с Демидовым в Париже было всего 28 лет; позади было только Артиллерийское училище и несколько лет службы по артиллерийскому же ведомству (в том числе адъютантом у кн. Г.Г. Орлова) [156, с. 196; 70, с. 17–18]. Культурная и научная его деятельность получит настоящее развитие лишь в 90-х годах. Никите Акинфиевичу во время его поездки в Италию уже 48. В своих интересах, склонностях и намерениях он вполне сложился – все они ясно видны из характера его занятий во время путешествия. И хотя Никита Акинфиевич был человеком общительным, но едва ли Мусин-Пушкин в те годы мог представлять для него самостоятельный интерес¹⁹.

Демидов поддерживал контакты и с научными организациями, прежде всего – с Петербургской Академией наук.

В связи с этим в первую очередь следует отметить его помощь в ликвидации последствий пожара, от которого пострадали важнейшие из вспомогательных структур Академии – Библиотека и Кунсткамера, размещавшиеся в заложенном в 1718 г. по проекту Г. Маттарнови и оконченном постройкой в 1728 г. специальном здании на Васильевском острове [227, с. 32]. Пожар случился в ночь с 4 на 5 декабря 1747 г. [172, с. 88]. По официальной версии виновным в случившемся был признан недосмотревший за

печами истопник. Рассматривалась и другая возможная причина – неисправность дымохода, возникшая вследствие спешки при строительстве. Значительный ущерб был нанесен фондам русской и иностранной книги, коллекциям, сгорел знаменитый Готторпский глобус, была уничтожена Обсерватория [227, с. 39; 172, с. 88].

23 декабря 1747 г. императрица подписала указ, в котором пострадавшие академические собрания (включая книжное) предписывалось расположить “в доме дворян Демидовых” [207а, с. 37]. Множественное число в цитате употреблено не случайно: речь, судя по всему, шла о здании, входившем в состав наследства, оставленного А.Н. Демидовым и до завершения раздела находившегося в общей собственности братьев. Но кому принадлежало это здание после раздела – в конце 50-х – первой половине 60-х годов, когда библиотека и коллекции все еще оставались в демидовском доме?

Е.П. Пирогова высказала предположение, что императрица “договаривалась об этом именно с Григорием” [207а, с. 38]. Аргументов в пользу такого предположения два. Один связан с существованием документа 1756 г., в котором Григорий Акинфиевич просит академическую Канцелярию выдавать ему по два экземпляра всех печатающихся при Академии книг по установленной цене. Перед нами свидетельство, важное для характеристики отношения Григория и к науке в целом, и к ее академическому “отряду”, в частности. Но к контексту истории академической библиотеки этот документ, на наш взгляд, может быть подключен только при условии ряда умозрительных допущений, хотя и при их поддержке ничего прямо не доказывает. Не обладает достаточной доказательностью и второй аргумент. Автор обращает внимание на то, что библиотека была размещена в трехэтажном доме, а дом на Васильевском острове, доставшийся после раздела брату Григория Никите Акинфиевичу, был “о двух апартаментов”. Мы не готовы разрешить это противоречие – заметим лишь, что разбираться в нем следует, с максимально возможной полнотой привлекая материалы по истории зданий – а те подчас меняли не только фасады и планировку, но и число этажей. И дома в столицах у каждого из сыновей Акинфия Демидова имелись не в единственном числе.

Предположение о роли Григория Акинфиевича при выборе приюта для размещения академической библиотеки требует более аргументированного обоснования. Напротив, уже сейчас можно совершенно уверенно утверждать, что здание, в котором библиотека размещалась в конце своего пребывания вне академических стен, принадлежало Никите Акинфиевичу. Цитируе-

мое ниже письмо И.И. Тауберта говорит об этом с полной определенностью.

Итак, Демидовы предоставили дом для временного размещения сохранившейся части академических собраний. Из ценнейших научных коллекций и уникальных экспонатов Кунсткамеры в него перевели минц-кабинет, станки петровской токарни и знаменитую “восковую персону” – сделанную из воска статую Петра Великого в натуральную величину в подлинной одежде императора (ее передали в Кунсткамеру в 1732 г. [172, с. 77]). Постепенно, по мере завершения ремонта в академических помещениях эти сокровища демидовский дом покидали. Но, как следует из излагаемого ниже письма, отделочные работы до наступления зимы 1764/65 г. полностью закончены не были; оставались не готовы и шкафы – минц-кабинету, части библиотеки, станкам и “персоне” пришлось в очередной раз зимовать в чужом доме.

Впрочем, судя по всему, им было в нем достаточно удобно. Вполне благополучно складывались у академической администрации и отношения с владельцем дома. Во всяком случае, долг за несколько лет аренды, остававшийся за Академией на начало 1765 г., их не омрачал. Возникла идея предложить ему эти отношения продолжить.

С этой целью И.И. Тауберт 27 января 1765 г. направил Демидову письмо в Москву, а на следующий день, узнав о его прибытии в северную столицу, копию с него в Петербург [20, л. 1]. Сообщив, что до середины года вывезти остатки библиотеки и кунсткамеры от Демидова не удастся, он предложил ему на длительный срок закрепить сложившиеся отношения с Академией: для размещения академической книжной лавки и книжных магазинов сдать ей его дом со всем надворным строением, за исключением двух помещений для демидовских приказчиков и караванных служителей, погребов и участка берега (использовавшегося для выгрузки барок). Тауберт брался даже, по согласованию с хозяйским приказчиком, произвести текущий ремонт дома. Он подробно перечислил, чем, с его точки зрения, может быть выгодна эта сделка для Демидова, отметив, что Академия будет аккуратно расплачиваться за аренду непосредственно из доходов от торговли книгами. Тауберт обещал продолжать официально числить дом за Академией, что освобождало его от постоя. Выгодность сдачи дома Академии он видел еще и в том, что “самой дом, по исправлении его починкою, не загадится и раззорится, как того ожидать должно от содержания в нем, например, трахтиров, харчевен и всегда переменяющихся подлых жильцов, ибо для одного или двух хорошего состояния нанимателей, которые бы во всем порядок и чистоту наблюдали, сей дом ... велик и непокоен.

...Живой тому пример строгиновской дом, которой содержателем онаго из выстройки совсем вконец раззорен, так что Академия при покупке онаго в цену клала одни только стены”. Тауберт предлагал заключить шестилетний контракт на условиях выплаты Демидову 500 рублей ежегодно с обязательством этот дом “до окончания того срока ни вам, ни после вас наследникам вашим онаго, кроме Академии, никому не продавать” [20, л. 2–3].

Библиотека Академии наук оставалась в демидовском доме до 1766 г. [156, с. 198].

Прилежный книголюб, Никита Акинфиевич являлся покупателем и читателем книг, издававшихся Академией (см., например, [194, с. 53]). Можно предполагать, что некоторыми ее изданиями он не только комплектовал домашнюю библиотеку, но и посылал их на свои заводы. Подразумеваем, в частности, пользовавшиеся большим спросом различные календари (месяцесловы) – исторический, географический, дорожный, экономический и др. – право публикации которых было предоставлено Академии почти с момента ее основания [233, с. 40]. В одном из реестров начала 1768 г., перечисляющих отправления из Московской домово́й конторы Демидова в Нижнетагильскую заводскую, отмечены “шесть календарей: исторической, придворной, с наставлениями, географической, прастой, экономической” [23, л. 1]. Отметим, что включавшиеся в подобные календари материалы были достаточно высокого качества – сама Академия посчитала часть из них достойными более солидного издания и в 1785 г. начала публикацию составившего 10 выпусков “Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы”, редактором которого был академик Н.Я. Озерецковский [233, с. 40].

Кроме контактов с Академией наук Н.А. Демидов поддерживал их с Вольным экономическим обществом, почетным членом которого состоял [109].

Путешествуя за границей, Никита Акинфиевич не упускал и там случая посетить известные в Европе научные центры, осматривал частные научные коллекции. 30 декабря 1772 г. он побывал в Болонской Академии наук, увидел принадлежавшие ей обсерваторию, библиотеку, “залу для родильниц, которая есть удивительнейшая вещь в Европе”, химический зал и лабораторию, занимавший шесть залов кабинет натуральной истории (“Журнал” сообщает перечень наиболее поразивших редкостей), зал древностей, в котором размещались коллекция медалей, “идолы”, предметы бытового и ритуального назначения. Побывал и в принадлежавшем Академии ботаническом саду, имевшем много “редких произрастаний”. 7 марта он посетил Неаполитанскую Академию наук.

Сказанное выше рисует Н.А. Демидова как человека с очевидным интересом к науке, разными сторонами своей деятельности соприкасавшегося с ней. Но многое, важное для отчетливой квалификации Никиты Акинфиевича в науковедческом контексте, неясно – и глубина его знаний, и личная причастность к научному творчеству. Собирания коллекций, научных в их числе, конечно недостаточно для того, чтобы записать его в ученые, – остается удовлетвориться замечанием, что без таких, как он, история развития науки в России тоже была бы неполна.

Не такова ситуация с техникой – с ней контакты у Н.А. Демидова заметно теснее. Не проявившись как ученый, он вполне раскрывается как техник: инженер, изобретатель.

Характеристику этой стороны его занятий и интересов начнем с любопытного свидетельства, непосредственно отразившего отношение Н.А. Демидова к своим ближайшим предкам и их “недворянским” занятиям. В письме от 21 мая 1827 г. его сыну, Николаю Никитичу Демидову, известный скульптор И.П. Мартос сообщает, что в молодости был знаком с отцом адресата. По его словам, Никита Акинфиевич, выражая пожелание, чтобы надгробный памятник ему делал Мартос и чтобы на нем непременно были изображены кузнечные инструменты, говорил ему: “предок наш был кузнецом и мы не только не скрываем сего, но гордимся, имея родоначальника фамилии нашей человека, который личным своим достоинством и умом... приобрел себе бессмертие и стяжал роду своему честь, открыл ему поприще к заслугам государственным” [106, с. 113–114].

Но Никита Акинфиевич не только хранил память о деде-оружейнике и его трудах (подобные по смыслу высказывания можно найти и у Прокофия). Он сохранил живой интерес к сфере деятельности, которой занимались его предки, благодаря чему накопил достаточно глубокие в ней познания.

Мы уже говорили о постоянном и серьезном внимании, которое Никита Акинфиевич уделял принадлежавшим ему заводам. В этом отношении он заметно выделяется на фоне братьев. Не удивительно, что на его заводах было больше порядка, что положение на них в наибольшей степени напоминало то, которое существовало при его отце. Приведем еще один, демонстрирующий это пример.

Паллас сообщает, что при жизни А.Н. Демидова, “когда он сам над заводами надзирал, нигде в России лутчих не было дорог, как в его заводах”. И добавляет: “из всех сих заведений несколько токмо осталось в прежнем порядке при Нижнем Тагильском заводе” [54, с. 227–228]. Излишне напоминать, что владельцем этого завода в годы посещения его Палласом был Н.А. Де-

мидов. Осмотревший множество уральских металлзаводов Паллас охарактеризовал это предприятие, как находящееся в “цветущем состоянии” [54, с. 250] – совершенно очевидно, что без усилий со стороны хозяина этот уровень не удалось бы удержать сколько-нибудь долго.

В предыдущих работах, опираясь на материалы переписки Н.А. Демидова, мы уже писали о достаточно глубоких специальных его знаниях в области техники, приводили примеры дававшихся им технологических рекомендаций в области кузнечного и литейного дела, кричного передела [266, с. 250–254; 272]. В основе этого – отчетливо выраженный интерес Никиты Акинфиевича к технической сфере. О нем свидетельствует и то, что во время заграничного путешествия он часто посещал фабрики и заводы, причем самого разного профиля – известность продукции достаточное для него основание, чтобы стремиться увидеть ее производство. Будучи в Берлине, он совершил экскурсию на королевскую фарфоровую фабрику, в Женеве – на фабрики часовые (где купил “четверы золотые часы”), в Англии, в Бримиджане (Бирмингеме?) – на “фабрики, в коих железо переделывается в сталь, а из стали – разные изделия”, посетил расположенные поблизости от города рудники. 26 сентября 1773 г., прибыв на обратном пути во Фрейберг, Никита Акинфиевич добился разрешения от главного надзирателя и, надев горное платье, “по любопытству своему” спустился в шахту, где добывалась серебряная руда. Демидов опустился на 15 лестниц вниз (из 40) – но “сырость, спершийся дым от свечи едва его не задушил”, и он “поспешил вылезти вон” [161, с. 56, 60, 61].

Об интересе к технике и связанным с ней наукам (в частности, к горному делу, металлургии и тесно соприкасавшейся с ними химии) говорит и наличие соответствующих книг в библиотеке Н.А. Демидова. Таков, например, входивший в ее состав труд “Серебряная роговая руда, химическими опытами исследованная и описанная Кирилом Лаксманом, Академиком и Профессором Императорской Академии наук, Королевской Стокгольмской Академии и вольного Санктпетербургскаго Экономическаго общества, членом” (СПб.: При Императорской Академии наук, 1775)²⁰. Судя по автографу владельца, оставленному им в конце книги, он это сочинение прочел и одобрил: “К познанию завода содержателям весьма небезполезно по оному знанию иметь, – заключил Демидов. – С охотою прочтено 1784-го декабря 16 числа” [194, с. 53]. Обратим внимание на то, что приведенная “рецензия” является в данном случае абсолютно профессиональной: книгу оценивает заводовладелец с точки зрения пользы для таких же как он “завода содержателей”. В личной библиотеке завод-

чика были и другие книги по горнозаводскому делу и минералогии: только в той ее части, которая находится в библиотеке Музея горнозаводского дела (г. Нижний Тагил), их сохранилось еще три [194, с. 54].

Присутствие подобных книг в библиотеке Н.А. Демидова, тот факт, что он их читал, свидетельствуют о значительном месте, которое в сфере его интересов занимала техника и науки, с ней связанные.

В еще большей степени убеждает в этом переписка Никиты Акинфиевича с заводской конторой, значительная часть которой посвящена вполне конкретным техническим указаниям и распоряжениям, направленным на повышение качества продукции и производительности техники. Ее содержание раскрывают не только сохранившиеся отпуски демидовских ордеров, но даже регистрационные перечни той переписки, которая велась им и его Московской домовой конторой с конторой заводской. Приведем выписки из нескольких произвольно выбранных перечней, регистрирующих документы одного 1768 г.: “о делании красного железа”; “о разных заводских возстановлениях”; “о зделании по записке аглинских купцов разных сортов исправного связного железа”; “о сделании по посланным моделям двух наковален”; “о расположении... в постройке завода”; “о деле связного и... сортового железа”; “о деле в Санкт-Петербурге Адмиралтейство разных сортов железа”; “о построении при Нижнетагильском заводе особливой колотушечной фабрики и о зделании по требованиям сортового железа” [23, л. 1, 32, 52, 84, 111а].

В ряде случаев предмет и содержание демидовских “наставлений” позволяют квалифицировать их как изобретательство.

Ранее, говоря о технических интересах Н.А. Демидова, мы уже отмечали случай, позволяющий предположительно говорить о его изобретательской деятельности – речь шла о ружейном замке необычной конструкции, изготовить который он заказал в Туле через своего родственника С.И. Пальцова в конце 1756 г. Трудно судить, являлось ли предложенное им техническое решение оригинальным изобретением Демидова (тем более, что описание конструкции недостаточно подробно) – но он, во всяком случае, называл его своей “инвенцией” [266, с. 252–253].

Представляющий интерес материал 1766 г. об усовершенствованной Никитой Акинфиевичем “пилозубной машинке”, предназначенной для насечки пил в слесарной фабрике Нижнетагильского завода, обнаружен Е.С. Мальцевой. Этот факт особенно интересен тем, что современным специалистам по описанию удалось изготовить модель этого устройства – оно оказалась работоспособным и было высоко ими оценено [181, с. 13].

Приведем еще один пример изобретательской деятельности Н.А. Демидова, извлеченный из его переписки с Нижнетагильской заводской конторой.

В адресованном ей письме (или ордере, как иногда в самом источнике называются подобные послания) от 18 января 1768 г. Никита Акинфиевич касается нескольких тем, интересных с историко-технической точки зрения.

Во-первых, вопроса “о приведении в порядок, <как > плющить железо”. Здесь, напоминая свои прежние “наставления” (от 13 июня и 31 октября 1766 г.), он требует, чтобы производимое его заводами “плющильное железо было глатко, плющения нисколько не значилось”, и указывает, какими техническими средствами этого добиться: “для того плющильныя валы после обыкновенныя точки так чисто выпалировать, что привести в лицо, и от того чаятельно быть гладкому, а ежели того доставать не будет, то под молотами доглаживать” [23, л. 8].

Как известно, изготовление железного листа способом прокатки широкого распространения в XVIII в. не получило, хотя появление основанных на этом способе технических устройств на европейских заводах известно как минимум с первого его десятилетия [168, с. 89]. По свидетельству Геннина (1735), на Екатеринбургском заводе существовала железорезная и плющильная фабрика, имевшая одну железорезную (прорезную) и одну железо-плющильную машины. На первой делали железный пруток, на второй – “по тонким моделям железо” [103, с. 301, 304, 306]. Годовая производительность последней могла достигать 13690 пудов в год. Продукция употреблялась “на заводской расход и на продажу”, в том числе “к портам”. Однако тот факт, что плющильная машина была на фабрике единственной, и упоминание ситуаций, “когда машины в действии не бывают” (тогда на этой фабрике расковывалась медь) [103, с. 301, 306, 307] свидетельствует, что широкого применения на данном заводе эта технология не имела.

Ничего принципиально нового в сравнении с Генниным Н.А. Демидов в цитированном фрагменте своих “наставлений” не предлагает. Демидов: “плющильныя валы после обыкновенныя точки так чисто выпалировать, что привести в лицо, и от того чаятельно быть гладкому”. Геннин: “оныя валики... обтачивать равно и глатко для того: ежели они будут не равной толстоты, то железо от того плющитца косо и негодно” [103, с. 300–301]. Демидов: “ежели того (полировки валов. – *И. Ю.*) доставать не будет, то под молотами доглаживать”. Геннин: “ежели они (подвергнутые плющению пруты. – *И. Ю.*) будут неравны, но дутоваты, то править под колотушкой” [103, с. 301].

Отметим, вместе с тем, что обращение Никита Акинфиевич к этой проблеме весьма показательно. Оно свидетельствует о том, что преодоление сложностей, связанных с развитием на железоделательных заводах листопрокатного производства, и в 60-х годах XVIII в. продолжало оставаться задачей весьма актуальной – железо, пропущенное через плющильную машину, по-прежнему из-за нестабильного качества не находило достаточно-го спроса (Демидов: “при порте в заморской отпуск машинное не во многия места покупают”). Оно демонстрирует, что Н.А. Демидов хорошо представлял узкие места своего производства и ориентировал его развитие в направлении технологий, за которыми было будущее.

Демидов с нетерпением ожидал известий об экспериментах по прокатке железа. Некоторое время спустя, в другом ордере (от 25 июня того же 1768 г.), напомнив о необходимости доделать в оговоренном объеме сортовое железо для английского купца Судерланда, в ответ на утверждение заводских управляющих, что через машинное действие железо, “чтоб сапин было невидно, сделать невозможно”, он напомнил о своей идее насчет применения “глатко выпалированных с лицом железных валов”, по поводу которой в письмах с заводов “во оныя плющение” производилось ли, “совсем умолчено, но толко о получении повеления репорт был послан. Того ради и сем подтверждаю неотменно: по тому прежде посланному от 18 числа генваря моему повелению, с приложением по изысканию способа усердного старания, без отлагательства вдаль исполнить ныне”. Демидов требует, не взирая на неизбежные убытки, провести “довольные опыты” и подробно (“со обстоятельством”) отрапортовать к нему об их результатах [23, л. 77].

В ордере от 1 октября того же года Никита Акинфиевич, соглашаясь с тем, что “произъодством ... плющилным чрез точные валы мелкосортное железо делать не способно, и что у валов лицо скоро портится” (“то правда”, говорит он), предлагает вернуться к промышленным экспериментам по получению прутка волочением: повторить опыты “с хорошим наблюдательством и старанием”, опробовать, “пропуская железо в разных градусах огня,.. когда оно будет так раскалено, как клюква” – разогретая до этой температуры заготовка, полагает Демидов, “в тяге” должна оказаться “способнее”. Дается дополнительная техническая рекомендация: скважины (калиброванные отверстия, через которые осуществляется волочение) “напрыскивать” салом [23, л. 99 об.].

Нам не известно, насколько удачной оказалась данная серия инициированных Никитой Акинфиевичем технологических экс-

периментов. Но показательно, что Паллас, посетивший летом 1770 г. его уральские заводы, застал здесь такое производство действующим. На Нижнетагильском заводе имелась плющильня (№ 4 в приводимом Палласом перечне цехов) и, особо, “здание для плющения и беления железа” (№ 18) [54, с. 250, 252]. Примечательно, что на расположенном поблизости Невьянском заводе, некогда демидовском, а тогда принадлежавшем С. Яковлеву, прокатное производство, напротив, сворачивалось: путешественник увидел здесь одну плющильню действующую (“в коей машина промежду двух валов растягивает и плющит полосное железо,.. и плющильный молот с горном”), а вторую – переоборудованную в молотовую [54, с. 229].

Вернемся к ордеру от 18 января 1768 г. В нем заводскому персоналу далее предлагается “поучитьца чрез машинное действие тонкое осмигранное и четверогранное железо делать” и тем изыскать “способ, чтоб пред прежним от машинного производства становилось дешевле” [23, л. 8]. Другими словами, ставится задача изыскать и освоить более экономичный способ получения сортового железа с применением машинной техники.

Заводчик дал распоряжение опробовать два технологических приема.

Первый основывался на способе волочения. Демидов предложил сделать по посылаемому им рисунку особое приспособление – такое, чтобы нагретую заготовку, “как проволоку”, захватывая за конец “пропускныя штуки клещами”, пропускать “в вылитыя из сыраго чугуна доски со скважинами; начать от дюйма с осминою, довести до полудюйма” (т.е. от 2.86 до 1.28 см). Скважины, имеющие расширение с приемной стороны, должны быть отполированы “ровно и глатко, чтоб выходило чисто”. Тяговое усилие на первом этапе предлагается обеспечить конным приводом, но в дальнейшем, “как последует выгодность”, можно будет “зделать и водействуемую с пристойностию машину” [23, с. 8–8 об.].

В экспликации, сопровождающей прилагаемый чертеж, даются дополнительные сведения о конструкции некоторых узлов устройства, предлагаемого Демидовым. Вот, например, как описан конный привод: “стоячия валы... с шестернею и с рукояткою, в которая впрегатыя [буд]ет для поворачивания лошадь, а второй с колесом; толикую сему колесу дать препорцию в диаметре против шестерни, сколько б не тихо и не скоро проязвело поворачивание для протягивания железа, ибо ежели зделать шестерню против колеса малу, то крайне скорой бег лошаде причинят, а естли слишком велику, то едва и паре поворачивать будет можно”. А вот следующее за этим описание узла, с помощью которо-

го осуществляется захват: “зделат на сем валу наподобие вокруг оборачивающуюся бочку, а наверху двух или трех зубцах запирающейся храп для того, когда при натягивании веревкою клещей тот храп закладывать, а когда чрез доску железо протянуто будет, то храп откладывать кверху, и тое веревку с клещами к станку притаскивать свободно будет и одному человеку бес поворачивания и остановки для того развязывания веревки на вале”. Кроме того, “на клещевых захватных концах для лутчаго удержания железа надлежит пилкою нарезать нарочито глубокия бороски” [23, л. 10, 10 об.].

Необычным в этом описании является профиль прутка, подвергающегося волочению, значительная толщина этого прутка и, особенно, материал, из которого изготовлена волочильная доска. “Доска с дырами”, сквозь которую протягивалась проволока в станах Екатеринбургского завода, описанного Генниным, была железной “с укладной наваркой” [103, с. 297]. Демидов предложил отливать доски из сырого чугуна. Для 60-х годов XVIII в. это достаточно необычный материал для изготовления волочильного инструмента: литые чугунные волочильные доски стали распространяться только во второй половине XIX в. [168, с. 174].

Второе направление решения проблемы получения качественного сортового железа – калиброванная прокатка. На нижнем валу плющильной машины Демидов предлагает сделать кольцевые квадратные в сечении “вырубы” (ручьи) – начиная с 1 1/8 дюйма последовательно уменьшающиеся (с шагом от 1/6 до 1/8 дюйма) вплоть до 1/2 дюйма (последний). Поверхность вырубов должна быть отполирована. Сквозь эти вырубы следует “пропускать выкованное железо со обыкновенным нагреванием, начав с первого, из выруба в выруб, применяясь к проволошному производству; а чтоб штуки из валов выходили прямы, для пропуску оных перед валами зделать со утверждением пристойныя ящики”. “Ежели по сему наставлению четверогранное пойдет на дело”, предписано опробовать техническое решение “со зделанием на обеих валах половинчетых вырубов”. Последний вариант важен еще и потому, что Демидов надеялся освоить производство по данной технологии сортового железа восьмигранного и круглого сечения [23, л. 8 об., 9].

Заметим, что у Геннина при описании плющильной машины о возможности использовать ее для сортовой прокатки не упоминается. Патент на прокатный стан с калиброванными валками был получен (Дж. Пейном) сравнительно незадолго до составления генниновского “Описания” – в 1728 г. Патент на подобный стан с приводом от водяного двигателя, предназначенный для изготовления круглого прутка и проволоки, был выдан почти через

сорок лет (в 1766 г.) Дж. Пурнеллю [168, с. 92]. Предложения Демидова также включают использование водяного двигателя, он даже специально останавливается на устройстве трансмиссии (“для же соблюдения воды, — пишет он, — привести плющильные валы чрез сухое колесо с шестернями, и во оном не только быть может соблюдение воды, но и машине лехче, и действовать станет исправнее” [23, л. 9]). Учитывая незначительную разницу во времени между выдачей за границей соответствующего патента и письмом Демидова, можно предположить независимое от изобретения Пурнелля происхождение изложенных русским заводчиком технико-технологических идей. Судя по сведениям Палласа, попытка практической реализации этой идеи была принята — во всяком случае, именно так мы склонны интерпретировать упоминание, что на Нижнетагильском заводе “строят новую машину, которою, посредством четырех стальных валов, плющит четыреугольные железные полосы” [54, с. 251].

Итак, все описанные выше предложения Демидова находились в фарватере поисков технической мысли своего времени. Предпринимались (пока еще малоуспешно) попытки создания листопрокатных машин, набирала масштаб, расширяла сферу применения прокатка сортового железа, продолжала совершенствоваться техника волочильного производства. Как видим, работа во всех этих направлениях, осуществлявшаяся в 1760-х годах на Нижнетагильском заводе, имела одним из побуждающих ее импульсов работу инженерной мысли их хозяина.

Технологические эксперименты, проводившиеся по замыслу и распоряжению Н.А. Демидова, имели вполне конкретную и легко просматриваемую общую цель: улучшение технико-экономических показателей производства. Достижению ее способствовала научно-техническая информация любого происхождения, в том числе, полученная на других предприятиях. Не всякий эксперимент можно было поставить у себя. Некоторые технические и технологические решения, зависящие от пространственного расположения и связей отдельных производств, избрав однажды, изменить было уже невозможно. Тем более был ценен опыт других заводов, где использовались иные (в сравнении с предприятием, принятым за базу) их комбинации и сочетания. Неудивительно, что Никита Акинфиевич пристально следил за техникой на других уральских предприятиях сходного профиля.

В неоднократно использованном нами деле с материалами переписки его с Нижнетагильской заводской конторой немало материалов и по другим уральским заводам — Кыштымскому, Каслинскому и проч. [23, л. 35–36 об., 275–280]. Особенно интересны авторские тексты Никиты Акинфиевича, посвященные

сравнению предприятий Демидовых – самого Никиты Акинфиевича и его двоюродного брата Никиты Никитича.

В одном из таких текстов прямо декларируется установка на трансляцию ценного технического опыта: “В сравнении брата Никиты Никитича с моими заводскими производствами в каких машинах или в другом чем признаютца выгоднее, так и при моих заводах, по точному примечанию старатца привести в хорошей установ”. Далее Никита Акинфиевич одно за другим сравнивает функционально тождественные технические устройства, существующие на разных заводах, и выводит из сравнения заключение. Во-первых, валы надо делать “сколко можно короче”, потому что такие “в действии способнее”. Водяное колесо должно быть по возможности больше – такое сильнее и требует меньше воды, “толко б снизу не было подпруды”. На размышления натолкнуло и сравнение окон ларей. Оказалось, что те из них, через которые вода направлялась на меховые доменные колеса, на обоих заводах были приблизительно одинаковы. А вот окна, пропускавшие воду на боевые колеса, на заводе у Никиты Акинфиевича оказались значительно больше, чем у Никиты Никитича (12×4 против 8×2 вершков соответственно). Несмотря на наличие системы регулирования подачи воды, Никита Акинфиевич предложил своей конторе “разъсмотреть порядочно, не лутче ли в соблюдение воды и при моих заводах боевых окон несколько убавить”. При этом автор письма подчеркивал, что изменения должны быть такими, “чтоб из того была одна выгодность”. Разница обнаружилась также в соплах, в их “духовом” конце – результатом этих различий была разная плавность хода мехов. Никита Акинфиевич предлагал переделать на заводах какие-нибудь одни меха под новую препорцию “и примечать, каково будет действие, и ежели способно, то и у всех тако постановить”. В связи с мехами рождается рацпредложение: меховые бочки для лучшего их укрепления на валу отливать с осевым каналом восьмигранного сечения, соответственно “и вал, где бочка укрепляется, должно обтесывать также осмигранно”. Но сама по себе техническая идея не является для Н.А. Демидова самоценной: если сравнительно небольших усилий стоит укрепление обычной бочки, то предлагается такой ее и оставить [23, л. 98–99].

Изобретательство, как правило, подразумевает последующую реализацию технической идеи, следовательно, требует определенных организационных усилий и материальных затрат. Поэтому сюжеты, связанные с изобретательством Демидова, в большинстве случаев характеризуют его и в качестве организатора соответствующих (научно-исследовательских, опытно-конструкторских) работ в области техники и технологии.

Разумеется, не вся довольно значительная организационная работа Н.А. Демидова преследовала цель проверки его “инвенций”. Принадлежавшие ему заводы действовали и требовали постоянного внимания, решения подчас рутинных по сути, но важных для общего результата вопросов. Никита Акинфиевич это понимал и заводами занимался, оставляя в своей компетенции довольно широкий круг вопросов управления ими. Но важно, что некоторые из этих проблем решались им на пути технического совершенствования производства.

Со временем, когда сохранившийся архив Никиты Акинфиевича будет изучен подробнее, более ясно определится и его место в истории техники. Едва ли оно окажется очень значительным. Но в данном случае реальное значение его работы выходит за рамки деятельности чисто инженерной. Н.А. Демидов – яркий представитель той категории российских заводоладельцев XVIII–XIX веков, которые, имея значительный технический опыт, весьма существенно влияли (и лично и опосредованно) на развитие русской техники и основанного на ней промышленного производства.

В контексте вопроса о связях Н.А. Демидова с техникой особый интерес приобретают данные о его отношении к профессиональному, в частности техническому, образованию.

Помогая высшей школе (в лице Московского университета), Н.А. Демидов способствовал развитию образования и других уровней. В реестрах посланного в 1768 г. из Московской конторы на Нижнетагильский завод упоминаются какая-то “азбука печатная” и еще одна “для весьма малолетних детей азбука на карточках” [23, л. 1,32].

Известно, что Никита Акинфиевич имел школу при Нижнетагильском заводе, готовившую технические кадры для многочисленных предприятий, входивших в состав его промышленного хозяйства. В ряде случаев здесь подготавливались специалисты и по заказам других заводоладельцев. Так, с просьбой принять в эту школу трех мальчиков для обучения арифметике, геометрии и сочинению чертежей обратился к Никите Акинфиевичу его племянник Александр Григорьевич. 30 января 1768 г. в ордере Нижнетагильской заводской конторы Никита Акинфиевич распорядился: по присылке от Суксунской заводской конторы мальчиков “в школу принять и там по указам сколько можно с прилежностью обучать” при условии обеспечения их одеждой, обувью и пропитанием от Суксунской конторы [23, л. 37].

Развитию сферы профессионального образования (в совсем иной, впрочем, профессии) способствовало и учреждение Н.А. Демидовым медали “За успехи в механике”.

По сведениям Ю.Б. Иверсена, премия с таким названием была учреждена при Академии художеств в 1779 г. Соответствующая медаль имела на одной стороне имя, отчество и фамилию учредителя, а на другой – слова “за успехи в механике”, изображение махового колеса и двух винтов [128]. По другим данным, она была учреждена раньше – в 1771 г. Собственно наградная медаль была золотой, автором ее модели являлся И.-Б. Гасс [118, с. 587]. В качестве финансового источника, обеспечивавшего существование премии, использовались проценты с капитала, положенного для этой цели Н.А. Демидовым [48, с. 22].

В том же году (по Иверсену – в 1779, по [118] – в 1771) при Академии художеств А.Ф. Ржевской (урожд. Каменской) была учреждена премия “За экспрессии с натуры”. Эти премии – Ржевской и Демидова – подчас смешивали. Так, в декабре 1818 г. Совет Академии по поводу возможного присуждения медали ученику 3-го возраста Карлу Брюлло (Брюллоу) решил, если его работа будет таковой удостоена, “назначить ему оную из процентов капитала, положенного покойным ст. сов. Никитою Акинфиевичем Демидовым на раздачу медалей за экспрессии” [48, с. 22].

По решению Академии обе эти премии были объединены и в 1868 г. была выбита медаль с именами учредителей объединяемых премий (на аверсе) и с надписью “за успехи в механике” (на обороте) [128].

Прочие сведения о пожертвованиях Никиты Акинфиевича на развитие художественного образования (а он был почетным членом Петербургской Академии художеств [109]) опускаем.

Никита Акинфиевич умер последним из сыновей Акинфия Демидова. С ним, кажется, исчерпывается присущая первым Демидовым “живая” любовь к технике, последним отблеском которой является изобретательство Н.А. Демидова. Его старший брат избавился от заводов еще при жизни Никиты, примерно в те же годы продал их и племянник Павел Григорьевич. Сыновья самого Никиты Акинфиевича заводами занимаются не из влечения к этому делу, но, скорее, из рационально осмысленной необходимости. Они относятся к этому занятию, как к обязанности, которую, кто более, кто менее исправно исполняют.

Но пришедшие на смену поколения рода выйдут на совершенно новый уровень отношений с наукой. Произойдет это уже в лице племянника Никиты Акинфиевича (сына среднего его брата) – упомянутого Павла Григорьевича Демидова.

- ¹ Мы уже обращали внимание [266, с. 151] на сообщение И.Ф. Афремова о том, что Никита Акинфиевич родился в Туле [78, с.90 доп.], не согласующееся с сообщениями других авторов и надписью (опубликованной) на кресте, сооруженном по распоряжению Никиты Акинфиевича на берегу Чусовой.
- ² В повествующем о его заграничном путешествии “Журнале” в записи от 5 февраля 1773 г. сообщается о получении супругами Демидовыми, находившимися в то время в Риме, “печальных писем” из Москвы, уведомивших их о кончине Евтихия Ивановича Софонова, отца Александры Евтихиевны.
- ³ 2 июня 1773 г. польским королем Станиславом-Августом Понятовским Никите Акинфиевичу был пожалован орден св. Станислава [142, с. 114]. По сведениям “Журнала путешествия”, в этот день, находясь в Лондоне, Демидов сначала принимал визиты, потом осматривал хрустальную фабрику. Упоминаний об ордене нет.
- ⁴ Указываем возраст, определяемый из дат рождения и смерти в родословной росписи Красновой [157, с. 9]. На памятной доске, укрепленной в церкви села Петровское над местом захоронения Александры Евтихиевны, указано, что она умерла “живши 32 года и 1 день” [243, с. 6]. Дата смерти на доске с приведенной у Красновой совпадает, дата рождения – отсутствует. Если возраст на доске верен, год рождения следует сдвинуть в более позднее время на один год.
- ⁵ Титульный лист экземпляра, принадлежавшего библиотеке Выйского Демидовского училища и в настоящее время хранящегося в библиотеке Музея горнозаводского дела (г. Нижний Тагил), воспроизведен в издании [198] на с. 33.
Судя по заключению такого авторитетного эксперта, как редактор-издатель “Русского архива” и библиофил П.И. Бартенев, уже через столетие (в конце 1870-х гг.) это издание являлось библиографической редкостью. Беседовавший о нем с Бартеневым другой известный библиофил, Я.Ф. Березин-Ширяев, отмечал, что эта книга “замечательна не только по редкости издания, но и по содержанию, так как в ней упоминается о многих исторических личностях того времени” [38, с. 79].
- В тексте цитированного мемуарного очерка Березина-Ширяева книга, между прочим, названа “Путешествием Акинфия Демидова” и сказано, что она была издана в конце прошлого (XVIII) века. Мы присоединяемся к мнению публикатора этого текста М.Д. Филина, полагавшего, что имеет место ошибка мемуариста и в разговоре библиофилов подразумевался “Журнал путешествия” Н.А. Демидова [38, с. 81].
- ⁶ А.Г. Борис и М.Ю. Канаев полагают, что вероятный автор проекта здания Ф.С. Аргунов лишь изредка консультировал строительство – основное же наблюдение за ним с самого начала осуществлял И.Х. Юст [92, с. 67]. Другие авторы утверждают, что первоначально строительством руководил все же Аргунов, а к Юсту руководство перешло после его (Аргунова) смерти [249, с. 31].
- ⁷ Хотя фамилия Казакова указана на закладном камне [99, с. 89], И.Э. Грабарь высказал предположение, что проект алабинского дома принадлежал В.И. Баженову. Ни одного документального подтверждения в его пользу он не представил, сведя все доказательства к констатации стиливой близости [113, с. 124–125]. Впоследствии он не настаивал на этой атрибуции [41, с. 272]. В настоящее время здание руинировано (см. фото в [259а, № 274, вклейка]). Главный дом демидовской усадьбы в Алмазове сгорел еще в 1915 г. [259а, с. 190].
- ⁸ Современное его местоположение – между р. Мойкой и ул. Декабристов (ранее Офицерской), близ пер. Матвеева (ранее Тюремного); адрес – правый № 104 по Набережной р. Мойка [162, с. 70–71].
- ⁹ Возможно, цифра 10 у авторов [92] образовалась суммированием числа оранжерей и теплиц.

- ¹⁰ В архивной описи фамилия адресата раскрыта как Пастухов. Из известных нам связанных с Н.А. тульских Постуховых ни один не имел такого сочетания имени и отчества.
- ¹¹ Согласно Л.М. Фурсовой и М.В. Цыганковой, ансамбль усадьбы Сергиевское создавался в 60-х годах XVIII в. [250, с. 29].
- ¹² Записи типа “коченной салат разных сортов” при подсчете мы учитывали по минимуму – как указание всего на два сорта. Поскольку в отдельных случаях их наверняка было больше, общее количество сортов отправленных на Урал семян, несомненно, превышало 60.
- ¹³ Упоминалось также и о нескольких кедровых деревьях, которые в 1779 г. существовали в саду при Тульском заводе Демидовых [271, с. 59]. Но связывать их появление здесь с Никитой Акинфиевичем каких-либо оснований не имеет: описанные выше его попытки перевоза кедров с Урала относятся к 1764–1768 годам, когда завод принадлежал сначала его племянникам (сыновьям Г.А. Демидова), а после их раздела, с апреля 1765 года – одному Александру Григорьевичу [271, с. 41].
- ¹⁴ Одновременно он должен стараться разыскивать мрамор – “для церквей на выстилку полов, хотя в алтарях и пред иконостасом”.
- ¹⁵ Обратим в связи с этим внимание на упоминание о попытке приобретения через Ф.И. Шубина “слонового и мамонтового зуба” у архангелогородского купца Дудина. П.А. Дружнин усматривает в этом факте намерение пополнить коллекцию “диковин” [122, с. 322, 333].
- ¹⁶ Ю.А. Поленов, ссылаясь на работу Л.П. Брюшковой, сообщает о минералогической коллекции, подаренной Московскому университету, указанное число образцов в которой (6 тысяч), происхождение (коллекция Генкеля, купленная в Германии) говорит, как будто, о том, что это та самая, которую С.П. Шевырев и идущая от него традиция связывает с Акинфием Демидовым (приобретение) и его наследниками (передача). Но дарителем в данном случае назван один Н.А. Демидов, а в качестве года дарения указан 1755-й [208, с. 120]. Оставляем это сообщение без комментария.
- ¹⁷ Шубин состоял в свойстве с Демидовыми: его жена Вера Филипповна была сестрой А.Ф. Кокоринова, женатого на дочери Г.А. Демидова [142, с. 143].
- ¹⁸ Ю.Х. Копелевич, автор работы о Гильденштедте, из которой мы заимствовали этот факт, называет Демидова Никитой Акимовичем. Судя по всему, речь идет о Никите Акинфиевиче.
- ¹⁹ Е.В. Карпова, в качестве доказательства серьезности духовных интересов Н.А. Демидова, указывает на его тесные связи с широко образованными и оставившими след на ниве культуры деятелями, среди которых называет и знатока российских древностей и издателя “Слова о полку Игореве” А.И. Мусина-Пушкина» [142, с. 110]. Цитированная характеристика по сути, конечно, верна, но в контексте основной мысли автора едва ли полезна: Мусин-Пушкин в начале 1770-х гг. (а речь идет о них – автор ссылается на “Журнал путешествия”) еще не был ни издателем, ни даже знатоком.
- ²⁰ Титульный лист экземпляра, принадлежавшего библиотеке Выйского Демидовского училища и в настоящее время хранящегося в библиотеке Музея горнозаводского дела (г. Нижний Тагил), воспроизведен в издании [194] на с. 53.

Основатель Демидовского лицея

(Павел Григорьевич Демидов, 1738–1821)

Биографическая справка. – Научные экспедиции. Сочинения. – Естественнонаучные коллекции. – Книжное собрание, его каталог и классификация наук. – Связи с Московским университетом. – Основание высших наук училища в Ярославле. – Связи с учеными и научными обществами. – Поздние Демидовы – почетные попечители лицея в Ярославле. К.Д. Ушинский в Демидовском лицее.

В лице Павла Григорьевича Демидова (№ 21 в родословной росписи Е.И. Красновой) впервые встречаемся с поколением правнуков основавшего демидовскую династию Никиты Антюфеева. Внук Акинфия Демидова, П.Г. родился 29 декабря 1738 г. Его детство и юность пришлось на Елизаветинскую эпоху, зрелость – на век Екатерины Великой, последние два десятилетия жизни совпали с царствованием Александра I. Ведя преимущественно частный образ жизни, он тем не менее отразил в своей деятельности каждую из этих эпох и отразился в них: оставил в летописях былого строки и о себе.

Усвоивший грамоту еще в малолетстве, с 10 до 13-летнего возраста Павел Демидов воспитывался в Ревеле у профессора Сигизмунди. После того как он овладел в необходимой для продолжения дальнейшего образования степени латинским и немецким языками, отец отправил его вместе с братьями учиться в Германию [108, с. 4].

Пребывание, подчас продолжительное, за границей и учеба там в середине XVIII в. являлись наиболее надежным способом получения серьезного образования российской молодежью из обеспеченных семей. Создание Московского университета не могло быстро изменить это положение. Десять лет (с 1772 по 1782 г.) провел за границей будущий президент Мануфактур-коллегии и директор императорских театров кн. Н.Б. Юсупов (род. 1750), прослушавший в 1774–1775 годах несколько учебных курсов (по физике, химии, математике, отраслям права, философии, латинскому языку) в Лейденском университете [88а, с. 62]. В 20-летнем возрасте был отправлен с братом за границу

Павел Григорьевич Демидов. Из книги: Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд-е вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1909. Т. 5. № 197

гр. Н.П. Румянцев (род. 1754). Прослушав в том же Лейденском университете курсы истории и права, он отправился в путешествие по Европе, в ходе которого посетил Париж, Женеву, Берлин, Рим и Венецию, пробыв за границей в общей сложности пять лет [148, с. 8–9].

В 1751 г. 14-летний Александр, 13-летний Павел и 11-летний Петр Демидовы были зачислены в Геттингенский университет [257, с. 26]. Здесь до мая 1755 г. Павел слушал лекции известных профессоров А. Галлера, И. Геснера¹, Зегнера, Т. Мейера [108, с. 4].

Из Геттингена братья перебрались во Фрейберг, где, по-видимому, побывал еще их дед и куда после них приедет дядя Никита Акинфиевич. Основное внимание Павел уделял здесь естествен-

Фрейберг. Флагшток над старым зданием Бергакадемии.
Фото И. Юркина, 2001 г.

ным наукам и металлургии – дисциплинам, по утверждению К.Д. Головщикова, “особенно любимым им”. Сохранившиеся (частично введены в научный оборот А.С. Черкасовой [254а; 257]) письма братьев к отцу и их ежемесячно посылавшиеся ему отчеты позволяют составить достаточно отчетливое представление о характере и интенсивности их занятий. Находясь во Фрейберге, Демидовы в течение года изучали теоретические и прикладные курсы по горному и плавильному делу, осматривали рудники и металлургические производства. Лекции по металлургии они слушали у Гофмана, по минералогии и химии – у Х. Э. Геллерта (1713–1795) [108, с. 4]. Последний – видный ученый, с 1749 г. возглавлявший осно-

ванную И.-Ф. Генкелем лабораторию металлургической химии [257, с. 26] и работавший в основанной в 1765 г. во Фрейберге знаменитой впоследствии Бергакадемии. С именем Геллерта связаны важные научные достижения в развитии металлургии цветных металлов [278, S. 102, 105; 279, S. 26].

Во фрейбергский период в обучении братьев существовала, возможно, некоторая специализация. Так, младший из них в отчете отцу от 12 января 1756 г. сообщал, что “во время учения средняго братца маркшейдерству”, вдвоем со старшим братом повторял химию [257, с. 26].

За Фрейбергом последовало шестилетнее путешествие по Европе, сопровождавшееся знакомством с “важнейшими достопамятностями природы, наук и художеств”. Павел Демидов посетил Богемию, Венгрию, Австрию, большую часть Германии, Швейцарию, Италию (где побывал в Риме, Неаполе и других городах), Францию, Голландию, Англию и Шотландию [108, с. 4].

Образование русских юношей было широким, но повсюду важное место в нем отводилось усвоению технических знаний и опыта. Заводы горные, металлургические, химические, минералогические коллекции – объекты их неизменного интереса. В

июне 1756 г. Демидовы получают от австро-венгерского двора разрешение осмотреть венгерские горные заводы. Будучи в Бирмингеме и Шеффилде, немалые усилия прилагают, чтобы узнать “секрет” производившейся здесь качественной стали [254а, с. 123; 257, с. 26, 27].

В одном из писем отцу по поводу английских рудных заводов братья Демидовы отмечают (по-видимому, подтверждая готовность исполнять отцовское предписание), что их “смотреть наше главное будет ... дело” [257, с. 27]. О важности технического образования и вообще о месте соответствующих занятий в этот период их жизни свидетельствует написанная в Вене шведско-австрийским художником Мартином ван Мейтенсом Младшим большая картина, изображавшая братьев Демидовых в шахтерской одежде. Упоминающий о ней Я. Штелин с похвалой отзывался о ее художественных достоинствах. К сожалению, возможность проверить его оценку отсутствует – присланный в Россию, этот любопытный холст не сохранился, или, во всяком случае, затерялся и пока не обнаружен [65, т. 1, с. 368, 388].

Наряду с техническими большое место в образовательной программе братьев Демидовых занимали естественные науки. Прибыв в июле 1758 г. в Англию, они посещают в Оксфорде курс экспериментальной физики у известного астронома, профессора Гринвичской обсерватории Джеймса Бредли (Брадлея) (1693–1762) [257, с. 26; 277, Bd. 3, S. 597]. В Швеции Павел Григорьевич знакомится с К. Линнеем и слушает в Упсале его лекции [108, с. 5]².

Возвратился на родину П.Г. Демидов в самом начале 1762 г. [108, с. 6]³. Отца к этому времени уже не было в живых (вероятно, в связи с его смертью Павел Григорьевич и прервал 11-летнее пребывание за границей), предстоял раздел наследства, но он устранился от личного в нем участия: уже в феврале 1762 г. он уехал в путешествие по России.

Жизнь и учеба за границей оказали сильное влияние на формирование его личности: в Россию вернулся европейски образованный молодой ученый. На многое он смотрел теперь другими глазами. Перед ним открывалось огромное поле для исследований, и он сразу набросился на работу.

Раздел завершился в 1765 г., когда Павел Григорьевич из путешествия уже возвратился. Из прежде единого заводского хозяйства ему досталась Уткинская часть. Он получил заводы Уткинский доменный и передельный, Рождественский передельный и недостроенный Камбарский передельный [204, с. 90]. Поскольку (так во всяком случае полагает Н.И. Павленко) новый их хозяин “не имел никакой склонности к предпринимательству” [204,

с. 91], все они вскоре были проданы братьям. По итогам раздела Павел стал владельцем также части большой городской усадьбы в Петербурге – на р. Мойке, в районе Гривцова (бывш. Демидова) переулка. Основное ее здание досталось старшему брату Александру, а Петр и Павел получили дома, выходявшие на Большую Мещанскую улицу. Впрочем, и петербургский дом некоторое время спустя Павел уступил брату Петру [158, с. 129]⁴. Жил он теперь в Москве или в имениях.

Отказавшись от занятий промышленным предпринимательством, Павел Григорьевич не оставил занятий горным делом, в котором, благодаря долгому и старательному изучению, стал специалистом. С 1762 г. он состоял на государственной службе в качестве советника Берг-коллегии. Можно предположить, что предпринятая им в 1762–1763 годах поездка по России была как-то связана с этим назначением: во всяком случае, в ходе нее рудники и горные заводы были важным объектом его внимания.

В Берг-коллегии Павел Григорьевич служил до 1772 г., когда вышел в отставку в чине статского советника. Последующие его годы были связаны почти исключительно с Москвой, где он обычно жил зимой, и двумя имениями – подмосковным (Леоновым, в 6 верстах от Ярославской заставы) и нижегородским – куда уезжал на лето [108, с. 6]. Исключением явились 1772–1773 годы, когда он ездил лечиться в Спа и побывал при этом в нескольких европейских странах. «С этого времени, – завершает Головщиков рассказ о его биографии, – Павел Григорьевич всю жизнь свою посвятил “философскому уединению, рассматриванию природы и ученым созерцаниям”» [108, с. 6].

Умер П.Г. Демидов в Леонове 1 июля 1821 г.

Фигура П.Г. Демидова, его нравственные качества и благородная деятельность заслужили самую высокую оценку современников. Как о личности, достойной всяческого уважения, отзывались о нем едва ли не все высказавшиеся на его счет современники и многие их потомки⁵.

Павел Григорьевич – первый из Демидовых, предпринимавший “ученые путешествия”. Именно в них постепенно переросли его поездки, совершавшиеся при смене места жительства или предпринимавшиеся специально, с целью образовательного туризма. Не считая пребывание в Геттингене, их в общей сложности было шесть:

по Германии с июля 1755 по декабрь 1756 г.;

по Италии с сентября 1757 по февраль 1758 г.;

по Франции, Англии и Голландии с февраля 1758 по июнь 1760 г.;

по Норвегии и Швеции в 1760–1761 гг.;

по России и Сибири с февраля 1762 по март 1763 г.;

по Германии, Франции, Голландии в 1772–1773 гг. [108, с. 6,28].

Последнее путешествие, видимо, к “ученым” не относилось – основной его целью было лечение на водах⁶. Описание первых пяти составило семь рукописных томов на немецком языке. При несомненном интересе этих материалов (погибших в московском пожаре 1812 г. [108, с. 8]), трудно предполагать наличие на их страницах открытий в области “естественной истории”. Напротив, путешествие по России, совершенное, заметим, за пять лет до начала серии академических экспедиций, оказалось весьма продуктивным. Из мест, посещенных Демидовым, известны три района: Урал (здесь он осмотрел заводы в Екатеринбурге и окрестностях), Тула и северо-запад Европейской части (Петербург, Ладога). Можно предположить, что он также побывал на Волге (под Астраханью), и в Киргизии – именно с этими местами связаны некоторые из его зоологических открытий. Им был описан корсак, обитающий в киргизских степях между Яиком и Иртышом, кобец (из ястребиных) и красная астраханская утка. Сведения о них, сообщенные Линнеем, были использованы последним в его научных работах [108, с. 7].

От П.Г. Демидова остался ряд сочинений из области точных и естественных наук, написанных на иностранных (преимущественно немецком) языках.

На гравюре Н. Соколова с портрета работы Ф.С. Рокотова Павел Григорьевич изображен в трехчетвертном повороте в парике, парадном камзоле с орденской звездой и лентой⁷. Он придерживает лежащий на столе фолиант. На столе и полках позади фигуры изображены книги и предметы из естественнонаучных коллекций: кораллы, разнообразные раковины. Перед нами вельможа, но одновременно и широко образованный человек, ученый.

Фон на парадном портрете – столь же говорящая часть картины, как и сам портретируемый. Портрет П.Г. Демидова работы Левицкого без труда заменяет не одну страницу текста. Не менее красноречив и рокотовский портрет Павла Григорьевича. Обратим внимание на предметы, его окружающие – разложенные по полкам и шкафам коллекции.

Начало собраниям П.Г. Демидова положили приобретения,

сделанные им в путешествиях. Первой уже сложившейся крупной коллекцией, приобретенной им за 66 тысяч франков, был Кабинет, принадлежавший известной парижской актрисе Клерон [108, с. 7]. Как недавно установила Н.Г. Демидова, именно из этого собрания, купленного в 1773 г., происходит избежавшая гибели в московском пожаре 1812 г. и сохранившаяся до сего дня ценная коллекция кораллов [89, с. 87]. К кабинету Клерон Демидов присоединил собрания птиц и редких животных, преимущественно пресмыкающихся, стоившие ему более 3400 франков. Привезенные в Москву в 1773 г., коллекции стали быстро разрастаться. Демидовым были куплены несколько минералогических коллекций, в частности, собрания Вейнгарда (особенно ценные образцами золотой руды), Войта и Вейса. К минералам, привезенным из других стран, присоединились приобретенные за две тысячи рублей образцы сибирских минералов [108, с. 7] и богатое собрание моделей техники горного и металлургического дела, сделанных по его заказу мастерами во Фрейберге⁸.

В состав домашнего музея входил также минц-кабинет, собранный в основном в Европе и особенно ценный редкой коллекцией шведских монет [108, с. 22, 26].

Представление о богатстве коллекций Павла Григорьевича можно получить по описанию той их части, которая вошла в состав Музея естественной истории Московского университета. Здесь его дарам были отведены три зала, называвшиеся Демидовскими или прямо Демидовским музеем. В первом находились насекомые, собранные самим Демидовым под руководством Линнея, а также насекомые Америки, раковины и минералы. Во втором зале, где стоял бюст дарителя, размещалось продолжение коллекции раковин, очень дорогое собрание “животно-растений”, кораллов, морских губок и других морских растений, египетская мумия и часть библиотеки. Последний зал полностью занимали книги и рукописи [260, с. 370, 371; 108, с. 25]. Павел Григорьевич на свои средства напечатал каталог этого собрания.

Большая часть его коллекций погибла в пожаре 1812 г., отдельные ее фрагменты были спасены благодаря усилиям директора Музея естественной истории Г. Фишера фон Вальдгейма. Сохранившаяся коллекция “полипников” (кораллов) в 1840–1841 годах насчитывала 229 экземпляров [89, с. 86].

Заметим, что поколение Павла Григорьевича было не последним, с увлечением собиравшим естественнонаучные, в частности минералогические, коллекции. Богатым собранием минералов владел к концу жизни, например, упоминавшийся младший современник П.Г. Демидова – Н.П. Румянцев [148, с. 51, 52].

Наряду с естественно-научными коллекциями многие Демидовы являлись обладателями обширных книжных собраний. Качество некоторых, в частности, того, которое принадлежало Павлу Григорьевичу, было настолько высоким, что представляется целесообразным остановиться на нем подробнее.

Книга может восприниматься в разных качествах, нередко – сразу в нескольких. Информирова и развлекая, она, одновременно представляет интерес сама по себе, безотносительно к указанным функциям – как некий артефакт, достойный сохранения и изучения. Последнее – сфера библиофилии, дань увлечения которой отдали многие Демидовы. В России XVIII в. без наличия весьма основательной личной библиотеки заниматься научными исследованиями было просто невозможно. Вследствие этого библиофильский интерес часто совпадал с научным. Учтем к тому же, что библиофилия сама немыслима без научного исследования, а библиография (неважно, в связке с библиофилией или без нее) также обладает принадлежащим науке проблемным полем.

История библиотеки П.Г. Демидова тесно связана с историей российской археографии. “Повсюду, – пишет К.Д. Головщиков, – скупал он самые дорогие и редкие издания на всех языках и по всем отраслям знаний, преимущественно же по наукам естественным” [108, с. 8]. Справедливость этих слов подтверждает каталог той части его библиотеки, которая была передана Московскому университету, и некоторые сохранившиеся из нее книги. Научный интерес к библиотеке П.Г. Демидова, как сохраняющему ценность культурному факту не угасает уже полтора столетия. Славяно-русскому разделу его библиотеки была посвящена работа В. Ундольского, опубликованная еще в 1846 г. [245]. Книжному собранию Демидова уделена глава и в новейшем исследовании Е.П. Пироговой [207а]. Учитывая это, позволим ограничиться краткой характеристикой только одной – рукописной – части собрания.

Хотя редкие манускрипты П.Г. Демидов приобретал только от случая к случаю, среди них было немало ценных. Коллекция содержала рукописи, в том числе неизданные, на европейских и восточных (арабский, китайский) языках, начиная с VIII в. до современности. Она насчитывала 156 номеров. Сравнительно немного, если вспомнить, что среди частных собраний конца XVIII – начала XIX в. были и насчитывавшие до 600 рукописей [149, с. 129; 150, с. 83]. Но чаще такие коллекции были заметно скромнее. Во всяком случае В.П. Козлов считает “крупными” частные собрания этого времени уже начиная с 50 номеров [150, с. 278].

Среди принадлежавших Демидову рукописей имелись две латинские иллюминированные Библии XIII в. французской работы,

однотомная и трехтомная [147, с. 193; 190, с. 44]. Первая сохранилась и хоть в какой-то мере позволяет судить о качестве почти полностью утраченного собрания. Она украшена 103 инициалами (72 историзованных, 31 орнаментальный), исполненными в колорите так называемой “парижской школы” темперными синей, розовой, красной, белой и черной красками, а также золотом. Миниатюры отличаются свободным и изысканным рисунком, композиционной фантазией. Оформление этого раннеготического кодекса связывают с парижскими, возможно дворцовыми, мастерскими. Современные исследователи говорят о нем как о “шедевре средневекового иллюминирования”, особо отмечая “удивительно слитный ансамбль текста и декора”. На кожаном переплете 1667 г. – суперэкслибрис с изображением герба лионского семейства Компэнов [190, с. 26, 144].

Из отечественных рукописей, принадлежавших П.Г. Демидову, заслуживают упоминания многие. Среди них переданные Университету два хронографа, один из которых был знаком Н.М. Карамзину [150, с. 38, 139]. Оба разделили судьбу большей части книг библиотеки: сгорели (вместе, как минимум, с 12 другими частными собраниями) в московском пожаре 1812 г. [150, с. 279]. Лишь немногие, подобно французской Библии, избежали огня – о них будет рассказано ниже. К списку спасшихся можно присоединить тексты, в свое время подготовленные для издания – например, “Хронограф Кубасова”, опубликованный ОИДР по списку библиотеки П.Г. Демидова в первой части “Русских достопамятностей” [150, с. 38].

Уже сам факт собрания и владения столь значительным числом редких и ценных в художественном отношении изданий свидетельствует о библиофильском начале, присутствовавшем в собрании Демидовым библиотеки. О том же говорит и существование ее печатного каталога.

Наличие библиотечных каталогов один из известнейших библиофилов и библиографов прошлого столетия Г.Н. Геннади относил к признакам высокой культуры книгособиранчества. Говоря в 1864 г. о современных российских библиотеках, он с сожалением констатировал скудность печатных сведений о них. “Прежние библиофилы, – отмечал он, – были рачительнее и внимательнее к своим сокровищам и печатали статьи о них и описи”. В качестве примера он перечислил известные ему каталоги частных библиотек, “перешедших теперь в чужие руки” – в том числе среди 12 названных и П.Г. Демидова [102, с. 212]. В начале 1850-х годов этот каталог пополнил библиографический раздел и собственной его (Геннади) библиотеки [217, с. 178].

Создание библиотечных каталогов невозможно без изучения объекта каталогизации, т. е. научной работы. Вместе с тем их существование – необходимое условие дальнейшего развития науки, черпающей из них сведения для ответа на формулируемые в ходе своего развития вопросы. Каталоги являются разновидностью баз данных, в которых аккумулируются сведения об избранных характеристиках объекта, организованные с учетом природы и иерархии таких характеристик. Их создание сопряжено с научным поиском еще и потому, что каталогизации предшествует разработка ее научной методологии.

О серьезном, несомненно научном подходе Павла Григорьевича к своим библиотечным занятиям свидетельствует каталог (более трех тысяч названий), составленный им по собственной системе и изданный на французском языке в 1806 г. Полное название издания – “*Catalogue systematique des livres de la Bibliotheque de Paul de Demidoff. Arrange suivant son systeme bibliographique. Dispose et mis en ordre par lui-meme. Moscou, 1806, t.1*”⁹. Каталог охватывает часть книжного собрания, подаренную Демидовым Московскому университету [147, с. 193].

Библиографическая система, в понимании Павла Григорьевича, – это “методическое распределение книг, расположенное по порядку материй, т. е. основанное на разных источниках, откуда разум человеческий черпает свои познания” [108, с. 8]. Основаниями предложенной им классификационной системы выступали “источники разума” – базисные психологические качества, которых П.Г. выделял пять: воображение, память, веру, рассудок и подражание. Они могли смешиваться – продукт их сочетания автор именовал “соединением всего”. Опираясь на такой подход, Демидов разделил рукописные материалы своей библиотеки на 13 групп: материалы по филологии, истории, богословию, поучения, проповеди, полемические сочинения, “рукописи различные богословские”, материалы по церковной истории, каноническое право, рукописи политические и юридические, материалы по физике, химии, математике и другим наукам, сочинения “о художествах”.

С проблемой классификации библиографической информации тесно связана проблема классификации наук. П.Г. Демидов подошел к ней внимательно и достаточно самостоятельно, создав классификационную схему, претендующую на универсальный охват существовавших в то время сфер и областей науки. Так, в структуре исторического знания он выделил две большие группы: “историю” и “древности”. Раздел “история” включал у него собственно историю, генеалогию и геральдику, “древности” – целых семь подгрупп: “общие рассуждения или о древностях во-

Московский Императорский университет. Литография. 1820-е годы. Фрагмент "Плана столичного города Москвы"

обще”, развалины, памятники, надписи и проч., нумизматику, палеографию, дипломатику. Особую подгруппу, по его мнению, составляла “смесь древностей и истории” [108, с. 10, 11]. Эта классификация – свидетельство осознания продолжавшегося выделения и структурной систематизации вспомогательных знаний, необходимых для историописания [150, с. 256, 257]. Следует отметить, что среди других близких по времени классификаций (А.Н. Оленина, В.Г. Анастасевича, Ю.П. Ульрихса и др. – см. о них [150, с. 257]) приведенная схема была одной из наиболее разработанных.

Жизнь высокообразованного, интересующегося науками жителя Москвы второй половины XVIII – начала XIX в. не могла развиваться в отрыве от Московского университета. Не стоял в стороне от него и П.Г. Демидов. Он связан был с университетом непосредственно (когда благотворил в его адрес), другие его контакты были опосредованы научными обществами, в той или иной форме с университетом связанными (в частности, через профессоров). Одним из них было созданное в 1804 г. Московское общество испытателей природы (МОИП), или Общество московских натуралистов, как оно называло себя в выходивших на французском языке трудах. Упомянутое выше пожертвование Демидовым части своей библиотеки и Музея естественной истории – сокровищ, собиравшихся им на протяжении 40 лет [108, с. 19] – имеет прямое отношение и к Университету и к этому Обществу¹⁰.

По университетскому уставу 1804 г. профессор натуральной истории Университета должен был исполнять еще и должность заведующего Кабинетом натуральной истории – это положение преследовало цель обеспечить более тесную связь соответствующей кафедры и созданного еще в 1791 г. Кабинета. Передавая свою коллекцию, П.Г. Демидов внес в сохранную кассу капитал в 100 тыс. руб. с тем, чтобы проценты от этой суммы использовались на содержание музея и жалованье хранителя коллекций [165, с. 62].

Обширное демидовское собрание, приобщаясь к коллекциям, уже накопленным Кабинетом, открывало перед студентами и профессорами Университета большие дополнительные возможности и для научного образования и для творческой научной работы. Важно и то, что благодаря Демидову Университет получал постоянный источник дополнительных средств на содержание своих профессоров.

Экспонаты подаренного П.Г. в 1803 г. Музея (кабинета) естественной истории представляли все три царства природы: живот-

ных, растения и минералы. Особенно ценным являлось собрание минералов¹¹. Дар Демидова включал также коллекции монет и медалей, значительное число редкостей, имевших художественную ценность. В общей сложности он передал свыше 4000 учетных единиц [253, с. 101]. Как уже говорилось, в здании Университета материалы демидовского музея занимали три зала.

Основному дару, относящемуся к 1803 г., предшествовали более ранние дарения. Продолжались они и позднее. В 1806 г. П.Г. Демидов пожертвовал Университету минц-кабинет – составлявшее несколько тысяч экземпляров собрание монет (золотых, серебряных, оловянных, медных и свинцовых), особую ценность в котором по полноте подборки составляли монеты шведские [260, с. 371–372]. Предполагается, что группа из 140 шведских серебряных медалей XVI–XVIII вв., поступившая в Университет еще в 1772 г. от анонимного дарителя, также принадлежала П.Г. Демидову [253, с. 101]¹².

В мае 1805 г. – Павел Григорьевич подарил университетской обсерватории астрономический экваториал работы известного английского художника Шорта, а также органы “для употребления при торжественных случаях”, оцененные в 10 тыс. руб. [260, с. 371; 108, с. 25, 26].

Обработку и описание коллекции музея произвел Г.И. Фишер фон Вальдгейм, директор музея и составитель систематического каталога библиотеки МОИП¹³. Работа, посвященная демидовскому музею, в условиях почти полного отсутствия подобных отечественных изданий, по верному замечанию Р.Н. Клейменовой, “способствовала развитию музейного дела в стране” [147, с. 132, 133], или, во всяком случае, могла ему способствовать.

Весьма ценной была и библиотека, переданная Демидовым в 1803–1805 годах и превышавшая три тысячи названий. Она сохранялась при Музее естественной истории, заведовал ею П.М. Дружинин. Сам Демидов в 1806 г. составил и при участии Фишера выпустил в свет ее каталог [147, с. 193]. Осмотревший в 1778 г. университетскую библиотеку У. Кокс констатировал, что она “содержит очень ограниченное число книг” [49, с. 663]. В 1803–1804 годах в ней было уже около 12 тыс. томов. И все же вклад П.Г. Демидова был заметным ее приращением.

Библиотека Павла Григорьевича вместе с книжными фондами Университета почти полностью погибла в пожаре 1812 г. Перед катастрофой она (сводное собрание) насчитывала около 20,5 тыс. томов по всем отраслям знаний. Еще недавно считалось, что после пожара сохранилась всего 51 печатная книга и 12 рукописей [147, с. 190]. Среди них – и книги из библиотеки Демидова с гербовым тисненым золотом на коже суперэкслиб-

рисом их бывшего владельца¹⁴, в том числе упоминавшаяся латинская Библия XIII в., отмеченная в каталоге 1806 г. на стр. 195. На вкладном листе – инвентарный номер с буквой “Д”, свидетельствующий о принадлежности ее к демидовскому собранию [147, с. 193; 145, с. 35]. Г.А. Вулисанова недавно установила, что три ящика (не менее 90 томов) наиболее ценных иностранных книг и рукописей из библиотеки Демидова были эвакуированы и вернулись потом в Университет. Более половины из них в настоящее время уже обнаружены в библиотеке МОИП.

Список чудом избежавших огня книг, возможно, не исчерпывается томами из “трех ящиков” – имеются сведения, что какие-то спасенные демидовские книги поступили на хранение к директору Музея естественной истории Фишеру фон Вальдгейму [147, с. 193].

Кабинет натуральной истории, библиотека и кабинет нумизматики, подаренные Павлом Григорьевичем Московскому университету в 1803 г., оценивались в 300 тыс. руб. [108, с. 25].

Долговременная благотворительная деятельность П.Г. Демидова, направленная на поддержку Московского университета, удостоилась отражения в специальном издании – книге “Признательное воспоминание Московского Университета в день рождения П.Г. Демидова” (М., 1821), – характеризовавшей дарителя как “досточтимого любителя и благотворителя наук”.

Благотворительность П.Г. Демидова в адрес высшей школы не исчерпывалась его дарами Московскому университету. Одновременно с пожертвованием последнему 100 тыс. руб. такая же сумма была выделена им на будущие университеты Киевский и Тобольский. Еще 100 тыс. тогда же были отданы на учреждение училища в Ярославле.

Становлению и развитию Ярославского училища высших наук (впоследствии лицея) Павел Григорьевич неизменно уделял особое внимание.

Еще в то время, когда в Ярославле намечалось открытие гимназии, Демидов 21 марта 1803 г. направил министру народного просвещения гр. П.В. Завадовскому письмо, в котором сообщил о своем решении отдать в пользу этой гимназии принадлежащую ему Романовскую вотчину с 1330 крепостными душами. Он готов был жертвовать и дальше – в случае, если бы правительство приняло решение об открытии в Ярославле университета. Тогда к романовским деревням он пообещал присоединить еще и угличские с 2240 душами в них, и сверх этого выдать 100 000 руб. Уже

4 апреля Александр I своим рескриптом сообщил Демидову: “приняв с отличным благоволением столь чувствительный довод вашей ревности и усердия ко благу отечества, обнадеживаю вас моим императорским словом, что все сии распоряжения ваши, которые вы сделаете в помощь училищам, я утвержу точно по вашей воле и в память имени благодетельного оным”. 29 апреля, перечислив в обращении на высочайшее имя сколько денег и душ в Ярославской губернии намерен он пожертвовать на открываемое училище, Демидов прямо просит, чтобы “повелено было означенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетами, и все преимущества оно, заведя в нем класс наук университетских”. 6 мая император написал на этом прошении: “Быть по сему”, и дал указ Сенату, в котором предписал все распоряжения, сделанные благотворителем, привести в исполнение “в точной сообразности с его волею”, а в честь самого Демидова выбить золотую медаль. 25 марта 1805 г., за месяц до открытия училища, Павел Григорьевич был произведен в чин действительного статского советника [108, с. 15–20].

Будущему университету (при П.Г. Демидове так им и не ставшему) были подарены более трех с половиной тысяч крестьян, оцененных, согласно уже не раз упоминавшемуся “Перечню пожертвований...”, в 1 млн 73 тыс. руб. На содержание учащихся этого заведения и его ремонт в разное время дополнительно было выделено 420 тыс. руб. [258, с. 266]¹⁵. В дар ему были переданы кабинет “физических машин”, химические приборы, коллекция горных пород и минералов. В 1811 г. он подарил училищу собрание книг на разных языках, по количеству экземпляров хотя и небольшое (263 экз.), но содержащее редкие и чрезвычайно ценные гравюры и рисунки [108, с. 21].

Считается, что основание училищным занятиям положили читавшиеся в Ярославле с 26 марта 1804 г. адъюнктом Московского университета К. Иенишем (Янишем) публичные лекции по физике, естественной истории и химии [37, с. 248, 249, 261]. Собственно Демидовское высших наук училище в торжественной обстановке было открыто через год – 29 апреля 1805 г. По уставу 1833 г. оно было преобразовано в Демидовский лицей. Он должен был готовить чиновников для Министерства государственных имуществ и Министерства финансов [37, с. 248, 262].

Чтение Янишем лекций открывалось официально по распоряжению Московского университета. Но фактическим основателем училища высших наук был Демидов. Вот что говорил о нем К.Д. Ушинский в речи, произнесенной им в лицее в 1848 г.:

Барельеф над входом в один из корпусов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, установленный в 1998 г. к 260-летию со дня рождения основателя. Фото И. Юркина, 2000 г.

“Павел Григорьевич Демидов, вероятно, никогда не забудет-ся вами: памятник, сооруженный ему вашею признательностью, укрепляет воспоминания о покойном; но лицей наш сохраняет его живого, – благотворя и просвещая, сохраняет лучшую часть души его, и эта часть не слабеет, не умаляется, но расширяет круг своего благотворительного действия и развивается далее сообразно требованиям века. Вот то земное бессмертие, которое доступно всякому, ищущему в жизни истины и добра!” [247, с. 121].

В память благотворительной деятельности Павла Григорьевича Демидова в Ярославле перед зданием Демидовского лицея, в 1829 г. ему установили памятник. Среди многочисленных жертвователей, благодаря усилиям которых он появился, был известный государственный деятель и, подобно Павлу Григорьевичу, меценат Николай Петрович Румянцев [148, с. 40]. Памятник демонтирован в 1931 г. [226, с. 70,73].

Выросшему из Демидовского лицея Ярославскому государственному университету присвоено имя П.Г. Демидова.

Несколько слов о контактах П.Г. Демидова с представителями ученого мира.

В годы учебы в Геттингене и Фрейберге он познакомился с А. Галлером, Х.Э. Геллертом, И.М. Геснером, Гофманом, Зегнером и Т. Мейером. О дружеских отношениях, которые тогда установились у братьев с Геллертом, свидетельствует их многолетняя переписка [257, с. 26].

Кроме того, П.Г. Демидов состоял также в переписке и с К. Линнеем. Как уже говорилось, последний включил в свою “Систему” некоторые из описанных Демидовым видов, выразив автору признательность за сообщение о них [106, с. 120]. В литературе упоминается о сложившихся между ними дружеских отношениях [108, с. 5]. Из других иностранных корреспондентов Демидова укажем на такие известные имена, как Ж.Л.Л. Бюффон и Ю.Г. Валлериус.

Существовали у Павла Григорьевича связи и с российскими учеными¹⁶, а также с некоторыми действовавшими в то время в России научными обществами.

В январе 1772 г. он был избран действительным членом Вольного российского собрания. В его состав входили все профессора Университета; помимо них членством обладали только 23 человека [108, с. 6].

Через несколько месяцев после организации в 1805 г. Московского общества испытателей природы было решено помимо директора учредить пост Президента из числа почетных членов общества. На заседании 17 января 1806 г. собрание назвало имена двух известных благотворителей – П.Г. Демидова и А.К. Разумовского. Директор общества Г.И. Фишер предложил пост Разумовскому [252, с. 396]. Но уже сам факт включения Демидова в список претендентов говорит о многом. Обратим, кстати, внимание на дату: как уже упоминалось, в 1806 г. Демидовым было сделано очередное ценное приращение коллекций Университета, а МОИП с ним было тесно связано.

Укажем здесь также на имеющиеся сведения о связях с научными обществами его брата Петра. Последний, а вместе с ним граф И.Г. Чернышев обещали дать “от себя” по 50 червонцев победителю конкурса на решение задачи, объявленной ВЭО в 1771 г. Суть задачи: обосновать число десятин, потребных на одно тягло в Ингерманландской губернии [36, с. 195].

Имя П.Г. Демидова пользовалось особенным уважением в Ярославле. Уже говорилось о поставленном ему здесь памятнике. Кроме того, сложилась традиция попечительства Ярославского лицея представителями рода Демидовых. Из их числа в разное время его почетными попечителями выступали:

Павел Григорьевич (1809–1858), действительный статский советник, камергер (№ 73 в росписи Красновой; внучатый племянник основателя);

Александр Павлович (1845–1893), камер-юнкер, заводовладелец (№ 108);

Павел Александрович (1869–1935), камергер, статский советник, шталмейстер, предводитель дворянства Волынской губ. (№ 145) [157, с. 21, 27, 29].

Каждый из них был личностью со своим характером, взглядами, склонностями. Но нам представляется, что излагаемый ниже эпизод в какой-то степени типичен для стиля попечительства при поздних Демидовых.

В июне 1844 г. юридический факультет Московского университета окончил известный в будущем педагог К.Д. Ушинский. Представленный министерству, как “отличнейший” кандидат для определения на службу непосредственно в министерство и другие высшие присутственные места [90, с. 250, 252, 254], советом Университета он был выделен в распоряжение попечителя Московского округа и в ожидании назначения готовился к магистратуре. Но вскоре Ушинский получил лестное для начинающего направление на преподавательскую работу: со 2 августа 1846 г. ему было поручено приступить к ней в Демидовском лицее Ярославля [203, с. 42].

Ушинский, именовавшийся в Ярославском лицее исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов, преподавал здесь три ответственных предмета [90, с. 272]. 18 сентября 1848 г. молодой профессор на торжественном собрании лицея выступил с речью, в том же году напечатанной в Москве, в Университетской типографии [203, с. 123; 90, с. 266]. Явившаяся первой публикацией К.Д. Ушинского, она была посвящена камеральным наукам – основе камеральной системы образования, которая определяла в то время профиль лицея¹⁷.

Но уже 21 сентября 1849 г. служба Ушинского в Демидовском лицее завершилась [203, с. 42]. Хотя формально он не был уволен от должности, обстоятельства его ухода позволяют говорить о фактическом “удалении из лицея”.

Роль в этом сыграл и Павел Григорьевич Демидов (№ 73). Развитие событий было предопределено данным Демидовым в качестве почетного попечителя (с 1848 г.) отзывом о молодом профессоре. Он был подготовлен по итогам предпринятой им ревизии лицея и сообщен Министерству народного просвещения. Демидов отзывался об Ушинском как о человеке, имеющем “большие дарования и отличные познания, но с большим самолюбием,

развитым особенным отличием”: назначением на профессорскую должность почти сразу по окончании курса наук. Ушинский, отмечал Демидов, “имеет большое влияние на студентов; он мог бы быть полезным в лицее, но нужно иметь за ним постоянное наблюдение со справедливой строгостью в отношении к службе.” Демидов полагал, что Ушинскому следует “сначала поучить несколько лет в гимназии, где он мог бы приобрести большую опытность и необходимое хладнокровие при преподавании столь важных предметов взрослым уже молодым людям и приучился бы к строгому исполнению приказаний начальства” (цит. по [90, с. 270]).

Отмеченное попечителем отсутствие у Ушинского “необходимого хладнокровия” находит подтверждение в воспоминаниях бывших ярославских учеников Ушинского, также упоминавших “его увлечение во время лекций”, выглядевшее для пристрастного взора “неуместным в такое беспокойное время”, которое наступило в конце 40-х годов в связи с событиями в Западной Европе [90, с. 271].

Но на счет молодых профессоров попечитель посчитал возможным отнести и многие другие трудности, которые в то время испытывал лицей. “После 1846 г., – писал он, – в лицей стали поступать в профессора молодые люди 22–23 лет, которые не признавали в должной степени начальство директора и тем ослабили его управление и, кроме того, находились со студентами в товарищеских отношениях, отчего и в студентах было ослаблено уважение к начальству, и они стали производить шалости, отклонившие дворян и других родителей от отдачи в лицей своих детей”. Автор доклада считал, что при возобновлении в среде профессуры оппозиционных настроений “необходимо будет для примера удалить из лицея одного из профессоров, того, который будет главной причиной раздора” (цит. по [90, с. 270]).

Возможно, внимание Демидова на молодых профессоров, прежде всего на Ушинского и С. Львовского (оба из Московского университета), обратил ответ директора лицея Тиличева на секретный запрос начальника Ярославской губернии (губернатора) генерал-майора А.П. Бутурлина. Это мнение было препровождено и попечителю лицея.

Следует отметить, что представленная министру записка Демидова содержала не только его замечания по поводу порядка в лицее и мер по его укреплению – она включала и предложения относительно преобразования лицея [90, с. 271]. Последние приняты не были, а замечания по поводу порядков впечатление произвели. Лицей в 1849 г. посетил попечитель округа, после чего были приняты решительные меры “по пресечению”: уволены

его (лица) директор и инспектор, намечена постепенная замена преподавателей.

С этими событиями были связаны и последовавшие в том же году изменения в судьбе Ушинского. В начале учебного 1849 г., в сентябре, профессора Львовский и Ушинский подали прошения об увольнении от должности. Ушинский просил об отпуске в Петербург или Москву для совещания “с тамошними медиками о болезни”. Прощение было удовлетворено. Спустя неделю на место Ушинского “в виде испытания” был назначен заранее подобранный кандидат. Впоследствии отпуск был ненадолго продлен, но вскоре выдача Ушинскому жалования прекращена [90, с. 272]. В конце декабря 1849 г. в отношении товарищу министра народного просвещения Бутурлин констатировал улучшение обстановки в лицее: по его мнению, “наблюдение и заботливость за студентами Демидовского лицея со стороны начальных лиц, говоря собственно о настоящем времени”, были теперь вполне “достаточны и полезны” [90, с. 273].

Оба покинувшие университет профессора осели в Петербурге. Здесь 6 февраля 1850 г. Ушинский был принят на службу в департамент иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел [203, с. 42; 90, с. 278].

Изложенный эпизод демонстрирует, по нашему мнению, типичные для поздних Демидовых представления о том, каким должно быть образование и просвещение. Не распространение научных знаний о мире являлось главной целью, ради которой они тратили и средства, и силы. Для них образование, научное в том числе, было неотделимо от воспитания, причем во вполне определенном, строго регламентированном, официально поощряемом направлении.

Вот еще один факт, не менее выразительный, чем история с молодым Ушинским. В начале 1829 г. главный директор Пажеского и всех военно-учебных заведений (кадетских корпусов) России генерал Николай Иванович Демидов (№ 58 по росписи [157]) (1771–1833) запретил своим подопечным читать Библию. Не потому, разумеется, что был атеистом. В литературе отмечается его умение учитывать обстановку. Похоже, и на этот раз он точно сориентировался на новейший курс синодальной политики, сложившийся после разгона российского филиала международного Библейского общества, – курс, в рамках которого отпечатанный тираж русскоязычного Пятикнижия был сожжен в топках кирпичного завода [195, с. 50]. Без посредника, которым являлся толкующий ее священник, Библия представлялась церковным властям, а вслед за ними и педагогической администрации, чтением, способным привести неискушенный ум к ошибочным и опасным выводам.

Оценка деятельности Демидовых-попечителей – вопрос совершенно особый, к тому же выходящий за пределы темы этой книги. Иное дело Павел Григорьевич, фигура которого явилась высшим проявлением того движения представителей этой фамилии в сторону профессиональной науки, которую дал XVIII век. По основным признакам он уже близок к “классическому” типу ученого, с той, впрочем, особенностью, что в силу своего происхождения и материального положения не “прибился” к главным китам, на которых базировалась тогда профессиональная наука – ни к Академии, ни к университету. Но как знаток металлургии, этот Демидов длительно сотрудничал с Берг-коллегией, где требовалась не меньшая профессиональная подготовка. (Вспомним, что основные усовершенствования в металлургической технике создавались в это время не в Академии и тем более не в Университете.) И если он не “добирает” до желаемого в степени близости к некоторым отечественным научным учреждениям, в другом (в деятельности по поддержке развития образования, с акцентом на высшем, тесно связанным с развитием науки) – заметно на общем фоне выделяется. Полагаем, его место в развитии конкретных областей научного знания еще послужит предметом особого изучения.

¹ Об их месте в истории науки можно судить даже по факту присутствия их имен в современных немецких универсальных энциклопедиях: статьи о них имеются не только в новейшем (1986–1994) 24-томном издании “Брокхауз энциклопедии” [277], но даже в менее подробном. 6-томном, “Новом Гердере” (1970) [282]. Головщиков назвал их “великими светилами” – во всяком случае, это были очень заметные в своей среде фигуры. Старший, специалист в области классической филологии Иоганн Маттиас Геснер (1691–1761) профессором Геттингенского университета стал в 1734 г. В Германии он считается реформатором классического образования [277, Bd. 8, S. 432; 282, Bd. 2, S. 701]. Его младший современник, швейцарский врач, естествоиспытатель и поэт Альбрехт фон Галлер (1708–1777) занял в Геттингенском университете профессорскую кафедру (по медицине и ботанике) в 1736 г. Он основал здесь ботанический сад. Перу Галлера принадлежат двухтомные “Ботаническая библиотека” (1771–1772), “Анатомическая библиотека” (1774–1777), “Хирургическая библиотека” (1774–1775), а также четырехтомная “Библиотека практической медицины” (1776–1788) [277, Bd. 9, S. 391–392; 282, Bd. 3, S. 166]. Эти работы были созданы в конце жизни Галлера (позже времени, когда у него учились братья Демидовы) и подвели итог его научной и преподавательской деятельности.

² Под руководством К. Линнея в Упсальском университете занимались также студенты Московского университета М.И. Афонин (позднее профессор) и А.М. Карамышев [246, с. 45].

³ Не позднее февраля, когда он отправляется в путешествие по России [108, с. 28]. Точная дата возвращения на родину прочих братьев нам не известна. Весной 1759 г. они находились еще в Англии [257, с. 27].

- ⁴ Принадлежавший П.Г. Демидову дом является частью сохранившегося здания по адресу: ул. Плеханова, 29 [158, с. 129].
- ⁵ Иногда уважение “выпрыгивает” из рамок реальности. Говоря о владельцах коллекций рукописных источников XVIII – конца XIX в., один из авторов неожиданно причисляет П.Г. Демидова к группе крупных государственных деятелей, ставя его в один ряд с Д.П. Бутурлиным, М.С. Воронцовым, М.П. Голицыным [150, с. 275]. Между тем, П.Г. Демидов занимал на службе сравнительно невысокую должность советника Берг-коллегии, в отставку вышел статским советником, на надгробном памятнике был назван действительным статским. Завышение его социального статуса – конечно, всего лишь забавная и явно второстепенная в данном контексте неточность. И все же, П.Г. Демидов, действительно, фигура в жизни России этой эпохи не рядовая.
- ⁶ Заметим, что эта поездка лишь немного не совпадает по времени с поездкой туда же дяди Павла Григорьевича – Никиты Акинфиевича Демидова. Тот покинул Спа в сентябре 1771 г.
- ⁷ Эта гравюра воспроизведена, напр., в [258, с. 251]. Ю.П. Глушакова упоминает и другую гравюру с рококовского портрета, исполненную А. Грачевым. На П.Г. Демидове орден Св. Анны [106, с. 120].
- ⁸ Во Фрейберге, с его давними традициями технического образования, изготовление учебных моделей горной и металлургической техники было распространено издавна. Такие модели (преимущественно XIX в.) широко представлены в существующей экспозиции Фрейбергского музея города и горного дела (Stadt- und Bergbaumuseum Freiberg). Судя по фотографиям более ранних экспозиций (1911 и 1953 гг.) [279, S. 30, 31], модели в них занимали еще большее место.
- ⁹ Библиографическое описание издания заимствуем из [190, с. 44]. Название, приводимое К.Д. Головщиковым: “Museum Demidoff. Tom. I, contenant le catalogue systematique des livres de la Bibliotheque de Paul Demidoff, public par le Proff. Fischer, a Moscou, 1806.” [108, с. 8].
- ¹⁰ На вопрос, кому был подарен музей, сведения в литературе расходятся: одни авторы называют Университет [145, с. 35; 165, с. 62], другие – Общество испытателей природы [147, с. 133]. Между тем последнее на раннем этапе его истории “растворять” в Университете не следует: хотя МОИП было учреждено на его базе, в первом уставе Общества тот даже не упоминался. Находилось Общество долгое время в собственном доме на Пресне и лишь при Николае I переместилось в здание университетской гостиницы [252, с. 392, 393].
- В специальной работе, посвященной истории МОИП (из которой заимствуем последние сведения), о даре П.Г. Демидова даже не упоминается. Напротив, относить это дарение к Университету позволяет факт одновременноного пожертвования Демидовым суммы на развитие связанной с музеем кафедры. Но фактом остается то, что обработкой переданных коллекций занимался директор МОИП Фишер. К Обществу перешла и библиотека университетского Музея естественной истории (сообщено Г.А. Вулисановой).
- ¹¹ Университетский музей естественной истории, так щедро в разное время облагодетельствованный Демидовыми, и так мало, по разным причинам, сохранившийся от этих пожертвований, пополнялся, разумеется, не только ими. Из других жертвователей обратим внимание на имя проф. Г.Е. Щуровского, в 1838–1839 академическом году подарившего музею коллекцию уральских минералов [85, с. 468]. Выделяем его не из-за величины дара (он был сравнительно невелик – всего 36 образцов), а как переводчика на русский язык геологического тома трудов экспедиции А.Н. Демидова в Южную Россию и Крым.

- ¹² Сохранившиеся предметы, входившие прежде в состав минц-кабинет Московского университета, находятся ныне в коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина. Здесь хранятся, в частности, и упомянутые шведские серебряные медали [253, с. 101].
- ¹³ Согласно ст. 22 Устава МОИП должности директоров Общества и музея исполнялись одним лицом [252, с. 394].
- ¹⁴ Воспроизведен в работе [145] на с. 46.
- ¹⁵ Несколько иные данные приводит А.Ф. Малиновский. По его сведениям Ярославлю П.Г. Демидов подарил крестьян (число приблизительно совпадающее с названным – с разницей в 5 душ) плюс 320 тыс. наличными деньгами. Не указано кому, но судя по контексту, Московскому университету им были подарены музей естественной истории, антики, минц-кабинет и органы. Все в совокупности, по Малиновскому, оценено в 1 млн 70 тыс. [179, с. 150]. Одна из причин расхождения с данными, приведенными в [258], может быть связана с различной, закладываемой в расчет ценой крепостной души.
- ¹⁶ В литературе упоминается, что среди “заинтересованных лиц”, откликнувшихся на напечатанное М.В. Ломоносовым в 1763 г. “Известие о сочиняемой российской минералогии” и просьбу присылать нужные для этой работы образцы минералов и руд, был и “заводчик П. Демидов” [135а, т. 1, с. 233]. Формальных претендентов на отождествление с корреспондентом Ломоносова несколько – прежде всего Прокофий Акинфиевич (№ 7 в родословной росписи), но также племянники Павел (№ 21) и Петр (№ 22) Григорьевичи, двоюродные племянники Петр Евдокимович (№ 26) и Петр Иванович (№ 31). Павел Григорьевич, возвратившийся на родину из-за границы в начале 1762 г., в феврале этого года отправившийся в путешествие по России и марте 1763 г. из него вернувшийся [108, с. 6, 28], на данную роль вполне подходит.
- ¹⁷ Камеральная наука или камералистика – наука об общественном хозяйстве, совокупность знаний, имевших значение для ведения государственного хозяйства. Камеральным Демидовский лицей оставался вплоть до 1870 г., когда был преобразован в юридический [37, с. 426].

Учредитель Демидовских премий (Павел Николаевич Демидов, 1798–1840)

Отец П.Н. и А.Н. Демидовых. – Пожертвования, сделанные им Московскому университету. Проект раскопок римского Фोरума. – Павел Николаевич: биографическая справка. – Премии Петербургской Академии наук. – Демидовская премия: ее учреждение и Положение о ней. – Лауреаты. – Возрождение премии в XX в.

Глава о Павле Николаевиче Демидове – самая короткая. Этому две причины.

Первая связана с состоянием историографии. Рядом с публикациями, посвященными касающимся его персоны частным сюжетам, недавно появился наконец обобщающий биографический очерк. Его автор (А.Г. Мосин), поставивший перед собой задачу “наметить некоторые штрихи будущего объективного портрета этого несомненно незаурядного человека”, не претендовал на создание подробной его биографии [191а, с. 13]. Но от прочих публикаций данная работа выгодно отличается и объемом (90 страниц типографской печати), и богатством привлекаемых источников (широко использован эпистолярный), и разнообразием затронутых вопросов, и, наконец, достигнутой глубиной психологического постижения личности. Повезло Павлу Николаевичу и в том, что из всех Демидовых только его вкладу в историю науки была посвящена отдельная книга – обстоятельная работа Н.А. Мезенина [183], рассказывающая о Демидовской премии (кратко) и ее лауреатах.

Вторая причина – относительно скромное место, которое в жизни Павла Николаевича занимали наука и техника. (Скромное, разумеется, в сравнении с прочей его деятельностью, достаточно живой и в разных контекстах несомненно представляющей интерес.) Но внутри этой малости – уникальная акция: учреждение присуждавшейся на протяжении трети века универсальной научной премии. Пройти мимо нее без ущерба для полноты картины, которую мы стремимся воссоздать, невозможно.

Кроме того, изучая развитие у представителей этой фамилии некоторых интересных для нас черт и тенденций, не хотелось бы

разрушать ощущение непрерывности этого развития – непрерывности, важной, в частности, для объективной оценки героя следующей главы Анатолия Николаевича Демидова.

Учитывая сказанное, было решено сохранить этот очерк в структуре книги, ограничив, насколько возможно, его объем. Дополнительные факты, более объемно раскрывающие и образ П.Н. Демидова, и историю учрежденной им премии, читатель без труда найдет в литературе, указанной в библиографии.

Прежде чем перейти к рассказу о Павле и Анатолии Николаевичах Демидовых, следует хотя бы коротко остановиться на их отце, который, не исключено, сам мог бы претендовать на отдельную главу в этой книге.

Николай Никитич Демидов (1773–1828¹) (№ 23 в современной родословной росписи Е.И. Красновой) – правнук основателя рода. Как единственный наследник отца по мужской линии, после его смерти он стал владельцем Нижнетагильского горнозаводского округа, едва ли не лучшей части заводского хозяйства его деда Акинфия Демидова. В начале XIX в. территория округа превышала размеры таких европейских государств, как Бельгия или Швейцария [114, с. 18]. Ему же досталась обширная московская (Слободской дом) и подмосковные (Сергиевское и Петровское) усадьбы отца [243, с. 7; 250, с. 29; 249, с. 33].

Хотя свои заводы Николай Никитич посетил только один раз (провел здесь два месяца в 1806 г.), он достаточно обстоятельно ознакомился с обстановкой на них, оставил более сотни письменных “повелений” заводской конторе (196а, с. 202, 203) и впоследствии сохранял с ними тесную связь через переписку с управляющими. Исследователи, изучающие эволюцию его промышленного хозяйства, отмечают в развитии последнего многие позитивные изменения, которые вполне определенно ставят в заслугу именно Николаю Никитичу. В его деятельности прослеживают переход от жестких насильственных мер управления горнозаводским населением к более мягкой, попечительской политике по отношению к нему, видя в этом воплощение характерных для эпохи патерналистских идей [114, с. 31; 115, с. 13, 14].

В 1801 г. Н.Н. Демидов уехал за границу [249, с. 33]. Человек очень богатый и живший сообразно достатку, он уже этим обращал на себя там внимание. Леди Блессингтон (Маргарет Гардинер) назвала его “русским Крезом”, и это прозвище у иностранцев за ним закрепилось [72, с. 486, 556].

Живя преимущественно за границей, Николай Никитич продолжал ощущать себя сыном России. Вернувшись на родину не-

Николай Никитич Демидов. Миниатюра. Из книги: Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд-е вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 1. № 77

задолго до вступления на ее территорию наполеоновской армии, был захвачен общим патриотическим порывом. Последний подвигнул его и гр. Мамонова публично (в московском Успенском соборе) обязаться организовать и содержать на свои средства полк. Этот полк (первый егерский Московского ополчения) в его честь именовался Демидовским [258, с. 267, 273]. Тайный советник Демидов принимал личное участие в боевых действиях и был удостоен наград, поскольку, по словам генерала Л.Л. Беннигсена (из его рапорта М.И. Кутузову), “с безстрашием подвергал жизнь свою опасности” (цит. по [191а, с. 15]).

Но патриотические чувства, и до 1812 г. не чуждые Николаю Никитичу, не остановили центробежного движения, уже давно и все дальше разносившего от родины потомков тульского кузне-

ца. Значительная часть его жизни прошла вне пределов России. Встретивший его с женою еще в 1808 г. в столице Франции гр. Е.Ф. Комаровский отметил потом в своих записках, что его “можно было почестъ скорее жителем Парижа, ибо он несколько лет жил там безвыездно” [50, с. 98]. Интересно, что из всех русских, встреченных мемуаристом во французской столице, подобного замечания удостоился только Демидов.

Кроме Франции Н.Н. Демидов долго жил в Италии – сначала в Риме, позднее переселился во Флоренцию, где приобрел владение Сан-Донато [72, с. 556]. Последние его годы оказались омраченными тяжелой болезнью: полупарализованный, он был прикован к инвалидному креслу [191а, с. 24]. Умер он во Флоренции 22 апреля 1828 г. в чине тайного советника и действительного камергера.

В память о Николае Никитиче воздвигнуты два скульптурных монумента – один в России, другой в Италии. Первый, работы французского мастера Ф.-Ж.-Ж. Бозио, был установлен в Нижнем Тагиле, на площади перед заводоуправлением, в 1852 г. (до этого он уже стоял здесь, но на временном пьедестале). В начале 1920-х годов памятник был уничтожен [143, с. 44; 280, с. 49, 52]. Еще один – работы итальянца Л. Бартолини – установлен во Флоренции, где стоит и поныне [280, с. 50, 51].

Полученное от предков огромное состояние позволило Николаю Никитичу достойно поддержать родовую традицию: он занимался широкой филантропической деятельностью. Его благотворительность затронула и сферу науки.

В 1813 г. в письме (от 27 декабря) к министру народного просвещения гр. А.К. Разумовскому он выразил сожаление о потере, “которую потерпели науки в бытность неприятеля в Москве и в особенности Императорский Московский университет, коего музей обращал на себя внимание всех любителей и знатоков”. Этот музей, заявил Демидов, “содеялся было одним из первых в Европе”, и “частному человеку, имеющему у себя собрание естественных вещей, нельзя смотреть на него, не чувствуя в себе побуждения к восстановлению оного”. Демидов доказал, что это не пустые слова: “движимый сим чувством и мыслию, что фамилия Демидовых всегда старалась содействовать пользам Императорского Московского университета”, он предложил ему в дар “собрание разных произведений природы”, заложенное отцом, дополненное дарителем во время его путешествий по России и за границей и достигшее к моменту передачи размеров, потребовавших для его размещения 14 шкафов [260, с. 423]. Коллекция включала 1250 образцов минералов, 1450 раковин, 250 чучел животных и другие предметы, всего около 3000 единиц [109; 165, с. 63]. В упоминавшемся “Перечне

пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям” (ок. 1841) этот Кабинет натуральной истории оценен в 50 тыс. руб. [258, с. 267]. Своим даром Николай Никитич фактически положил начало новому университетскому музею естественной истории [106, с. 109]. К 1814 г. в нем числилось 6000 единиц хранения [165, с. 63] – таким образом, ровно половина из них появилась здесь благодаря дару Н.Н. Демидова.

Поскольку Николай Никитич длительное время жил в Италии, предпринимавшиеся им филантропические и культурные акции оказались связанными и с этой страной. Одна из них, неосуществленная, была непосредственно направлена на развитие научных исследований. Николай Никитич (“оригинальный человек и богатый благотворитель”, “великодушный русский”, как характеризует его в “Прогулках по Риму” Стендаль) предложил произвести на свой счет археологические раскопки центра вечного города. Он намеревался “снять десять или двенадцать футов земли, покрывающей мостовую Форума от Капитолия до арки Тита”. Демидов был готов “раскопать все, что находится между аркой Тита, храмом Венеры и Рима, базиликой Константина, с одной стороны, и Колизеем и аркой Константина – с другой”. Стоимость этих работ, включая устройство канала для отвода дождевой воды, должна была составить 200 тыс. франков. Для производства земляных работ предполагалось использовать каторжников, а в зимнее время наемных крестьян. План не был осуществлен из-за трений, возникших у Демидова с городской полицией и закончившихся его переселением во Флоренцию [62, с. 178–179, 288, 295]. Переезд в Тоскану произошел в 1819 г. [106, с. 109], по другим данным – в 1820 г. [72, с. 556]². Постоянное присутствие во Флоренции представителей рода Демидовых продолжалось с этого времени без малого полтора столетия [106, с. 109–110].

Стендаль не упоминает, кого из ученых Демидов намеревался привлечь для участия в задуманном им проекте археологического исследования Форума. Зная, однако, об уровне его культуры, о длительности его занятий собиранием произведений античного и более позднего искусства (о коллекциях “головок Греции и реликвий св. Николая” упоминает, между прочим, тот же Стендаль [62, с. 178]), можно не сомневаться, что нужные специалисты, в случае осуществления плана, были бы им привлечены.

Отцовские традиции оставили след в сыновьях.

Появившийся на свет 6 августа 1798 г. Павел Николаевич Демидов (№ 46 в родословной росписи Е.И. Красновой) был старшим из трех сыновей, рожденных супругой Николая Никитича –

Елизавета Александровна Демидова. Миниатюра. Из книги: Русские портреты XVIII–XIX столетий / Изд-е вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1905. Т. 1. № 100

баронессой Елизаветой Александровной Строгановой (1779–1818). По некоторым данным, в действительности он не был сыном Николая Никитича [191а, с. 14], но последний публично свое отцовство по отношению к Павлу не опровергал и воспитывал его как сына и наследника.

Младшему из сыновей Николая Никитича, Анатолию, посвящена глава в этой книге. Средний, Николай, умер, не дожив до года.

Первые годы жизни Павла Николаевича связаны с Москвой. Позже, с 1806 г. он жил с отцом в Вене, потом недолго в России, затем опять в Вене и наконец, вероятно, с 1808 г. – в Париже. Здесь Павел Демидов был принят в Наполеоновский лицей, где обучался до возвращения в Россию в 1812 г. [191а, с. 13–15]. В Париже позднее воспитывался и Анатолий. Длительное пребыва-

Мавзолей Е.А. Демидовой. Париж, кладбище Пер-Лашез. 1995 г.
Фото предоставлено Н.Г. Демидовой

ние в годы детства и юности за границей оказало большое влияние на обоих братьев.

1 августа 1812 г. Павел Николаевич поступил на службу юнкером в егерский полк Московского ополчения, во французскую кампанию участвовал в боевых действиях, в том числе в сражении под Бородино. В отставку вышел 27 декабря 1826 г. с полу-

чением внеочередного гражданского чина коллежского советника [191а, с. 16, 26].

После смерти отца в 1828 г. к братьям перешло огромное родовое богатство. Анатолию до совершеннолетия оставалось еще 6 лет – одним из опекунов, представлявших его имущественные интересы, выступал Павел Николаевич [191а, с. 26–27].

Бытующие в литературе оценки личного вклада П.Н. Демидова в управление промышленным и торговым хозяйством, как правило, невысоки. Отмечается, в частности, что непосредственную связь с заводами он все более утрачивал, указывается на некомпетентность братьев в технических и финансовых вопросах [114, с. 32; 115, с. 16]. Из новейших работ, в которых использованы материалы переписки Павла Николаевича с заводской администрацией, становится очевидно, что это утверждение требует определенной корректировки. В августе 1829 г. П.Н. Демидов посетил Нижнетагильские заводы [191а, с. 35], что позволило ему перевести умозрительные представления о них во впечатления, хотя и поверхностные, но реальные. Начиная с 1828 г. с вызывающей удивление и уважение настойчивостью он пытался руководить хозяйством по переписке. Письма его часты, конкретны, свидетельствуют если не об интересе, то об искреннем желании исполнять возложенную на него судьбой миссию. Другой вопрос, насколько его указания были компетентными. Но к чести Павла Николаевича следует заметить, что его упорство в случаях, когда живая практика ломала планы, не превращалось в упрямое желание настоять на своем. Сошлемся в качестве иллюстрации на два эпизода, тем более примечательные, что по роду упоминаемых в них занятий они перекликаются с другими, уже приводившимися в этой книге.

В начале 1836 г. по распоряжению и на средства Павла Николаевича были начаты работы по поиску золота в Восточной Сибири, прибыль от добычи которого инвестор намеревался направить на улучшение жизни ссыльнопоселенцев. Организацией работ на местах занимались его поверенные – купцы Ф.П. Соловьев (в Томске) и Т.П. Макаров. Последние формировали поисковые партии (с участием поисковиков, набранных на Урале) и отправляли их по избранным направлениям. Демидов, находившийся в это время за границей, своими письмами настойчиво подталкивал этот проект (писал о нем даже военному губернатору Восточной Сибири, прося о неоставлении его поверенных “начальническим покровительством” [191а, с. 89]). Но в выработке его технических деталей он, нисколько этого не скрывая, полностью полагался на своих представителей. “По отдаленности мне неудобно судить об оных”, – признается он в письме, говоря о направлениях, избранных для поиска. И заключает: “я предостав-

ляю вам совершенную волю действовать по местному усмотрению и сообразно тем сведениям, какие вы получите в разных местах” (цит. по [191a, с. 90]).

К сожалению, эти разведочные работы, поглотившие до 200 тыс. руб., прибыли так и не принесли и после смерти Павла Николаевича были остановлены.

Второй эпизод касается внедрения на демидовских заводах предложенного П.П. Аносовым способа отделения золота путем плавки золотосодержащих песков с чугуном. В письмах 1837 г. из Карлсбада П.Н. Демидов усиленно советовал администрации заводов развернуть на них широкое внедрение этой технологии и удивлялся прохладному отношению к ней со стороны заводских специалистов. Для Демидова, не имевшего специальных знаний, достаточных для компетентной оценки этого способа, важным аргументом служило получение за него Аносовым “монаршей награды”. Своей верой в него он увлек и младшего брата, пославшего золотосодержащие пески для проверки предложенного Аносовым способа в европейские лаборатории. Но окончательные испытания, проведенные на Нижнетагильском заводе в присутствии главного начальника горных заводов хребта Уральского генерала В.А. Глинки, вполне убедили Павла Николаевича в неэффективности этого способа. Показательна его реакция на сообщение об итогах испытаний: “с удовольствием (sic! – *И.Ю.*) готов переменить гнев мой на милость” (цит. по [191a, с. 85]).

Оба эпизода демонстрируют, во-первых, интерес П.Н. Демидова к техническим усовершенствованиям и новым технологиям, решимость вкладывать деньги в их освоение, во-вторых, трезвую оценку собственных познаний в технической сфере; в третьих, ориентацию на мнение специалистов и высшего судью – промышленный эксперимент. Как видим, перед нами вполне разумные принципы хозяйствования и руководства, которые, в случае, если они последовательно применялись на практике в качестве основополагающих, должны были приносить развитию этого хозяйства только пользу.

Но руководство хозяйством – сторона деятельности Павла Николаевича для всех, кроме лиц непосредственно с ней связанных, остававшаяся незримой.

Кем же был Павел Николаевич в глазах несомненно многочисленных своих знакомых? Камергер, курский губернатор, егермейстер двора, обладатель огромного состояния, почетный член академий и университетов, благотворитель, чудака – таковы некоторые ярлыки, характеризующие другую – публичную – сторону его личности и биографии.

П.Н. Демидов принадлежал к числу представителей рода, в новых его поколениях все более многочисленных, которые состояли на государственной (гражданской или военной) службе. Несколько лет он пребывал на посту курского гражданского губернатора: был назначен на эту должность в марте 1831 г. с одновременным пожалованием чином статского советника; оставил ее с назначением в апреле 1834 г. егермейстером двора [191а, с. 42, 63]. В качестве губернатора он занимался такой уже ставшей для Демидовых нормой их социального поведения (но, заметим, довольно редкой для бесчисленных российских губернаторов) деятельностью, как благотворительность: построил во время холеры 1831 г. четыре больницы, поставил памятник поэту И.Ф. Богдановичу [224, с. 611].

С 1834 г. Павел Николаевич жил в Петербурге. В своем великолепном доме (В.А. Соллогуб называет его “дворцом”) он принимал всю столицу [60, с. 444]. 9 ноября 1836 г. в Гельсингфорсе он вступил в брак с Авророй Карловной Шернваль [191а, с. 81], считавшейся одной из красивейших женщин высшего света. В качестве свадебного подарка он поднес ей известный и очень дорогой бриллиант “Санси”.

Демидов этого времени запомнился современникам очень различно. Характеристика, данная ему А.О. Смирновой-Россет, кратка и беспощадна: “бледный и злой шут”. Все, что она посчитала уместным сообщить о встречах с ним летом 1836 г. в Баден-Бадене, – упомянуть о том, что у него по вечерам играют “на мелок” и что из трех очень красивых здешних созданий он “загребастал” самую красивую [59, с. 520, 522].

Совсем по-иному, вспоминая о высшем столичном обществе конца 1830-х годов, характеризует его В.А. Соллогуб. Противопоставляя Павла экстравагантному моту, каким представлялся ему младший брат, он отзываясь о нем с несомненным уважением, подчеркивая, что “не одним своим огромным богатством, которого в те времена было недостаточно, чтобы втесаться в большой петербургский свет, но своим просвещенным поощрением искусствам и наукам, своею широкою благотворительностью Демидовы приобрели себе то, что французы называют *droit de cité*”⁷³ [60, с. 444].

Служба отнимала немало времени и сил (в 1835 г. большую часть года он фактически руководил егермейстерским ведомством) и не позволяла в достаточной мере заботиться об ухудшавшемся здоровье. В мае 1836 г. Демидов наконец получил годовой отпуск для поездки за границу на лечение. Проведя некоторое время в Баден-Бадене, осень и зиму в Гельсингфорсе, он, однако, вернулся с женой в Петербург, в построенный А.А. Монферра-

ном особняк на Большой Морской. Лишь к лету Павел Николаевич снова сумел выехать за границу – и уже при жизни в Россию не возвращался [191а, с. 71, 80–82].

Единственный его сын, Павел (№ 79 в родословной росписи), родился за полгода до смерти отца, последовавшей в Майнце 25 марта 1840 г. [157, с. 17, 21].

Выше говорилось о связанных с Николаем Никитичем Демидовым скульптурных работах иностранных мастеров. Нельзя не упомянуть и великолепное мраморное “Распятие” высоко ценившегося современниками французского скульптора Дж. Прадье. Заказанное А.Н. Демидовым и доставленное в Петербург в 1844 г., оно было установлено под мраморной сенью на могиле Павла Николаевича на кладбище Александро-Невской лавры. В 1875 г. его сын Павел Павлович, устраивавший в Выйско-Никольской церкви Нижнего Тагила фамильный склеп Демидовых, перенес туда прах отца и трехметрового Христа работы Прадье. Сохраненная при разрушении церкви, в настоящее время эта скульптура хранится в нижнетагильском Музее-заповеднике горнозаводского дела Среднего Урала [143, с. 44, 45; 281, с. 174, 176, 177].

Благотворительная деятельность П.Н. Демидова не исчерпывается содержанием полка и устройством холерных больниц. В опубликованном в “Сыне отечества” некрологе упоминается о его помощи детской больнице, Комитету инвалидов, приюту для бедных, Обществу садоводства [191а, с. 93]. Но самая памятная современникам и потомкам благотворительная акция, навсегда вписавшая его имя в историю русской науки – учреждение Демидовской премии, ежегодно в течение трех с половиной десятилетий вручавшейся по выбору Академии наук и от ее имени.

Учреждению Демидовской премии предшествовало формирование в России традиции премий за научные достижения. Одни из них учреждала Петербургская академия, другие – негосударственные научные общества. Петербургская Академия наук за свое существование имела свыше 20 именных премий, присуждавшихся периодически, и несколько однократных. Большинство из них присуждалось по одной отрасли наук.

Первый академический конкурс (на 1751 г.) был объявлен 26 ноября 1749 г. Он носил международный характер, проводился в дальнейшем ежегодно. По поручению президента, гр. К.Г. Разумовского, возможные темы первой задачи были подобраны Л. Эйлером, служившим в то время в Берлинской Ака-

демии наук, но остававшимся почетным членом (корреспондентом) академии Петербургской и активно сотрудничавшим с ней. Из числа предложенных Академией была выбрана задача о неравенствах в движении Луны и о том, согласуются ли они с теорией И. Ньютона. Эйлер принял участие и в рассмотрении присланных на конкурс работ, первое место среди которых было присуждено сочинению французского ученого А.К. Клеро [228, с. 485]⁴.

Из более поздних академических премий следует упомянуть Уваровскую (за труды по русской истории), имени К.Э. Бэра (по анатомии, гистологии, эмбриологии), В.Я. Буняковского (по математическому анализу), Г.П. Гельмерсена (по геологии, палеонтологии), Ф.Ф. Брандта (по зоографии).

Систематический характер носил конкурс, ежегодно объявлявшийся основанным в 1763 г. Вольным экономическим обществом. Предлагавшаяся для решения задача, носила, как правило, прикладной характер. В финансировании конкурса принимали участие частные лица, в том числе и Демидовы. Одним из его победителей был А.Т. Болотов, получивший награду за сочинение, посвященное описанию хозяйства Каширского уезда.

Премии, присуждавшейся одновременно по нескольким научным отраслям, у Петербургской Академии наук долгое время не было. Такой стала Демидовская премия.

Решение Павла Николаевича учредить премию за научные достижения было принято в Париже. 4 октября 1830 г. он написал о нем императору Николаю I, сообщив, что желает “по самую кончину дней... ежегодно из своего достояния жертвовать в Министерство народного просвещения сумму двадцать тысяч рублей ассигнациями для вознаграждения из оной пяти тысячами рублей каждого, кто в течение года обогатит российскую словесность каковым-либо новым сочинением, достойным отличного уважения по мнению членов Санкт-Петербургской Академии наук” (цит. по [191а, с. 40]). Демидов выразил готовность вносить обещанную сумму с 17 апреля – дня рождения наследника престола.

Инициатива Демидова была принята благосклонно, жертвователь царским указом от 24 ноября 1830 г. был награжден орденом св. Владимира 3-й степени. Поступок Павла Николаевича оценила и научная общественность: он был избран почетным членом Петербургской Академии наук, Российской Академии, Московского и Харьковского университетов [119а, с. 41].

Присуждение демидовской премии регулировалось особым “Положением о наградах, учрежденных П.Н. Демидовым”. Он разрешил Академии вносить изменения в правила, и она разре-

шением пользовалась: “Положение” изменялось. Премию присуждала Академия наук, но работы ее членов к конкурсу не допускались. Претендовать на премию могли как русские ученые, так и иностранцы. Согласно 10 и 11 пунктам 4-го, последнего, издания “Положения” (1851), к рассмотрению принимались оригинальные сочинения, как правило, на русском языке, если же на иностранном – то при наличии непосредственной тематической их связи с Россией. Ограничений по “отраслям человеческих познаний” не было: премии могли быть удостоены исследования в области естественных и точных наук, работы в области лингвистики, филологии, теории и истории науки, искусств и словесности, даже технические изобретения. К конкурсу допускалась учебная литература (в случае, если она излагала “полную систему какой-либо науки”), грамматики разных языков, описания “ученых путешествий”, различные словари, практические руководства по всем отраслям промышленности, даже переводы на русский язык “признанных образцовыми творений по части наук, искусств и промышленности”, сочинений классических и восточных авторов в случае, если переводчик сопровождал их примечаниями и “пополнениями” [209а, с. 7–12].

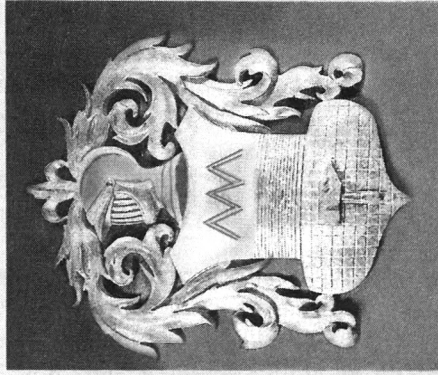
Поступившее на одном из заседаний Академии предложение при неприсуждении награды (по причине отсутствия достойных работ) оставлять сэкономленную сумму в виде неприкосновенного капитала для выплаты в будущем, было учредителем отвергнуто. Демидов заявил, что “установил сии премии для своих современников” и поэтому сбережения их “не желает” (цит. по [183, с. 9]). Впрочем, по воле учредителя, премии должны были присуждаться в течение еще 25 лет после его смерти⁵.

Рукописи к рассмотрению допускались лишь в порядке исключения; в случае присуждения им награды, премия выдавалась после публикации (п. X.12 “Положения” 1851 г.). В марте 1831 г. Павел Николаевич подписал акт, которым обязался ежегодно дополнительно выплачивать 5000 рублей на издание неопубликованных научных трудов, достойных того, чтобы претендовать на присуждение премии [191а, с. 41].

Поступившие на конкурс работы рецензировались в Академии или вне ее. Начиная с 1836 г. в отчетах о присуждении премий стали публиковаться отзывы на поступившие сочинения [183, с. 10], что на сегодняшний день превратило их в ценный источник по истории русской науки.

Первое присуждение Демидовских премий состоялось в 1832 г. На конкурс поступило 13 работ, отмечены премиями были

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО "НОВАЯ ГИЛЬДИЯ"

ЛАУРЕАТЫ
ДЕМИДОВСКОЙ ПРЕМИИ
1994 ГОДА

ЕКАТЕРИНБУРГ

Обложка и ее оборот у брошюры, посвященной присуждению Демидовской премии за 1994 г.
Изображены герб Демидовых и портрет П.Н. Демидова

четыре (полными – математика и физика Г. Паукера и экономиста Ю.А. Гагемейстера, половинными – астронома Д.М. Перовщикова и историка Н.Г. Устрялова), еще одна (экономиста П.И. Кеппена) была удостоена почетным отзывом. 34-е и последнее присуждение состоялось в 1865 г. Полные премии на этот раз получили Ф.И. Смит (история) и Л.Э. Шварц (геодезия), половинные – Р.Э. Ленц (география), А.Н. Афанасьев, И.И. Носович и И.А. Чистович (все – филология) [183, с. 10–12, 189, 194].

За время существования премии было рассмотрено 903 работы (750 печатных, остальные рукописные), в том числе 769 на русском языке. Возвращены без обсуждения 40 работ. Было присуждено 55 полных наград и выданы 53 полных премии (А.Н. Демидов и Б.С. Якоби от денег отказались). Половинных премий присуждено 220. Еще 127 работ было отмечено почетными отзывами. Выданы средства на издание 27 рукописей. Всего Демидовская комиссия использовала 251567 рублей, из которых 30 % пошло на полные награды, 62,5 на половинные, 7,5 на издание рукописей. В эту сумму не вошли расходы на медали (выдававшиеся за отзывы), которых было присуждено 58 больших и 46 малых [183, с. 12–13].

Среди лауреатов премии – ученые, с именами которых связаны высшие достижения отечественной науки: П.П. Аносов, А.Х. Востоков, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов, И.М. Сеченов, П.Л. Чебышев, Б.С. Якоби и др.

После прекращения присуждения Демидовских наград с 1866 г. начинается история новой универсальной (присуждаемой по нескольким отраслям наук) академической премии – Ломоносовской. Но в 1993 г. Демидовская премия была возрождена. В первый год было присуждено пять премий, позднее ежегодно стали определять четырех лауреатов⁶. В организации процедуры отбора и вручения главную роль играет Научный Демидовский фонд, одним из сопредседателей которого является вице-президент АН Г.А. Месяц. Хотя правила, регламентирующие процедуру присуждения и награждения, в конце XX века, естественно, должны были отчасти измениться, по его заявлению, “сохранены высочайшие критерии отбора, по которым работают Комиссии. Названные Научным Демидовским фондом лауреаты представляют собой цвет российской науки” [185]. Среди них – С.В. Вонсовский (физика), В.Л. Янин (история), П.Н. Кропоткин (геология), Б.В. Раушенбах (механика), А.А. Баев (биология), Н.И. Толстой (филология), Г.А. Толстиков (химия), В.А. Магницкий (геофизика), Н.Н. Покровский (история), Е.П. Чельшев

(филология), Н.П. Лаверов (науки о Земле), А.А. Зализняк (языкознание) и другие [168а, с. 36], В.В. Седов (история, археология), Ж.И. Алферов (физика), В.А. Тартаковский (химия) и др.

Демидовская премия, несомненно, один из самых значительных вкладов фамилии Демидовых в развитие науки. И, добавим, вклад самый известный. В небольшой заметке о Демидовых, помещенной в новейшем издании “Брокхауз энциклопедии”, приведен единственный факт, вводящий их деятельность в контекст истории культуры – учреждение Демидовской премии [277, Bd. 5, S. 232].

- ¹ Указываем общепринятый год смерти, приведенный, в частности, в родословной росписи Е.И. Красновой. У М.П. Алексеева, ошибочно указан 1823 [72, с. 556].
- ² В литературе встречается утверждение, что Н.Н. Демидов был русским посланником при тосканском дворе. Ю.П. Глушакова считает его ошибочным. Русский посол во Флоренции (не Демидов) с 1819 г. жил в Риме, поскольку одновременно являлся главой русской миссии при Святом престоле. Во Флоренции же находился временный поверенный в делах. Сведений, что эту должность когда-либо замещал Демидов, ей обнаружить не удалось [106, с. 114].
- ³ Право гражданства (фр.).
- ⁴ Позднее в конкурсе 1761 г. тот же Клеро получил премию за работу о возмущениях, которые испытывает комета со стороны планет [172, с. 89, 95].
- ⁵ Это решение, оформленное актом, подписанным П.Н. Демидовым в марте 1831 г., вызвало возражение Сената, поскольку противоречило действовавшим законам: никто не был вправе налагать подобные обязательства на наследников. Но А.Н. Демидов после смерти брата заявил, что его желание будет исполнено [191а, с. 41].
- ⁶ При последнем присуждении были определены три лауреата.

Путешественник и исследователь Южной России

(Анатолий Николаевич Демидов, 1813–1870)

Биографическая справка. – Благотворительная деятельность. – Из истории изучения Южной России и Крыма в XVIII – первой трети XIX в. – По страницам описания научной экспедиции в “меридиональную” Россию: цели, участники, маршруты отрядов, ход работ. – Издание трудов экспедиции, ее значение в истории изучения края. – Другие финансируемые Демидовым проекты по изучению и описанию России. – Отношение к науке и технике. – Личный вклад А.Н. Демидова в экспедицию 1837–1839 годов. – Другие путешествия и книги А.Н. Демидова.

Светские знакомые Анатолия Николаевича Демидова (№ 48 в родословной росписи Е.И. Красновой), наверное, удивились бы, увидев его имя среди персонажей этой книги. Век Просвещения миновал, а с ним и увлечение образованного общества (одиночки не в счет) естественными и всеми прочими науками. Благотворительность и, как форма ее, поддержка образовательных учреждений продолжала существовать, но наука и техника – сферы деятельности, которые в жизни лиц, не связанных с ними профессионально, играли теперь самую скромную роль. Большинству обитателей особняков формулы и механизмы были не интересны, чужды, их жизнь и подобного рода занятия принадлежали, казалось, параллельным, невидимым одна другой, вселенным. Научные интересы у светских людей становились редкостью, воспринимались как причуда или не воспринимались вообще. Не удивительно, что В.А. Соллогуб, мемуарист наблюдательный и неглупый, вспоминая героя этой главы, выделяет в его портрете черты, нисколько не вяжущиеся с образом ученого, да и увлеченного дилетанта тоже: “Анатолий Демидов проживал почти всегда в Париже, где приобрел себе большую известность своей безумной роскошью, гомерическими попойками и, наконец, своей женитьбой на хорошенькой принцессе Матильде Бонапарт” [60, с. 444].

А вот еще одна характеристика, тоже из уст литератора, но совершенно иного круга. А.С. Данилевский, друг детства и юности Н.В. Гоголя, осведомляется, не может ли тот устроить его на

освободившееся место секретаря к А.Н. Демидову. Гоголь отвечает (в начале 1843г.), что способов пристроить друга на эту должность решительно никаких не имеет, и замечает в адрес желанного Данилевскому работодателя: “Слышно о нем, что он что-то вроде скотины, и больше ничего”. Разумеется, это не мнение Гоголя, но зафиксированная его рукой молва, бытовавшая в определенных кругах (Гоголь, кстати, подчеркнуто дистанцируется от нее: “... впрочем, я об этом не могу судить, не видав и не зная его”) [55, с. 76]. Но говорили же такое!

Между тем “знаменитый Анатоль” (как, подразумевая отчасти скандальную его известность, называет его Соллогуб) был членом как минимум четырех академий, названия которых – Петербургская, Парижская, Мюнхенская и Стокгольмская – он с гордостью перечислил на титульном листе русского издания описания организованной им научной экспедиции. Труды которой, заметим, именно в те годы, когда о нем так нелестно упомянул Гоголь, на свой счет издавал. Конечно, его членство в академиях носило характер почетного, но все же давалось оно, как правило, лицам, если и не внесшим значительного личного вклада в развитие наук и научного образования, то, во всяком случае, существенно содействовавшим этому развитию. В этом отношении членство было вполне заслуженным. Одна только организация экспедиции, работавшей в 1837 г. в Южной России, является достаточным (хотя не единственным) основанием, чтобы уверенно вписать имя А.Н. Демидова в список деятелей, достойных включения в подобную этой книгу.

Анатолий Николаевич Демидов – личность яркая, запоминающаяся. Сын Николая Никитича Демидова и баронессы Елизаветы Александровны, урожденной Строгановой, он был младшим из трех их сыновей. О старшем – Павле – рассказано в предыдущей главе.

Анатолий Николаевич родился 12 марта 1813 г. [258, с. 261, 268]¹ в Москве. Воспитывался в Париже под руководством патера Брандта. Возвратился в Россию только в 1830 г., уже после смерти отца, от которого унаследовал огромное богатство – до двух миллионов рублей дохода ежегодно [45, с. 305; 128]. В первые годы после смерти родителя принадлежавшей Анатолию долей его имущества управляли опекуны – старший брат П.Н. Демидов и дядя Дмитрий Николаевич Дурново [191а, с. 26, 27]. В день своего совершеннолетия Анатолий пожертвовал полмиллиона рублей на основание в Петербурге Демидовского дома призрения трудящихся [128].

Анатолий Николаевич Демидов. Литография. 1835 г.

В молодости Анатолий Николаевич служил в Министерстве иностранных дел. За свои пожертвования он был пожалован в камергеры и причислен к русскому посольству в Вене [128]. Помимо Вены его дипломатическая служба протекала при посольствах России в Риме, Флоренции, Лондоне и Париже и продолжалась по 1836 г.² По состоянию здоровья (такой во всяком случае была официальная причина) он вышел в отставку и, получив бессрочный отпуск, остался за границей. Позднее, уже после крымского путешествия, Демидов вознамерился вернуться на дипломатическую службу, о чем писал, в частности, своему родственнику и другу князю Г.П. Волконскому. Тот, впрочем, в письме к Анатолию Николаевичу с сомнением оценил перспективу возвращения к ней: “дипломатическая карьера тебе не соответствует” [63, с. 234].

В 1841 г. А.Н. Демидов женился на Матильде де Монфор (1820–1904), дочери Жерома Бонапарта, короля Вестфальского (брата Наполеона I). Отношение к этому браку в русском обществе было неоднозначным. Начальник Штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельт в своих записках упоминает о зависти, которую, по его наблюдениям, возбудила в русской аристократии блестящая партия Демидова. В противовес тем, кто полагал, что вступив в этот брак, он “сделал глупость”, сам Дубельт смотрел на дело совсем по-другому:

“Русский рядовой барин взял в супруги внучку и племянницу Императора и Короля, родственницу и нашего царского дома. <...> Принцесса Матильда, прекрасная собою, конечно, имела много женихов между немецкими и итальянскими князьями, но предпочла дворянина из нации, которую называют варварами. Воля ваша, я радуюсь этому браку и, любя Демидова за его благотворительность, горжусь этим браком, делающим честь России” [45, с. 118].

Но брак оказался недолгим, уже в 1845 г. завершившись разводом. По поводу содержания, которое было выделено Демидовым бывшей супруге, Дубельт оставил в дневнике еще одну любопытную запись (от 1 января 1853 г.): “Лудовик Наполеон предлагал ей (Матильде. – И. Ю.) получать от французской казны по 300 тысяч франков в год вместо 60 тыс. серебром, которые она получает от своего мужа; но она отказалась, сказав, что вернее получать 60 тыс. руб. козацких, нежели 300 тыс. франков французских. И умно сделала” [45, с. 195].

Брак с родственницей Наполеона имел важное для темы этой книги последствие. В 1851 г. А.Н. Демидов купил летнюю резиденцию опального императора на о. Эльбе, где тот жил в 1814–1815 годах. К историческому зданию была добавлена обширная пристройка, предназначенная для размещения собранной Анатолием Николаевичем коллекции предметов, связанных с Наполеоном. Реализацией этого проекта занимался, в частности, В.В. Стасов, известный в будущем художественный критик, в 1851–1854 годах служивший у Демидова во Флоренции секретарем [106, с. 111; 212, с. 75]. На средства Демидова и при участии Стасова на Эльбе был создан новый мемориальный музей – центр сохранения ценных в научном отношении мемориальных реликвий.

Большая часть жизни А.Н. Демидова прошла в Европе – в Париже, а также близ Флоренции на вилле Сан-Донато³. Он носил титул князя Сан-Донато, долгое время не признававшийся в России [224, с. 611]. На родину приезжал изредка. Последние годы его жизни прошли все там же – в Сан-Донато и в Париже, где он и умер 17 (29) апреля 1870 г.

Несмотря на нараставшую с течением времени бытовую удаленность от России, Анатолию Николаевичу на протяжении всей его жизни были присущи патриотические чувства. Одним из их источников являлись, конечно, семейные традиции. Не останавливаясь пока на этом специально, ограничимся, в качестве примера, еще одной цитатой из дневника такого информированного человека, как Л.В. Дубельт. 26 января 1854 г. он записал: “Анатолий Николаевич Демидов пишет к Государю, что покойный отец его в 1812 году сформировал на свой счет и представил в ряды нашего воинства целый полк. Он этого сделать не может, но по настоящему положению дел предоставляет в распоряжение Государя все свое имение и все свои заводы” [45, с. 236].

Продолжая другую традицию семьи, Анатолий Демидов широко занимался благотворительностью. В составленном по его инициативе в 1841 г. “Перечне пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям” приведены данные, согласно которым 28-летним филантропом на эти цели был израсходован 1 млн 637 тыс. руб. Расходы в ведомости разнесены по семи рубрикам: 1) благотворительное заведение в Петербурге (Демидовский дом призрения трудящихся, он же Дом трудолюбия)⁴; 2) холера; 3) “дано различным учреждениям”; 4) воспитание благородных девиц; 5) милостыня; 6) приют в Петербурге; 7) различные сборы по подписке, строго установленные. Кроме того, ежегодно на разные благотворительные нужды выплачивалась сумма в 25900 руб., составлявшая доход от положенной для этой цели в банк суммы в 518 тыс. руб. Поскольку эти полмиллиона были связаны и хозяин ими не пользовался, он считал возможным и их зачесть в сумму истраченного на благотворительность. Всего, таким образом, А.Н. Демидовым к середине 1841 г. было потрачено на филантропические цели 2 млн 155 тыс. По сумме безвозмездно отданного на момент составления “Перечня” он был третьим среди Демидовых – впереди шел Прокофий Акинфиевич (более 4 млн), за ним – брат Анатолия Павел Николаевич (2 млн 300 тыс.) [258, с. 271, 272].

Поле благотворительной деятельности А.Н. Демидова не ограничивалось Россией. В 1835 г. с целью обеспечить работой флорентийских бедняков он основал шелкопрядельную фабрику в Сан-Донато. Однако несмотря на предпринятые им организационные усилия и понесенные значительные затраты, производство так и не удалось вполне наладить. В 1840 г. флорентийские шелкопрядельни были остановлены [63, с. 235].

Одним из направлений благотворительной деятельности А.Н. Демидова была поддержка науки.

Приступая к рассказу о ней, следует особо подчеркнуть, что основанная его старшим братом Демидовская премия вне всякого сомнения промелькнула бы в истории российской науки кратким и малозначительным эпизодом, если бы не Анатолий Николаевич. По желанию учредителя премия должна была выплачиваться в течение 25 лет после его смерти. При жизни она была присуждена 8 раз. Уже следующее, 9-е, присуждение, традиционно ожидавшееся 17 апреля (через несколько недель после смерти Павла Николаевича), могло не состояться, поскольку, как уже упоминалось, по действовавшим законам никто не мог принудить наследников к подобным обязательствам в отношении унаследованного имущества. И только заявление Анатолия Николаевича о том, что воля учредителя будет исполнена [191а, с. 41], сохранило премию, большая часть времени существования которой (3/4) пришлось на период, когда ее основателя уже не было в живых.

Спасением Демидовской премии поддержка А.Н. Демидовым науки не ограничилась. Об акции, которую, говоря об этом, мы подразумеваем, в “Перечне пожертвований Демидовых” 1841 г. говорится следующее:

“На протяжении 1837, 1838 и 1839 годов г-н Анатолий Демидов предпринял изыскания в каменноугольных формациях Дона и Донца; в то же время он руководил научными исследованиями на юге России и в Крыму. Расходы на эти экспедиции и последовавшие за ними публикации превысили 450 000 р.” [258, с. 270].

Эта экспедиция (или экспедиции, как написано в документе) – главный вклад А.Н. Демидова в развитие науки. На ней и остановимся.

Сама по себе практика снаряжения на частные средства научных экспедиций в России уже имела прецеденты. Н.П. Румянцев, например, на свои средства построил и соорудил бриг “Рюрик”, на котором в 1815–1818 годах была совершена кругосветная морская экспедиция, возглавлял которую О.Е. Коцебу. Книга об этой экспедиции под редакцией И.Ф. Крузенштерна на русском и немецком языках была издана также на средства Румянцева [148, с. 15, 16].

Маршруты демидовской экспедиции 1837-1839 годов проходили по территории трех административно-территориальных образований в составе Российской империи: землям (позднее Области) Войска Донского, губерний Новороссийской и Таврической. Все они были районами, по сравнению с другими частями Европы, изученными и описанными недостаточно. Доступными же

для научного исследования они становились по мере вхождения их в состав Российской империи.

Район нижнего Дона начинает изучаться с конца XVII в., в ходе Азовских походов. В 1699 г. в Амстердаме была издана карта Западной и Южной России с надписями на латинском языке, главным достоинством которой явилось уточненное изображение системы р. Дон. При ее составлении были использованы результаты съемки, выполненные под руководством Ю.А. Менгдена в районах, через которые в 1696 г. прошла русская армия. В создании карты принимал участие Я.В. Брюс [169, с. 183–188].

В том же 1696 г. по распоряжению Пушкарского приказа инженером Христианом Ругеллом (Ругалем в русских документах) проводились геодезические работы, результатом которых явилось создание карты северной части Азовского моря между устьем Дона и р. Грузской Еланчик⁵ [169, с. 200].

В этом же районе было осуществлено, по мнению Д.М. Лебедева, и “первое крупное геодезическое мероприятие, выполненное в России с соблюдением основных научных приемов того времени” – во время плаванья 1699 г. вице-адмиралом русской службы Корнелием Крюйсом (Крейсом) закончена съемка Дона. Работа, по словам Крюйса, выполнялась “под смотрением и в присутствии его царского величества”, участие в ней принимал также капитан Питер Памбург. Инструментальная съемка захватила и район низовья Дона [169, с. 200; 177, с. 19]. После Дона, также в присутствии Петра I (до Керчи сопровождавшего отправлявшегося к султану посла), была произведена съемка части Азовского моря. С текстами на русском языке соответствующая карта была в 1701 г. награвирована Адрианом Шхонебеком и отпечатана под названием “Восточная часть моря Палус Меотис и ныне называется Азовское море” [169, с. 200, 201; 93, с. 175]. Ряд новых навигационных карт этого моря (содержащих, естественно, информацию и о побережье) создается в 1700–1702 годах Христианом Отто и Петром Бергманом [169, с. 201].

Введению в европейскую науку части этих сведений способствовал опубликованный в 1703 или 1704 г. на голландском и русском языках в Амстердаме “Атлас реки Дон”, в который вошли карты с оригиналов, подготовленных по результатам упомянутых плаваний 1699 г. [169, с. 189, 201; 93, с. 175, 176]. Новые сведения по географии региона содержатся и в работе “Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 г. и поднесенные царевичу Алексею Петровичу” [164].

Географическое, в частности картографическое, изучение Нижнего Дона и Приазовья было свернуто вследствие утраты Россией части завоеванных территорий по договору 1711 г. К нему возвращаются в ходе академических экспедиций 70-х годов XVIII в.

Низовья Дона посещает 28-летний Иоганн Антон Гильденштедт (Гюльденштедт). Из Моздока он в середине июля 1773 г. добрался до крепостей Темрюк и Тамань, далее направился к Манычу, несколько недель провел в Черкасске, во второй половине августа осмотрел дельту Дона, Азов, вернулся в Черкасск, из него прибыл в крепость Димитрия Ростовского (нынешний Ростов-на-Дону). Отсюда в середине сентября Гильденштедт двинулся по землям Приазовья: к Таганрогу, потом степью и берегом моря к р. Берде. Достигнув ее, повернул на Украину: поехал вдоль пограничной линии в сторону Днепра, добрался до Александровской крепости (ныне Запорожье) и в конце октября покинул ее, взяв курс вверх по Днепру на Кременчуг. Как и другие участники подобных экспедиций, Гильденштедт исследовал регион комплексно: изучал его флору, фауну, геологическое строение, полезные ископаемые, памятники прошлого, современное население, его обычаи, верования, занятия. Учитывая малую заселенность и недостаточную хозяйственную освоенность края, он указывал на места, перспективные для поселений, высказывал предложения по развитию в крае новых отраслей хозяйства, промыслов и т.д. [152, с. 60–67].

Гильденштедт был первым, кто предпринял систематическое, хотя и поверхностное изучение Донецкого бассейна, на территории которого еще при Петре I были обнаружены месторождения каменного угля [221а, с. 111].

Но Европа о возобновлении изучения нижнего Дона и Приазовья узнала не сразу. Явно не знакомый с результатами этих работ Тунмани в географическом очерке, посвященном Крымскому ханству, писал (1777) о прилегающей к Крыму с севера (между р. Бердой и Днепром) области Восточный Ногай: “Ботаники нашли бы здесь много прекрасных растений, но до сих пор ни один из них не попал в эти степи” [244, с. 43].

После академических экспедиций изучение Южной России продолжалось⁶. Геологическое строение Донецкого бассейна (залегание, протяженность, структуру пластов), вопросы разработки его богатств изучал во время командировки на Луганский металлургический завод крупный русский геолог Е.П. Ковалевский, которому принадлежит введение в геологическую науку понятия “Донецкий кряж”. Основные результаты его работ были изданы в 1823–1829 годах. В середине 1830-х годов геологиче-

скую карту Донецкого края (невысокого качества) составил горный инженер А.Л. Оливьери. Геологическими разведками южных территорий Европейской России в эти и ближайшие за ними десятилетия занимались также Анисимов, Блёде, Васильев, Иваницкий, Козин, Любимов, Соколов, Сыроватов, Томилов [123, с. 132,133; 221а, с. 111]. Особое место по значению полученных результатов занимают работы французской экспедиции, о которой пойдет речь ниже.

Крым и Северное Причерноморье – второй район, на территории которого она действовала.

Земли легендарной Тавриды доступными для изучения стали позднее Подонья и Приазовья. В 1774 г. Крымское ханство приобрело независимость от Османской империи. По Кючук-Кайнарджийскому миру оно переходило под покровительство России, а две крепости – Керчь и Еникале с пристанями в Керченском проливе – непосредственно отходили к ней. В 1783 г. Крым был присоединен к России полностью. В 1784 г. он стал частью Таврической области, позже входил в Новороссийскую губ., а с 1802 г. – в Таврическую губ. [248, с. 176–177; 251, с. 254].

В Крым, узнав, что он занят русскими войсками, попытался проникнуть И.А. Гильденштедт. Летом 1773 г. он деятельно готовился к этой экспедиции, даже направил собранные коллекции на Украину, чтобы путешествовать налегке. Но добравшись до р. Берды, вынужден был остановиться и, как уже говорилось, повернуть на северо-запад: не нашлось казаков для замены конвойных, выяснилось, что из-за длительного отсутствия лица, разрешавшего пропуск в Крым, некому оформить соответствующие бумаги [152, с. 63,65]⁷.

Из русских путешественников первым в 1782 г. пересек Степной Крым (от Перекопа до Карасубазара) другой посланец Академии наук – Василий Федорович Зуев. Он дал и первое на русском языке описание увиденного. За зуевским последовали внесшие вклад в географическое изучение полуострова исследования и основанные на них сочинения К.И. Габлица, И.М. Берсенева, П.С. Палласа, Дж. (И.И.) Биллингса, Ж. Ромма и др. (называем имена деятелей, работавших здесь преимущественно в XVIII в.) [177, с. 45, 46; 34, с. 45, 53].

Но эти исследования явились лишь первым шагом на пути познания природы и древностей Крымского полуострова, во многом не столько дав ответы, сколько поставив вопросы. В первой четверти XIX в. недостаточная изученность Крыма была очевидна всем, включая первых лиц в государстве. Любопытное свидетельство этого содержат записки флигель-адъютанта Александра I, известного в будущем военного историка А.И. Михайлов-

ского-Данилевского, сопровождавшего императора в его путешествии по полуострову весной 1818 г. В рассказе о поездке из Симферополя в Керчь сообщается о следующем любопытном происшествии:

“Государь, разговаривая о множестве разнообразных трав, которые благоухают на полях, сделал справедливое заключение, что ботаник может найти здесь большое количество новых полезных произрастаний, и спросил у лейб-медика Виллие, собрал ли он какие-нибудь травы?

– Нет, – отвечал он.

– Что же ты делал дорогою? – продолжал государь.

– Я стрелял орлов, – сказал Виллие. Сей отзыв так не понравился императору, что он переменялся в лице и сказал в сердцах:

– Удивительно, что начальник всей медицинской части ездит по таким местам, где может быть есть сокровища для наших аптек, и вместо того, чтобы обратить внимание свое на сей предмет, стреляет птиц!” [53, с. 91].

Констатация ценности растительного мира Крыма не была со стороны императора случайным выплеском эрудиции, с одной стороны, дурного настроения – с другой. В это время уже разворачивалась работа по изучению и использованию этих богатств. В тех же воспоминаниях упомянуто о посещении путешественниками “деревни Никиты, где находится большой казенный (! – *И.Ю.*) сад для улучшения крымских растений и устроенный также с тою целию, чтобы снабжать оными великороссийские губернии”. В оранжерее этого сада на постелях из свежего сена автор записок и два генерала свиты и переночевали [53, с. 98].

Далеко недостаточно была изучена не только флора и фауна Крыма – почти сплошным белым пятном долго еще продолжал он оставаться и в геологическом отношении.

Лишь в малой степени были выявлены богатства его недр. Одной из причин последнего являлись формы хозяйственного использования этой территории в период существования Крымского ханства. В том, что полезные ископаемые здесь тогда практически не добывались, можно убедиться, например, из упомянувшейся работы Тунманна “Крымское ханство”, написанной в 1777 г. и опубликованной (1784) в популярной географической серии “Большое землеописание Бюшинга” [244, с. 4, 6, 7]. В этом “первом связном очерке всей истории Крыма” о добыче и переработке минерального сырья имеются только два упоминания, и оба относятся к добываемой из озер соли [244, с. 38, 39]. К этому можно прибавить не упомянутую, но несомненно имевшую место ломку строительного камня – иначе откуда было взяться материалу для многочисленных каменных домов в крымских городах? О ру-

дах и самородных металлах говорится у Тунманна в единственной фразе: “Горы между Эски-Крымом и Каффой (Старым Крымом и Феодосией. – *И.Ю.*), как говорят, богаты золотом, серебром и лучшей железной рудой”. Но комментатор (Н.Л. Эрнст) считает это сообщение “фантазией, внушенной автору каким-то недобросовестным источником”. “О керченской руде, – полагает он, – у автора, вероятно, не было сведений” [244, с. 17, 73].

Созданная с использованием обширного круга источников, работа Тунманна явилась “систематизированной, отцеженной сводкой того, что к его времени было известно и доступно западноевропейской науке о Крымском ханстве” [244, с. 5]. Обращаем на это внимание, чтобы отвести возможные упреки в качестве тунманновского обзора: если горнодобывающая и металлургическая промышленность в этом сочинении не упомянуты, то значит таковой деятельностью на полуострове действительно не занимались. Не занимались – значит не искали месторождений полезных ископаемых.

Включение Крыма в состав Российской империи не привело, да и не могло привести к быстрому, тем более радикальному изменению такого положения: об этом ясно свидетельствуют описания Крыма, начиная с Зуева составлявшиеся русскими и иностранными путешественниками. Требовалось кропотливое исследование и научное описание всей этой обширной территории.

Опираясь на фундамент, заложенный участниками академических экспедиций 70-х – 80-х годов XVIII в., ученые следующего столетия кропотливо и настойчиво изучают недра, воды, животный и растительный мир, климат, археологические памятники Крыма. Важную роль сыграли исследования, проводившиеся на Кавказе и в Крыму в 1833–1834 годах натуралистом и археологом Фредериком Дюбуа де Монпере (1798–1850). Подготовленные им для печати шеститомные “Путешествия автора по Кавказу, .. Колхиде, Грузии, Армении и Крыму” были изданы в Париже в конце 1830-х – первой половине 1840-х годов⁸.

Заметным шагом в изучении Южной России и Крыма явились и исследования большой группы французских специалистов (топографов, геологов, биологов), работавших здесь через несколько лет после Дюбуа де Монпере. Эта экспедиция была осуществлена на средства А.Н. Демидова, принявшего в ней личное участие. Заметим, что организатору экспедиции было тогда всего 24 года.

Ниже мы остановимся на том, в какой степени характер, образование, склонности и реальные занятия А.Н. Демидова отвечают представлениям об ученом и в каком отношении уместно говорить о его связи с историей науки. Но сразу скажем, что сам

факт такой связи для нас вполне очевиден. И то обстоятельство, что светское общество не обращало внимания на эти занятия “знаменитого Анатоля”, при оценке их плодов вполне может быть проигнорировано.

И второе. 57-летнюю жизнь Анатолия Демидова едва ли возможно понять, исходя из представления о неизменности его натуры. Долгие месяцы скитавшийся по Крыму и Новороссии, пропахший пылью и степными травами путешественник, каким он предстает перед читателем со страниц описанного им странствия, и парижский прожигатель жизни, каким он остался в памяти В.А. Соллогуба, – без сомнения, не одно и то же. Не станем по второму скоропалительно судить о первом.

Обратившись к страницам описания крымского путешествия Демидова, познакомимся с его маршрутом, участниками и их занятиями. Сделать это вполне возможно, несмотря на то, что большая часть изданного текста написана от лица А.Н. Демидова, рассказывающего в нем преимущественно о собственных поездках и наблюдениях⁹ и лишь бегло упоминающего о деятельности других участников экспедиции. Но рассказ Демидова иногда прерывается – он передает слово своим товарищам, сообщаящим о своих занятиях в дни, когда патрон их покидал.

Описанию путешествия предпослано перечисление целей, которые, отправляясь в экспедицию, ставил перед собой Демидов. В подобном странствовании, по его мнению, “каждому путешественнику предстояло особое поле для изучений и наблюдений” [66, с. 2]. Какое же поле Демидов очертил для себя? Он не рядился в тогу ученого, осознавая, что она едва ли придется ему по фигуре. Его позиция была вполне трезвой и реалистичной. Не прикидываясь специалистом в науках, требующих глубоких систематических знаний, он пытался найти себя в другом качестве. Провинции, составляющие Новороссийский край, “переменили сомнительное и шаткое бытие свое на прочное и единообразное устройство, которое со временем, без сомнения, утвердится еще более. Пройдет несколько лет, – полагал Демидов, – и путешественник с трудом отыщет среди жителей Новой России отличительные черты многочисленных племен, оставшихся здесь от воинственных переселений с востока на запад”. Именно это ощущение уходящей природы и возбуждало у Демидова исследовательский интерес, оно и толкнуло его в дорогу. Две задачи ставит перед собой путешественник. Во-первых, “уловить последние следы этого изглаживающегося исторического быта”. Во-вторых, “изучать, каким образом это варварство превратилось в

цивилизацию, и из этого ужасного прошедшего развилась уже надежда на будущее” [66, с. 2]. Вопросы, как видим, принадлежащие, преимущественно, сферам истории, этнографии, культурологии, отчасти, экономической географии. Как убедимся в дальнейшем, материал, включенный Демидовым в описание его путешествия, достаточно точно укладывается в предначертанные выше рамки – сказанное, таким образом, не было для него пустыми словами.

К сожалению, в отличие от целей, поставленных Демидовым лично перед собой, цели и планы экспедиции на начальных страницах книги подробно не раскрываются – сказано только, что главную цель предпринимаемого путешествия составляли минералогические исследования [66, с. 3]. Впрочем, о намерениях в известной мере можно судить по делам.

Как пишет Демидов, мысль о путешествии в южные провинции России занимала его давно. Не последнюю роль в желании организовать на свой счет туда научную экспедицию сыграли патриотические чувства¹⁰. Когда она переросла в “неодолимую потребность”, он решил “посвятить этому делу всю свою волю, всю деятельность, все... влияние”. При этом он надеялся на поддержку русского правительства, по его мнению, “умеющего ценить все общепользные предприятия” [66, с. 2]. Заметим, что такая характеристика российских властей, в общем, совпадает с оценками современных историков науки: Г.И. Любина, например, пишет, что французские путешественники в России XIX в. действовали, “неизменно встречая благожелательное отношение русских властей и населения” [176, с. 98].

План путешествия был представлен Николаю I – Демидов испрашивал “на такое странствование” высочайшее разрешение. Намеченное предприятие “удостоилось милостивого одобрения”. Покровительство императора могло способствовать успеху задуманного: “местные начальства тех губерний, через которые надлежало проезжать, получили особые высочайшие повеления”, благодаря чему путешественники “находили везде самый радушный прием, самое полное содействие” [66, с. 2, 3].

В общей сложности с экспедицией в Россию должны были отправиться 22 человека [66, с. 5] – топографы, штейгеры (горные мастера), химики, палеонтологи, медики, художник. На месте к ним присоединялись отечественные специалисты (в частности профессор А.Д. Нордман) и рабочие.

Весна 1837 г. была потрачена на приготовления и предварительные работы. С открытием навигации между Гавром и Петербургом Демидов направил в русскую столицу первый отряд экспедиции из пяти человек, а с ним инструменты, необходимые для

минералогических исследований. Отряд состоял из четырех штейгеров во главе с “опытным производителем работ” Эйро. Вес экспедиционного оборудования превышал 80 тыс. фунтов (около 33 т). Высадившись в Кронштадте, участники экспедиции должны были проехать всю Россию с севера на юг. Возглавлять караван поручалось управляющему конторой Демидовых в Новороссии П. Колунову, “долговременную и полезную службу” которого Анатолий Николаевич специально отмечает. Планировалось, что отряд остановится лагерем недалеко от устья Дона [66, с. 3].

В начале мая из Франции отправился второй отряд, включавший, по выражению Демидова, “главных распорядителей минералогическими изысканиями”. Они двигались на восток через европейские страны: проехали Среднюю Германию и через южные губернии России устремились к землям по Дону и Донцу, где рассчитывали найти ожидающих их штейгеров и прибывшее с ними оборудование. Специалисты, входившие в состав второго отряда (отделения), должны были надзирать за деятельностью первого, кроме того, заниматься химическим изучением земель региона и выполнять топографическую съемку. В состав отряда входили инженер Королевского корпуса путей сообщения Л. Лаланн и гражданский инженер, воспитанник Сент-Этьенской школы А. Маленво. Руководителем отряда являлся ученый член Королевского французского корпуса горных инженеров Фредерик Ле-Пле [66, с. 3, 4]. Выпускник, позднее профессор Парижской горной школы Ле-Пле в геологии был непрофессионалом – он преподавал металлургию, занимался социологией [221а, с. 111]. Тем не менее, он сумел решить ряд важных задач, поставленных перед экспедицией¹¹.

Третий отряд, который возглавлял сам Демидов, был самым многочисленным. Представив возможные неудобства во время движения большой группы через Германию, Демидов решил разбить ее на две части, назначив для них в качестве места встречи Вену. В составе первой группы 6 июня выехали Ж.-Ж. Гюо, Левеле и Руссо. Участникам предлагалось не спешить, осматривая по дороге “незнакомые им города и земли”. В Вене они, а также два “вольных” члена экспедиции А. Дю-Понсо и А. Деларош-Пушен, должны были дожидаться прибытия отправлявшегося позднее Демидова [66, с. 4].

Тот покинул Париж 14 июня в сопровождении де Сенсона и художника Раффе. Они отправились на север, в направлении Маасского департамента, где намеревались осмотреть Абенвилльский металлургический завод. Первые дни ехали по дороге, соединявшей городки, расположенные по берегам Марны. Вечером 14-го прибыли в Мо, 15-го проехали Шалон (совр. Шалон-

сюр-Марн), Витри (совр. Витри-ле-Франсуа), Сен-Дизье и к вечеру достигли Маасского департамента [66, с. 4, 5]. Здесь 15–17 июня Демидов и его спутники осмотрели Абенвилльские заводы [6, с. 6–8] (к рассказу об их посещении мы еще вернемся). 18-го они выехали из Абенвилля. Продолжая движение на восток, проехали Эпиналь, Страсбург, Баден-Баден, Раштатт, Карлсруэ, Штутгарт, Гайслинген, Ульм, Мюнхен и прибыли в Вену [66, с. 9–18].

Из Вены направились в Венгрию. Покинув ее 8 июля, 9-го достигли Валахии.

Напомним, что в начале XIX в. Валахия, Молдавия и Бессарабия входили в состав Османской империи. Фактическое присоединение Бессарабии к России состоялось по договору с Турцией, заключенному в Бухаресте в 1812 г., – отныне и вплоть до 1918 г., пребывая в составе Российской империи, она именовалась Бессарабской губернией [88, с. 17]. По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. из-под власти Турции выходили и Дунайские княжества (Молдавия, Валахия) – Россия брала на себя гарантию их автономии.

Демидов прерывает описание путевых впечатлений очерком истории Валахии с древнейших времен до Адрианопольского трактата [66, с. 143–153], приводит интересную статистику, дает описание природных ископаемых этой области: золота, меди, ртути, каменного угля, соли, нефти, серы [66, с. 168–171].

Выехав из Бухареста 17 июля, путешественники взяли курс на Яссы. 19-го были в Молдавии [66, с. 137, 193].

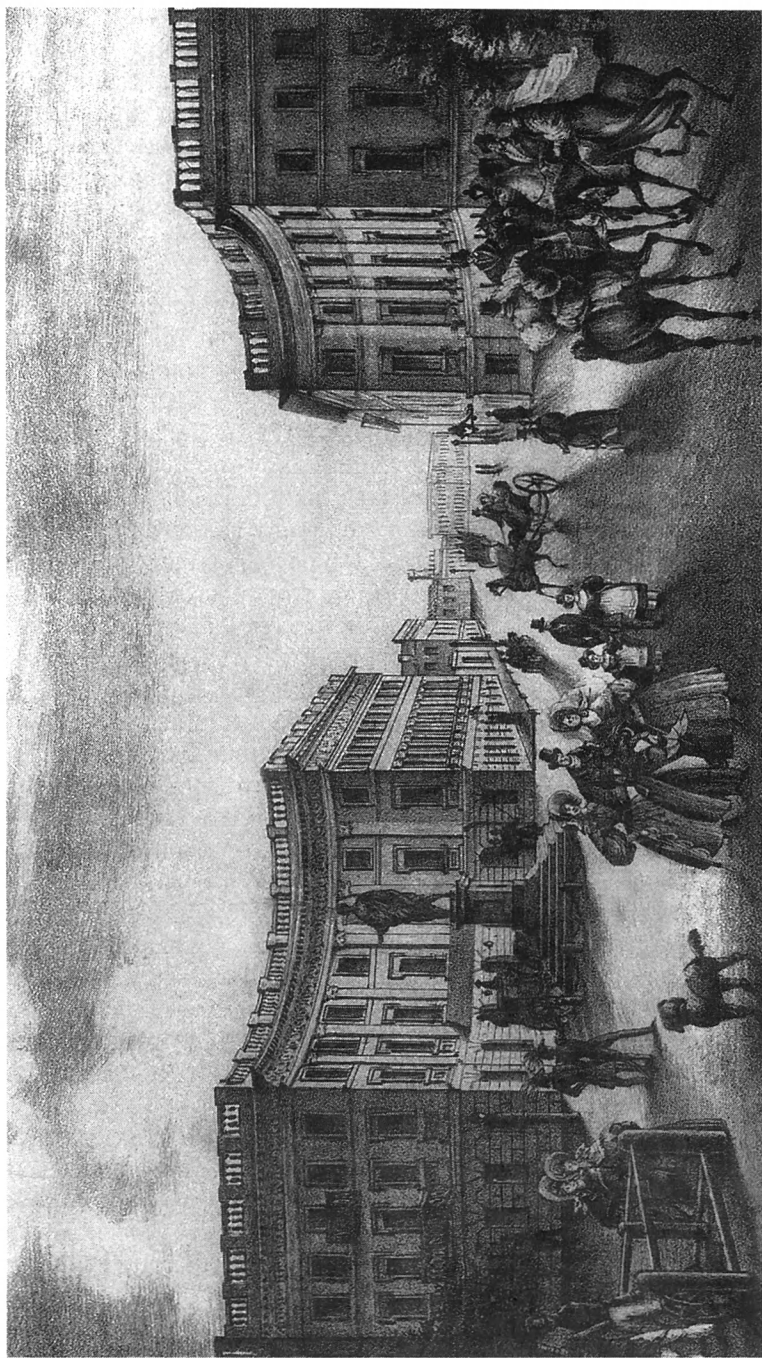
Как и для Валахии, в посвященный ей раздел описания путешествия включен исторический очерк, охватывающий период начиная с XII в. [66, с. 203–213], и большое количество разнообразной статистики: демографической, экономической и др. Сообщаются названия округов, главных их городов, сведения о числе жителей, платящих подати. Приводятся данные, характеризующие динамику численности населения Молдавии: число родившихся мужского и женского пола за период с 1832 по 1837 год (погодно). Автор сообщает сведения о податях, взимавшихся до 1827 г., о доходах и расходах княжества за 1828 г. (перед вступлением русских войск), 1834 и 1839 годы; дает сравнительное “исчисление” доходов и расходов с 1833 по 1837 г. в отдельных городах (Фокшани, Галац, Яссы). Приведены данные о развитии сельского хозяйства, в частности, о посеве и урожае отдельных культур в 1832–1833 годах. Представлена криминальная статистика: информация о числе преступлений и “злодеяний” за 1832 и 1838 годы. Приведены цифры, характеризующие развитие сферы образования: показано (по отдельным округам и в Яссах) количество учащихся в Молдавии в 1832, 1834 и 1838 годах.

Местные власти отнеслись к путешествующим французам с большим вниманием. Впереди их скакал чиновник, благодаря усилиям которого движение отличалось необычной быстротой – даже сменных лошадей для них запрягали немедленно по прибытии. В Яссах они посетили (20 июля) господаря – правителя Молдавии [66, с.194].

Продолжив путешествие, французы достигли Бессарабии и, наконец, очутились на территории Южной России (не позднее 24 июля¹²). Они направились в Одессу, проследовав по пути Кишинев, Бендеры и Тирасполь. Долгожданная “столица” Новороссии, “черноморская Марсель”, вскоре стала для участников экспедиции “главной квартирой”, “общим сборным местом”: отсюда они отправлялись в путешествия, сюда возвращались [66, с. 255, 257].

Одесса – ее внешний облик и быт – Демидову и его спутникам очень понравилась: “Ослепленные изяществом этого города, мы были усыплены негою жизни, исполненной обилия роскоши, которые тем более имели для нас цены, что следовали непосредственно за продолжительными лишениями, за утомительным путешествием. Мы были очарованы великолепными зданиями, стройно тянувшимися вдоль красивого бульвара” [66, с. 280].

Но слова об “усыплении негою жизни” были, судя по всему, поэтическим преувеличением. Участники экспедиции не забывали и о работе. “Каждый из нас занимался учеными изысканиями, составлявшими цель нашего путешествия. Мои товарищи изучали почву Одессы, зоологию окрестной страны и ее флору. Раффе обогащал свой портфель, срисовывая народные сцены, происходившие перед его глазами. ... Я с моей стороны собирал и приводил в порядок разные замечания о Новороссийском крае вообще и в особенности об Одессе”. Заметим, что Демидов обосновывает направление и характер своих изысканий в точном соответствии с общей целью, ранее для себя сформулированной. “Все это мне необходимо было изучить потому, что иначе я не мог бы дать себе удовлетворительного отчета в причинах, вследствие которых благосостояние Одессы развилось так быстро, что изумило всю Европу. При том без подобного изучения нельзя также угадать, каким образом новый город успел воспользоваться благоприятными для него обстоятельствами; нельзя, наконец, определить, какая судьба ожидает эту чудесную колонию” [66, с. 257]. История города в системе, образуемой природными условиями и совокупностью динамически изменяющихся макро- и микроэкономических факторов, – так можно было бы на более современном языке сформулировать направление этих исследований А.Н. Демидова в сфере исторической урбанистики.

Гординский. Одесса. Приморский бульвар. Конец 1830-х годов. Литография.

Исполняя намерение, автор дает исторический очерк Одессы, рассказывает о ее градоначальниках Дерибасе, Ришелье, Ланжероне [66, с. 258–267]. Отмечена роль Екатерины II в получении городом имени, в его развитии. Особое внимание остановлено на деятельности более десятилетия управлявшего городом Ришелье. В рассказе об Одессе при Ланжероне отмечено появление здесь “заведений для умственного образования”, в частности Ришельевского лицея, первым директором которого был выходец из Франции аббат Николь. Переходя к новейшему периоду истории города, автор приводит статистические данные за 1836 г., заимствованные им из сочинения Скальковского “30 первых лет Одессы” (1837). Из достопримечательностей Одессы Демидов упоминает ботанический сад, а также осммотренный “дендрологический музей” – частную коллекцию образцов дерева и изделий из него, собранную правителем канцелярии генерал-губернатора Фабром. Отмечено посещение госпиталя [66, с. 268–276].

Демидов особо останавливается на вопросе о причинах быстрого экономического роста города. При этом его внимание обращено не только на факторы, которые могли этому способствовать (например, удачное природно-климатическое положение). Сказано и о том, что могло его затруднять: отмечены сложности в обеспечении населения питьевой водой, указано на неудачи, которыми закончились поиски в Бессарабии каменного угля. В обоих случаях выражена надежда на благополучное разрешение трудностей в будущем. Рассказано о транзитной торговле через одесский порт и замечено, что успешное ее развитие опровергает мнение о неудобстве здешнего рейда. “Положение Одессы, – полагает Демидов, – довольно благоприятно для сбыта произведений из южных частей Российской империи”. Он замечает, что “несмотря на существование Херсона, всякая ближняя торговля Черного моря обратилась к Одессе уже в то время, когда город этот только еще основался на месте, занимаемом прежде турецкою крепостцею”. Он характеризует выгоды торговли через Одессу и ее перспективы: “Для Бессарабии и Подолии, а также для стран, простирающихся к востоку до берегов Буга, Одесса представляет самое естественное место сбыта. Из этих стран без всякого ущерба херсонской торговле могут быть доставляемы в Одессу их главные произведения: шерсть, зерновой хлеб, кожи, сало. Что касается до металлов, привозимых по Азовскому морю, то они естественно должны были доставляться из Одессы, как в ближайший и наиболее доступный порт, к которому и плыть из Азова благоприятствуют ветры, большею частью там господствующие. Опасность якорных стоянок херсонской и николаевской зависит от того, что вход в них чрезвычайно труден,

Исленьев, с ориг. Н.Г. Чернецова. Алупка. 1830-е годы. Литография.

а это естественным образом в некоторых случаях должно было вредить самому развитию торговли, производимой Херсоном и Николаевом” [66, с. 279, 280].

Генерал-губернатор края, князь Михаил Семенович Воронцов, покидая Одессу за два дня до прибытия экспедиции, оставил ее участникам приглашение посетить его в Крыму. Южную часть полуострова все, там побывавшие, расписывали “в самых очаровательных красках”. Демидов и его спутники решили посмотреть на эту “самую изящную сельскую жизнь, какую только можно вообразить” [66, с. 255, 256].

На пароходе “Петр Великий”, курсировавшем между Одессой и Керчью, 10 августа в полдень они отплыли в Ялту. На судне находилось многочисленное общество, сопровождавшее кн. Воронцова, супругу генерал-губернатора.

В пути проследовали мимо представлявших исторический интерес мест: монастыря св. Георгия, гетуэзских развалин в Балаклаве. Ближе к мысу Аюдаг (южной оконечности полуострова) стало заметным изменение береговых ландшафтов: природа постепенно утрачивала “дикий суровый вид”, появлялись участки, обильно поросшие растительностью. Пароход проплыл мимо тянувшихся по скатам виноградников местечка Кастропуло (совр. Кастрополь) – одного из приобретенных отцом путешественника владений, в котором Анатолий Николаевич еще не успел побывать¹³.

Вскоре начался участок побережья, занятый имениями богатых землевладельцев. Показались осененные государственным флагом “чертоги, выстроенные в легком византийском вкусе”. Это была принадлежавшая Воронцову Алупка, как характеризует ее рассказчик, “главное место здешней очаровательной колонии загородных замков” [66, с. 281–283]. Встретить прибывших на легкой лодке прибыл сам Воронцов.

Путешественники остановились в Ялте (сразу отмечена исключительная живописность местности, в которой расположен этот “изящный город”). Непосредственным их пристанищем стала гостиница, содержанием которой был некий Бертолуччи, в прошлом бас Одесского театра (“О! тщета величия земного!”, – глубокомысленно восклицает по этому поводу Демидов). Отсюда 12 августа предприняли поездку в Алупку. Демидов отметил удивительной красоты пейзажи, открывающиеся глазам по дороге: “Здесь едешь, точно как-будто по какому-нибудь английскому парку”.

Алупка и занятия во время пребывания в ней не описаны. Принятый Демидовым деловой стиль поведения (во всяком случае, рассказа) позволяет ему только упомянуть о “любезной бе-

седе благородного хозяина”, о “прелестях чудесного края и роскошной полной забав жизни”. Направляясь в Алупку, он имел целью заручиться содействием князя в намеченной поездке на Дон, где работал другой отряд экспедиции. Таковое было обещано, и Демидов, оставив под покровительство Воронцова своих товарищей, в тот же вечер вернулся в Ялту. Из членов экспедиции его сопровождал только Сенсон, которому он должен был дать указания относительно руководства Крымским отрядом во время своего отсутствия. С французами отправился адъютант генерал-губернатора граф Галатери, которому Воронцов поручил сопровождать Демидова в его поездке в Донскую землю [66, с. 285–290].

С этого момента повествование разделяется на два потока: на описание поездки Демидова в Подонье и рассказ о занятиях французов, оставленных им в Крыму.

Демидов и его спутник проехали Массандру, Ай-Даниль, наконец, достигли Симферополя, “главного города Крыма, где сосредоточено управление всей областью”. Утомившись в пути, они приняли предложение симферопольского гражданского губернатора Муромцева ехать дальше до Каффы (Феодосии) в его карете. Выехали в полночь и еще до рассвета проследовали Карасубазар (нынешний Белогорск¹⁴) – “большой город, населенный преимущественно татарами”. Следующей была Феодосия, “город генуэзцев и татар”, запавшая в память странным сочетанием “совершенно итальянской наружности, напоминающей Болонью”, с сохранившимися “следами мусульманского быта” [66, с. 292–294].

В Феодосии Демидов пересел в собственную карету, доставленную сюда из Ялты на пароходе “Петр Великий”. Путешественники проследовали до Арабата (приведено описание крепости и деревни) по “беспредельной равнине, столь же гладкой, как и море, к которому она прилегает”, достигли р. Токмак, пересекли ее и очутились на землях ногайских татар, “кочевого племени, не совсем еще привыкшего к оседлой жизни”. Верный поставленной перед собой задаче изучать и фиксировать черты исчезающего прошлого, Демидов отметил свидетельствующие о традиционном образе жизни местного населения типы домов в главном городе этого края Ногайске (современный Приморск¹⁵). Сообщается о существовавших в этом районе немецких колониях [66, с. 295–298].

Миновав Мариуполь (“город портовый и торговый, особенно примечательный по чрезвычайной деятельности, в нем господствующей”), путешественники на третий день по выезде из Ялты прибыли в Таганрог. В рассказе о нем у Демидова появился повод

еще раз продемонстрировать знание русской истории, в данном случае новейшей: “При имени этого города, – сообщает он, – неминуемо пробуждается воспоминание о кончине императора Александра 1-го, великодушного монарха, которому Европа обязана избавлением своим” [66, с. 303–304].

Еще по пути в Алупку Демидов разъяснил цель своей поездки на земли Тихого Дона: “Я нетерпеливо желал увериться собственными глазами, оправдаются ли наши общие надежды, хотел узнать об успехах наших товарищей в исследованиях, которые составляли цель их путешествия” [66, с. 288]. В Таганроге, где Демидов получил известие от них, для читателя выясняется, однако, любопытное обстоятельство, объясняющее исключительную поспешность, с которой он перемещался в последние дни. Оказывается, повидавшись с “учеными инженерами”, он намеревался “как можно скорее возвратиться в Одессу, чтобы поспеть к маневрам, которые готовились в окрестностях Вознесенска на берегах реки Буга”. Предполагался смотр кавалерии военных поселений, по словам Демидова, “величественное торжество, обращавшее на себя внимание целой Европы” [66, с. 306–307]. В программе чисто научной экспедиции этот эпизод выглядит, пожалуй, несколько чужеродно. Но в контексте проблем, занимавших лично Демидова, он вполне органичен: современность интересовала его не меньше, чем старина, ясное понимание последней представлялось ему лишь фундаментом постижения будущего.

Из Таганрога Демидов направился в Ростов, отметив по дороге множество курганов с гранитными камнями на вершинах, изображающими “подобие сфинксовой головы” (на его размышлениях о природе курганов мы еще остановимся).

Ростов большого впечатления на Анатолия не произвел: он отметил только, что, хотя гавань здесь невелика, в ней “заметно, однако ж, довольно значительное торговое движение”. Недалеко от города путешественников встретила делегация конных армян, которые пригласили посетить Нахичеван (Нахичевань)¹⁶, “город, населенный исключительно их соотечественниками”. Поскольку он находился на пути, по которому как раз и предполагалось следовать, предложение было принято. Демидов фиксирует впечатления о Нахичевани и ее жителях, полученные в ходе этого непродолжительного визита. Гости остановились в доме городского головы. Прием был радушным, доставил “много удовольствия”. Единственное, что не угодило европейскому вкусу Демидова – “чрезвычайная дикость женщин, простирающаяся до того, что мы едва имели случай увидеть, и то вскользь, огромные косы здешних красавиц, расположенные на голове венцом, и их шелковые платья” [66, с. 309–310].

По выезде “из гостеприимной Нахичевани”, прибыли в “главный город Донского войска Новочеркасск”. Здесь путешественников принимали атаман Власов и начальник штаба генерал Бердяев. Но предстоящая долгая дорога заставляла спешить, поэтому, отобедав у генерала, гости сразу тронулись в путь. Они направлялись в станицу Каменскую, лежащую, как определяет ее местоположение Демидов, “на берегу реки Донца по дороге к Ворожежу”¹⁷. Остановившись здесь всего на минуту (выражение Демидова), он направился “к небольшой равнине, называемой Каменкою”, где рассчитывал найти другой отряд своей экспедиции. Он действительно отыскал здесь “некоторые работы”, проводившиеся французами и присланными по распоряжению Демидова рабочими с принадлежавших ему “сибирских рудокопен” (с уральских рудников). Но и тут он не нашел руководителя Донского отряда Ле-Пле, которого отыскивал уже два дня. Оказалось, что последний отправился в Луганск на встречу с чиновником горного ведомства [66, с. 310–311]. Решив довести дело до конца, Демидов пересел из увязавшей кареты в телегу и уже в одиночестве отправился в Луганск, куда, измученный 11-часовой дорогой, совершенно для всех неожиданно и прибыл.

После этой поездки Демидов со знанием дела мог утверждать, что члены донского отряда экспедиции “были не так счастливы, как их товарищи, оставшиеся в Крыму. Они действовали в стране угрюмой, ничем не защищенной от солнечного зноя” [66, с. 312]. Несмотря на это, сделано было немало. Демидов не останавливается на подробностях, но отмечает, что они исследовали “в геологическом отношении бассейн Дона и берега Донца, не пропуская без осмотра ни одной сколько-нибудь значительной лощины, даже ни одного оврага, и, наконец, произвели в некоторых местах разведочные раскопки”. Сам Ле-Пле и его помощники долгое время жили в Луганске. Здесь находился казенный чугунолитейный завод, отливавший ядра и другие изделия для южных крепостей и Черноморского флота. Французские ученые нашли у его руководства радушный прием, им даже давали рабочих с завода.

Демидов провел в Луганске два дня. Согласовав планы дальнейших разведочных работ, он, на этот раз кратчайшим путем, вечером 20 августа направился в Одессу [66, с. 313].

Рассказ об этой поездке в описании путешествия предваряет краткая характеристика земель донских казаков, составленная на основании сведений, полученных от атамана Власова и гр. Галатери. Сама поездка протяженностью 830 верст описана также кратко. Демидов отправился в путь “с новой бодростью”, может быть поэтому он показался ему “несколько веселее”. Снова ви-

дел курганы и лежащие у их подошв “грубые гранитные изображения сфинксов”. Проехал Екатеринослав (ныне Днепропетровск¹⁸), Берислав, Херсон, Николаев. В последнем обратили на себя внимание прекрасные улицы, необычно широкие для здешних городов. Говоря о Николаеве, Демидов отметил, что его верфь “есть первая из устроенных при Черном море” [66, с. 314]. Переплыв на пароме через Днепр, который оказался так широк, что переправа заняла больше получаса, Демидов прямым трактом отправился в Одессу, куда и прибыл ночью 24 августа, Его отдельное от экспедиции путешествие продолжалось около двух недель, в течение которых он проехал более двух тысяч верст [66, с. 315]. В ближайшее время ему предстояло отправиться в Вознесенск, где вскоре должен был начаться смотр войск.

Пока Демидов навещал места, где работал Донской отряд экспедиции, члены Крымского отряда “подробно, шаг за шагом осматривали Крым, изучали терпеливо и тщательно этот издревле знаменитый полуостров”.

Простившись с Демидовым, они начали подготовку к самостоятельному путешествию по Крыму, маршрут которого им помог составить Воронцов. Поездка, целью которой являлись геологические изыскания и наблюдения “по части естественной истории”, началась вечером 13 августа в Ялте. Отправив в Феодосию, куда должен был приехать Демидов, двух своих товарищей и экипажи, французы занялись подробным осмотром Ялты и ее окрестностей. Живописец рисовал. Посетили, в частности, татарскую деревню, отметили, что татары “очень хорошо умеют ухаживать за растениями, которые разводят у себя” [66, с. 316–317, 321].

15 августа из Алупки прибыло описание маршрута, включавшего “все места Тавриды, заслуживающие внимания и наблюдения”. В качестве главных объектов посещения намечались Бахчисарай, Севастополь и Херсонес. Путешественников снабдили “всем, что могло доставить... всякого рода удобства и облегчить изучение края”. От генерал-губернатора были получены письма, обеспечившие всюду радушный прием, он дал предписания на русском и татарском языках, благодаря которым им немедленно предоставляли лошадей и повозки. Воронцов прислал и проводника, служившего унтер-офицером в роте ялтинских арнаутов¹⁹.

Большой интерес для натуралистов представлял этап путешествия, связанный с изучением природы крымских гор. Они обнаружили особую породу сосен, “столь же красивых, как и в Италии”. В оврагах деревья достигали чрезвычайной величины, на вершинах мельчали. Путешественники назвали эту породу “таврической сосной” (*Pinus Taurica*) [66, с. 323, 324].

Раффе. Въезд путешественников в Чуфут-Кале. 1837.

Преодолев горы, направились к бывшей столице Крымского ханства Бахчисараю, в который прибыли 17-го. Ханский дворец – его архитектура, интерьеры и “достойное древних времен” гостеприимство (для приезжих был открыт один из флигелей) – вполне оправдали ожидания. Поразило изобилие воды и фонтанов (“дворец садов... мог бы еще справедливее быть назван дворцом фонтанов”). Опираясь на “Путеводитель по Крыму” Монтандона (Одесса, 1834), внесли в подготавливаемое описание старинные надписи на фонтанах [66, с. 328–334].

18 августа верхом на татарских конях отправились осматривать пещерный город караимов Чуфут-Кале (приведено и другое его название – “Еврейская крепость”). Это, отметил рассказчик, “может быть единственный в целом мире городок, принадлежащий исключительно израильскому племени”. Миновав Успенский монастырь, приблизились к крепости. Следует ее описание, причем перечислено, чем караимы отличаются от прочих иудеев: они отвергают Талмуд и прочие толкования, признавая одну Библию; расходятся с раввинами в некоторых обрядах, ограничивают возможность брака иной степенью родства, наконец, повсюду “пользуются славой людей совершенно честных”. Кроме осмотра жилищ посетили и “город мертвых”: находившееся невдалеке, в Иосафатовой долине, караимское кладбище [66, с. 337–342].

На следующий день было продолжено знакомство с дворцом и осмотрено ханское кладбище. 19-го, оставив в Бахчисарае Гюо и Раффе (“которым еще жаль было расставаться с этим прекрасным местом”), на четырех телегах отправились в Севастополь. Этот город привлекал путешественников не только древностями окружавшей его местности и природной средой юго-западной оконечности полуострова – Севастополь заслуженно считался в это время еще и “одним из превосходнейших военных портов не только на Черном море, но и в целом мире” [66, с. 344]. Ожидания оправдались. “Пока изготавливали шлюпку для нашего переезда в город, – вспоминал один из участников экспедиции, – мы с изумлением смотрели на линейный и другие военные корабли, стройно стоявшие рядом в прекраснейшей гавани, какую только можно себе представить” [66, с. 347].

Ознакомившись с городом и описав увиденное, путешественники продолжили путь. Они двинулись к Ласпи по дороге, по которой некогда проезжала императрица Екатерина II. От Ласпи по узкой тропинке, идущей “вдоль страшных пропастей”, направились к востоку. Впереди лежало Кастропуло, демидовское имение, мимо которого прошлый раз проплыли, не остановившись. Теперь решено было его посетить. В сокращенном составе (один из участников заболел и его оставили на день под присмотром доктора “отлежаться”), верхом на татарских лошадях, миновав две татарские деревни, в ночь на 28 августа прибыли в Кастропуло.

Гостеприимно принятые управляющим и помогавшим ему французским виноградарем, путешественники скоро забыли тяготы двухнедельного путешествия. Отдыхая, провели здесь день. Редких древностей тут не имелось (хотя название места перевели им как “небольшое укрепление”), жилые и хозяйственные постройки были самыми рядовыми. Своеобразие имени придавали виноградники, заведенные здесь в 1828 г. из черенков лучших испанских сортов. Качество вина, на изощренный вкус француза, оказалось “не совсем хорошо”, но автор текста дипломатично высказал предположение, что причина этого в отсутствии “искусных виноделов, которых, вероятно, со временем выпишут из чужих краев”. Погреба же и бочки показались гостям настолько превосходными, что вдохновили на умиляющий своей неспровоцированной восторженностью отзыв о талантливости русского мужика: “Все это, – резюмирует автор, – приносит честь архитектору и смысленности русских крестьян. Им сказали: “Будьте бочарами!”, и они прекрасно исполнили данное им приказание”²⁰. Кроме виноградников здесь имелась теплица с “растениями самыми редкими и драгоценными”. Имение запомнилось исключительной живописностью местоположения, прекрасным купани-

ем, но одновременно и отсутствием бухты, и тем, что к нему не было хорошей проезжей дороги. Впрочем, ожидалось, что дорога между Ялтой и Алупкой вскоре будет продолжена и доведена до этих мест [66, с. 374, 376–378].

28 августа путешественники покинули Кастропуло, проехали несколько татарских деревень, Алупку и 29 августа возвратились в начальную точку путешествия – Ялту, “радостно, как будто в родительский дом, вступили в гостиницу Бертолуччи” [66, с. 378–379].

Несмотря на то, что в тексте рассказа о путешествии сведений о научной работе Крымского отряда немного, очевидно, что двухнедельное путешествие не прошло в этом отношении бесполезно. Из него была привезена коллекция “редких естественных произведений всякого рода”. Специалисты немедленно занялись их обработкой, и, одновременно – составлением нового маршрута.

Уже 1 сентября часть отряда отплыла на “Петре Великом” в Одессу, где ее ожидал Демидов. Предполагалось посетить Вознесенск, а по завершении “военного торжества... в обширных степях Одесской области” через Одессу отправиться в Козлов (Евпаторию) [66, с. 379].

Путешествию в Вознесенск и событиям, там разворачивавшимся, внимание в тексте описания уделено весьма значительное. Приведены документы, в частности, обширное (10 страниц) “Исчисление войск, собранных в Вознесенск для смотра, происходившего в 1837 году” [66, с. 383–392].

На пути к Евпатории внимание Демидова привлекли соленые Сакские озера, уже в то время известные целебными свойствами своих грязей. Он перечисляет болезни, от которых ими лечатся (ревматизм, параличи), указывает календарный период, в течение которого проводится лечение, описывает его методику. “Лечение состоит в том, – сообщает он, – что больного кладут в небольшую яму и до самой головы закрывают густою черною грязью, которая, будучи нагреваема солнцем, оказывает, как слышно, самое спасительное действие”. Упоминается специальное здание, построенное здесь для приема тех приезжих больных, чьим требованиям к комфорту нельзя было угодить в бедной деревушке, какой являлись в то время Саки [66, с. 421, 422].

Первое, на что обратили внимание путешественники при подъезде к Евпатории – предместье с многочисленными ветряными мельницами. В городе была единственная гостиница “Трактир Эвпатория”. Часть группы сюда уже прибыла; она приводила в порядок естественнонаучные коллекции. К удивлению хозяина, “трактир превратился решительно в лабораторию, в кото-

рой птицы, рыбы, растения и минералы были подвергнуты разным операциям, способствовавшим их сохранению для науки” [66, с. 423].

Об истории города Демидов говорит в связи со множеством сосуществовавших его названий, – ситуацией, достаточно типичной для городской топонимики Крыма: “Город Козлов, так же как и многие другие города Таврического полуострова, известен в Крыму под тремя названиями, наложенными на него изменчивою историею этой страны”. Указав на встречающиеся факты несовпадения местоположения новых городов, получивших при Екатерине античные названия, с прежде их носившими древними поселениями, Демидов оправдывает эти случаи стремлением оживить античную топонимику. Вместе с тем он отмечает, что местное население не приняло переименований, продолжая по-прежнему пользоваться татарскими или русскими, от них производными. Так, Евпаторию оно (а вслед за ним и Демидов) называло Козловым (от татарского Гёзлев).

Демидов отметил значение для города торговли и промышленности, дававших “ему возможность успешно соперничать с Бахчисараем и Карасубазаром, производительными городами ханских областей”. В гавань Козлова, несмотря на некоторые ее неудобства, всегда прибывало множество кораблей из Константинополя – это и являлось основой развития здесь торговли. Соответственно, позднейшее торговое развитие Одессы, и расширение каботажного судоходства около Севастополя, по мнению Демидова, явились причинами упадка, который переживал Козлов [66, с. 424–426].

После осмотра Евпатории (приведено описание достопримечательностей, в том числе одной из старых мечетей) путешественники направились на восток по маршруту: Козлов – Симферополь – Карасубазар – Феодосия (Каффа) – Керчь – Тамань – Карасубазар – Алушта – Ялта – Алупка – Одесса.

В Симферополе путешественники представились губернатору Тавриды Муромцеву, познакомились с жившими здесь учеными (в частности, ботаником Х.Х. Стевенем) и коллекционерами [66, с. 430].

Из Симферополя совершили поездку к горе Чатырдаг. Видели находившиеся в стороне от дороги развалины Эски-Сарая (Демидов приводит два различающихся мнения об их происхождении – местного населения и высказанное Палласом), но проехали, не свернув к ним. Восхождение на гору осуществили по южному склону, оно продолжалось два дня. Вечером первого, пока сопровождающие татары готовили шалаш, а члены экспедиции безуспешно пытались подстрелить коршуна, исчез и отсутст-

вовал всю ночь отправившийся к близлежащим скалам Гюо. “Неутомимый геолог” (как называет его Демидов) в конце концов возвратился, но доставил перед этим немало беспокойства товарищам. На следующий день восхождение продолжалось. Со ссылкой на литературу и собственные наблюдения Демидов рассказывает об этой, одной из известнейших в Крыму гор, указывает высоту, приводит интересные сведения о характере слагающих ее горных пород: “Бока горы состоят из сероватого известняка, изборожденного темными жилами, довольно рыхлого, издававшего при действии на него солнечных лучей пар, отличавшийся неприятным запахом” [66, с. 433].

По возвращении в Симферополь участники экспедиции осмотрели выставку крымских сельских и промышленных произведений, подготовленную по случаю ожидавшегося приезда императора. Помимо прочего, Демидов отмечает представленные на ней предметы, достойные внимания “в минералогическом отношении” и среди них – “две прекрасные вазы из порфира, добытого на Яйльском хребте. Вазы эти, изваянные крымским художником, были замечательны также и по своей отделке” [66, с. 439].

Во время пребывания в Симферополе путешественники познакомились с Монтандоном, автором путеводителя по Крыму (на фр. языке), хорошо им известного. По заключению Демидова, “он, как кажется, изучил подробно и добросовестно этот край”. Назвав беседу с ним “продолжительной и занимательной”, Демидов сообщает, что участники экспедиции получили “случай прояснить многое, что было для нас темно при собственных наших наблюдениях”, и разъяснить некоторые положения, затронутые в книге Монтандона или же освященные авторитетом общего мнения. Одна из тем, обсужденных во время встречи, – случаи обнаружения в Крыму каменного угля. Этот вопрос, разумеется, крайне интересовал участников экспедиции, и всюду, где им показывали ископаемые, выдававшиеся за каменный уголь, они осматривали их очень внимательно. Все образцы – из районов Мисхора и Фороса, из окрестностей Симферополя – были определены ими как лигнит, к тому же невысокого качества [66, с. 440].

Окончательно покинув Симферополь 21 сентября, экспедиция направилась к Карасубазару. Последний характеризуется как город “весьма торговый” и после Севастополя самый населенный в Крыму [66, с. 445]. Маршрут движения повторял на этот раз тот, которым уже проехал ранее Демидов, навещавший Донецкий отряд экспедиции: французы посетили Феодосию, откуда направились на восток, к Керчи.

При приближении к городу Демидов прежде всего отметил курганы, в это время попадавшиеся здесь “на каждом шагу”.

Большинство из них были разрыты и оставлены полуразрушенными, “так что на них грустно смотреть”. Научная польза их изучения для Демидова очевидна: “собрать все вещи, бесполезно в курганах лежащие, и таким образом знакомить современников и потомство с древностью” – для науки, полагал он, “очень хорошо”. Но безразличие к курганам как элементу исторического ландшафта вызывало у него сожаление: “можно бы, кажется”, считал он, после завершения археологических работ восстанавливать курганные насыпи с последующим помещением на них досок с перечислением найденных предметов [66, с. 471]. Заметим, что здесь Демидов снова верен своему кредо, но сформулированные некогда вопросы несколько развиты: его заботит не только прошлое как таковое, не только причинно-следственное сцепление событий, определяющее день нынешний и завтрашний, но и обеспечение сохранения связи времен как условия сохранения непрерывности и преемственности национального и государственного бытия.

Планировка и архитектура Керчи вызвала у Демидова одобрение: город показался ему очень похожим на европейские. Понравилось шоссе, добротные тротуары, не слишком широкие улицы (“в некоторых новейших городах Южной России”, полагал он, ширина улиц несоразмерно велика), ясная планировка, чистота.

Демидов посетил недавно выстроенное на Митридатовой горе здание историко-археологического музея, от которого к городу вела “исполинская лестница”, украшения которой отличались “прекрасной отделкою” [66, с. 476]. Музей получил самую восторженную оценку, он назван прекрасным, содержащимся превосходно. Демидов отметил богатство и разнообразие выставленных в нем коллекций, их художественные достоинства, историческую ценность, научность подхода к построению экспозиции (организованной по хронологическому принципу), подробный этикетаж на русском и французском языках, сопровождавший выставленные эпиграфические памятники. Важную роль в создании этого музея он отводил градоначальнику Керчи кн. З.С. Херхеулидзе [66, с. 475, 479].

Демидов кратко описал планировку города, перечислил наиболее примечательные строения, охарактеризовал бухту, рельеф морского дна.

Участники экспедиции осмотрели и окрестности города. К юго-западу от него они посетили мысы Ак-Бурун и Камыш-Бурун. С первого, составлявшего южную оконечность Керченской бухты, им открылась “самая обширная и великолепная панорама”, а на самом верху его они обнаружили большой курган²¹. Камыш-Бурун порадовал натуралистов “драгоценными ракови-

нами, каких до сих пор еще не имелось ни в одном из европейских музеев” [66, с. 476].

Из мест, в которых побывали участники при возвращении в Ялту, следует упомянуть Никиту с ее ботаническим садом, уже в то время, по словам Демидова “драгоценным” и “знаменитым”. Заложенный четверть века назад, он имел “множество растений, тщательно воспитываемых и принявшихся, сверх ожидания, очень хорошо, благодаря прекрасной почве и приятному климату”. Упомянуты интересные детали, например, бюст Линнея, стоявший перед одним из административных зданий. Ботаник Левелье провел в саду, осматривая его, целые сутки [66, с. 507].

Прибыв в Ялту, путешественники занялись подготовкой к отъезду. В последний раз посетили и осмотрели воронцовскую Алупку. 28 октября члены экспедиции вместе со всем ее имуществом перебрались на пароход “Петр Великий” и уже на следующий день были в Одессе [66, с. 511].

Последняя глава описания путешествия начинается с короткого (12 страниц) очерка истории Крыма. Очень характерно, что в его “историческое бытие”, в представлении автора, входят не только прошедшие события, но и “надежды на будущность, из которых многие уже перешли в сущность”. Перед читателем проходит длинная вереница народов, населявших эти места, начиная с древнейших времен: тавры, легендарные амазонки, скифы, греки, сарматы, готы, гунны, хазары, печенег, татары, итальянцы из Венеции, Генуи и Пизы. Рассказано о династии Гиреев, о русских военных походах во главе с Минихом и Ласси, присоединении Крыма к России. “Таким образом, – заключает Демидов, – совершились судьбы Тавриды, и различия племен, ее населяющих, успокоились под сению благотворного Российского правительства, которого отеческую попечительность они не замедлили оценить”. Ставшие было выселяться жители, большей частью возвратились назад. Заметно опустела только степная часть Крыма. Началось, однако, бурное развитие территорий южного побережья: “На плодородной почве этого берега они развели прекрасные виноградники, и теперь этот край, столь долго представлявший дикую пустыню, сделался в полном смысле слова садом, в котором взор на каждом шагу встречает красивые рощи, сады, цветы и плоды” [66, с. 513–533].

Находясь в Одессе, члены экспедиции готовились к возвращению во Францию. Первая группа, в состав которой входил и Демидов, через Бендеры, Кишинев и Бессарабию отправилась к австрийской границе. Переправившись через Прут, они покинули территорию России и оказались в Галиции. Через Австрийскую Моравию и Силезию, оставив позади Вену, Линц, Нюрн-

берг, Франкфурт, города Бельгии, путешественники достигли границы Франции [66, с. 534, 535].

Вторая группа, в состав которой входили, в основном, ученые-натуралисты, готовила к перевозке коллекции и намеревалась отправиться вслед за первой через несколько дней – 3 ноября. Но 1 ноября распространился слух о начавшейся в Одессе чуме, и в назначенный для отбытия день выезд из города был закрыт. Путешественники успели воспользоваться тем, что не был еще перекрыт порт и вместо Австрии поздним вечером 4 ноября отправились все на том же “Петре Великом” в Константинополь. 6-го приближались к Босфору. В Стамбуле обнаружили французский почтовый пароход “Дант”, готовившийся к отплытию в Марсель – на нем и продолжили дальнейший путь. “Дант” снялся с якоря 7-го и, пройдя Дарданеллы, на следующий день прибыл в Смирну. Путешествие закончилось в марсельском карантине, где участники экспедиции, по их словам, “нашли отдых и уединение, наполненные воспоминаний” [66, с. 536–542].

В заключении своего рассказа Демидов отмечает, что он составляет “необходимое введение к трудам наших ученых и натуралистов, в странствованиях которых мы участвовали”. И повторяет, видимо, важную для него мысль: если каждый внесет в работу “свой участок труда”, то общими силами будет совершенно дело, которое “не будет недостойно цели путешествия” [66, с. 542–543].

Как уже говорилось, помимо самой экспедиции А.Н. Демидов финансировал издание ее трудов.

На французском языке описание путешествия публиковалось несколько раз, все издания вышли в Париже. Наиболее полный известный нам их перечень приводит К.Д. Головщиков [109]. Учитывая, что, по его же сообщению, в 1854 и 1855 годах А.Н. Демидов подарил библиотеке Демидовского лицея в Ярославле (секретарем которого являлся Головщиков) все изданные им книги, полагаем, что у последнего была возможность уточнить приводимые им сведения *de visu*. Именно на его сведения в первую очередь и опираемся.

Уже в 1838 г., по горячим следам, вышел в свет “Очерк путешествия в Южную Россию и Крым в 1837 г.”. Под названием “*Esquisse d'un voyage dans la Russie meridionale et la Crimée*” этот обзор упомянут в словаре Брокгауза и Ефрона [224, с. 612].

В 1840–1842 годах издается 4-томное сочинение “Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. под руководством Анатолия Демидо-

ва”. Первый его том содержал преимущественно этнографические, исторические и статистические материалы, четвертый был посвящен геологическим исследованиям, в основном, на территории Области Войска Донского.

С этим текстовым изданием связаны два иллюстрированных.

Во-первых, упоминаемый в литературе атлас (в листах), включающий 95 рисунков “естественных предметов”. По-видимому, это издание под названием “Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée”, виденное нами в симферопольской “Таврике” (библиотеке местного краеведческого музея) и содержащее рисунки животного мира и карты, в том числе Южной России и Крыма. На просмотренном экземпляре от руки написан год издания: 1842.

Второе издание, примыкающее к французскому четырехтомнику – альбом иллюстраций работы Раффе. По Головщикову, их содержалось в нем 78. Возможно, это издание генетически связано с альбомом “Voyage dans la Russie meridionale & la Crimée par la Hongrie, la Valachie & la Moldavie execute en 1837, Sous la Direction de M. Anatole de Demidoff, Dessine d’apres nature et Lithographies par Raffet”, который также имеется в симферопольской “Таврике”. Он содержит 100 сопровождаемых аннотациями рисунков: 88 видов городов и местностей и 12 портретов участников экспедиции. На титульном листе год издания отсутствует. На некоторых листах (портреты) под подписью указан 1848 г., но встречаются и более ранние даты.

Подготовка этих довольно сложных изданий потребовала тщательной работы специалистов. Помимо французских в ней участвовали и российские ученые: 11 месяцев провел в Париже А.Д. Нордман, наблюдавший за подготовкой карт, таблиц, цветных рисунков флоры и фауны. Таблицы в этом издании обошлись Демидову в 60 тыс. франков [123, с. 139].

В 1840 г. вышло в свет то же самое сочинение, но в одном томе; в 1854-м – оно же, переработанное и дополненное. Оно было переведено на языки итальянский (Торино, 1841), польский (Варшава, 1845), английский (Лондон, 1853), немецкий (Бреслау, 1854).

Добавим, что в 1847 г. А.Н. Демидов за “Путешествие в Южную Россию и Крым” был удостоен Демидовской премии (по географии, 16-е присуждение) [183, с. 188]. Отзывы на работу представили Бер, Ф.Ф. Брандт, Г. П. Гельмерсен и А.Ф. Миддендорф [95, с. 223]. От связанного с этим денежного вознаграждения автор отказался [258, с. 275].

А.Н. Демидов употребил специальные усилия на то, чтобы облегчить доступ читателя к его книгам. Выше упоминалось о посылке полного комплекта демидовских изданий лицу в Яро-

славле. Французское издание “Путешествия” с атласом и альбомом Раффе было разослано в университеты (Московский, Петербургский, Дерптский, Харьковский), крупнейшие библиотеки (публичную в Петербурге, казенную в Варшаве), послано в Горный институт, в библиотеку Минералогического общества (Петербург), на Луганский завод, частным лицам в России и Пруссии. Части комплекта выходили из печати неодновременно, особенно затянулось издание выпускавшегося отдельными тетрадями альбома Раффе. По-видимому, растянулась и их рассылка – она продолжалась, во всяком случае, еще в 1846 г., когда 4-й том “Путешествия” был послан Минералогическому обществу. 15 июля 1846 г. контора Демидовых особым отношением запросила владельцев этих изданий о полноте полученных ими комплектов. Сохранились относящиеся к августу-октябрю 1846 г. ответы перечисленных организаций, некоторые из которых обратились с просьбой заполнить обнаруженные лакуны [26, л. 6, 18, 22, 27, 29, 32, 36, 38].

По-видимому, с описанием крымского путешествия 1837 г. связана и упоминаемая Головщиковым книга А.Н. Демидова “Крым” (Париж, 1855). Извлечение из нее издавалось в переводах на английский и немецкий языки.

Описание путешествия было опубликовано и в переводе на русский язык. Согласно Головщикову, в его основу положено французское издание в одном томе. Это очевидная ошибка: в предисловии к русскому изданию в качестве оригинала перевода указан французский 4-томник 1840 г. Достойным внимания отечественного читателя русский издатель счел только первый и последний тома, которые и были переведены.

Расходы на подготовку и публикацию русского перевода принял на себя А.Н. Демидов, заботы по организации печатания и размещению издания – граф Сергей Григорьевич Строганов, в недавнем прошлом попечитель Московского учебного округа (1835–1847). Для последнего они явились естественным продолжением трудов демидовской экспедиции, в которой он, “знаток горного дела” (слова Головщикова), также принимал участие. Помимо прочего, С.Г. Строганов приходился устроителю экспедиции двоюродным братом: сестрой его отца, барона Григория Александровича, была мать Анатолия баронесса Елизавета Александровна [219, с. 20–22]²².

От конторы Демидова на расходы по подготовке русского издания “Путешествия” в 1853 и 1854 годах было выделено 5093 руб., на те же цели сразу же были обращены и все деньги, вырученные от продажи 263 экземпляров вышедшего первого тома – всего 6079 руб. [30, л. 27].

Автор перевода первого тома в издании не указан, но в сохранившихся отчетах отмечена выплата за этот том 612 руб. переводчику и корректору Примашевскому [30, л. 5]. Перевод четвертого (геологического) тома, требовавший специальных знаний и потому оплаченный значительно дороже (2400 руб.), выполнил профессор Г.Е. Щуровский [30, л. 27]. Говоря о последнем, такой взыскательный судья, как В.Г. Белинский, отмечал не только его “горячую любовь к науке”, но и “умение писать” [85, с. 467].

Оба тома были напечатаны в московской типографии А. Семена, тиражом каждый 600 экземпляров за 574 и 698 руб. соответственно [30, л. 26-27 об.].

Большое внимание в русском издании было уделено иллюстрациям. В 1852 г. Строганов передал издателю доски (политипажи) для них; оригинальные гравюры остались в Париже [30, л. 30, 30 об.]. Вероятно, политипажи изготавливались также во Франции – затраты на них в московских отчетах не указаны. Французское издание сопровождал “портрет государя императора, слабо напоминающий черты августейшего лица”. В московском издании первого тома использовали новое его изображение, награвированное в Англии с оригинала Крюгера [66, с. II]. Печатание этой особенно ответственной иллюстрации было выполнено печатником Венцелем за дополнительные 76 рублей. Литографии для четвертого тома (рисунки и карта) изготавливались, вероятно, в России: в отчетах указано, что литографу Бахману за них было заплачено 1526 руб. [30, л. 5, 27].

Вместе с дополнительными типографскими затратами и расходами на пересылку части тиража в Петербург и Казань издание обоих томов стоило 5970 рублей [30, л. 27 об.], причем четвертый том обошелся почти в четыре раза дороже первого.

К концу июня 1854 г. работа по изданию и размещению изданного была полностью завершена, о чем С.Г. Строганов уведомил Контору А.Н. Демидова [30, л. 24, 24 об.].

Полное название русского издания книги (по титульному листу первого тома): “Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской С.-Петербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского Университета, и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. Издание, украшенное рисунками Раффэ” (М.: В типографии Александра Семена, 1853. 543 с.)²³.

Русское издание иллюстрировано. Просмотренные нами экземпляры включают разное количество иллюстраций. В экземпляре, принадлежащем “Таврике”, 12 литографий на отдельных листах, собранных после текста. В экземпляре Государственной

публичной исторической библиотеки 24 вклеенных гравюры: портрет Николая I в качестве фронтисписа и 23 листа с видами, размещенными по одиночке, в последовательности событий, излагаемых в тексте (начиная видом Абенвилльского завода и кончая невольничьим рынком в Смирне). Некоторые иллюстрации, изображающие объекты утраченные или изменившиеся (Иосафатова долина в Крыму, Арабатская крепость, мечеть в Феодосии, виды Бахчисарая), сохраняют несомненный исторический и этнографический интерес.

Кроме вклеек, перед каждой главой и после нее имеются небольшие рисунки, иллюстрирующие ее содержание. В указанном выше парижском издании альбома, включающем 100 иллюстраций, этих рисунков нет.

В феврале 1860 г. остававшиеся в типографии А. Семена доски, с которых печатались иллюстрации, вместе с картинами, книгами и другими вещами, принадлежавшими издателю и разным лицам, были из нее похищены. Полицейское расследование оказалось безуспешным: злоумышленники и исчезнувшее имущество обнаружены не были [30, л. 30 об.].

Как уже говорилось, помимо первого тома – сочинения, большая часть которого посвящена путевым впечатлениям участников (преимущественно Демидова), вышла в свет и чисто научная работа (фактически – научный отчет) об исследованиях в Донецком каменноугольном бассейне. Автором ее был Ле-Пле.

За 12 лет, разделявших оригинальное (парижское) издание книги и русский перевод, ее автор еще раз посетил Россию, побывал на Урале. Некоторые собранные им новые сведения были включены в переработанное и дополненное русское издание, выпущенное (по желанию А.Н. Демидова, замечает Головщиков) в Москве в 1854 г. Книга вышла под названием: “Исследование каменноугольного Донецкого бассейна, произведенное в 1837-1839 гг., по распоряжению А.Н. Демидова, главным горным инженером и профессором горной парижской школы Ле-Пле, при пособии гг. Миленво, Лалана и Эйро”. 553 страницы текста сопровождают 9 таблиц и геологическая карта. Имеется обширное (180 с.) дополнение переводчика (Г.Е. Шуровского), содержащее новейшие сведения о Донецком крае [109; 123, с. 142].

Как и французское издание “Путешествия”, русский его перевод был разослан множеству организаций и частных лиц – таким способом была реализована большая часть его тиража. По состоянию на 1 июля 1854 г. одним лишь Строгановым, действовавшим “по назначению” А.Н. Демидова, первый и четвертый тома, помимо экземпляра, полученного лично, были розданы попечителям Московского и Казанского университетов, Обществу ис-

пытателей природы, Погодину, митрополиту Филарету, гр. А.Г. Строганову и ряду других лиц [30, л. 26,26 об.]. В сохранившемся итоговом перечне (на фр. языке) лиц, получивших комплект русского издания “Путешествия” (два тома и атлас), присутствуют 165 номеров плюс дополнительных 17 в особом московском его разделе. Список открывает император, продолжает императрица, за ними идут представители известных дворянских фамилий Орловых, Долгоруких, Воронцовых, Строгановых, Карамзиных, Волконских, Блудовых, Оболенских, Демидовых (племянник автора Павел Павлович), Корфов, Норовых, Дубельтов, Булгаковых, Корниловых, Закревских, учреждения и организации: La colonie ingenie Demidof, Университет св. Владимира в Киеве, Педагогический институт, учебные заведения в Вильно, Нижнем Новгороде, Пензе. Из иностранцев обратим внимание на присутствующее в этих списках имя Раффе [27, л. 18–19 об.].

Остатки тиража продавались через книжные магазины Я.А. Исакова (в Петербурге) и Н.М. Щепкина (в Москве) [30, л. 9–12, 31–33]. На 24 октября 1859 г. через магазин Исакова было продано 59 экземпляров первого тома и 19 четвертого. Как видим, четвертый том расходился труднее первого – он был изданием специальным и довольно дорогим (больше 4 руб. серебром, не считая торговой наценки). Через Исакова на начало мая 1861 г. был продан 21 экземпляр, через Щепкина – всего 1 [30, л. 9, 31–33].

Издания привлекли внимание рецензентов. Еще в 1839 г. отзывались «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (т. 2, № 1–3). Но основной поток откликов пошел позднее. Зарегистрировано не менее 10 отзывов в изданиях на иностранных языках (1853, 1856) [95, с. 223]. Анонимная рецензия появилась в ноябрьской книжке “Современника” за 1853 г. [218]. Откликнулись также “Журнал Министерства народного просвещения” (1854, автор Галанин), “Отечественные записки” и “Москвитянин” [95, с. 223].

К.Д. Головщиков обращает особое внимание именно на эту часть трудов демидовской экспедиции – “одну из самых любопытных, во-первых, по своему ученому достоинству, во-вторых, по приложению, какое в настоящее время получил у нас каменный уголь” [109]. Действительно, судя по реакции на работу, знаний и опыта Ле-Пле оказалось достаточно, чтобы получить представляющие научную и практическую ценность результаты. В.А. Домгер из исторической дали (в 1881 г.) оценивал книгу как составившую “новую эру в истории геологии Донецкого бассейна” (цит. по [221а, с. 111]). Современные историки науки, в част-

ности, С.И. Романовский, отзываются о труде Ле-Пле более критично, перечисляют сделанные им ошибочные выводы (о резкой изменчивости пластов по простиранию, заниженную общую оценку запасов углей в бассейне и другие) и связывают благожелательную реакцию на работу (ее выводы, кстати, поддержал российский академик Г.П. Гельмерсен) с общим “состоянием (подразумевается неудовлетворительным. – *И.Ю.*) региональных геологических работ тех лет” [221а, с. 111].

“Экспедиции 30-40-х годов, – писала Е.И. Дружинина, под-
разумевая исследовательские программы, осуществленные
А.Н. Демидовым и позднее Р.И. Мурчисоном, – конечно, способ-
ствовали тому, что в России усилилось внимание к природным
богатствам Южной Украины” [123, с. 143]. Полагаем, что такая
оценка не в полной мере определяет их реальное значение. Приз-
навая недостатки работ Ле-Пле, допустимо тем не менее утвер-
ждать, что геологические исследования французских ученых не
просто “усилили внимание к...” – фактически они стимулировали
развитие добывающей промышленности в районе Донецкого ка-
менноугольного бассейна, предоставив необходимый для этого
научно достоверный материал по геологии региона. Приблизि-
тельно 3/4 его площади совпало с территорией Области Войска
Донского. Уже в 1840 г. здесь началась разработка антрацита.
В 1869 г. на рынке впервые появился каменный уголь [199,
с. 390]. В 1913 г. в Донецком бассейне добывалось около 1560 млн
пудов каменного угля всех сортов, что составляло 70% от его до-
бычи в России²⁴.

Стимулировав расширение добычи ископаемых, работы
французских ученых длительное время воспринимались и как
серьезный вклад в исследование Донецкого бассейна. Последнее,
впрочем, очень скоро было продолжено: уже в 1841 г. здесь над
составлением его геологической карты работала экспедиция во
главе с выдающимся английским геологом Р.И. Мурчисоном
[123, с. 140-142; 221а, с. 111].

Значительным шагом вперед явились работы демидовской
экспедиции и в изучении Крыма. Даже через 30 лет, во второй
половине 1860-х годов, изданная в ее трудах геологическая карта
полуострова продолжала считаться лучшей – новые исследова-
ния (в частности, Г.Д. Романовского, работавшего здесь по зада-
нию Горного департамента) лишь улучшали и уточняли ее, со-
храняя ее в качестве основы [201, с. 54, 55].

Остается добавить, что сегодня текст “Путешествия”
А.Н. Демидова приобрел характер исторического источника, бо-
гатого остроумными наблюдениями и яркими фактами, некото-
рые из которых только с большим трудом могут быть извлечены

из других источников, а некоторые и уникальны. Используется он, однако, сравнительно редко. Единственное известное нам серьезное исключение – монография Е.И. Дружининой “Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1860 гг.” (1981), автор которой, отметив, что записки А.Н. Демидова “очень ценны” [123, с. 11], посвятила рассказу о его экспедиции несколько содержательных страниц и воспроизвела ряд портретов участников работы Раффе²⁵.

Следует упомянуть еще об одной акции А.Н. Демидова, связанной с данной экспедицией, но носившей не столько научный, сколько культурный характер. Одновременно с исследованиями Южной России и Крыма он организовал путешествие по городам северо-запада и центра Европейской России французского художника Андре Дюрана.

Немного раньше, в 1836 г., А.Н. Демидов уже принимал участие в организации поездки в Россию французского художника. Это был “первый баталист своего времени” Орас Верне (1789–1863), позже неоднократно снова сюда приезжавший. “Мы все должны гордиться тем, что можем оказать гостеприимство в нашей стране столь крупному художнику, пребывание которого в нашем отечестве еще более выдвинет его”, – писал Демидов министру императорского двора кн. П.М. Волконскому 28 мая 1836 г. [124а, с. 563, 564].

Роль Демидова в организации поездки в Россию Дюрана была более значительной, чем в случае Верне: на этот раз он ее финансировал. В работе [224, с. 612] она отнесена к 1837 г., но, по видимому, это ошибка, поскольку в приводимом ниже тексте, помещенном на титульном листе издания созданных в ходе путешествия литографий, указан 1839 г. На многих листах, включенных в это издание, также стоит именно этот год.

Русская графическая сюита А. Дюрана была издана в Париже под названием: *Voyage Pittoresque et Archeologique en Russie, Execute en 1839 sous la Direction de M. Anatole de Demidoff, Dessins faits d'apres nature et lithographies Andre Durand*. Под черным кожаным переплетом с тисненой рамкой (такой у экземпляра в симферопольской “Таврике”) собраны литографии, сгруппированные в четыре выпуска. Каждый включает виды Петербурга и Москвы, а также других городов, в том числе Гавра, Гамбурга, Любека, отдельных местностей Дании (вып. 1, 4), Казани, Костромы, Кронштадта, Ладоги, Муромы, Новгорода Великого и Новгорода Нижнего, Твери, Ярославля (вып. 1–4), окрестностей Владимира и Москвы (вып. 3, 4), речные пейзажи Волги и Оки (вып. 2–4). Под некоторыми рисунками стоит подпись Раффе,

А. Дюран. Церковь Спаса “за золотой решеткой” и часть Теремного дворца в Московском Кремле. 1843. Тоновая литография. Из издания Демидова “Виды городов России и иностранных городов”

свидетельствующая о его участии в создании включенных в собрание рисунков.

Названный альбом был не единственным изданием работ Дюрана, предпринятым на средства А.Н. Демидова. Издавался также альбом, представляющий виды и исторические памятники Бельгии [25].

Следует заметить, что организацией и изданием материалов экспедиции 1837 г. и поездки Дюрана усилия Демидова по озна-

комлению Франции с российской историей и памятниками ее культуры не исчерпывались. Патриотическое чувство у него, как уже говорилось, было достаточно сильным – не последнюю роль оно сыграло и в принятии решения об организации экспедиции 1837 г. Одним из направлений его реализации было культурное просвещение. Журналист (сотрудник “Северной пчелы” и “Сына отечества”) и писатель В. М. Строев в книге “Париж в 1838 и 1839 гг.: Путевые записки и заметки” (СПб., 1842) сообщает, что “живя в Париже и видя, что Франция мало знает Россию”, Демидов “задумал распространить в чужих краях верные и современные сведения о своем отечестве. Его обширные связи с литераторами, сильное влияние на журналистов давали ему средства исполнить эту счастливую и полезную мысль”. В качестве человека, “который мог бы доставлять материалы, собирать сведения и передавать их французам”, Демидов выбрал Строева (цит. по [71, с. 395]). Занимаясь порученным ему делом, Строев написал еще и книгу о столице Франции, чем содействовал углублению знакомства с ней русского читателя. Его записки, по отзывам современников, дают весьма разнообразный и достаточно полный очерк парижской жизни; на их страницах нашла место характеристика не только литераторов, но и ученых, не только художеств, но и промышленности.

Знакомство с текстом “Путешествия в Южную Россию и Крым” позволяет сделать некоторые заключения о личности его автора, его отношении к науке и технике, о наличии в нем творческого начала и формах, в которых оно находило реализацию. В совокупности с вкладом в конкретные сферы научного знания, с влиянием, на их развитие оказанным, это и определяет его место в истории науки.

Черта, явно выделяющая А.Н. Демидова из окружения и заставляющая вспомнить первых Демидовых, – интерес к технике и, одновременно, вера в благо, которое несет человечеству научно-технический прогресс. (Подчеркиваем это, поскольку в литературе можно встретить утверждение, что покровительством наукам и искусствам, в частности – организацией экспедиции, А.Н. Демидов всего лишь “удовлетворял свое тщеславие” [121, стлб 220]. Тщеславие, можно полагать, свою роль сыграло, но им дело не исчерпывалось.) Анатолий Николаевич называет себя “человеком, которого по необходимости занимают все молоты и наковальни в России” [66, с. 7], и едва ли в этих словах присутствует самоирония. Не случайно первая научно-ознакомительная экскурсия на пути из Франции в Россию в 1837 г. была предпри-

нята им в Абенвилль с его заводами. Последние осматривались в продолжении целого дня – в подробностях и “с живейшим вниманием”. Констатируя, что эти заводы “во многих отношениях достойны известности, которой пользуются”, автор дает их краткую техническую характеристику: сообщает число домен, говорит об источниках энергии, указывает, откуда берется руда, лес, уголь, приводит данные о численности работающих, организации их труда, описывает казармы. Здешний край, по мнению Демидова, очень непривлекателен, но был бы еще и “печален”, “если бы не обширная промышленность, которая по необходимости распространяет повсюду жизнь и движение” [66, с. 8].

Описание поездки по Европе сопровождается замечаниями и заключениями, раскрывающими взгляды Демидова на место техники в жизни общества более подробно. Эльзас в его глазах “с наибольшим успехом показал выгоду употребления машин на заводах и фабриках”. Особо он обращает внимание на то, что “в его счастливых департаментах... машины приспособлены и к земледелию”. Вступая в спор с неназванными противниками проникновения машинной техники в сельское хозяйство, он выражает уверенность, что, когда польза от нее станет очевидной для широких слоев сельского населения, она неизбежно “посвятит его в тайнство самых простых начал политической экономии”. И тогда ни один земледелец, пока у него будет оставаться хотя бы клочок невозделанной земли, по мнению Демидова, “не посмеет жаловаться на множество средств, сокращающих труд и заменяющих человеческие силы” [66, с. 13].

Путешествуя по России, Демидов и здесь особое внимание обращает на “производственную промышленность”. Тот факт, что в послеекатерининской Одессе некоторое время существовал единственный завод, и тот – по производству пудры, является для него очевидным свидетельством того, что “возрастание” города приостановилось [66, с. 260, 261].

Во время поездки по Крыму, в промышленном отношении во времена Демидова интересном не столько достижениями, сколько перспективами, путешественник, тем не менее, обращает внимание на все встречающиеся ему в пути случаи использования техники и современных технологий. Так, осознавая важность для Южной России, и Крыма в особенности, проблем водоснабжения, он отмечает все наблюдавшиеся им примеры бурения артезианских скважин (в Евпатории, Симферополе) [66, с. 278, 429, 438].

Таково отношение А. Н. Демидова к технике и промышленности. На отношении к науке можно специально не останавливаться – сам факт организации научной экспедиции, участия в ней, многомесячного общения с учеными, свидетельствует о мно-

гом. Обратим также внимание на открытость участников (Демидова в их числе) к научным контактам. Путешественник скрупулезно отмечает встречи с учеными и коллекционерами: рассказывает о создателе дендрологического музея в Одессе чиновнике Фабре, составителе полного травника Тавриды и богатой энтомологической коллекции, основателе и первом директоре Никитского ботанического сада Х.Х. Стевене, авторе путеводителя по Крыму швейцарце Е. Х. Монтандоне, владельце кабинета с богатым собранием черноморских раковин и крымских окаменелостей Казначееве и других.

Но при вполне очевидном интересе далеко немаловажно, насколько серьезно и глубоко А.Н. Демидов был знаком с современным ему состоянием техники и науки в областях, с которыми соприкасался и о которых подчас высказывался.

В отношении техники и технических наук вопрос остается открытым. Во всяком случае, текст путешествия не дает серьезных оснований подозревать у него их знание на серьезном уровне. Впрочем, и отвергать не позволяет. А вот по отношению к прочим наукам заключение может быть вынесено вполне определенное: сам А.Н. Демидов в научной работе был чистой воды дилетантом. К 24 годам он был достаточно образован, но никакая из наук не сделалась для него страстью и предметом усидчивой систематической работы.

В описании путешествия о рисунках крымских достопримечательностей, сделанных экспедиционными художниками, Демидов говорит едва ли не чаще, чем о собственно научных исследованиях геологов и ботаников. Содержания их работ он, как правило, не раскрывает – оставляя, может быть, для последующих томов, но, как нам кажется, еще и потому, что не вполне его понимает, и потому, что на таком уровне научной глубины они ему не слишком интересны. Показательна, например, краткость цитированного выше его сообщения о редчайших раковинах, обнаруженных натуралистами экспедиции на одном из мысов близ Керчи, – упоминается факт и только [66, с. 476].

Собственные его наблюдения, рассуждения и умозаключения не выходят за границы здравого смысла достаточно поверхностно образованного человека – так можно обсуждать ученые вопросы даже в гостиных. Проблем, относящихся к сфере точных наук, они не затрагивают. Знания в области российской истории, демонстрируемые в описании путешествия, не часто выходят за пределы гимназического курса. Проезжая Бендеры, он вспоминает о Карле XII и Г.А. Потемкине (неподалеку отсюда умершем), в Балаклаве – о персонажах античных мифов, близ Керчи рассуждает о загадках курганов... Выпадают из этого ряда лишь

обобщающие историко-экономические очерки, посвященные нескольким историческим областям (Валахии, Молдавии, Крыму), на территории которых побывали члены экспедиции – очерки, впрочем, в значительной степени компилятивные, скомпонованные из сведений, собранных по ходу движения и извлеченных из литературы.

На знаменитых крымских курганах, с которыми у исторической науки того времени было связано еще немало нерешенных вопросов, уместно остановиться подробнее. К ним Демидов обращает свое внимание несколько раз. Повод для разговора о них появляется на “совершенно усеянном курганами” пути из Таганрога в Ростов. Уже здесь упомянуты изобилующие ими “равнины керченские” – вполне естественно, что, приступая к описанию Керчи, автор снова возвращается к разговору о курганах.

Обсуждение этого вопроса автор, опираясь на собственные наблюдения, начинает с утверждения, что наибольшее распространение курганы имеют в окрестностях Керчи и тех областях, “которые некогда входили в состав древнего Понтийского царства”. “Когда многие из этих курганов разрыли, – пишет Демидов, – то убедились, что это были просто могилы”. Это, однако, не является для него достаточным основанием утверждать, что таково происхождение всех их без исключения. Присоединяясь к мнению неназванных “некоторых писателей” (нечастые и неконкретные ссылки – еще одна черта сочинения Демидова), группам курганов, которые на местности образуют линии, он склонен придавать “стратегическое значение”. Далее перечисляется целый ряд возможных (с точки зрения автора) вариантов использования курганов в военных целях, подчас достаточно фантастических: здесь и “опознание местности и направления пути”, и защита от ветра палаток военачальников, и устройство на них постов часовых, и исполнение жертвоприношений. Наконец, полагает Демидов, можно предположить, что “с вершины этих возвышенностей начальники произносили речи своим воинам”.

Но кому могли принадлежать подобные курганы? Усилить обороноспособность Понтийского царства с его городами и в основном оседлым населением они не могли. Демидов делает кажущееся ему вполне правдоподобным заключение: строителями таких курганов были “татарские орды, столь часто проходившие по здешним степям”; “курганы воздвигались каждый раз, когда какая-нибудь большая орда стояла где-либо лагерем” [66, с. 307–308].

Заметим, что подобные заключения делаются, несмотря на собственное заявление о том, что большинство курганов оказались при разрытии могилами [66, с. 307], несмотря на данное в

керченской главе “Путешествия” описание курганных находок, вполне подтверждающих такую их природу [66, с. 471, 475, 479].

Характеристика курганных древностей керченского района особенно интересна по той причине, что они давно уже вызывали интерес ученых и коллекционеров, и о них немало писали и до А.Н. Демидова. Побывавшие в этих местах Ж. Ромм (1786), П. Сумароков (1805), П.П. Свиньин (1825) в своих сочинениях рассказывали о курганах близ Керчи, неизменно отмечая их многочисленность. Двое последних сообщают, в частности, о раскопках Золотого кургана (в 4 верстах от Керчи) [34, с. 53, 57]. Замечательные результаты дало и проведенное за несколько лет до французской экспедиции (в 1830 г.) исследование кургана Кульоба в 6 верстах от Керчи [34, с. 57–59]. Судя по всему, именно об этих “драгоценных предметах пантикапейской коллекции, найденных в богатейшем кургане, какой только был до сих пор”, сообщает и Демидов. Приводимый им перечень находок не полностью совпадает с тем, что в действительности было найдено в этом кургане. Но неточность объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что самих предметов Демидов не видел: “драгоценные древности” были переданы в Петербург, в “музей, составляющий для них наиболее приличное место хранения” [66, с. 479].

И все же отчет о посещении Керченского музея (“одного из богатейших и замечательных музеев, какие мы когда-либо видели”) носит характер достаточно поверхностный. Перед нами турист, среди многообразия экспонатов обративший специальное внимание только на этрусские (?) вазы и мраморные саркофаги. О прочих “драгоценных предметах” – медалях (медальонах ?), хрустальных вазах, цепочках, кольцах – упомянуто списком, в качестве содержимого многочисленных застекленных шкафов. Демидов отмечает, что расположение предметов в экспозиции подчинено хронологическому принципу, но датами свое сочинение не отягощает. Что не было в это время достаточно распространенным и что несомненно привлекает в позиции Демидова – это беспокойство о сохранении курганов в качестве природно-культурного памятника, элемента исторического ландшафта. Во всем остальном Демидов – дилетант и турист, что отчетливо проявляется при сравнении его книги с текстами “ученых” путешествий, изданных в России в прошлом веке, например, с описанием поездки по Крыму, совершенной в 1793–1794 годах П.С. Палласом.

Да и сам психологический облик Демидова далек от традиционного представления об ученом. Присмотримся к нему. Вот Демидов едет из Ялты в Алупку к князю Воронцову. Он восхищается местностью, напоминающей ему английский парк. Восприятие – чисто эстетическое: “В эти минуты я испытывал такие ощу-

щения, которые благодаря Бога не могут быть подвергнуты анализу. Я смотрел, удивлялся и мне нисколько не приходило в голову пытаться письменным словом передать все эти изумительные красоты ландшафта, простиравшегося передо мною”. Трудно представить, чтобы последняя фраза могла появиться из-под пера, например, П.С. Палласа (человека, заметим, несомненно наделенного чувством прекрасного) или Г.Ф. Миллера. Далее сообщается, что визит имел целью получить помощь в намеченной им поездке на Нижний Дон. Демидов подчеркивает, что он “ехал в Алупку не за тем, чтобы повеселиться, а для того, чтобы ускорить достижение ... цели”. То, что он намерен “пробыть один лишь день в этом прекрасном замке и в тот же вечер отблагодарить князя за его гостеприимство”, ощущается им как небольшой, но очевидный подвиг [66, с. 288]. “И сколько, – восклицает он, – очарований должен был я победить, отказываясь от любезной беседы благородного хозяина, от прелестей чудесного края и роскошной полной забав жизни. Трудно было противиться всему этому”, – искренне признается Демидов, представляя ожидающий его “бесконечный” путь. Воронцов – “великий мастер” проникать в чужие мысли и “он очень ясно видел, что в этом случае я приношу моим обязанностям великую жертву” [66, с. 289]. Итак, образ жизни светского человека приносится в жертву научной работе, и ясно (Демидову, Воронцову), что жертва эта – велика. Комментарии, как говорится, излишни.

Демидов ощущает себя в первую очередь путешественником, и даже не во вторую – членом научной экспедиции. Обилие впечатлений – вот для Демидова определяющая черта “жизни путешественника”: “Она вся состоит из смеси разнообразных ощущений; в ней все возможные удобства заменяются вдруг всякими лишениями; кто ведает ее, тот не должен скучать, что после обилия ему придется переносить скудость, что он будет вынужден спать попеременно то под открытым небом, среди степей, то на мягких пуховиках в каких-нибудь чертогах” [66, с. 315]. Не труд, перемежающийся с отдыхом, а наличие удобств, сменяющееся их отсутствием, – вот динамически развивающаяся антитеза, определяющая, по Демидову, образ бытия путешественника.

Но помня об этом, не следует и преуменьшать заслуг А.Н. Демидова.

Главная из них – это организация самой экспедиции, финансирование ее работ (частичное участие в чем приняло государство) и издание трудов. Без организационных усилий Демидова и средств, выделенных им, не было бы ни исследований,

ни научных и научно-популярных изданий, отразивших их результаты.

Для успеха экспедиции немаловажную роль сыграло и личное участие в ней А.Н. Демидова. Его присутствие открывало многие двери и реально содействовало устранению препятствий для проведения намеченных исследований. По прибытии в Одессу путешественники “были приняты с величайшим радушием разными особами, которым г. генерал-губернатор, князь М.С. Воронцов, при отъезде своем имел снисходительность рекомендовать” их. Сам Воронцов, покинувший город за два дня до прибытия туда экспедиционного отряда во главе с А.Н. Демидовым, оставляет членам экспедиции “настоятельное приглашение посетить его как можно скорее” [66, с. 255].

Демидов с благодарностью принимал внимание, обращенное на него местной администрацией: критические замечания в ее адрес в книге очень редки, напротив, восторженные характеристики успехов, достигнутых в деле благоустройства края, многочисленны²⁶. Его взгляд далеко не так проницателен, оценки не так метки и остры, как у почти одновременно с ним (в 1839 г.) путешествовавшего по России Астольфа де Кюстина (который был, впрочем, вдвое старше Демидова). Но он далеко не так, как Кюстин, и неблагодарен в отношении тех, кто оказывал ему внимание и помощь.

Заметим, кстати, что не следует недооценивать значимости и качества включенной в текст описания путешествия информации, которую Демидов получал от представителей местных властей. Некоторые из них были людьми весьма образованными и хорошо знавшими свой край. Тот же М.С. Воронцов, помимо прочего, являлся почетным председателем Одесского общества истории и древностей. Его поддержка, в частности, немало содействовала успеху поиска старинных рукописей в Крыму и на Кавказе, которым занимался известный караимский ученый А.С. Фиркович [104, с. 101].

Третье немаловажное обстоятельство – то, что благодаря А.Н. Демидову труды экспедиции были изданы во Франции и на французском языке. В отличие от образованной части русского общества, в большинстве знавшей французский язык, французы, как и прочие европейцы, русским языком за незначительным исключением не владели. Поэтому выходившая на русском языке научная, в том числе географическая, литература им, как правило, была недоступна. Деятели русского просвещения, вполне осознавая это, равно как и необходимость введения подготовленного русскими учеными научного материала в общеевропейский контекст, время от времени предпринимали попытки перевода на

французский наиболее важных научных сочинений. Так, по поручению Н.П. Румянцева языковед, фольклорист и этнограф А.М. Шегрен готовил переводы на французский язык “Путешествия в Туркмению и Хиву” Н.Н. Муравьева и “Путешествия в Коканд” Ф. Назарова [148, с. 28]. Но, разумеется, единичные исключения не влияли на положение дел в целом.

Публикации трудов Демидовской экспедиции решили задачу ознакомления деятелей европейской науки с весьма значительным по объему малоизвестным, а частично и совершенно новым материалом.

Вклад А.Н. Демидова в развитие науки неоднократно получал общественную и профессиональную оценку. Уже упоминалось о том, что он был членом четырех академий, включая Петербургскую и Парижскую²⁷. В середине 1840-х годов он также являлся президентом Минералогического общества (в Петербурге) [26, л. 32]. Напомним и о присуждении Петербургской АН в 1847 г. “Путешествию в Южную Россию и Крым” Демидовской премии.

Своеобразным памятником заслугам Анатолия Николаевича в области организации исследований минеральных богатств России явилось присвоение его имени новому минералу – “демидовиту”. Он был открыт в Уральских горах, в окрестностях одного из принадлежавших ему заводов [128]. Вот как он описан в “Пермской летописи” В.Н. Шишонко, в разделе, посвященном полезным ископаемым Нижнетагильского горнозаводского округа Верхотурского уезда: “Минерал образует более или менее толстые оболочки на скорлуповатых массах малахита и тагилита. Поверхность демидовита, где он свободен от малахита, довольно блестяща, но неровна и полна трещин. Цвет его небесно-синий, а иногда немного зеленоватый. Демидовит находится в Медно-рудянском руднике” [261]. По химическому составу минерал представляет собой фосфорнокислую медь, смешанную с опалом [120].

Завершая рассказ об А.Н. Демидове и его путешествии в Южную Россию и Крым, следует упомянуть, что перечисленные выше издания, основанные на материалах, добытых в ходе этого путешествия, не исчерпывают всего списка его опубликованных сочинений. Укажем и на другие, в контексте нашей работы наиболее любопытные.

Первое, о котором следует упомянуть, – “Письма о России”. Первоначально опубликованные в 1838–1839 годах в “*Journal des Débats*”, позднее они были изданы отдельной книгой под названием “*Lettres sur l’Empire de Russie*” (Paris, 1840) [109; 224, с. 612].

Автор книги выступил под псевдонимом Nil-Tag, что Головщиков расшифровывает как “Нижне-Тагильск”. Сочинение содержит интересный материал, позволяющий представить взгляды (в том числе политические) А.Н. Демидова периода его поездок по Южной России.

Второе издание – результат другого путешествия.

“Демидов живет уже в России и не совершает ученых экспедиций”, – писал из Рима своему приятелю Гоголь в феврале 1843 года [55, с. 76]. Прочитав эти строки, можно предположить, что активное личное участие Анатолия Демидова в работе организованной им экспедиции в Южную Россию и Крым – исключительно проявление свойственной молодости “охоты к перемене мест”. Это не так – он путешествовал и после экспедиции 1837 г. И продолжал издавать книги, новые поездки описывающие.

В 1847 г. А.Н. Демидов совершил путешествие по Испании. Предназначенный для читателя рассказ о нем он оформил в эпистолярном жанре – текст был опубликован в виде сборника под названием “Письма об Испании” (“Lettres sur l’Espagne”). Отдельные главы этого сочинения посвящены городам и историческим областям страны: Барселоне, Валенсии, Гренаде [27; 28]. Сохранился черновик письма автора к испанской королеве Изабелле II с просьбой принять от него этот труд [27].

Головщиков упоминает еще одну, связанную с данным путешествием книгу (на фр. языке): двухтомное издание “Морские стоянки на берегах Испании. Из путешествий 1847 г.” (Флоренция, 1858). Нам не удалось его разыскать. По-видимому, это работа “Etapes maritimes sur le littoral des l’Espagne en 1847”, от которой в демидовском архиве сохранился список рассылки по библиотекам и частным лицам [31]. Судя по всему, она написана преимущественно на основе личных впечатлений Демидова от путешествия 1847 г.

А.Н. Демидов неизменно питал теплые чувства к своим предкам, интерес к их социально значимым деяниям, к истории рода в целом. Весной 1852 г. в письме к М.П. Погодину он запрашивал у известного историка документы и сведения “о всех богоугодных и общепользных устройствах и заведениях, которые обязаны своим началом кому бы то ни было из фамилии Демидовых”. Информация требовалась “для истории Демидовых”, для которой он, будто бы, собирал в то время материалы [207а, с. 132]. О том, чтобы это начинание тогда или позже было им осуществлено, нам не известно. Но Е.П. Пироговой опубликованы сведения о книге (инициатором издания которой, по ее мнению, “был, несомненно, сам А.Н. Демидов”), которую, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве реализованного фрагмента этого боль-

шого замысла. Посвященная памяти умершего старшего брата и содержащая сведения о представителях рода (включая А.Н.), она была издана в Париже в 1851 г. под названием “Notice necrologique sur Cte Paul de Demidoff... mort a Mayence, le 25 avril 1840...” [207а, с. 126–127].

Следующая книга – на русском материале: “Издание метеорологических наблюдений (производившихся в Нижнем Тагиле в 1839–51 гг.)” (“Publication des observatorius meteorologiques...”). Часть тиража этого издания, выпущенного на средства Демидова, подобно предыдущим, сразу же была разослана библиотекам и частным лицам [29].

Имеются сведения о том, что Г.П. Волконский, служивший в 1839–1840 годах председателем Петербургского цензурного комитета, “помещал” (выражение Н.Г. Суровцевой) в “Отечественных записках” какие-то присланные А.Н. Демидовым из-за границы статьи, написанные либо им самим, либо чужие [63, с. 231]. В указателе содержания этого журнала за 1839–1848 гг., в котором расшифровано авторство многих анонимных и псевдонимных публикаций, принадлежащие Демидову материалы, однако, не упомянуты. Не исключено, что сочинения А.Н. Демидова скрываются среди тех, довольно еще многочисленных, авторство которых пока не установлено.

Отметим, наконец, что имя А.Н. Демидова связано с организацией издания перевода на французский язык “Горного журнала”²⁸. На страницах этого известного научно-технического периодического издания в 1830–1840-х годах публиковались работы и высоко ценившегося им Ф. Ле-Пле.

¹ Относительно даты рождения сведения противоречивы. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона указан 1812 г. [224, с. 611]. То же – в первом издании Большой советской энциклопедии [121, с. 220]. Е.И. Краснова, составившая родословную роспись Демидовых, аккумулируя результаты практически всех известных более ранних росписей, также указывает 1812 год без месяца и дня [157, с. 17]. Мы, однако, опираемся на дату, приведенную в “Перечне пожертвований, сделанных родом Демидовых...”, опубликованном в “Демидовском временнике” уже после выхода работы Красновой. Учитывая, что “Перечень” составлялся, во-первых, для самого Анатолия Николаевича, во-вторых, лицами, находившимися у него на службе, трудно предположить с их стороны незнание дня рождения хозяина.

² В мае 1836 г. А.Н. Демидов состоял при русском посольстве в Париже [124а, с. 563].

³ Опубликованные письма А. Н. Демидова к К.П. Брюллову посланы: от 18 января 1833 г. из Парижа, от 24 сентября 1834 из Петербурга, от 4 мая 1844 из Флоренции, от 16 августа 1850 из Италии (из Рима или откуда-то поблизости), от 8 октября 1851 из Сан-Донато [48, с. 66, 95, 190, 218, 225]. В последнем из этих писем он упоминает о приготовлениях к “скорому отъезду на родину, а затем в Сибирь” [48, с. 219]. Упоминается также письмо А.Н. Демидова

- дова президенту Академии художеств от 16 июня 1738 г., отправленное им из Флоренции [48, с. 146].
- ⁴ В женском училище коммерческого счетоводства при Доме А. Демидова (позднее – Демидовские учебно-воспитательные заведения) в 1896-1898 годах преподавал известный впоследствии экономист М.И. Туган-Барановский. Благодаря поддержке и хлопотам этого учебного заведения молодой преподаватель получил орден Станислава 3-й степени и чин коллежского асессора [241, с. 220].
 - ⁵ У Д.М. Лебедева – р. Грузинский Еланчик [169, с. 200].
 - ⁶ Помимо перечисленных упомянем “Путешествие по степям Южной России” профессора химии и фармации К. Гебеля (1794-1851). Эта работа примечательна одновременно и названием, и тем, что она была удостоена половинной Демидовской премии (за 1838 год, 7-е присуждение) [183, с. 62, 190]. Но Гебель путешествовал по Нижней Волге и Прикаспийским степям – премию за изучение Приазовья и Крыма предстояло получить за свою экспедицию А.Н. Демидову.
 - ⁷ И.П. и В.И. Магидовичи пишут, что Гильденштедт не попал в Крым “из-за сложной обстановки на полуострове” [177, с. 35]. Судя по новейшей работе Ю.Х. Копелевич (на которую в данном вопросе и опираемся), это отчасти верно только в том, что касается трудностей с обеспечением экспедиции конвоем. Но о необходимости такого Гильденштедт знал и раньше – неожиданностью оказалась не сложная обстановка в Крыму, а отсутствие в Петровской крепости гарнизона, которым можно было бы заменить казаков, сопровождавших экспедицию от Таганрога.
 - ⁸ Годы издания в источниках различаются: у Г.И. Любиной указаны 1838-1843 [176, с. 99], в словаре Брокгауза и Ефрона – 1839-1845 [124]. Различается и написание фамилии.
 - ⁹ Г.И. Любина отмечает, что книга “сочетает живую форму путевых заметок со строго научными наблюдениями” [176, с. 99].
 - ¹⁰ Национально-патриотические мотивы отчетливо звучат не только в описании крымского путешествия. На связанные с ними чувства ссылается Демидов, говоря о причине, в свое время заставившей его расстаться с “Последним днем Помпей” К.П. Брюллова – “прекрасным произведением искусства, которого недостает для украшения Сан-Донато” [48, с. 219]. В письме художнику от 24 сентября 1834 г., говоря о восхищавшихся “Помпеей” петербуржцах, Демидов замечает: “Жаль одного, что вас здесь (в Петербурге. – И.Ю.) не было... Вы увидели бы, что значит чувство русских к своему единоземцу; без сомнения, вас бы это порадовало и придало более желания к порывам на будущие предприятия” [48, с. 95]. Следующий факт показывает А.Н. Демидова стимулирующим создание художественных произведений, отчетливо патриотических по звучанию. В 1837 г. он предложил Академии художеств объявить конкурс на тему “Петр I в один из тех случаев, когда соображал одну из исполненных и глубоких своих идей, которыми он возвел наше прекрасное отечество на высшую степень славного его могущества” и назначил для поощрения участников две премии по 8 тысяч рублей каждая. На конкурс было подано семь работ, в том числе А.И. Ивановым и А.Г. Венециановым [48, с. 146, 263, 264].
 - ¹¹ Участие Ле-Пле в экспедиции 1837-1839 годов было не единственным случаем, когда А.Н. Демидов обращался к его техническим познаниям. Он участвовал в проверке разработанного П.П. Аносовым способа отделения золота путем переплавки золотосодержащих песков с чугуном: около того же 1737 г. к Ле-Пле в Париж и к химику Й.Я. Берцелиусу в Стокгольм Демидов посылал пески для лабораторной проверки аносовских опытов [191а, с. 83].

- После экспедиции на Юг России Демидов предложил Ле-Пле разработать проект улучшения эксплуатации железных рудников на Урале.
- ¹² В описании демидовского путешествия при переездах между странами, где действовали разные календари (григорианский и юлианский), даты не сбиваются. Из этого заключаем, что автор опирался на один календарный стиль. Но иногда он указывает обе даты – см., напр., [66, с. 313, 429]. Соотнесение этих пар с единичными датами позволяет установить, что последние всегда соответствуют григорианскому календарю, на который Франция перешла еще в 1582 г.
- ¹³ По-видимому, именно об этом имении брат Анатолия Павел Демидов 18 октября 1829 г. в письме из Риги запрашивал сведения у управляющего Петербургской конторой П.Д. Данилова: “В каком виде находится в прошлом годе купленная земелька на Южном берегу Крыма, и что в ней сделано хорошего и полезного с того времени, как она куплена?” [191а, с. 28]. Подразумеваемое здесь время приобретения (1828 г.) не противоречит возможности ее покупки Н.Н. Демидовым (о чем упоминает А.Н. Демидов [66, с. 283]).
- ¹⁴ Известен с эпохи средневековья, переименован в 1944 г. [210, с. 74].
- ¹⁵ Строительство города Ногайск начато в 1821 г.; в Приморск населенный пункт переименован в 1964 г. по названию плодородического совхоза [210, с. 106].
- ¹⁶ Город Нахичевань (на Дону) ныне не существует: он был объединен с г. Ростов-на-Дону в 1928 г. [111, с. 465].
- ¹⁷ Мы не сумели уверенно отождествить эту станицу с населенными пунктами, существующими ныне. Если опираться на указание, что она находилась на Донце, то подходит Каменка на юго-востоке нынешней Харьковской области, на Северском Донце, приблизительно посередине между Изюмом и местом впадения в Донец р. Оскол. Но Воронеж от Ростова находится почти строго на север, между тем как эта Каменка – к северо-западу, и едва ли ближняя дорога на Воронеж шла через нее. С другой стороны, в самой Воронежской области приблизительно в 100 км к югу от Воронежа на дороге меридионального направления лежит еще одна Каменка. Но Северский Донец от нее очень далеко, напротив, Дон – всего километрах в 20.
- ¹⁸ Екатеринослав основан в 1783 г., переименован в 1926 г. [210, с. 62].
- ¹⁹ В тексте пояснено: “Городская милиция, носящая имя арнаутов, состоит из батальона, которому исключительно поручено содержать караул по берегам Крыма” [66, с. 321].
- ²⁰ Сравним этот пассаж с другим принадлежащим путешественникам высказыванием – по поводу талантливости виденных ими в Севастополе русских солдат, в большом числе привлекавшихся здесь к различным строительным и хозяйственным работам: они “с одинаковой ловкостью из землекопов обрабатывались то в плотников, то в кузнецов, то в каменщиков” [66, с. 353-355].
- ²¹ Вероятно, тот самый, предметы из раскопок которого, в том числе чернофигурная панафинейская амфора конца IV в. до н.э., в настоящее время хранятся в Эрмитаже [112, с. 116].
- ²² Строгановы принимали участие и в других общественно значимых акциях А.Н. Демидова. Так, Юлия Петровна Строганова (вторая жена Григория Александровича [219, с. 20]), “под особенное и непосредственное свое заведование” приняла приют для детей до 7 лет, созданный при Демидовском доме призрения трудящихся в Петербурге [86, с. 383].
- ²³ Укажем на любопытную параллель.

В 1853 г. Н.А. Некрасовым было написано сатирическое стихотворение “Отрывки из путевых записок графа Гаранского”. Имитируя стиль публикаций описаний подлинных путешествий, оно имело подзаголовок – библио-

графическое описание несуществующих записок: “Перевод с французского: Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836” [288, с. 123].

Высказано предположение (отмечаемое в комментарии к последнему академическому изданию текста [288, с. 615]), что фамилия героя стихотворения восходит к фамилии крупного ярославского чиновника Я. И. Горанского, некролог которого был напечатан в “Северной пчеле” в марте 1847 г.

Не отвергая этого предположения, отметим, что часть реалий некрасовского текста с не меньшей вероятностью могла быть заимствована у другого исторического лица – героя этой главы А.Н. Демидова. И точек совпадения у литературного героя с этим его прототипом в данном случае заметно больше.

Сравним. Стихотворение Некрасова написано в 1853 г., т. е. в один год с выходом в свет русского издания “Путешествия” А.Н. Демидова. Повествования о вояжах – и придуманном и реальном – вышли в Париже, причем почти одновременно: Гаранского, якобы, в 1836-м, Демидова (первый вариант – “Очерк путешествия...”) – в 1838-м. И то и другое – в нескольких томах. Герой Некрасова и Демидов – оба лица титулованные: первый граф, второй князь. Оба – природные россияне. Оба приезжают в Россию из-за границы для ее изучения. Продолжительность обоих путешествий – приблизительно три месяца.

Почему Некрасов сделал Гаранского французом? Поэт французского языка не знал, и уже поэтому не мог знать выходявшую на нем литературу достаточно полно, – как знал ее, скажем, И.С. Тургенев (который, между прочим, по словам Н.Г. Чернышевского, и редактировал французский подзаголовок стихотворения [259, с. 750]). О научной экспедиции 1737-1739 годов и об изданиях, описывающих ее, Н.А. Некрасов мог узнать, конечно, с чужих слов задолго до 1853 г. Но более вероятно, что нашедший отражение в собственном его творчестве импульс он испытал от знакомства с русским переводом, именно в этом году вышедшим в свет. Не исключено, что именно русское издание книги Демидова подарило ему идею: написать сатиру, в которой показать язвы России, увиденные взором русского, настолько утратившего ощущение непосредственной включенности в жизнь своей родины, что та становится для него объектом специального наблюдения и изучения. Заметим, что образ наивного героя выбран, возможно, тоже не случайно: если бы был избран антагонист (проницательный ироник), то это слишком напоминало еще об одних знаменитых записках о России и их авторе – А. де Кюстине, тоже французе и тоже посетившем Россию во второй половине 1830-х годов.

Обратим внимание, что и чиновник Горанский (давший некрасовскому герою фамилию) и А.Н. Демидов (может быть, подаривший некрасовской сатире идею пародировать путешествие по России “русского француза”) в равной мере связаны с Ярославлем: первый в нем служил, фамилия второго была в городе все время и на слуху и на виду, благодаря Демидовскому лицей, крупнейшему учебному заведению губернского центра, здание которого украшало архитектурный ансамбль Стрелки.

Впрочем, сравнение текстов свидетельствует, что перекличка названий, в основном, названиями и ограничивается. Некрасовский граф Гаранский – создание, по видимому, не имеющее конкретного прототипа. Своим существованием он обязан и ярославскому Горанскому, и Кюстину, и Демидову, по-

следнему – через знакомство поэта с только что вышедшим из печати русским изданием его путешествия.

²⁴ Рассчитано на основе относительных данных, приведенных в [199, с. 390].

²⁵ В последнее время литературное творчество А.Н. Демидова привлекает внимание и за рубежом: доклад о нем Лючии Тонини прозвучал на состоявшемся в 1991 г. итальяно-российском colloquio “Демидовы во Флоренции и Тоскане” [196, с. 370].

²⁶ Вот некоторые примеры. Говоря о М.С. Воронцове, Демидов отмечает “отеческую заботливость князя”, “любезную беседу благородного хозяина”, его проницательность (он “превосходный мастер проникать в самые тайные мысли людей”), его “благосклонную приветливость” по отношению к членам экспедиции [66, с. 278, 289]. Сходный по отношению к персонажу пассаж о правителе канцелярии генерал-губернатора: “Фабр столь благородно пользующийся кратким досугом, остающимся у него от его важных занятий, обнаружил перед нами, когда мы посещали его кабинет, не только чрезвычайную вежливость и любезность, но и разнообразные сведения” [66, с. 276].

²⁷ Имеются сведения о передаче Анатолием Демидовым в дар Парижской Академии наук двух ценных коллекций: китайских трудов по астрономии и кукол, изображавших представителей всех этносов, проживавших на территории России [207а, с. 127].

²⁸ См. сохранившееся в демидовском архиве письмо К. Чевкина от 21 ноября 1841 г. [24, л. 1].

Демидовы и некоторые вопросы наукоедческой просопографии

Еще раз о цели этой книги. – Род как объект исследования в контексте истории научной и изобретательской работы. – Методические аспекты изучения групп, объединенных единством рода. – Факторы, определявшие развитие в России XVIII в. точных и естественных наук. – Группа Демидовичей. – Уровень технических знаний первых Демидовых, их личный вклад в становление промышленного хозяйства и его совершенствование. Партикулярное и государственное. – Группа Акинфиевичей. Уровень и роль образования. – Рациональное и эмоционально-эстетическое. – Группа Григорьевичей. Демидовы – коллекционеры и систематизаторы. – Люди Александровского времени. Патриотический компонент “любви к просвещению”. – Тезис В.И. Вернадского о государственной детерминации научной работы в России XVIII в. – Тезис о неучастии в XVIII в. русского дворянства в научной работе. – Демидовы-ученые в контексте вопроса о генезисе элит. Ростки духовной элиты и их социальный материал. Генетический и социальный способы формирования элиты. – Группа Николаевичей.

Принимаясь за эту книгу, мы планировали если не достичь, то хотя бы существенно приблизиться к достижению двух целей.

Первая, обычная для научно-биографической литературы, виделась в том, чтобы восстановить творческие биографии нескольких примечательных своей жизнью и достижениями деятелей науки. Продукт историописания, порожденного исследовательскими усилиями в этом направлении, неизбежно в значительной своей части эмпиричен и фактографичен.

Вторая цель оформилась из специфики объекта исследования, из того, что деятелей под общую обложку собралось сразу несколько. Состав этой группы был, разумеется, неслучайным. Разделенные временем (годы рождения у лиц, образующих крайние “звенья” избранной цепочки, расходятся почти на полтора столетия), разделенные местом деятельности (ее арена – минимум пол-России и часть Европы), а в ряде случаев и культурой, разделенные границами научных дисциплин, в которых творче-

ски или организационно работали, – в двух отношениях они друг с другом совпадали: а) в личной причастности к истории науки и техники (в какой форме и степени – в данном случае неважно) и б) во взаимном кровном родстве, декларируемом единой для них общей фамилией.

Возможность прирастить суммарную массу созданной коллективными трудами историографов просопографии (в смысле коллективных, сравнительных биографий) дополнилась возможностью использовать просопографию в качестве аналитического метода, ориентированного на науковедческие и культурологические задачи. Приблизиться с ее помощью к их решению и явилось еще одной целью исследования.

Отметим, что роль фактора наследственности и наследуемости стояла в центре науковедческой просопографии уже в первых, ставших со временем классическими работах ее основателей – решение контroversы “наследственность-среда” являлось главной целью и предметом полемики Ф. Гальтона и А. Декандоля. Исследуя его, они с особым вниманием искали и регистрировали факты родственной одаренности в среде ученых, сделав в этом плане ряд ценных наблюдений и обобщений [105, с. 28–32]. Но сложность отсечения средовых параметров не позволила им найти решение, способное удовлетворить большую часть научного сообщества. Их спор остался незавершенным, но промежуточные результаты позволили весьма продуктивно прощупать поле когнитивных возможностей самой просопографии как метода и со временем начать “обживать” пространство этого поля.

Формирование аналитической выборки из лиц, связанных кровным родством, дает возможность попытаться выделить в их индивидуально неповторимых характерах и судьбах составляющие, детерминированные, во-первых, природой (биологией), во-вторых, социальным началом (средой), в-третьих, компоненты мультифакторные, не сводимые к действию одной причины. Важность подобного вычленения (средствами просопографии и/или другими) для понимания “устройства” и генезиса индивидуальности, на наш взгляд, очевидна. Полагаем, что на этом пути открывается возможность сделать шаг и в направлении проблем “большого звучания”: от истории отдельных судеб перейти к загадкам эпохи – ее содержания, облика, духа.

И уж во всяком случае – избежать некоторых ловушек. Английский писатель Джон Фаулз, размышляя о правомерности при исторических реконструкциях экстраполяции на общество (его группу) суждений, мнений, взглядов отдельных лиц, предостерегал от чрезмерного увлечения этим приемом в силу частой его некорректности: “когда мы судим об ушедших эпохах по их

Поупам, Аддисонам, Стилям, мы, как правило, благополучно забываем, что художник – гений – это всегда исключение из общего правила, как бы ни хотелось нам верить в обратное” [290, с. 453]. Демидовы – личности щедро одаренные, причем с несомненным художественным (в широком смысле слова) началом в составе этой одаренности. И прежде чем привлекать связанный с ними материал к уточнению черт воссоздаваемого историком портрета былого, следует попытаться этот материал аналитически расслоить, выделив из него все индивидуальное, нетипизируемое. В какой мере это реально?

Работа с группами, составленными из лиц, объединенных общностью рода, открывает интересные возможности для изучения эволюции некоторых культурных феноменов. Прежде всего потому, что расширяет хронологические рамки исследования. Материал, охватывающий значительный хронологический период, способен характеризовать эти феномены не только в статике, как таковые, но и в исторической динамике, развитии. Последнее весьма ценно для интерпретации конкретного материала в разных историко-культурных контекстах – в частности, по отношению к социальной истории отечественной и мировой науки и техники. Более объемно при этом раскрывается и собственно культурологический аспект событий.

Несколько упрощая реальную картину, всякую социализированную личность можно представить как результат совокупного действия трех разноприродных факторов, трех субстанционально независимых начал:

- генетического фактора (G): начала врожденного, присущего, обусловленного генетической памятью – психофизиологических характеристик индивидуума, частично сохраняемых в ходе их межпоколенной трансляции;

- семейного (фамильного) фактора (F): “традиций рода”, той составляющей уже не генетической, а социокультурной памяти, которая транслируется на уровне микроячеек общества – семьи и той части родственного окружения, в которых эта личность формируется и развивается. Это – адсорбируемая личностью социальная память, передаваемая не всем пространством (средой) мира детства, а только той его частью, которая связана с домашним воспитанием;

- фактора времени (T): “духа эпохи”, образованного из тех ментальных стереотипов, которые навязывает индивидууму время, а точнее, современный ему преимущественно внесемейный культурный субстрат, являющийся носителем опыта только частично отрефлектированного, а чаще живущего в формах различных связанных с ним социальных практик. Это другая часть со-

циокультурной памяти – часть, которая хранится и непрерывно обновляется в структурных ячейках общества всех уровней.

Все эти три фактора действуют на фоне той индивидуальной неповторимости, которая формируется всякий раз новым сочетанием элементов наследственной информации.

Выделение вклада каждого из перечисленных начал в большинстве случаев (за вычетом особых модельных ситуаций) представляет задачу очень непростую. В методическом плане в общем случае следует стремиться зафиксировать, по возможности, все переменные за исключением одной – той, влияние которой исследуется. Главная трудность на этом пути состоит, как правило, в невозможности целенаправленно регулировать состояние объекта. Мы можем, например, вывести дрозофилл в особых диктуемых концепцией эксперимента условиях. Но по отношению к людям, тем более к давно ушедшим их поколениям, подобные опыты невозможны. Историк работает с уже состоявшимися личностями, с уже прожитыми ими жизнями. Но для компаративных исследований он в известной мере волен целенаправленно формировать изучаемые их совокупности.

“Естественной” целостностью среди совокупностей, представляющих интерес для наших исследований, обладают группы, объединенные единством рода. У представителей одного рода два компонента – генетическая предрасположенность и “традиции рода” – обладают определенной близостью. Разумеется, и первое и второе со временем меняются. Но эти изменения – сравнительно медленные, в содержательном плане консервативные, всегда эволюционные, всегда сохраняющие память о прошлом.

Обращение к выборкам, сформированным на основе общности рода, позволяет наметить контуры процедуры, улавливающей влияние того, что выше мы образно назвали “духом времени”. Принадлежность к одному роду максимально сближает всю выборку по фактору G, а отдельных представителей в ее составе (братья, воспитывавшиеся в одной семье) – еще и по фактору F. Остается научиться отслеживать изменение фактора T. Добиться этого позволяет разбиение выборки на подгруппы (когорты) по близости дат рождения. Именно так, а не на основе принадлежности к одному “колену” (поколению родословного древа). Последнее, в отдельных случаях допустимое, в общем случае неприемлемо: даты рождения внутри поколения могут значительно различаться, причем различия нарастают по мере увеличения порядкового номера поколения (диапазон дат расширяет-

ся). Переход от одной подгруппы к другой позволяет анализировать влияние фактора Т, внутри же подгруппы – индивидуальную изменчивость и неповторяющиеся для прочих единиц выборки внешние факторы, оказывающие влияние на формирование личности.

Материал, который предлагает история рода Демидовых, по нашему мнению, особенно хорошо адаптирован к подобного рода методическим манипуляциям.

Приводимый ниже список включает без малого дюжину представителей рода Демидовых. Большинству из них были посвящены отдельные главы в этой книге. Есть в нем и те, кто индивидуальных разделов не удостоился, хотя интерес для темы представляет и на предшествующих страницах упоминался. Итак:

	<i>Колено</i>	<i>Годы жизни</i>
Акинфий Никитич	IV	1678–1745
Никита Никитич	IV	не позд. 1696–1758
Прокофий Акинфиевич	V	1710–1786
Григорий Акинфиевич	V	1715–1761
Никита Акинфиевич	V	1724–1787
Александр Григорьевич	VI	1737–1803
Павел Григорьевич	VI	1738–1821
Петр Григорьевич	VI	1740–1826
Николай Никитич	VI	1773–1828
Павел Николаевич	VII	1798–1840
Анатолий Николаевич	VII	1813–1870

Прежде чем перейти к анализу приведенного списка, остановимся на действовавших в России первой половины XVIII в. движущих силах развития творческой (научной и изобретательской) работы в области точных и естественных наук, а также на формах, в которых оно (развитие) происходило. Коснемся институтов, в рамках которых велась такая работа, и тех тенденций, которые через эти институты или независимо от них, ей способствовали, образуя для нее, как социально значимого явления, опору и питающую “почву”.

В “Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии” В.И. Вернадский назвал три таких института: Академию наук, учреждения высшей школы и различные “государственные предприятия” [97, с. 65]. Под последними, судя по контексту, он подразумевал не казенную промышленность, но, преимущественно, также учреждения. Не будучи научными или образовательными по своей основной функции, они непосредственно занимались или косвенно поддерживали научные исследования (как правило, прикладные), необходимые им для решения своих функциональных задач. К этому списку прибавим четвертую по-

зицию: научные общества (ВЭО, МОИП и др.) последней трети XVIII – начала XIX в.

Из действовавших длительное время факторов, которые в XVIII в. содействовали научному и изобретательскому творчеству, В.И. Вернадский указал следующие четыре:

– “стремление внутрь Азиатского континента”, обусловленное завоевательной политикой государства;

– развитие горного дела;

– развитие медицины;

– “искание” военного могущества на суше и море [97, с. 65].

Этот список представляется не вполне удовлетворительным. Его образуют неоднородные по своей природе члены: пункты 1 и 4 отражают политику государства, 2 и 3 – совпадающие интересы власти и общества. Пункты не вполне независимы: 2-й по крайней мере отчасти обусловлен 4-м, 1-й и 4-й в содержательном плане частично совпадают.

Полагаем, что приведенный список допускает уточнение как в плане сокращения в нем вторичного и производного, так и пополнения его базисными позициями. В данном случае укажем только на желательность замены 2-го пункта на более широкий: “развитие предпринимательства”, подразумевая под последним предпринимательство как торговое, так и промышленное, как частное, так и государственное. Разумеется, если брать его промышленную “часть”, в нее войдет далеко не только горное дело. Вместе с тем, вполне справедливо, что из всех сфер промышленного производства горнорудная промышленность (расширим: горно-металлургическая) в рассматриваемый период была одной из наиболее динамично развивавшихся.

Обратим внимание на то, что каждая из перечисленных тенденций прокладывала себе дорогу как через деятельность государственных институтов, так и неинституционально. Ответив на вопрос, что было двигателем научного творчества в конкретном случае, часто автоматически находим ответ на вопрос, почему это творчество имело такие именно формы социальной реализации. И обратно: ясно представляя себе формы, видим за ними долговременные тенденции, через эти формы реализующиеся.

Демидовы, как представляется автору, тем (или – еще и тем) интересны, что в их научной и изобретательской деятельности, взятой в целом, в деиндивидуализированной совокупности, отчетливо различимы все характерные для эпохи ее (деятельности) формы. Просматриваются в ней и все явные и скрытые факторы,

в этом столетии такую деятельность стимулировавшие и направлявшие.

Попытаемся продемонстрировать это, последовательно, от отцов к сыновьям, “перебирая” представителей рода, основное внимание при этом обращая на лиц, включенных в приведенный список.

Первую подгруппу в нашей выборке образуют двое Демидовых IV-го (по нумерации Е.И. Красновой) поколения – Акинфий и Никита Никитичи. К сожалению, год рождения младшего нам неизвестен, но едва ли интервал между рождениями братьев превышал 10–15 лет (более вероятным представляется, что он был меньше).

Общей для обоих является ориентация на прикладные, преимущественно технические знания. Черпаются они, как правило, из недр “народной” технической традиции. Но судя по появлению на заводах все более мощного и совершенного оборудования, их реконструкция и модернизация ведется (по крайней мере иногда) на грани технико-технологического эксперимента. В рамках традиционных, имеющих сугубо прикладную ориентацию практик осуществляются географические исследования: посланные заводладельцами рудознатцы проводят геологоразведочные работы, в поисках площадок, пригодных для строительства новых заводов, изучают местность (рельеф, водные и лесные ресурсы). Начинается сбор научных коллекций. В качестве объекта коллекционирования имеющиеся источники упоминают пока только минералы, представляющие для горнозаводчиков, судя по всему, прежде всего утилитарный интерес. По-видимому, это еще только первые шаги подобного собирательства: относительно Никиты Никитича даже и о таких коллекциях упоминаний нет (что, конечно, не исключает их существования).

Вообще, младший брат (если забыть об ограниченности и отрывочности сведений, с помощью которых реконструируем его биографию и личность) многим еще напоминает отца. Только в одном отношении он отличается и от него и от старшего брата – своей попыткой внедриться в структуры государственного управления. Тот факт, что Н.Д. Демидов более полутора десятилетий был комиссаром (“должность”, содержательное наполнение которой нам в данном случае в подробностях неизвестно), не дает, полагаем, основания считать, что уже он проторил тропу в недра государственной машины. Подобно комиссарам прежних эпох (например, А.Д. Винуису), вместе с комиссарством он приобрел преимущественно обязанности и в лучшем случае весьма ограниченные полномочия, помогавшие ему их исполнять. Ни о штате под его началом, ни о занятии им самим какой-то штатной долж-

ности сведений нет. Еще более темным предстает комиссарство Акинфия. Иное дело Никита Никитич – первый Демидов, подавшийся в государственные служащие. Его появление в Берг-коллегии трудно не связать с общим процессом – разрастанием бюрократических начал в управлении страной. Одновременно, оно – знак нарастающей бюрократизации управления в конкретной, важной для Демидовых, сфере управления. Движение заводчика в сторону госаппарата – попытка облегчить через его посредство решение важных для себя вопросов. Движение госаппарата в сторону заводчика, готовность его абсорбировать – попытка расширить слой квалифицированных специалистов, без участия которых аппарат в данной сфере деятельности не способен справиться со своими обязанностями. Н.Н. Демидов становится чиновником не потому, что он прирожденный чиновник, но потому, что он хороший практик, природный “технар”; причем зачисляется он в штат того именно ведомства, где эти знания нужны.

Как мы уже убедились, на этапе становления частного промышленного хозяйства особую роль играет непосредственное, личное участие в нем хозяина-промышленника. Достигнутые им успехи – плод его предпринимательской инициативы, умноженной на правильную оценку конъюнктуры и способность гибко маневрировать, непрерывно корректируя траекторию промышленного развития. Последнее невозможно без основательных практических познаний в сфере техники и технологии производства. В области горно-металлургического производства объем этих познаний в первой половине XVIII в. был уже весьма обширен. Вот, например, каким был перечень “горных наук”, которым учились во Фрейберге М.В. Ломоносов и Д.И. Виноградов: “1. Минералогия. 2. Metallurgia. 3. Геометрия подземная описательная. 4. Искусство строения рудников. 5. Описание ручных работ. 6. Устройство машин. 7. Маркшейдерское искусство. 8. Пробирное искусство. 9. Искусство строения печей. 10. Плавно-заводское дело. 11. Горные мануфактуры (соль, купорос, квасцы, селитра, ... земли, камни, ...). 12. Горная коммерция. 13. Горные фактории. 14. Камеральная наука. 15. Горное право” [191, с. 338].

Конечно, сравнительно небольшое металлургическое производство могло и не требовать глубоких знаний во всех без исключения перечисленных областях. При дударном способе добычи руды можно было обойтись и без “геометрии подземной описательной”. Но успешное развитие промышленного хозяйства, повышение его рентабельности требует совершенствования технико-технологической стороны производства, следовательно – достаточно обширных знаний и опыта. Причем опыта, основанно-

го на лучших образцах. Кто-то должен был смотреть дальше мастеров, непосредственно занятых в производстве, — без этого исчезала перспектива. На начальном этапе развития промышленного хозяйства этим “кто-то” мог быть только промышленник. Лишь позднее степень привлечения приказчиков и управляющих возростала настолько, что они полностью его замещали (впрочем, и в самых удачных случаях не без определенных потерь).

В предшествующих работах мы уже останавливались на такой черте формирующейся промышленной династии, как объединение в лице хозяина организационного и технического руководства делом [272; 266]. В поисках закономерностей, определявших обычный для истории предпринимательских династий отход заводовладельцев от непосредственного управления, мы предположили, что он не был жестко соотнесен с определенным этапом развития промышленной династии и связанного с ней конкретного хозяйственного комплекса, но варьировался в зависимости от индивидуальных их (промышленников) склонностей, интересов, а также внешних обстоятельств [266, с. 248].

История династии Демидовых вполне подтверждает это наблюдение.

Первый Демидов (Н.Д.) выполняет экспертизу качества переданных ему из Сибирского приказа новооткрытых руд [144, с. 86], представляет по его запросу сведения, сколько и каких специальностей мастеров нужно иметь на металлостроительном заводе и сколько им требуется платить [15, л. 150–151], дает советы относительно места для постройки вододействующего металлообрабатывающего завода [100, с. 47]. Нет сомнения, что тульский кузнец детально представлял техническую сторону тех работ, за которые брался. И всю свою жизнь эти знания использовал, даже умер на первом своем Тульском заводе.

Все три сына Никиты Демидова руководили производством, не отдавая приказчикам (во всяком случае — полностью) ни одной из его сфер. Отход начинается с поколения внуков. Большинство из них в конце концов осело в столицах, откуда с тем или иным успехом руководило заводами “по переписке”. Но знания и “вкус” к делу некоторые еще сохраняют. Таковы Никита Акинфиевич и его двоюродный брат Евдоким Никитич. А вот Прокофий Акинфиевич в течение жизни претерпевает эволюцию, полностью выводящую его из сферы промышленного предпринимательства. То же и среди сыновей Никиты Никитича. Иван Никитич, например, продает полученные по наследству заводы и последние 18 лет своей жизни никакого отношения к горному делу не имеет. На примере одного за другим “выпадающих

из ряда” крайне интересно наблюдать, как это выпадание происходит.

Заводчику, вникающему во все детали производственного процесса, технические знания, а с ними и некоторые прикладные научные абсолютно необходимы. Но интересы предпринимательства – не единственный фактор, стимулирующий сближение промышленника с научно-техническим, а далее – с чисто научным творчеством. Деятельность Акинфия Никитича (из Демидовых не единственного) отчетливо демонстрирует роль в развитии научного творчества и колонизационного, и предпринимательского, и военного факторов. Демидовы занимаются совершенствованием техники на своих предприятиях, изучают горные богатства края прежде всего ради повышения их (заводов) рентабельности. Государство же создает для этого благоприятные условия – и потому, что Демидов работает по его заказам (для адмиралтейского, артиллерийского и военного ведомств) и потому, что развитие его промышленного хозяйства означает фактически развитие и углубления колонизационного процесса. Научная работа, таким образом, ведется вполне независимо от государственных научных и научно-образовательных учреждений, но фактически государством опосредованно и стимулируется и направляется. С этими независимыми формами сочетается работа некоторых Демидовых в структуре государственных учреждений управления промышленностью. Подразумеваем их сотрудничество с Берг-коллегией и непосредственную работу в ее составе. Демидовы в этом случае выступают в качестве специалистов. Особенно показателен первый из пришедших в нее Демидовых: от науки еще очень далекий, он был прекрасным практиком, и именно в этом качестве оказался по достоинству оценен.

Следующая возрастная группа в нашем ряду – сыновья Акинфия Демидова. Сравнить их между собой тем более удобно, что перед нами братья, домашнее воспитание которых, можно полагать, было приблизительно одинаковым. Внутри группы возрастной разбег несколько великоват (14 лет) – не настолько, однако, чтобы выйти за действительно опасные границы двадцатилетия, в течение которого происходит смена поколения.

На этой группе наблюдаем переход от культурного типа, характерного для отцов, к новым его формам, отличительной чертой которых является качественно новое место науки и научного творчества и в мировоззрении, и в структуре деятельности, и в культурном обиходе. Меняется и отношение к технике: интерес к ней, глубина знаний. Причем это именно переход с пока еще ши-

роким разбросом результатов: внутри группы встречаем как отрывающихся от отцовского типа Прокофия и Григория (первого – в конце концов оторвавшегося), так и отчасти сохраняющего отцовские интересы (в плане отношения к промышленности и технике) Никиту. Но и он, этот страстный собиратель художественных редкостей, покровитель деятелей искусства, породнившийся с ними, промышленник “по переписке” – как уже, в сущности, далек от последовательного прагматика отца!

С поколения Акинфиевичей Демидовы все более активно втягиваются в сферу науки – как непосредственно в творческую работу в ней, так и в ее организацию и финансирование. В зародыше наблюдаем это явление уже у Акинфия, но тот, насколько известно, занимался изучением исключительно недр и других, важных в плане промышленного освоения “угодий” на землях, ему принадлежавших или могущих стать таковыми. Но уже Прокофий, начиная с 50-х годов, вкладывает значительные средства в создание крупного исследовательского центра: Московского ботанического сада. Для его времени это было достаточно необычно, продолжало оставаться не особенно обычным и для следующих за ним Григорьевичей. Впрочем, уже в этом поколении появляется И.И. Шувалов (р. 1727), а позже – Н.П. Румянцев (р. 1754), главной заботой которого после увольнения его со службы в 1714 г., по словам В.П. Козлова, становится “организация и финансирование широких научных изысканий, сплочение усилий и знаний многих своих выдающихся современников на решение разнообразных научных проблем” [148, с. 14]. Но это все-таки позже.

Пытаясь определить, чем и в какой степени это поколение Демидовых отличается от предшествующего, нельзя пройти мимо вопроса о широте и качестве их образования. Ответ на него немаловажен для оценки уровня их индивидуальных знаний, следовательно – степени их соответствия существовавшим тогда представлениям об “ученом” (деятеле науки). Актуален он и для современной оценки вклада Демидовых в развитие науки. Решение последней задачи для тех из них, кто занимался ботаническими садами, особенно непросто. Отчетливое присутствие в их занятиях коллекционерского начала и соучастие в них множества специалистов, привлекавшихся для осуществления масштабных замыслов, невольно заставляют задуматься, вполне ли их инициаторы осознавали научную сторону деятельности, осуществляемой под общим их руководством и на их средства.

Не имея возможности охарактеризовать образование, полученное конкретно детьми Акинфия Демидова (они – последнее поколение, о детских годах которого в известных нам источниках

и литературе сведений нет), тем не менее можно высказать некоторые соображения, основанные на общих представлениях о месте, которое в этой среде занимало в те годы образование, и способах, которыми оно приобреталось.

Перед нами эпоха, когда дифференциация знаний не зашла еще настолько далеко, чтобы исключать для человека, ставшего специалистом в одной его области, успешное освоение второй, третьей и далее. Науки и связанные с ними специальные знания не углубились пока еще до такой степени, чтобы исключить самостоятельное освоение той или иной научной дисциплины. Отсюда – тяга к универсальности, всеохватности образования (не важно, каким образом приобретаемой), отсюда появление если не энциклопедистов, то людей тяготеющих к этому типу. И многие из них были, как минимум, наполовину самоучками.

Не составляет труда привести имена современников наших Акинфиевичей, которые, не имея “регулярного” образования, или имея его не в лучших образцах и в скромном объеме, достигли в науке весьма впечатляющих успехов. Прежде всего вспомним об А.Т. Болотове (1738–1833). Выходец из среды небогатого помещного дворянства (финансовые возможности его были неизмеримо более скромными, чем у Демидовых), сын военного, то и дело менявшего место службы, он не получил систематического образования, что, однако, не дает оснований сомневаться в его принадлежности не только к людям образованным, но и к ученым в самом строгом смысле слова. Его пример примечателен в данном случае еще и тем, что наиболее значительные научные достижения Болотова относятся к сфере биологии, в которой трудились и некоторые из Демидовых.

Близок Болотову и В.А. Левшин (1746–1826), с тем же успехом, как книги о псовой охоте и огородничестве, составлявший “Русского полного фабриканта и мануфактуриста” в 3-х частях [211, с. 88–92]. Большинство из его сочинений “по части хозяйственной” носит характер отражающих энциклопедизм интересов и знаний автора добросовестных и качественных компиляций, но есть в списке его работ и вне всякого сомнения относящиеся к сфере науки. Такие его труды принадлежат иной области научного знания, нежели болотовские, но с работами Демидовых перекликаются и они. Вышедшее из-под пера Левшина топографическое описание Тульской губернии заставляет вспомнить о комплексных географических исследованиях, организацией которых в той или иной степени занимались многие Демидовы (а Павел Григорьевич и Анатолий Николаевич Демидовы еще и лично участвовали в них). Весьма развито было у Левшина (вспомним его “Русские сказки”) и тяготение к изящной словесности, у Бо-

лотова менее выраженное, хотя также проявившее себя в его драматических опытах. Любопытно, что, хотя для Демидовых XVIII века интерес к художественной литературе (в качестве ее авторов) не очень характерен, и из этого правила имеются исключения (о них ниже), как бы демонстрирующее полноту их “вписанности” в формы культурного производства своей эпохи.

В лице одного из Акинфиевичей наблюдаем первые любопытные отклонения от прежде общих для рода черт психологического склада личности. Демидовы первых двух поколений рациональны, их мышление, насколько позволяют судить принадлежащие им тексты, конкретно. Эти повторяющиеся черты психологического облика, кажется, достаточно ясно свидетельствуют о том, что перед нами индивиды с отчетливо выраженным доминированием левого полушария мозга. Их ориентация на практическое, причем преимущественно техническое знание, подтверждает это.

Для потомков Акинфия Демидова уверенность в универсальной приложимости к ним такого описания исчезает. Духовный мир Прокофия очевидно сложнее. Оставаясь прочно стоящим на земле и чурающимся абстрактных мудрствований, он, оказывается, вовсе не лишен чувства прекрасного. Трудно удержаться от соблазна еще раз напомнить цитировавшееся выше письмо П.А. Демидова М.И. Хозикову от 25 мая 1780 г. – столь ярко раскрывает оно отношение автора к живой природе:

“Научи меня, где сыскать тепло: у нас ночи очень холодны, будто как маленькие морозы; а днем пасмурно, и в нынешнем во всем месяце более не было как дня два теплых. Нежное растение, выставленное, изнемогло. К тому же всякий день превеликие ветры.

Как бы уладить, чтобы благорастворенный воздух нас наградил? У меня только и радости. Как жадный веселюсь на растения...

Вишен в натуре цвело много, завязалось мало, да и оранжевых посредственно. Груш, яблок – изрядно, а не так как много. Травы очень растут... Соловьи, малиновки, пеночки линять начали и твоему здоровью кланяются” [56, № 25].

В этой цитате один только “благорастворенный”, воспринимаемый как награда, воздух многого стоит. Не утверждаем, что сквозь эти строки просвечивает философия в доктринальном смысле слова, но жизненная философия, мировосприятие несомненно за ними стоят.

(Приведем, кстати, редкий в переписке Прокофия фрагмент, прямо касающийся мировоззренческих вопросов – несколько

фраз из письма дочери Анастасии от 27 июля 1783 г.: “Помни, что Господь сотворитель всего глобуса и движения есть. Не переимай, будто Господа нет, и будто все натура да летучий разум хранит да исполняет наши дураческие и спесивыя неблагодарности” [56, с. 2286].)

Неудивительно, что в линии, идущей от Прокофия, появятся Демидовы, которые попробуют свои силы в изящной словесности. Подразумеваем его внучку Елизавету Петровну, в замужестве Чичерину (р. 1767), автора вышедших из печати в 1782 и 1787 годах двух сборников переводных (с немецкого) повестей и, вероятно, не пропущенного цензурой романа [230; 116]. Поэт Михаил Александрович Демидов (1817–1841), автор пяти прижизненных и трех посмертных поэтических сборников – был правнуком Прокофия Акинфиевича [160, с. 34–35; 134]. Литературной, в частности переводческой, деятельностью занимались и племянницы Прокофия Акинфиевича – дочери его брата Григория.

Болотов, тем более Левшин – младшие современники Акинфиевичей. По времени рождения они ближе к третьей из выделенных нами групп – к сыновьям Григория Акинфиевича Демидова, самой яркой личностью из которых был, несомненно, Павел. Все они получили образование за границей, что для Демидовых становилось достаточно типичным. За рубежом, в частности, в Германии (в Гамбурге) и Голландии, воспитывались их двоюродные братья – сыновья Прокофия Акинфиевича. Прошедший эту школу Акакий (р. 1740), по некоторым данным, даже говорил по-русски плохо [215, с. 307; 216, с. 43].

Все они, подобно Болотову и Левшину, заглянули в XIX век, большинство – достаточно далеко.

Группа Григорьевичей – очередной этап эволюции рода, чутко прислушивавшегося к зовам времени. По интересам и занятиям они – последнее поколение “энциклопедистов”. В следующем поколении и наука, и образование, и сам русский дворянин были уже иными, энциклопедизм при соединении составляющих уже не получался.

Историографическая традиция характеризует Павла Григорьевича как ученого-естествоиспытателя уже без каких-либо уточнений значения этого слова. Даже если не останавливаться на личном его вкладе в научное творчество (здесь объективная оценка едва ли возможна до введения в научный оборот основной части творческого наследия), его вклад в развитие науки вполне очевиден: достаточно созданных им коллекций и роли, которую

в формирование сети научных музеев сыграла их (коллекций) передача в государственную собственность.

Подойдя к Павлу Григорьевичу, остановимся на одной из присущих роду Демидовых черт психической организации их “совокупной” личности: на устойчиво воспроизводимом в его представителях эмпирическом, “коллекционирующем” складе ума и одновременно – стремлении организовать, систематизировать фрагменты эмпирической бесконечности, данные в индивидуальном опыте. Внимание (и, заметим, любовь) к деталям проявляется у них на самых разных уровнях и в разных сферах деятельности. Оно – в дотошности Акинфия Никитича, неизменно держащего руку на пульсе многосложного организма из десятков заводов и из невянской столицы своего горного царства рассылающего подробнейшие инструкции их приказчикам. Точно то же качество и в той же форме наблюдаем в деятельности его младшего сына Никиты – столь же требовательного к качеству и подробности производственной информации. Показательны его ссылки на собственные инструкции многолетней давности с точным указанием, когда таковые были посланы, показательна хорошо налаженная работа его домовой конторы.

О том же, кажется, говорят и характерные черты писательской манеры, литературный стиль текстов, созданных Демидовыми, – их деловой, научной прозы, публицистики.

Еще более ярко эта родовая черта проявляется в собственно коллекционерской деятельности, которой Демидовы, начиная с Акинфия, с большим или меньшим увлечением занимались минимум полтора столетия. Кажется, сама эпоха услужливо предложила образец культурного поведения, которому самозабвенно стали следовать Демидовы, органично и полно, творчески в нем раскрываясь. Демидовы – прирожденные каталогизаторы – вспомним каталоги растений Прокофия и книжный Павла Григорьевича. Лежащая в основе последнего оригинальная библиографическая система (“по порядку материй”) имплицитно содержит заявку на решение задачи, более важной, чем рационализация расположения книг в шкафах. В ней – упорное, но нисколько не напряженное, родное автору желание разбить на рубрики всю систему социальной деятельности человечества, расчленив на автономные квартиры совокупность наработанных культурой артефактов – тенденция, заметим, не чуждая просветителям и энциклопедистам [132, с. 32]. Не чуждая и идее регулярного государства с присущим ей культом числа – в иерархии Табели о рангах, градостроении, военном порядке, доходящей до мелочей регламентации быта и т.д. [101, с. 142].

Говоря о Дж.Б. Вико и его главной работе, посвященной принципам *scienza nuova*, автор которой “попутно касался всевозможных других вопросов, хотел все понять, все углубить, все разъяснить”, М.А. Алданов проникательно подметил, что “эта слабость была присуща большинству писателей того времени” [283, с. 111]. Списав оценку явления на специфику жанра алдановской прозы, согласимся с утверждением по существу. В основе этой действительно органичной для стиля эпохи черты – столь характерное для нее стремление рационального начала познать эмпирический континуум, разложив и структурировав его.

Следующие Демидовы – те, детство и юность которых пришлось на Александровскую эпоху. Из одного с ними поколения большинство декабристов.

Говоря о людях этого поколения, Б.Н. Чичерин, в качестве отличительной их черты выделял “горячую любовь к просвещению”. На страницах своих мемуаров он нарисовал выразительный портрет одного из их представителей – попечителя Московского учебного округа графа Сергея Григорьевича Строганова (род. 1794) [57, с. 25–26]. Примеры легко умножить.

Разумеется, просветительские увлечения у русского дворянства не в этом поколении начались. Будь это не так, не встретила бы поддержки у москвичей (дворян в первую очередь) затея с Московским университетом. Вспомним, как радовался ему и благодетельствовал в его адрес уже Прокофий Демидов (род. 1710). Рожденный двумя поколениями позже (в 1754 г.) Н.П. Румянцев призывает И.Ф. Крузенштерна: “Станем служить всеобщему просвещению, Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием” (цит. по [148, с. 15]). Прозвучали эти слова, заметим, именно в Александровскую эпоху.

Людей Александровского времени в нашем “собрании” представляет Демидов Павел Николаевич (1798–1840).

К ряду “горячих” любителей просвещения он принадлежит без всяких натяжек. Достаточно вспомнить, сколь активно занимался он созданием школ в России и Италии.

Определяющая образ Александровской эпохи волна “любви к просвещению” отразилась и на рейтинге науки и научной работы. Относительно новой чертой становится то, что представление о необходимости развития и подъема науки и культуры приобретает патристическую окраску [148, с. 15]: наука нужна теперь не только для просвещения разума и подчинения сил природы, но и чтобы приносить пользу отчизне.

Формирование этой тенденции отчетливо проявляется в роду

Демидовых, причем в данном случае ее действие далеко выходит за границы царствования Александра I, ясно прослеживаясь в усилиях по поддержке науки и в Николаевскую эпоху. Крупнейшие их благотворительные акции в эту пору имеют отчетливо ориентированную патриотическую направленность: Демидовские премии присуждаются только за работы, так или иначе связанным с Россией, конкурс на картину, изображающую Петра I, объявляется в Петербурге, экспедиция, снаряженная Анатолием Демидовым, исследует малоизвестные области России.

С этим уживается научное сотрудничество с деятелями науки других стран, в большей или меньшей степени характерное практически для всего периода, рассмотренного в книге. Это одна из сторон острого интереса к европейской культуре, другое свидетельство которой – длительные поездки за границу большинства Демидовых XVIII в. Жадное, ненасытное любопытство Никиты Акинфиевича сменяет упорная работа живущих за границей юных Григорьевичей, постигающих новый для них мир систематически и целенаправленно. По возвращении на родину контакты не прерываются: лишь приобретают иную форму – научной переписки. В посленаполеоновской Европе такое сотрудничество приобрело дополнительный смысл: по верному замечанию В.П. Козлова, “в Европе, уставшей от войн, раздираемой противоречиями, наука знакомила и сближала ученых” [148, с. 41]. Экспедиция французских ученых в Россию, организованная А.Н. Демидовым, – яркий пример такого сближения.

Отвлечшись на время от просопографии, остановимся теперь на двух тезисах из замечательных во многих отношениях и не устаревающих “Очерков по истории естествознания в России в XVIII столетии” В.И. Вернадского.

Первый: “для России чрезвычайно характерно, что вся научная творческая работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в. была связана прямо или косвенно с государственной организацией” [97, с. 66].

Этого вопроса мы уже касались. Вернемся к нему еще раз, имея перед глазами теперь уже не отдельные имена, но всю шеренгу Демидовых. Взятые в совокупности, они, кажется, не просто решительно, но и настойчиво опровергают тезис Вернадского. Когда исследования подчинены задаче развития частного промышленного хозяйства, еще можно надеяться, что государство поддержит их – и то лишь, если его развитие ему выгодно. Но не более. Собираемые Демидовыми различные научные коллекции, их упорная работа в области биологических наук, географиче-

ские исследования (разного масштаба, но уже с Акинфия почти непрерывные) связаны с государством только тем, что оно им не мешало, а после завершения работ с большей или меньшей признательностью принимало их результаты. Государство выступало не стимулом, но, в лучшем случае, потребителем созданного Демидовыми. Напротив, именно Демидовы (конкретно, Павел Николаевич) с помощью учрежденной им премии пытались стимулировать среди российских ученых научную работу и персонально поддержать ее деятелей.

Второй системообразующий тезис для развитой Вернадским концепции истории естественных и точных наук в России – положение о незначительности участия в научной работе, развивавшейся здесь, наиболее образованных классов русского общества – духовенства и поместного дворянства. В отношении последнего он категорично заявляет, что “область научных исканий в России” была лишена “важной поддержки наиболее богатого и относительно более образованного (после духовенства) господствующего сословия поместного дворянства”. По его мнению, “с трудом можно назвать несколько лиц в XVIII столетии, которые работали в его среде вне зависимости от государственного служения или не в качестве интеллигентов, ушедших от сословной обстановки. Этих лиц больше в XIX в., но ... только во второй половине XIX столетия ... видим мы заметную струю свободных людей в его среде, творящих по своей свободной воле научную работу” [97, с. 68].

И в этом случае Демидовы не вписываются в *main stream*. Их творческая деятельность развивается по большей части вне “государственного служения” (хотя отчасти и в нем) и полностью в рамках “сословной обстановки”. И приходится она, преимущественно, на период крепостнический, в том числе XVIII век, в котором Вернадский заметил лишь несколько занимавшихся научной работой лиц из дворянской среды. Впрочем, говоря об этих выклинивавшихся из его концепции лицах, В.И. Вернадский, возможно, подразумевал как раз одного из Демидовых – именно Прокофия Акинфиевича, деятельность которого, судя по 6 главе тех же “Очерков”, была не только ему известна [97, с. 178], но и достаточно высоко, как пионерская для его среды, оценивалась. (Но как Вернадский забыл А.Т. Болотова? А если он о нем помнил, то вправе ли был говорить о “ничтожных результатах культурной агрономической работы русского поместного дворянства” [97, с. 69]?)

Трудами Прокофия Акинфиевича научное творчество Демидовых

довых в XVIII в., как мы знаем, далеко не исчерпывается. Перед нами не единица – ряд. И деятели, его образующие, – сплошь из дворян. Корни дворянства демидовского рода, конечно, неглубоки. Но от поколения сыновей комиссара Никиты Демидова, при жизни которых произошел столь важный для истории рода сословный скачок, до породнившегося с Бонапартами Анатолия Николаевича Демидова дистанция гигантская. И деятельность Демидовых в этот период, в том числе деятельность внутри сферы науки, а также направленная на ее поддержку, без каких-либо натяжек – часть истории дворянства. (Не удивительно, что мимо нее не прошел в своей “Истории дворянского сословия в России” (1874) М. Т. Яблочков.)

Полагаем, что к вопросу о роли дворянства в развитии естественных и точных наук в России в XVIII – первой половине XIX в. следует вернуться. Едва ли существующие представления о том, какие общественные группы внесли наибольший вклад в этот процесс, изменятся в результате его обсуждения радикально. Но пропорции, соотношения – а значит и наше понимание культуры эпохи, образ ее – могут в определенной степени трансформироваться. Не исключено, что сложившаяся традиция (к которой принадлежал и Вернадский) считать занятия дворян в этой сфере незначительными и по усилиям и по результатам, помешала позднейшим исследователям их увидеть – исключая, разве что, отдельные проявления.

Действительно, творческой работой в области естественных и точных наук русское дворянство занималось в сравнительно меньшей степени, чем европейское. Действительно, в этом отношении оно больше напоминало упомянутые Вернадским “плантаторские слои” Америки. Но только ли “яд рабовладения” повинен в разрушении “живых сил русского поместного дворянства” [97, с. 68, 69]? Для занятия наукой, кроме врожденной индивидуальной одаренности, необходимы знания, время и известные материальные средства. Последние у заметной части русского дворянина имелись. Но и только. Полагаем, что главную роль в угнетении развития научной работы в этой среде сыграли: во-первых, отсутствие системы образования, способной довести индивидуальные знания до уровня, достаточного для самостоятельной научной работы, во-вторых, отсутствие свободы в распоряжении своим временем. Медленное, но неуклонное развитие на протяжении XVIII в. сети образовательных учреждений, важнейшим этапом которого стало появление высшей школы (открытие в 1755 г. Московского университета), приблизительно совпавшее с первыми шагами освобождения дворян от обязательной военной службы, означавшее появление у них возможности свободно опреде-

лять характер своих занятий и образ жизни – эти процессы реально и эффективно содействовали расширению участия дворянства в занятиях научной работой, которая теперь уже не ограничивалась гуманитарными (преимущественно историческими) науками.

После снятия ограничений, освободившего время и направившего энергию и материальные средства дворянства по новым каналам, возможности для занятий науками у представителей этого сословия неизмеримо возросли. Конечно, это не могло немедленно и резко изменить ситуацию – в общественном сознании необходимо было сформироваться новой традиции. Ее формированию содействовало, в частности, воздействие соответствующей традиции европейской, но процесс, учитывая состояние образования в дворянской среде, шел еще медленно. И все же, так ли уж мало оказалось в XVIII веке дворян, занимавшихся творческой работой в сфере естественных наук и техники? Примеры, приведенные комментаторами “Очерков” (А.П. Бестужев-Рюмин, Д.А. Голицын, А.А. Мусин-Пушкин, С.Е. Гурьев) [83, с. 372], можно умножить. Только из биологов (сознательно выделяем одну отрасль науки) к ним органично прибавляются несколько Демидовых, А.Т. Болотов и А.К. Разумовский (создатель ботанического сада в с. Горенках, в начале XIX века одного из крупнейших частных центров ботанической работы не только в России, но и за границей [173, с. 47]). Справедливо ли, при наличии этих фактов, говорить о поражающей наблюдателя “ничтожности” научной работы русского дворянства?

Демидовы, как кажется, очень хорошо подтверждают эти рассуждения. Будучи с самого начала истории своей фамилии не связанными с обязательной для прочих дворян военной или придворной службой, имея возможность компенсировать за границей несовершенство отечественного образования, они должны были втянуться и действительно втянулись в сферу науки и культуры, определяя для себя поле деятельности в ней сообразно личным склонностям и способностям. Едва ли последние были уникальными, но, судя по результатам их работы, отрицать их существование тоже нет оснований.

Завершая обзор биографий Демидовых XVIII в. хотелось бы обратить внимание на возможность продуктивной интерпретации этого материала в контексте проблем элитологии.

Он интересен, во-первых, в плане разработки типологии элит конкретной эпохи (эпох). Демидовы, несомненно, к элите принадлежали. Но к какой именно? К аристократической – несомненно. А к властной? Сохраняя дистанцию между собой и госу-

дарственными властными структурами, они, вместе с тем, являлись владельцами значительного числа крепостных и других зависимых душ, т. е. обладали реальной и весьма значительной властью над ними. Наконец, не подлежит для нас сомнению и принадлежность Демидовых к духовной элите общества – другой вопрос, кого из них именно и в какой степени.

Констатируя последнее, перебросим мост к вопросу о генезисе духовной элиты. (Термин *генезис* в данном случае будем понимать в узком смысле – как происхождение и становление, не включая развития на этапе зрелости.) Заметим, что проблематика, связанная с механизмами элитообразования для духовной элиты разработана в общем сравнительно слабее, чем для властных элит, формирование которых допускает логичную типологизацию, опирающуюся на тип развития общества и производные от него политические феномены (систему и режим).

При Петре I соответствующая модель носила, кажется, традиционный для большинства российских модернизаций мобилизационный характер. Оставалась ли она такой и впоследствии?

В поисках модели элитообразования обратим внимание на социальный субстрат, из которого в послепетровское время рекрутировалась духовная элита.

Сразу заметим, что если большинство дворян получили возможность включиться в становление духовной элиты только после Манифеста о вольности дворянской, то Демидовы необходимой свободой обладали и прежде, поскольку от обязательной военной службы они были освобождены. На демидовском материале видим как бы набросок альтернативной истории: что было бы, если бы дворяне во второй четверти – середине XVIII в. были свободны от службы?

Для понимания закономерностей генезиса духовной элиты важно установить динамику социального состава людей умственного труда, а среди них – той малой их части, которая занималась творческой деятельностью в сфере науки. Речь идет о социальной базе ранней науки (подразумеваем науки точные и естественные), социальном материале, из которого она строилась.

Эту базу составляли три малочисленные (в разной, разумеется, степени) группы: а) иностранцы, б) немногочисленные “просочившиеся” в сферу науки разночинцы, в) дворянство. Духовенство в перечень не включаем, поскольку оно в России названными науками интересовалось мало.

С учеными-иностранцами ситуация, в общем, ясна: начиная с середины 1720-х годов они приезжали по приглашению государства для занятий научной деятельностью в единственном учреждении – Академии наук. С известной натяжкой во второй поло-

вине века к ним можно приписать первых профессоров Московского университета, хотя они первоначально занимались не столько наукой, сколько преподаванием. Связь иностранных ученых с русской культурой состояла прежде всего в том, что они работали в России (подчас именно здесь достигая пика развития своего таланта), и многие из них – биологи, географы, историки – ее изучали. К культуре русской в бытовом смысле отношения они не имели. О.Э. Мандельштаму в поэтической грёзе привиделся странствующий Паллас с большим глухим сибирским котом на коленях [287, с.365] – полагаем, если бы и впрямь был у него такой кот, то скорее заморской породы. Их (иностранных ученых) влияние на русскую культуру заключалось в первую очередь в просвещении общества [233] и подготовке для научной работе местных кадров.

Вторая группа – разночинцы. Они входили в науку через академические гимназии и университет, со второй половины столетия еще и через университет Московский. Отчасти, вероятно, следует учесть приток специалистов из образовательных учреждений, дававших профессиональное образование (школы при горных заводах, Навигаторская и проч.).

Третья струя – дворянство. Для нее первая половина 1762 года с ее Манифестом о вольности дворянства выступает временем переломным. Освобождая дворянство от обязательной военной службы, он предоставил ему право на досуг – то, без чего невозможны ни серьезные занятия хозяйством, ни интеллектуальные занятия. Указ обеспечил важную предпосылку процесса вызревания в недрах дворянства духовной элиты общества. До Манифеста выступать в качестве социального материала ранней науки могли только отдельные представители, в лучшем случае группы дворянства, имевшие либо освобождение от службы, либо службу, не мешавшую занятиям наукой. Опуская лиц, имевших личные от нее освобождения, укажем на такие группы внутри сословия:

Во-первых, лица, отпущенные в отставку по возрасту или по болезни. Но это малоперспективная для вставания в науку группа. Входившие в нее в своем большинстве миновали период интеллектуального расцвета (наиболее благоприятный для занятий наукой), вступили в пору заката.

Во-вторых, лица, состоявшие на придворной службе. Ее преимуществом являлась возможность пребывания в основном в столицах, вблизи профессионального научного сообщества, вблизи научных коллекций и книжных собраний. Но придворная служба не менее обременительная, чем военная, едва ли могла обеспечить необходимый для научных занятий досуг.

В-третьих, лица, служившие в госучреждениях и временных структурах, проводивших прикладные научные исследования (Берг-коллегия, различные экспедиции и др.).

За пределами этих групп оставались немногочисленные лица, тем или иным путем добившиеся отсутствовавшего у сословия в целом досуга. Судьбы их складывались достаточно индивидуально и типизации не поддаются. Своей дорогой – на основании подписанного императрицей в 1726 г. особого диплома – вошли в дворянское сословие Демидовы. По словам Г.Ф. Миллера (специально изучавшего историю российского дворянства) Акинфий Никитич Демидов – “сколько известно, первой в России был пример пожалования в дворяне без чина” [186, с. 222]. Пожалование было совмещено с освобождением их от общедворянских служб: “чтобы их, – говорилось в дипломе, – и детей их, и потомков, против других дворян, ни в какие службы не выбирать и не употреблять” [109, с. 46].

Перед нами очень показательный опыт, поставленный самой историей. Экспериментальная группа (род Демидовых) с хорошими исходными данными – прекрасной памятью (отмечена у разделенных тремя поколениями Н.Д. и П.Г. Демидовых [242, с. 56; 109]), трудолюбием, мощным потенциалом саморазвития (пассионарностью, в терминологии Л.Н. Гумилева) – получает досуг и в условиях стабильного материального достатка (освобождающего от необходимости тратить этот досуг на “выживание”) по собственной инициативе в массовом порядке обращает свои взоры к науке, в том числе – непосредственно к творческой работе в ней.

Переходим, наконец, к XIX веку.

Для Демидовых Павла и Анатолия Николаевичей важнейшей формой их взаимодействия с наукой становится организация и финансирование научной деятельности. Впервые у Демидовых получившая развернутое выражение в деятельности Прокофия Акинфиевича, на первое место она выходит уже в XIX веке.

Строго говоря, та форма поддержки науки, которая была избрана Павлом Николаевичем (основание именной денежной премии), к организации научных исследований отношения не имеет. Но о финансировании науки в данном случае можно говорить с полным правом, сохраняя, впрочем, в виду, что издержки, связанные с проведением работ, Демидов оплачивал по их результату, выраженному в уже написанном и даже в большинстве случаев опубликованном научном исследовании.

Анатолий Николаевич не только финансировал, но и орга-

низовывал исследования. Выше мы приводили принадлежащую В.П. Козлову оценку трудов Н.П. Румянцева, направленных на сплочение усилий и знаний современников ради решения разнообразных научных проблем. С поправкой на масштаб и сферу научной деятельности эти слова вполне приложимы и к Анатолию Демидову.

В трудах сыновей Николая Никитича Демидова мы видим расширение диапазона деятельностных форм, включающих в качестве компонента научную работу. Отец готов организовать и финансировать археологическое исследование древних памятников (проект раскопок римского Форума). Сыновья и внуки субсидируют реставрацию памятников историко-архитектурных (что также подразумевает их научное исследование): Анатолий Николаевич жертвует средства на завершение работ по фасаду базилики Санта Кроче, Павел Павлович – на кафедральный собор Санта Мария дель Фьоре [106, с. 111]. Наконец, от домашних “куцкамер”, содержимое которых, по мере наполнения, регулярно жертвуется научным и образовательным учреждениям, Демидовы (в лице Анатолия Николаевича) переходят к созданию полноценного мемориального музея (наполеоновского на о. Эльба), что, создавая источниковую базу для будущих исследований, несомненно является акцией не только культурной, но и научной.

Подводя итог, можно констатировать, что в роду Демидовых, во-первых, замечательно долго сохранялись некоторые наследуемые способности, делавшие потенциально возможной творческую реализацию их носителей в естественных и технических науках. Успешная деятельность в сфере промышленного предпринимательства создала для нескольких поколений этой фамилии прочную материальную базу. Необычная для России судьба рода (раннее одворянивание с одновременным освобождением от службы) явилась еще одним важным условием, способствовавшим реализации их потенциала через “подключение” к науке на разных ее уровнях – от индивидуальной творческой работы в ней до масштабной организационно-финансовой поддержки отдельных учреждений и проектов. С переселением некоторых представителей рода на постоянное жительство за границу эта деятельность приобретает все более интернациональный характер, что одновременно отражает и продолжавшую углубляться интеграцию России в мировой науке.

Заключение

Деятели, жизни и трудам которых посвящены предшествующие страницы, не исчерпывают списка представителей рода Демидовых, причастных к истории науки и техники, тем более – к благотворительности. За рамками книги оказался, например, упомянутый сын Павла Николаевича Павел Павлович Демидов Сан-Донато (1839–1885), действительный статский советник, егермейстер, Киевский городской голова, заводовладелец. Его фигурой, относящейся уже к VIII поколению рода Демидовых, можно было бы пополнить тот список избранных его представителей, который обсуждался в предыдущей главе. Продолживший закрепившиеся в роду традиции благотворительности, он выступал и как публицист, в ряде случаев близко подходя к научному анализу вопросов, избравшихся им для обсуждения (например, о положении евреев в России [69]).

“За кадром” остались все Демидовы XX в., в том числе здравствующая Нина Григорьевна Демидова, с 1995 г. ответственный секретарь Международного Демидовского Фонда. Выпускник геологического факультета Московского государственного университета, в 1962 г. она защитила диссертацию по специальности “геология рудных месторождений”, получила ученую степень кандидата геолого-минералогических наук, после чего более 30 лет в качестве научного сотрудника работала в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН. Нина Григорьевна имеет более сотни опубликованных научных работ, является соавтором двух монографий (“Рудные формации эндогенных месторождений” и “Логико-информационные методы оценки рудных месторождений”), неоднократно участвовала в научных конференциях и конгрессах в России и за рубежом.

Но в отношении подобных лакун, принадлежащих истории ближайших к нам полутора столетий, совесть автора чиста: хронологический диапазон предпринятого исследования с самого начала предполагалось ограничить серединой XIX в.

Материал книги допускает расширение и в другом направлении. Имело бы смысл, возможно, не замыкаясь на Демидовых, коснуться развития техники и технического образования еще и

в их “горном царстве” – на демидовских заводах. Тем более что, как мы уже убедились, именно владельцы во многом определяли их текущее состояние, стратегию и тактику развития производства, жизнь и занятия вовлеченного в него населения, саму атмосферу в горнозаводских округах. В том числе и находясь вдали от заводов, переложив текущую административную работу на приказчиков и управляющих. Последние подробно отчитывались перед хозяином, который, как минимум, санкционировал дорогостоящие промышленные эксперименты, а подчас (см. главы о Никите Акинфиевиче и Павле Николаевиче) и инициировал их.

Но “дистанционное” руководство демидовскими заводами потому и было до поры до времени достаточно успешным, что сложившаяся на них и долгие годы совершенствовавшаяся система подготовки квалифицированных кадров (от школ, о которых упоминалось, до более развитых форм) выдвигала на ведущие должности в системе управления производством специалистов самого высокого класса. Упомянем в качестве примера крупного русского горного инженера Фотия Ильича Швецова (1805–1855), вся жизнь и деятельность которого была тесно связана с демидовским промышленным хозяйством. Его ранние годы прошли в семье крепостного служащего Нижнетагильских заводов. Направленный на учебу за границу, он слушал лекции в Парижской горной школе, осматривал (1821–1828) горно-металлургические предприятия Франции, Италии, Венгрии, Чехии, Англии и Нидерландов. Получив освобождение от крепостной зависимости, Швецов служил управляющим Нижнетагильским заводом по технической части, ставил опыты по использованию тепла отходящих газов и по изготовлению литой стали [97а].

К более позднему времени относится служба на демидовских заводах еще одного деятеля, оставившего яркий след в истории технических наук и инженерии. С 1885 г. в Нижнем Тагиле, а позднее в Нижней Салде работал петербургский уроженец и выпускник Горного института, выдающийся русский ученый-металлург Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864–1928), создатель гидравлической теории печей, автор ряда учебников, по которым учились поколения студентов-металлургов. О владельцах заводов в своих воспоминаниях он отзывался скептически, подчас весьма нелицеприятно [41а, с. 17–35, 68–69]. Тем не менее, фактом остаются приезд начинающего инженера именно на демидовские заводы (в Тагил его пригласили сразу после института в качестве практиканта) и последующая длительная работа на них – помимо прочего, еще и проявление определенной

традиции в кадровой работе, сложившейся благодаря тесно связанному с производством Демидовым предшествовавшим поколениям.

Примеры можно было бы множить. Оставим это, однако, авторам других книг, посвященных развитию отечественной науки и техники, несомненный и достаточно весомый вклад в которое внесла и династия Демидовых.

Источники и библиография

Документальные источники

1. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3.
2. Там же. Оп. 2. Д. 171.
3. ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 847.
4. Там же. Д. 1554.
5. Там же. Д. 1841.
6. Там же. Д. 4388.
- 6a. Там же. Оп. 2. Д. 724.
- 6b. Там же. Д. 726.
- 6c. Там же. Д. 765.
- 6d. Там же. Д. 1063.
7. Там же. Д. 1225.
8. Там же. Д. 2392.
9. Там же. Оп. 3. Д. 220.
10. Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10.
11. Там же. Д. 17.
12. Там же. Д. 178.
13. Там же. Ф. 291. Оп. 14/58. Д. 3.
- 13a. Там же. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 326.
- 13b. Там же. Д. 327.
14. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 96.
15. Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47.
16. Там же. Ф. 248. Оп. 160. Д. 52.
17. Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3.
18. Там же. Д. 23.
19. Там же. Д. 43.
20. Там же. Д. 57.
21. Там же. Д. 69.
22. Там же. Д. 70.
23. Там же. Д. 238.
24. Там же. Оп. 5. Д. 226.
25. Там же. Д. 363.
26. Там же. Д. 365.
27. Там же. Д. 367.
28. Там же. Д. 368.
29. Там же. Д. 369.
30. Там же. Д. 373.
31. Там же. Д. 374.
32. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.
33. Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 5.
34. Керчь. Документы и материалы по истории города. Симферополь: Редотдел Крымского комитета по печати, 1993. 400 с.

35. Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. М.; Л., 1937. 460 с.
36. Хрестоматия по истории СССР. Т. 2. 1682–1856 / Сост. С.С. Дмитриев и М.В. Нечкина. – 3-е изд. М.: Гос. уч.-пед. изд-во мин-ва прос. РСФСР, 1953. 972 с.
37. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / Под ред. А.М. Пономарева. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1990. 432 с.

Мемуарные и эпистолярные источники

38. Березин-Ширяев Я.Ф. Воспоминание о П.И. Бартеневе / Публ. М.Д. Филина // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 2: Гражданское общество и частная жизнь. М.: Эллис Лак; Река Времен, 1995. С. 76–81.
39. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х т. М.: Терра, 1993. 557, 544, 607 с.
- 39а. То же. М.: Современник, 1986. 768 с.
40. Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М.О. Акишин. Екатеринбург: Банк культур. инф-ции, 1995. 481 с.
41. Грабарь И.Э. Письма 1941–1960. М.: Наука, 1983. 368 с.
- 41а. Грум-Гржимайло В.Е. Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1996. 344 с.
42. Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М.: Изд-во МГУ, 1987. 496 с.
43. Демидов П.А. Два письма к детям // Русский архив. 1873. № 11. Стлб. 2230–2233.
44. Демидов П.А. Письмо к караванным и заводским приказчикам / Сообщ. М.М. Евреиновым // Русский архив. 1873. № 11. Стлб. 2287.
45. [Дубельт Л.В.] Заметки и дневники Л.В. Дубельта / Публ. М.В. Бокариуса, Ф.М. Лурье, М.В. Сидоровой // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 6. М.: Студия “ТРИТЕ”; Российский Архив, 1995. С. 106–335.
46. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка: 1769–1791 / Изд-е подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. 992 с.
47. Журнал путешествия его высокородия господина статского советника и ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда Его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию, ноября 22 дня 1773 года. М.: Тип-я Ф. Гиппиуса, 1786.
- 47а. Из письма Акинфия Демидова к кн. Меншикову 15 февраля 1727 года // Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. 9. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М. Мысль, 1993. С. 606–607.
48. К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Сост. и авт. предисл. Н.Г. Машковцев. М.: Изд-во АХ СССР, 1952. 284 с.
49. [Кокс У.] По России и Польше в исходе XVIII-го века. Путевые впечатления англичанина. 1779–1785 гг. // Русская старина. 1907. Октябрь. Декабрь. С. 175–202, 663–675.
50. [Комаровский Е.Ф.] Записки графа Е.Ф. Комаровского. М.: Внешторгиздат, 1990. 176 с.
51. Крупина Т.В. Письмо любознательного человека // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 200–203.
52. Лесков Н.С. Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н.С. Собр. соч. в 12 т. Т.6. М.: Правда, 1989. 608 с.

53. [Михайловский-Данилевский А.И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818-м году. I–III / Сообщ. Н.К. Шильдер. Русская старина. 1897. Т. ХСІ. № 7. С. 69–102.
54. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук. Ч. 2. Кн. 1. 1770 год. СПб.: При Имп. Академии наук, 1786.
55. Переписка Н.В. Гоголя. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988. 479 с.
56. Письма Прокофия Акинфиевича Демидова к его зятю М.И. Хозикову, к Н.И. Рибас и к И.И. Бецкому. Наставление дочери // Русский архив. 1873. № 11. Стлб. 2243–2286.
57. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 2. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М.: Изд-во МГУ, 1991. 255 с.
58. Смирнов С.С. Заводовладелец и приказчики (Письма Никиты Никитича Демидова) // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 204–227.
59. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 790 с.
60. Соллогуб В.А. Воспоминания // Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л.: Худ. лит., 1988. С. 343–626.
61. Старикова Л.М. Дневная записка 1786–1787 гг. А.В. Орлова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л.: Наука, 1985. С. 143–159.
62. Стендаль. Собр. соч. в 15 т. Т. 10. Прогулки по Риму. М.: Правда, 1959. 672 с.
63. Суровцева Н.Г. Из переписки двух друзей // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 228–245.
64. Черкасова А.С. История одного конфликта. Из переписки В.Н. Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 174–199.
65. [Штелин Я.] Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. В 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 448 с. Т. 2. 248 с.

Сочинения Демидовых

66. [Демидов А.Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом Императорской Санктпетербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского Университета, и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. М.: В тип-и Александра Семена. 1853. 543 с.
67. [Демидов П.А.] Каталог растениям по алфавиту, собранным из четырех частей света, с показанием ботанических характеров, находящимся в Москве в саду действительного статского советника Прокофья Демидова. М.: Тип-я Ф. Гишпиуса, 1786. 14, 469 с.
68. Демидов П.А. Трактат о пчелах // Русский архив. 1873. № 11. Стлб. 2236–2242.
69. Демидов Сан-Донато [П.П.] Еврейский вопрос в России. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1883. VII, 91 с.

Историография. Справочные издания

70. Аксенов А.И. С любовью к отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1994. 208 с.
71. Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. 543 с.

72. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. 864 с. (Литературное наследство. Т. 91).
73. Алексеева Н.Ю., Моисеева Г.Н. Миллер Федор Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К–П). СПб.: Наука, 1999. С. 288–291.
74. Андреев Н.Ф. Историческое известие о Чулковой слободе (предместии), что в Туле // Тульские губернские ведомости. 1853. № 41–44. 10, 17, 24, 31 октября. Отд. 2-ой. Часть неофиц. С. 200–206, 208, 209, 211–214.
- 74а. То же // Москвитянин. 1854. № 15. Отд. II. С. 109–128.
75. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 332 с.
76. Антонов В.В. Б. Симон – помощник Пино // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX века / Под ред. Т.В. Алексеевой. М.: Наука, 1984. С. 124–130.
77. Анциферова Г.М. Дворец в Нескучном // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 92–109.
78. Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. 1. М.: Тип-я В. Готье, 1850. 241, 112 с.
79. Бабич М.В. Берг-коллегия // Российская государственность. Т. 1. М., 1999. С. 46–48.
80. Бакс К. Богатства земных недр. М.: Прогресс: 1986. 384 с.
81. Баньковский Л.В. Пермистика: Заметки об истоках пермской региональной культуры. Пермь, 1991. 108 с.
82. [Бартенев П.И.] П.Б. [Предисл. к публикации] Родословная Демидовых // Русский архив. 1873. № 11. Стлб. 2212–2213.
83. Бастракова М.С., Копелевич Ю.Х. Комментарии. “Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии” // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 368–402.
84. Белехов Н.Н., Петров А.Н. Иван Старов: Материалы к изучению творчества. М.: Изд-во АХ СССР, 1950. 180 с.
85. Белинский В.Г. Речи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета, 10-го июня, 1839 // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840. М.: Худож. лит., 1977. С. 460–470.
86. Белинский В.Г. Современник. Том одиннадцатый... Современник. Том двенадцатый... // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840. М.: Худож. лит., 1977. С. 380–392.
87. Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин. 1709–1755. М.: Наука, 1990. 144 с.
88. Берг Л.С., Троицкий И.А. Бессарабия // БСЭ. 1-е изд. Т.6. М.: Сов. энцикл-я, 1927. С. 17–26.
- 88а. Бережная Н.Л. Научные приборы из собрания музея-усадьбы “Архангельское” // Памятники науки и техники. 1987–1988. М.: Наука, 1989. С. 61–74.
89. Бессуднова З.А., Жегалло В.И. Коллекция кораллов П.Г. Демидова: второе рождение // Для великого блага Отечества...: (Демидовские чтения). Ярославль: Яросл. госуниверситет, 1998. С. 85–87.
90. Биографические материалы // Ушинский К.Д. Собр. соч. Т. 11: Материалы биографические и библиографические. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук, 1952. С. 9–540.
91. Болотов А.Т. Избранные труды. М.: Агропромиздат, 1988. 416 с.

92. Борис А.Г., Канаев М.Ю. “Слободской дом” Демидовых в Москве // Демидовский временник. Кн. I. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 65–73.
93. Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков: космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М.: Галактика, 1992. 272 с.
94. Вавилов С.И. Из истории науки в Москве // ВИЕТ. 1997. № 3. С. 58–61.
95. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. 2: Гогоцкая–Карамзин. СПб.: Тип-я Имп. АН, 1910. 598 с.
96. Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М.: Наука, 1988. 416 с.
97. Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 63–201.
- 97a. Виргинский В.С. Фотий Ильич Швецов. М.: Наука, 1977. 220 с.
98. Власов П.В. Обитель милосердия. М.: Моск. рабочий, 1991. 304 с.
99. Власюк А.И. Казаков / А.И. Власюк, А.И. Каплун, А.А. Кипарисова. М.: Гос. изд-во лит-ры по стр-ву и арх-ре, 1957. 372 с.
100. Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении М.: Тип-я А. Семена, 1826. XX, 263, 69, V с.
101. Гаряев Р.М. Из истории перепланировки русских городов во второй половине XVIII века // История СССР. 1986. № 6. С. 141–154.
102. Геннади Г.Н. Указатель библиотек в России // Собиратели книг в России. М.: Книга, 1988. С. 212–216.
103. Генин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М.: ГИЗ “История заводов”, 1937. 664 с.
104. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь: Таврия, 1993. 128 с.
105. Гиндилис Н.Л. Пионеры просопографии в науковедении // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 27–38.
106. Глушакова Ю.П. Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода / Ин-т рос. истории РАН. М., 1993. С. 105–127.
107. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. IX. М.: В Университетской тип-и, у Н. Новикова, 1789. IX, 499 с.
- 107a. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 524 с.
108. Головщиков К.Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886 гг.). Ярославль: Тип-я Г.В. Фальк, 1887. II, 225 с.
109. Головщиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль: В тип-и Губ. правления, 1881.
110. Горелов А.А. Цена реалии (Сборник Кириши Данилова – народная книга середины XVIII века) // Русская литература. 1963. № 3. С. 167–169.
111. Государственный архив Ростовской области: Путеводитель. Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1961. 468 с.
112. Государственный Эрмитаж. Культура и искусство античного мира: Путеводитель / Г.Д. Белов, М.П. Ваулина, А.И. Воцинина и др. 2-е изд. Л.: Аврора, 1971. 208 с.
113. Грабарь И.Э. В поисках неизвестных построек В.И. Баженова // Неизве-

- стные и предполагаемые постройки В.И. Баженова. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 11–184.
114. Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск: Челябинский дом печати, 1995. 233 с.
 115. Гуськова Т.К. Роль Демидовых в организации управления заводским хозяйством в XVIII – первой половине XIX веков (по материалам Нижне-Тагильских заводов) // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула: Рарус, 1995. С. 12–16.
 116. Данилевский Р.Ю. Демидова Елизавета Петровна // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. С. 248–249.
 117. Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г. Книги горного гнезда // Книги старого Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. С. 185–214.
 118. 225 лет Академии художеств СССР. Каталог выставки. Живопись, скульптура, архитектура, графика, театрально-декорационное искусство, декоративно-прикладное искусство, документы, издания. Т. 1: 1757–1917. М.: Изобр. искусство, 1983. 600 с.
 119. Демидова Н.Г. К истории освоения Демидовыми минеральных богатств России // Альманах Международного Демидовского фонда. М.: Изд. центр “Классика”, 2001. С. 84–91.
 120. Демидовит // БСЭ. 1-е изд. Т. 21: Дейли-джут. М.: Сов. энцикл-я, 1931. Стлб. 219.
 121. Демидовы // БСЭ. 1-е изд. Т. 21: Дейли-джут. М.: Сов. энцикл-я, 1931. Стлб. 219–221.
 122. Дружинин П.А. Федот Иванович Шубин в работе над портретами Демидовых // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1998. М.: Наука, 1999. С. 318–328.
 123. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1860 гг. М.: Наука, 1981. 216 с.
 124. Дюбуа де Монперре, Фредерик // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. Т. 4: Герарди – Дюма. М.: Большая Российская энцикл-я, 1993. С. 850.
 - 124а. Дюма глазами русских / Сост. Ю.А. Михайлов // Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т. 3. М.: Ладомир, 1993. С. 365–592.
 125. Ефимова Е.А. Демидовы и развитие естественных наук в России // Для великого блага Отечества...: (Демидовские чтения). Ярославль: Яросл. гос-университет, 1998. С. 76–78.
 126. Завитухина М.П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л.: Аврора, 1977. С. 63–69.
 127. Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I. Археологический сборник. № 18. Л.: Аврора, 1977. С. 41–51.
 128. Иверсен Ю.Б. Медали в память рода Демидовых. СПб.: Тип-я имп. Акад. наук, 1879.
 129. Илизаров С.С. Герард Фридрих Миллер – первый исследователь Москвы и Московского края // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М.: Янус, 1996. С. 5–44.
 130. Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. М.: Янус-К, 1999. 371 с.
 131. Илизаров С.С. Первые исследователи Москвы: зарождение и формирование традиции москвоведения // Москва научная. М.: Янус-К, 1997. С. 93–135.

132. Илизаров С.С. “Судьба и участь истории науки” в России и СССР (XVIII–XX вв.) // ВИЕТ. 1989. № 2. С. 32–40.
133. Ильина Т.В. Иван Яковлевич Вишняков. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1979. 280 с.
134. Ильин-Томич А.А., Рейтблат А.И. Демидов Михаил Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2: Г–К. М.: Большая Российская энцикл-я; Фанит, 1992. С. 105–106.
135. Илюхин А.Н., Полянцева И.Б. “Дом Демидовых” в Басманной слободе // Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства. Мат-лы республ. науч.-практич. конф-ции. Тула: Репроникс, 1992. С. 45–56.
- 135а. История Академии Наук СССР. Т. 1 (1724–1803). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 484 с.; Т. 2 (1803–1917). М.; Л.: Наука, 1964. 772 с.
136. Казаков Б.И. Осколки Луны. М.: Знание, 1991. 144 с.
- 136а. Калинин А.Н. Ломоносовская лаборатория // Памятники науки и техники. 1990. М.: Наука, 1992. С. 151–163.
137. Каманин Л.Г. Сибирь и Дальний Восток // История открытия и исследования Советской Азии / Азатьян А.А., Белов М.И., Гвоздецкий Н.А. и др. М.: Мысль, 1969. С. 202–374.
138. Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 374–416.
139. Караваев М.Н., Ефимов А.И. Прокофий Демидов – натуралист XVIII века // Природа. 1983. № 2. С. 96–101.
140. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Тип. К.Н. Плотникова, 1874. 380 с.
141. Карпеев Э.П. “Се человек...” (заметки к психологическому портрету М.В. Ломоносова) // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 106–121.
142. Карпова Е.В. Скульптурные портреты Демидовых // Демидовский временник. Кн. I. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 99–146.
143. Карпова Е.В. // “Утраченные” работы французских скульпторов в России // Искусство Франции и русско-французские художественные связи. Тезисы докладов науч. конф-ции, посв. юбилею д-ра искусствоведения проф. Н.Н. Калитиной. СПб., 1996. С. 43–45.
144. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 524 с.
145. Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г. Экслибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета: Альбом-каталог. М.: Изд-во МГУ, 1985. 224 с.
146. Киприн В., Шаляпина Г. Нескучный сад // Москва. 1989. № 1. С. 146–159.
147. Клейменова Р.Н. Книжная Москва первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. 240 с.
148. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. 168 с.
149. Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”. Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М.: Наука, 1988. 272 с.
150. Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. 416 с.
151. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

152. Копелевич Ю.Х. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745–1781. М.: Наука, 1997. 128 с.
153. Копелевич Ю.Х. “Рай для ученых”..? (о судьбах первых российских академиком) // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 47–68.
154. Копелевич Ю.Х., Ожигова Е.П. Академия как форма организации науки. (По материалам капиталистических стран Европы и Северной Америки) // ВИЕТ. 1989. № 2. С. 25–32.
155. Косточкин В.В. Чердын. Соликамск. Усолье. М.: Стройиздат, 1988. 182 с.
156. Краснова Е.И. Алексей Иванович Мусин-Пушкин в Петербурге // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. IV. СПб.: Изд-во Чернышева, 1999. С. 195–209.
157. Краснова Е.И. Демидовы: Родословная роспись. Екатеринбург: МП “Пика”, 1992. 40 с.
158. Краснова Е.И. История домовладения и застройки участка бывшей усадьбы Демидовых на Мойке // Петербургские чтения (к юбилею города). Тезисы докладов конф-ции. СПб., 1992. С. 126–130.
159. Краснова Е.И. О генеалогии Демидовых. Новые сведения // Историческая роль Екатерины II в развитии горно-заводского дела в России. Научно-практическая конференция. 17–19 декабря 1999 г. СПб., 2000. С. 55–60.
160. Краснова Е.И. Поэт Михаил Александрович и композитор Григорий Александрович Демидовы // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула: Рарус, 1995. С. 34–37.
161. Краснова Е.И. Путешествие Н.А. Демидова // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 3. “Петербургжец путешествует”. Материалы конференции 3–4 апреля 1997 г. СПб., 1998. С. 55–63.
162. Краснова Е.И. Три адреса А.И. Мусина-Пушкина в Петербурге // Петербургские чтения (к юбилею города). Тезисы докладов конф-ции. СПб., 1992. С. 68–71.
163. Крашенинникова А.Ф. Григорий – средний сын Акинфия Демидова и его зятя-архитекторы // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула: Рарус, 1995. С. 25–27.
164. Крейс К. Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крейсом в 1699 г. и поднесенные царевичу Алексею Петровичу // Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 53. Сентябрь.
165. Кривошеина Г.Г. Научные музеи Москвы: два века истории // Москва научная. М.: Янус-К, 1997. С. 59–90.
- 165а. Кузьмин А.И. Вороблевский Василий Григорьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука, 1988. С. 175–176.
166. Кулакова И.П. “Минервин храм” (Москва и Московский университет в XVIII веке) // ВИЕТ. 1997. № 3. С. 3–54.
167. Кючарианц Д.А. Иван Старов. Л.: Лениздат, 1982. 192 с.
168. Ламан Н.К. Развитие техники обработки металлов давлением с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1990. 238 с.
- 168а. Лауреаты Демидовской премии 1997 года. Екатеринбург: Тип-я УРО РАН, 1997. 37 с.
169. Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 384 с.
170. Лебедев Е.Н. Ломоносов. М.: Мол. гвардия, 1990. 606 с.
171. Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л.: Искусство, 1985. 408 с.

172. Летопись Академии наук: первые десятилетия / Подг. Н.И. Невской, Ю.Х. Копелевич, А.Б. Кузнецовой // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 69–105.
- 172a. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 436 с.
- 172b. Летопись Российской Академии наук / Под ред. Н.И. Невской Т. 1. СПб.: Наука, 2000. 994 с.
173. Липшиц С.Ю. Систематика, флористика и география растений // Очерки по истории русской ботаники / Л.П. Бреславец, Б.Л. Исаченко, Н.А. Комарницкий и др. М.: Изд-во Моск. общ-ва испытателей природы, 1947. С. 9–114.
- 173a. Лихоткин Г.А. Ломоносов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1981. 239 с.
174. Логунов Е.В., Перминова Л.Б., Шкерин В.А. Усть-Боровский солеваренный завод: вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 41 с.
175. Лукина Т.А. Мария Сибилла Мериан. 1647–1717. Л.: Наука, 1980. 208 с.
176. Любина Г.И. Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Янус, 1966. 263 с.
177. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 3: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII в.). М.: Просвещение, 1984. 320 с.
178. Максимов М.М. Очерк о серебре. 3-е изд. М.: Недра, 1981. 208 с.
179. Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М.: Моск. рабочий, 1992. 256 с.
180. Мальцева Е.С. Динамика развития уральской горнозаводской промышленности в XVIII в.: к проблеме количественного учета металлургических заводов // VII научно-практическая конференция “Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы”. Нижний Тагил, 16–18 октября 2000 г. Т. 1. Нижний Тагил, 2000. С. 95–98.
181. Мальцева Е.С. Новые материалы о Н.А. Демидове из фондов Нижнетагильского музея-заповедника // Для великого блага Отечества...: (Демидовские чтения). Ярославль: Яросл. госуниверситет, 1998. С.13–14.
182. Мартынов А.А. Московская старина: Археологическая прогулка по московским улицам // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 154–172.
183. Мезенин Н.А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1987. 204 с.
184. Меньшикова М.Л. Яков Вилимович Брюс и его китайские коллекции // Петровское время в лицах. Краткое сод-е докладов науч. конф-и. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 34–40.
185. Месяц Г.А. “Не могу не быть оптимистом” // Поиск. 1995. № 11 (305). 11–17 марта. С. 4.
186. Миллер Г.Ф. Известие о дворянх [Российских] // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 180–225.
187. Миллер Г.Ф. Москва. Путешествия по Московской провинции // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подг. текста, статья С.С. Илизарова. М.: Янус, 1996. С. 47–174.
188. Миллер Г.Ф. [Описание городов Московской провинции] // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 226–319.
189. Мокрецова И.П. Рукописная Библия XIII в. из Научной библиотеки Московского государственного университета // Памятники культуры. Новые открытия. 1974. М.: Наука, 1975. С. 354–368.
190. Мокрецова И.П., Романова В.Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. 1200–1270. М.: Искусство, 1983. 248 с.

191. Морозов А.А. М.В. Ломоносов: путь к зрелости. 1711–1744. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 488 с.
- 191a. Мосин А.Г. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Вып. 3. Екатеринбург: Архитектон, 1997. С. 10–98.
192. Москва в описаниях XVIII века / Подг. текста, статьи С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 1997. 320 с.
193. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. 736 с.
194. Музей горнозаводского дела. Нижний Тагил. Екатеринбург: Баско, 1995. 176 с.
195. Мурьянов М.Ф. Пушкин и Песнь песней // Временник Пушкинской комиссии. 1972. М.: Наука, 1974. С. 47–65.
- 195a. Мюллер И.Л. Бабиновская дорога (утраченные памятники Верхнекамья) // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии. Материалы Междунар. научно-практич. конф-ции. – Березники, 1997. С. 19–22.
196. Неверов О.Я. Итальяно-российский коллоквиум “Демидовы во Флоренции и Тоскане” // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 368–371.
- 196a. Неклюдов Е.Г. Приезд Н.Н. Демидова на Нижнетагильские заводы в 1806 г. // Тагильский край в панораме веков: Мат-лы краевед. конф-ции... Вып. 2. Нижний Тагил: РИО НТГПИ, 2001. С. 202–210.
197. Нижнетагильский металлургический завод XVIII–XX века / Ю.С. Комратов, И.Г. Семенов, С.В. Устьянцев, С.И. Хлопотов. Екатеринбург: Изд-во СВ, 1996. 360 с.
198. Нижнетагильский музей-заповедник. 2-е изд. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1988. 240 с.
199. Огановский Н.П. Статистико-географический обзор Области Войска Донского. II. Статистико-экономический обзор // Энциклопедический словарь Т-ва “Бр. А. и И. Гранат и К”. 7-е изд. Т. 30: Наука–Павел Дякон. М., Б. г. Стлб. 385’–391’.
200. Огарков В.В. Демидовы: Их жизнь и деятельность // Иоанн Грозный. Петр Великий. Меншиков. Потемкин. Демидовы: Биографические очерки. Челябинск: Урал, 1994. С. 363–435. (Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова. Т. 1)
201. Оноприенко В.И. Геннадий Данилович Романовский. 1830–1906. М.: Наука, 1995. 174 с.
202. “О повреждении нравов в России” князя М. Щербатова и “Путешествие” А. Радищева. Факсимил. изд-е. М.: Наука, 1983. 14, XIV, II, 341, 176 с.
203. Основные даты биографии К.Д. Ушинского // Ушинский К.Д. Собр. соч. Т. 1: Ранние работы и статьи. 1846–1856 гг. М.; Л.: Изд-во Акад-и пед. наук, 1948. С. 41–44.
204. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводо-владельцы. М.: Изд-во АН СССР. 1962. 567 с.
205. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 540 с.
206. [Паллас П.С.] Каталог растениям, находящимся в Москве в саду его превосходительства действительного статского советника и Императорского Воспитательного дома знаменитого благодетеля, Прокофия Акинфиевича

- Демидова, сочиненный П.С. Палласом, академиком Санкт-Петербургским. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1781. XXXI, 163 с.
207. Петров В.П. Рассказы о трех необычных минералах. М.: Недра, 1978. 177 с.
- 207а. Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: Сократ, 2000. 208 с.
208. Поленов Ю.А. Геологические музеи Европейской части России и Урала // VII научно-практическая конференция “Российский научно-технический музей: проблемы и перспективы”. Нижний Тагил, 16–18 октября 2000 г. Т. 1. Нижний Тагил, 2000. С. 117–123.
209. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.
- 209а. Положение о наградах, учрежденных 17 апреля 1831 года камергером П.Н. Демидовым. СПб., 1851. 27 с.
210. Пospelов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1993. 250 с.
211. Присенко Г.П. Просветитель В.А. Левшин. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 94 с.
212. Прожогин Н.П. Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л.: Наука, 1981. С. 60–75.
213. Путилов Б.Н. Сборник Кирши Данилова” и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. М.: Наука, 1977. С. 361–404.
214. Пчеловодство: Маленькая энциклопедия. 2-е изд. М.: Большая Российская энцикл-я, 1999. 512 с.
215. Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. Репр. воспр-е изд-я 1898 г. М.: Орбита, 1990. 765 с.
216. Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М.: Моск. рабочий. 1990. 417 с.
217. Равич Л.М. Портрет семьей. “Испытываю сильные ощущения” // Собиратели книг в России. М.: Книга, 1988. С. 175–219.
218. [Рец. на] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году А. Демидовым. М. 1853 // Современник. 1853. № 11. Ноябрь. Отд. IV. Библиография. С. 16–22.
219. Род Строгановых. Практическое пособие для историков, краеведов и генеалогов / Сост. А.Н. Онучин. Пермь: Перм. обл. орг-я об-ва “Знание”, 1990. 290 с.
220. Родионов А.М. На крыльях ремесла: Повествовательная хроника камнерезного дела на Алтае с 1786 года и до наших дней. М.: Современник, 1988. 280 с.
221. Рожков В.И. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии (Материалы к истории горного промысла в России в царствование Анны Ивановны) // Горный журнал. 1885. № 5. С. 243–301; № 7. С. 101–140.
- 221а. Романовский С.И. Что дала русская геологическая мысль мировой науке // ВИАТ. 1997. № 1. С. 106–116.
222. [Рубан В.Г.] Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе звание государских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, двorcов, присутственных и других казенных мест, число обывательских двorcов и покоев, рядов и рынков, фабрик, заводов и прочая. Собранное и изданное в свет для удовольствия общества, издателем Описания Санкт-Петербурга, г. н. с. В.Г. Рубаном. СПб.: При Артилл. и инж. шляхет. кадет. корпусе у содерж. тип-и Х.Ф. Клезна, 1782. 159 с.

223. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1957. 496 с.
224. Рудаков В. Демидовы // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. Т. 4: Герарди – Дюма. М.: Большая Российская энцикл-я, 1993. С. 610–612.
225. Рундквист Д.В., Наумов Г.Б., Черненко В.В. Наследие Демидовых в музее Вернадского // Для великого блага Отечества...: (Демидовские чтения). Ярославль: Яросл. госуниверситет, 1998. С. 84–85.
226. Рязанцев Н.П. Из истории создания и разрушения памятника П.Г. Демидову в Ярославле // Для великого блага Отечества...: (Демидовские чтения). Ярославль: Яросл. госуниверситет, 1998. С. 69–73.
227. Савельева Е.А., Леонов В.П. У истоков академической библиотеки // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 27–40.
228. Саткевич А. Леонард Эйлер. (В двухсотую годовщину дня его рождения) // Русская старина. 1907. Декабрь. С. 467–506.
229. Севергин В. Начертание технологии минерального царства. 1821.
230. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. В 5 тт. М.: Гос. библи. СССР им. В.И. Ленина. Т. 1: А–И. 1962. 436 с. Т. 2: К–П. 1964. 516 с.
231. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII – середине XIX в. / Т.И. Агапова, В.Г. Изгачев, З.Г. Карпенко, В.В. Романов // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1982. С. 74–107.
232. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. Период III. Сибирские огни. 1991. № 5. С. 173–196.
233. Смагина Г.И. Академия наук и народное просвещение в России во второй половине XVIII века // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 39–46.
234. Соболева Е.В. Организация науки в России второй половины XIX в. // ВИЕТ. 1989. № 2. С. 13–18.
235. Соколов В.Е., Парнес Я.А. Георг Вильгельм Стеллер. Первые описания животного мира Камчатки, Аляски и Алеутских островов // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 72–80.
236. Соловьева Ю.Н. Москва ушедшая. Исторический путеводитель с использованием сведений из адресной книги “Вся Москва”. М.: Прессинг, 1993. 236 с.
237. Сорок сороков / Авт.-сост. П.Г. Паламарчук. М.: АО “Книга и бизнес”; АО “Кром”. Т. 2; Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. 1994. 648 с.; Т. 4: Окраины Москвы. Инославие и иноверие. 1995. 584 с.
238. Спасский Г.И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, основателя многих горных заводов, составленное из актов, сохранившихся у его наследников, и из других сведений. СПб.: Тип-я. и лит-я. А.Э. Мюнстера, 1877. 106 с.
- 238а. Сточик А.М., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. 2-е изд. М.: Шико, 2000. 464 с.
239. Струмилин С.Г. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М.: Наука, 1967. 443 с.
240. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 2. 1762–1812. М., 1954. 624 с. Т. 3. 1812–1862. М.: Моск. рабочий, 1972. 399 с.

241. Татарникова С.Н. М.И. Туган-Барановский – мыслитель, демократ, экономист // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 218–223.
242. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 464 с.
- 242а. Трошина Т.М. Демидовы и прикладное искусство Урала // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. Вып. 3. Екатеринбург: Архитектон, 1997. С. 159–170.
243. Труш К.А. Память о роде Демидовых в подмосковном селе Петровском-Княжищеве. М., 1914. 8 с.
244. Тунманин. Крымское ханство. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.
- 244а. Уварова Л.И. Проблемы практической механики машин в Академии наук XVIII века // Российская академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 706–752.
245. Ундольский В. Павел Григорьевич Демидов и его славяно-русская библиотека // Чтения ОИДР. М., 1846. Кн. 2. С. 1–29.
246. Уткина Н.Ф. Естественные науки // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 3: Наука. Общественная мысль. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 7–49.
- 246а. Уханов И.С. Рычков. М.: Молодая гвардия, 1996. 236 с.
247. Ушинский К.Д. О камеральном образовании. Речь на торжественном собрании лицея 18/IX 1848 г. // Ушинский К.Д. Собр. соч. Т. 1: Ранние работы и статьи. 1846–1856 гг. М.; Л.: Изд-во Акад-и пед. наук, 1948. С. 121–249.
248. Фадеева Т.М. Крым // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3: К–М. М.: Большая Российская энцикл-я. 2000. С. 173–177.
249. Фурсова Л.М., Кадилова М.Н., Цыганкова М.В. Московская городская усадьба Демидовых “Слободской дом” // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула: Рарус, 1995. С. 31–34.
250. Фурсова Л.М., Цыганкова М.В. Историческое наследие Демидовых в области ландшафтной архитектуры // Тульский металл: четыре столетия истории. М.; Тула: Рарус, 1995. С. 28–30.
251. Хандорин В.Г. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3: К–М. М.: Большая Российская энцикл-я. 2000. С. 254.
252. Чайковский Ю.В. Старейшее общество и его библиотека // Москва научная. М.: Янус-К, 1997. С. 391–415.
253. Чебанова Л.М. Из истории отдела нумизматики // Музей-3. Художественные собрания СССР. М.: Сов. художник, 1982. С. 101–104.
254. Черкас А. Демидов Никита Демидыч // Русский биографический словарь: Дабелов–Дядьковский. СПб.: Тип. тов-ва “Общественная польза”, 1905. С. 217–219.
- 254а. Черкасова А.С. Германия и Урал в XVIII в. Научные и культурные связи // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур. М.: Наука, 2000. С. 116–125.
255. Черкасова А.С. Хозяин или творец славы “Старого собора”? // Металлург. 1993. № 8. С. 53–56.
256. Черкасова А.С. “...Чтоб железо делать самым добрым мастерством”. Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник. Кн. I. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 10–29.
257. Черкасова А.С. Урал и Европа в XVIII веке (научные и технические связи) // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950 гг. Материалы международной научной конференции. Нижний Тагил. 15–18 августа 1996 года. Екатеринбург, 1996. С. 23–27.
258. Черкасова А.С., Мосин А.Г. “На благо любезного Отечества” // Демидов-

- ский современник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 246–275.
259. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 16 т. Т. 1. М., 1939.
 - 259а. Чижков А.Б. Подмосковные усадьбы сегодня: Путеводитель с карто-схемой. М.: “АИРО-XX”, 2000. 256 с.
 260. Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М.: Унив. тип-я, 1855. XII, 584 с.
 261. Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пятый период. Ч. 3: С. 1702–1715 г. Пермь: Тип-я губерн. земской управы, 1889.
 262. Шубинский С.Н. Русский чудаки XVIII столетия (1710–1786) // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. Таллинн; М.: Скиф Алекс, 1994. С. 353–368.
 263. Шумахер И.Д. Краткое изъяснение о состоянии Академии Наук также и Библиотеки и Кунсткамеры // Российская академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 759–770.
 264. Щукина Е.П. “Натуральный сад” русской усадьбы в конце XVIII в. // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования / Под ред. Т.В. Алексеевой. М.: Наука, 1973. С. 109–117.
 265. Юркин И.Н. Абрам Булыгин: чудности, веселости, “непонятная философия”... Тула: Рарус, 1994. 188 с.
 266. Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998. 327 с.
 267. Юркин И.Н. “Меховой” мастер Иван Янвер // Уральский следопыт. 1993. № 2. С. 23–25.
 268. Юркин И.Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь в Туле: Исторический очерк. Тула, 1994. 80 с.
 269. Юркин И.Н. Сереброплавильный завод XVII века на реке Тулице (материалы, предвещающие археологическое открытие памятника) // Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства. Матер-лы республ. науч.-практич. конф-ции. Тула: Репроникс, 1992. С. 36–39.
 270. Юркин И.Н. Старообрядец и его костюм в русском городе второй четверти XVIII века // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века. Сб-к науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. унив-та, 1999. С. 115–138.
 271. Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых. 1695–1782: Из истории становления и развития доменной металлургии России. М.: Наука, 1996. 240 с.
 272. Юркин И.Н. Штрихи к портрету русского предпринимателя XVIII в. (из истории династии Демидовых) // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 38–47.
 273. Юркин И.Н., Заидов О.Н. Археологическое исследование погребений Демидовых в Туле // Демидовский современник. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. Кн. 1. С. 357–363.
 274. Юркин И.Н., Данилин В.А. Применение неразрушающих методов исследования при охранном изучении памятников промышленной археологии // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (Мат-лы научн. конф-ции). Рязань, 1994. С. 60–62.
 275. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII века. М.: Наука, 1985. 368 с.
 276. Юхт А.И. Участие тульского купечества в русско-восточной торговле (по данным астраханских таможенных книг 20–50-х гг. XVIII века) // Россий-

- ское предпринимательство: история, традиции, памятники. М.; Тула: Па-
рус, 1995. С. 15–17.
277. Brockhaus Enzyklopädie. In 24 bd. 19 Aulf. Mannheim. Brockhaus. 1986–1994.
 278. Freiberg in der Stadtchronic geblättert / Gerats M., Lauterbach W., Richter U., Thiel U. Bad Soden-Salmünster: ETRO-Verlag, 1996. 112 p.
 - 278a. Herrmann W. Bergrat Henckel, ein Wegbereiter der Bergakademie. Berlin: Akademie Verlag, 1962. (Freiberger Forschungshefte. D37).
 279. Jentsch F., Thiel U. Georgius Agricola und die Montawissenschaften. Frieberg: Medienzentrum TU Bergakademie Freiberg, 1994. 33 p.
 280. Karpova E.V. Le monument dédié à N.N. Demidoff: un travail inédit de F.J. Bosio // Gazette des Beaux-Arts. 1996. Janvier. P. 49–54.
 281. Karpova E.V. Le Christ en croix: une œuvre “perdue” de Pradier (1790–1852) // Gazette des Beaux-Arts. 1996. Octobre. P. 173–178.
 282. Der Naue Herder. Wissen im Alphabet. Im 6 bd. Freiburg; Basel; Wien: Herder. 1970.
 - 282a. Prescher H. Leben und Wirken deutscher Geologen im 18. und 19. Jahrhundert. Leipzig: VEB Deutscher Verlag für Grundstoffindustrie, 1985.

Нарративы

283. Алданов М.А. Огонь и дым // Радуга. 1999. № 7. С. 111–118.
284. Загоскин М.Н. Москва и москвичи: записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным. М.: Моск. рабочий, 1988. 624 с.
285. Ломоносов М.В. Письмо о пользе стекла к высокопревосходительному господину генералу-поручику, действительному ее императорского величества камергеру, Московского университета куратору ...Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году // Полн. собр. соч. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 508–522.
286. Мандельштам О.Э. Путешествие в Армению // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Проза. Переводы. М.: Худ. лит-ра, 1990. С. 100–132.
287. Мандельштам О.Э. Читая Палласа // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Проза. Переводы. М.: Худ. лит-ра, 1990. С. 364–367.
288. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 1. Л., 1981.
289. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. 496 с.
290. Фаулз Дж. Червь. М.: Вагриус, 1996. 543 с.

Список сокращений

ВИМАИВиВС	– Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВЭО	– Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
МОИП	– Московское общество испытателей природы
ОИДР	– Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов

Именной указатель*

- Агапов Петр, садовник 140, 141
Аддисон Джозеф (Addison, 1672–1719), англ. писатель 265
Акутин Степан, помытчик 105
Алданов Марк Александрович (1886–1957), писатель 278
Александр I Павлович, рос. император 170, 184, 217, 230, 279
Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед 208
Алексеев Осип, служитель Н.А. Демидова 141
Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I 215
Алферов Жорес Иванович, физик, академик РАН 208
Амман Иоганн (Amman Johann, 1707–1741), врач, ботаник 27, 83, 95, 114, 118, 120
Анастасевич Василий Григорьевич (1775–1845), переводчик, библиограф, журналист, поэт 181
Андреев Макар, человек Н.Н. Демидова 50
Андреев Николай Федорович (1795 или 1797–1864) 65, 123
Анисимов, геолог 217
Анна Ивановна (Иоанновна) (1693–1740), рос. императрица 19, 63
Аносов Павел Петрович (1797–1851), металлург, геолог 201, 207, 259
Антюфеев Акинфий Никитич см. Демидов А.Н.
Антюфеев Григорий Никитич см. Демидов Г.Н.
Антюфеев Никита Демидович см. Демидов Н.Д.
Антюфеев Никита Никитич см. Демидов Н.Н.
Антюфеевы 14
Апасов Наум см. Опасов Н.
Апраксин Петр Матвеевич (1659–1728), гос. деятель 20
Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728), гр., военачальник 124
Аргунов Федор Семенович (ок. 1732 – ок. 1768), архитектор 133, 168
Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871), историк, литературовед, этнограф, фольклорист 207
Афонин Матвей Иванович (ум. 1810), проф. естественной истории, почвовед, агроном 41, 190
Афремов Иван Федорович (1794–1866) 14, 20, 168
Баев Александр Александрович (род. 1904), ученый в области биохимии, молекулярной биологии и генетической инженерии, академик РАН 207
Баженов Василий Иванович (1737 или 1738–1799), архитектор, график 168
Баньковский Лев Владимирович 105, 123–125
Барацкий, банкир 144
Бартенев Петр Иванович (1829–1912) 79, 101, 168
Бартолини Л., итал. скульптор 196
Баташев Иван Тимофеевич (ум. не ран. 1734), тул. кузнец, металлозаводчик 55
Бахман, литограф 243
Беер Андрей Бенедиктович см. Безер А.В.
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), критик, публицист 243

* Фамилии авторов работ в области истории, искусствоведения и смежных дисциплин выделяются курсивом и не комментируются.

- Беляев О. 16
- Беннигсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) (Bennigsen, 1745–1826), бар., гр., военачальник 195
- Бер см. Бэр К.М.
- Бергман Петр, картограф 215
- Бердяев, генерал 231
- Березин-Ширяев Яков Федулович (1824–1898), библиофил, библиограф, коммерсант 168
- Берсенева Иван Михайлович, военн. моряк, исследователь Крыма 217
- Бертоллучи, хозяин гостиницы в Ялте 228, 235
- Берх Василий Николаевич (1780 или 1781–1834)* 41, 123
- Берцелиус Йенс Якоб (1779–1848), швед. химик 259
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766), гр., гос. деятель, дипломат 282
- Бээр (Беер) Андрей Бенедиктович (Венедиктович) (1696–1751), организатор производства на ряде рос. казенных з-дов 22, 36, 56–58
- Биллингс Джозеф (Иосиф Иосифович) (ум. 1806), моряк, исследователь восточных берегов Сибири и побережья Черного моря 217
- Бильштейн Карл Леопольд, чл. Комиссии о коммерции 64
- Бирон Эрнст Иоганн (Biron, Bühren, 1690–1772), гр., гос. деятель 18
- Блессингтон (Гардинер Маргарет) 194
- Блёде, геолог 217
- Блудовы 245
- Богданович Ипполит Федорович (1743–1803), поэт, переводчик 202
- Бозио Франсуа-Жозеф-Жильбер (Bosio F.J., 1769–1845), фр. скульптор 196
- Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833), естествоиспытатель, мемуарист 67, 75, 79, 96, 99, 139, 147, 151, 152, 204, 274, 276, 280, 282
- Бонапарт Жером (Bonaparte Jerome, 1784–1860), брат Наполеона I, король Вестфальский 212
- Бонапарт Матильда см. Монфор Матильда де
- Бонапарт Наполеон см. Наполеон I
- Бонапарты 281
- Борис А.Г.* 168
- Бредли (Брадлей) Джеймс (Bradley James, 1693–1762), англ. астроном, поч. чл. Петерб. АН 173
- Брайтваупт Август (Breithaupt Aug.), минералог 28
- Брандт, свящ. 210
- Брандт Федор Федорович (Иоганн Фридрих) (Brandt, 1802–1879), рус. зоолог, акад. Петерб. АН 204, 241
- Бранкаччо (Бранкаччио?), банкир 144
- Бреверн Карл фон (1704–1744), гос. деятель, дипломат, президент Петерб. АН 114
- Бредихин Семен, приказчик Н.А. Демидова 143
- Брокгауз Фридрих Арнольд (Brockhaus, 1772–1823), нем. издатель, типограф, книгопродавец 10, 240, 258, 259
- Брюллов (Брюлло) Карл Павлович (1799–1852), художник 167, 258, 259
- Брюс Яков Вилимович (Bruse, 1670–1735), гр., гос. и воен. деятель, ученый 28, 45, 46, 215
- Брюшкова Л.П.* 169
- Буксбаум Иоганн Христиан (Buxbaum, 1694–1730), ботаник 114
- Булгаковы 245
- Булыгин Абрам Антонович (ок. 1737 – не ранее 1799), тул. посадский, музыкант, автор воспоминаний 87
- Буняковский Виктор Яковлевич (1804–1889), математик 204
- Бутурлин Алексей Петрович (1802–1863), яросл. губернатор 188, 189
- Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849), гос. деятель, воен. историк 191
- Бэр (Бер) Карл Максимович (Карл Эрнест) (1792–1876), рус. естествоиспытатель, эмбриолог, акад. Петерб. АН 204, 241
- Бюко П.–Ж., фр. издатель 148
- Бюффон Жорж Луи Леклерк (Buffon Georges Louis Leclerc, 1707–1788), фр. естествоиспытатель 186
- Бюшинг Антон–Фридрих (Busching, 1724–1793), нем. географ 218

Вавилов Сергей Иванович (1891–1951), физик, президент АН СССР 106

Валлериус (Валерий) Юхан Готтшалк (Иоганн Готшалк) (Wallerius, 1709–1785), швед. химик, минералог 186

Васильев, геолог 217

Васильев Алексей Федорович см. Турчанинов А.Ф.

Васильев Василий, чиновник Коммерц-коллегии 60

Веймарн И.И., ген.-поручик 10

Вейнгарт, коллекционер 176

Вейс, коллекционер 176

Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847), художник 259

Венцель Карл, печатник 243

Вергунов Аркадий Павлович 105

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) 101, 263, 267, 268, 279–281

Верне Жозеф (Клод Жозеф) (Vernet, 1714–1789), фр. художник-пейзажист 146

Верне Орас (Эмиль Жан Орас) (Vernet, 1789–1863), фр. ист. живописец и баталист 247

Вернер Абрахам-Готтлоб (Werner, 1749 или 1750–1817), нем. геолог, минералог 38

Вешников Иван, солдат 49, 65–66

Вико Джованни Батиста (Джамбатиста) (Vico G.B. 1668–1744), философ 278

Виллие, лейб-медик 218

Виниус Андрей (Андреас) Денисович (1602 или 1605–1662), голл. купец, предприниматель, заводовладелец 269

Виноградов Дмитрий Иванович (ок. 1720–1758), химик, создатель рус. фарфора 23, 25, 27, 270

Вишняков Иван Яковлевич (1699–1761), художник 104

Владыкин А.А., знакомый А.Т. Болотова 151

Власов Максим Григорьевич (1768–ок. 1848), наказный атаман Войска Донского 231

Войт, коллекционер 176

Волконские 245

Волконский Григорий Петрович (1808–1882), кн., петерб. чиновник, приятель А.Н. Демидова 211, 258

Волконский Петр Михайлович (1776–1852), кн., воен. и гос. деятель 247

Володимеров Федор Петрович, зять и приказчик А.Н. Демидова 36, 110

Володимерова (урожд. Демидова) Мария Акинфиевна, жена Ф.П. Володимерова 20

Волчков Семен Сергеевич 146

Вольтер Франсуа Мари Аруэ (Voltaire F.V. Arouet, 1694–1778), фр. писатель, философ 149

Вонсовский Сергей Васильевич, физик, академик РАН 207

Вороблевский Василий Григорьевич (1730–1797), библиотекарь, переводчик 104, 149

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), кн., военачальник и гос. деятель, поч. чл. Петерб. АН 191, 228, 229, 232, 253–255, 262

Воронцова, кн., жена М.С. Воронцова 228

Воронцовы 245

Востоков Александр Христофорович (Остенек Александр Вальдемар) (1781–1864), поэт, переводчик, филолог-славист 207

Вулисанова Галина Анатольевна 183, 191

Вяземские Е.Н. и А.А. 90

Габлиц Карл Иванович (1752–1821), естествоиспытатель, путешественник 217

Гагарин Матвей Петрович (ум. 1721), кн., гос. деятель 30, 42

Гагарин Сергей Сергеевич (1745–1798), кн. 130, 152

Гагемейстер Юлий Андреевич (1806–1878), экономист 207

Галанин 245

Галатери, гр., адъютант М.С. Воронцова 229, 231

Галлер Альбрехт фон (Haller, 1708–1777), швейц. медик, ботаник 171, 186, 190

- Гальтон Френсис (Galton, 1822–1911), англ. антрополог, психолог 264
- Гаранский, гр., лит. персонаж 260–261
- Гарбер Трауготт см. Гербер Т.
- Гарднер М.А., жена Ф.В. Гарднера 134
- Гарднер Ф.В., англ. купец 134
- Гасс И.-Б., медальер 167
- Гебель К. (1794–1851), химик, фармацевт 259
- Геллерт Христлиб Эрготт (Gellert Christlieb Ehregott, 1713–1795), нем. минералог, химик, металлург 120, 172, 186
- Гельмерсен Григорий Петрович (1803–1885), геолог, горный инженер 204, 241, 246
- Генкель Иоганн-Фридрих (Henckel Johann-Friedrich, 1669–1744), минералог, металлург, химик 23, 25–28, 38, 39, 120, 169, 172
- Геннади Г.Н. (1826–1880), библиограф, 178
- Геннин Виллим Иванович (Георг Вильгельм) (Hennin, 1676–1750), металлург (инженер, организатор производства), ген.-л. 10, 17, 19, 41, 120, 125, 142, 143, 160, 163
- Гербер (Гарбер) Трауготт (Gerber Traugott), ботаник, медик 96
- Герек Ф., чешский ученый 8
- Геснер Иоганн Маттиас (Gesner, 1691–1761), нем. филолог 171, 186, 190
- Гильденштедт (Гюльденштедт) Иоганн Антон (Иван Антонович) (Guldenstadt, 1745–1781), биолог, путешественник 139, 151, 169, 216, 217, 259
- Гиппиус Ф., содержатель типографии 133
- Гирей 239
- Глинка Владимир Андреевич (1790–1862), ген., воен. и гос. деятель, гл. нач. горн. з-дов Урала 201
- Глушкова Юлия Петровна 191, 208
- Гмелин Иоганн Георг (Gmelin, 1709–1755), естествоиспытатель, химик, путешественник 27, 34, 42, 114, 115, 118, 119, 123–125
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель, драматург 209, 210, 257
- Голиков Иван Иванович (1734 или 1735–1801) 10, 30
- Голицын, кн. 105
- Голицын Дмитрий Алексеевич (1734–1803), кн., гос. деятель, дипломат, ученый, поч. чл. Петерб. АН 282
- Голицын Д.В. 90
- Голицын М.П. 191
- Головин А.И. 124
- Головкин Афанасий Никитич, полковник, тул. воевода 48, 50
- Головкин Гавриил Иванович (1660–1734), гр., гос. деятель, дипломат 133
- Головкин Михаил Гаврилович (1699–1755), гр., гос. деятель 133
- Головицков Константин Дмитриевич (1835–1900) 10, 14, 23, 25, 41, 65, 66, 94, 101, 104, 106, 117, 123, 128, 172, 174, 177, 190, 191, 240–242, 244, 245, 257
- Горанский Я.И., яросл. чиновник 261
- Гординский, художник 225
- Горвех, дир-р ботанич. сада 139
- Горелов А.А. 98
- Горохов Владислав Андреевич 105
- Готвалд, доктор, коллекционер 27
- Гофман, нем. металлург 121, 172, 186
- Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) 134, 168
- Грачев А., гравер 191
- Грексон, часовщик 146
- Гримм Фридрих Мельхиор (Grimm Friedrich Melchior, 1723–1807), бар., дипломат, публицист, критик 41
- Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864–1928), ученый-металлург 288
- Гумбольдт Вильгельм (Humboldt, 1767–1835), лингвист, гос. деятель 35
- Гумилев Лев Николаевич (род. 1912) 285
- Гурьев Семен Емельянович (1766–1813), математик, механик 282
- Гуськова Татьяна Константиновна 26
- Гюо Ж.-Ж., фр. геолог, участник экспедиции А.Н. Демидова 222, 234, 237

Данилевский Александр Семенович (1806–1888), чиновник, друг Н.В. Гоголя 209, 210

Данилов Кириша (Кирилл), сост. фольклорного сб-ка 98

Данилов П.Д., управляющий Петерб. конторой Демидовых 260

Данилова (урож. Демидова) Мария Григорьевна 113

Дашкова (урож. Воронцова) Екатерина Романовна (1743 или 1744–1810), кн., обществ. деятель, писательница 74, 105, 130

Декандоль Альфонс (De-Candolle Alphonse-Louis-Pierre-Pyramus, 1806–1893), фр. ботаник 264

Деларош-Пушен А., участник экспедиции А.Н. Демидова 222

Делиль де ля Кройер Людовик (De-lisle de la Croyere, 1690–1741), астроном 124

Демидов А. 125

Демидов Акакий Прокофьевич (№ 16) (род. 1740) 70, 73, 276

Демидов (Антюфеев) Акинфий Никитич (№ 4) (1678–1745) 6, 11, 13–15, 17–23, 25–43, 46, 47, 52, 53, 61, 63, 66, 68, 76, 82–84, 93, 94, 105, 107–110, 112, 117, 122, 123, 126, 127, 136, 148, 154, 157, 167–170, 194, 267, 269, 270, 272, 273, 277, 280, 285

Демидов Александр Григорьевич (№ 20) (1737–1803) 65, 113, 124, 131, 166, 169, 171, 174, 267

Демидов Александр Павлович (№ 108) (1845–1893) 187

Демидов Алексей Никитич (№ 15) (ум. 1786) 63

Демидов Аммос Прокофьевич (№ 18) (род. 1753) 70

Демидов Анатолий Николаевич (№ 48) (1813–1870), кн. Сан-Донато 7, 11, 12, 73, 191, 193, 194, 198, 200, 203, 207–214, 219–224, 226, 228–262, 267, 274, 279, 281, 285, 286

Демидов Василий Никитич (№ 11) 63

Демидов Григорий Акинфиевич (№ 8) (1715–1761) 12, 20, 68, 69, 83, 105, 107–125, 154, 169, 267, 273, 276

Демидов (Антюфеев) Григорий Никитич (№ 5) (ум. 1728) 14, 44, 122

Демидов Евдоким Никитич (№ 12) (1713–1782) 63, 64, 271

Демидов Иван Иванович (№ 30) 105

Демидов Иван Никитич (№ 13) (ум. 1807) 63, 271

Демидов Лев Прокофьевич (№ 17) (род. 1741 или 1745) 70, 73, 79

Демидов Михаил Александрович (№ 61) (1817–1841) 276

Демидов Никита Акимович 169

Демидов Никита Акинфиевич (№ 9) (1724–1787) 11, 20, 30, 31, 64, 65, 69, 72, 84, 96, 99, 104, 106, 107, 117, 118, 120, 126–169, 171, 191, 267, 271, 273, 279, 288

Демидов (Антюфеев) Никита Демидович (№ 3) (1656–1725) 14, 15, 17–18, 20, 23, 25, 30, 32, 33, 41, 46, 64–66, 122, 126, 127, 170, 269, 271, 281, 285

Демидов (Антюфеев) Никита Никитич (№ 6) (не позд. 1696 – ок. 1758), стат. сов. 11, 14, 43–45, 47–66, 70, 103–104, 267, 269–271

Демидов Никита Никитич (“дворянин”) (№ 14) (1728–1804) 63, 104, 165

Демидов Николай Иванович (№ 58) (1771– 1833) 105, 189

Демидов Николай Никитич (№ 23) (1773–1828) 41, 131, 133, 137, 139, 157, 194–198, 208, 210, 260, 267, 286

Демидов Николай Николаевич (№ 47) (1799–1800) 198

Демидов Павел Александрович (№ 145) (1869–1935) 187

Демидов Павел Григорьевич (№ 21) (1738–1821) 65, 113, 125, 167, 170–192, 267, 274, 276, 277

Демидов Павел Григорьевич (№ 73) (1809–1858) 186, 187, 285

Демидов Павел Николаевич (№ 46) (1798–1840) 193, 194, 197–208, 210, 213, 260, 267, 278, 280, 285, 287, 288

Демидов Павел Павлович (№ 79) (1839–1885), кн. Сан-Донато 203, 245, 286, 287

- Демидов Петр Григорьевич (№ 22) (1740–1826) 113, 120, 121, 124, 131, 171, 174, 186, 192, 267
- Демидов Петр Евдокимович (№ 26) 192
- Демидов Петр Иванович (№ 31) 192
- Демидов Платон Александрович (№ 88) (1840–1892) 79
- Демидов Прокофий Акинфиевич (№ 7) (1710–1786) 12, 19, 20, 38, 65, 67–107, 111, 114, 117, 118, 120, 122, 123, 127, 135, 136, 148–150, 157, 192, 213, 267, 271, 273, 275–278, 280
- Демидов Степан Прокофьевич (№ 19) (род. 1759) 70
- Демидова (урож. Шернваль) Аврора Карловна 202
- Демидова (урож. Сафонова) Александра Евтихievна, 3-я жена Н.А. Демидова 129–131, 133, 134, 149, 168
- Демидова (урож. Постухова) Анастасия (Настасья) Герасимовна, жена Н.Н. Демидова 45, 49, 70
- Демидова Анастасия Никитична см. Красильникова А.Н.
- Демидова (урож. Суровцева или Сурмищева) Анастасия Павловна (1713–1763), жена Г.А. Демидова 108, 112, 114, 122, 123
- Демидова Анастасия (или Наталья) Прокофьевна (старшая) 72, 276
- Демидова Анастасия Прокофьевна (младшая) 72
- Демидова Анна Акинфиевна (ум. 1707) 20
- Демидова Анна Акинфиевна см. Сердюкова А.А.
- Демидова Анна Прокофьевна 70
- Демидова Василиса Григорьевна 113
- Демидова (урож. Коробкова) Евдокия (Авдотья) Тарасовна, жена А.Н. Демидова 20
- Демидова Евдокия (Авдотья) Федотовна, жена Н.Д. Демидова 14, 18
- Демидова Евфимия Акинфиевна 20
- Демидова (урож. Пальцова) Евфимия (Афимья) Ивановна (1693–1771), жена А.Н. Демидова 20, 126
- Демидова Екатерина Никитична см. Львова Е.Н.
- Демидова (урож. Строганова) Елизавета Александровна (1779–1818), бар. 198, 199, 210
- Демидова Елизавета Петровна см. Чичерина Е.П.
- Демидова Ирина Григорьевна 113
- Демидова (урож. Сверчкова) Мария, 2-я жена П.А. Демидова 130
- Демидова Мария Акинфиевна см. Володимерова М.А.
- Демидова Мария Григорьевна см. Данилова М.Г.
- Демидова Мария Никитична см. Дурново М.Н.
- Демидова Мария Прокофьевна 72
- Демидова (урож. Постухова) Матрена Антиповна (ум. 1764), 1-я жена П.А. Демидова 70
- Демидова Наталья Григорьевна см. Старова Н.Г.
- Демидова (урож. Евреинова) Наталья Яковлевна (ум. 1756), 1-я жена Н.А. Демидова 129
- Демидова Нина Григорьевна 176, 199, 287
- Демидова Пульхерия Григорьевна см. Кокоринова П.Г.
- Демидова Степанида Григорьевна 113
- Демидова (урож. Семенова) Татьяна Васильевна, 2-я жена П.А. Демидова 72
- Демидова Хиония Григорьевна см. Стахиева Х.Г.
- Дерибас (де Рибас) Иосиф (Осип) Михайлович (de Ribas-y-Boyons, 1749–1800), воен. и гос. деятель, адмирал 226
- Дешизо П., фр. врач и ботаник 114
- Дидро Дени (Diderot, 1713–1784), фр. философ, писатель 74
- Долгорукие 245
- Домгер В.А. 245
- Дружинин П.А. 169
- Дружинин П.М. 182
- Дружинина Е.И. 246, 247
- Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862), начальник Штаба Корпуса жандармов, управляющий Третьим отделением 212, 213
- Дубельты 245
- Дудин, архангелогор. купец 169

Дурново Дмитрий Николаевич (1769–1834), обер-гофмейстер, петерб. губ. предв. дворянства 210

Дурново (урожд. Демидова) Мария Никитична (1776–1847), жена Д.Н. Дурново 133

Дюбуа де Монпере Фредерик (Dubois de Montperreux F.) (1798–1850), натуралист, археолог 219

Дю-Понсо А., участник экспедиции А.Н. Демидова 222

Дюран Андре, фр. художник 247, 248

Евреинов Яков Матвеевич (1700–1772), гос. деятель, дипломат 46

Евреинова Наталья Яковлевна см. Демидова Н.А.

Екатерина I Алексеевна (урож. Марта Савронская) (1684–1727), рос. императрица 18, 30, 42, 236

Екатерина II Алексеевна (урож. Софья Фредерика Августа, принцесса Анхальт-Цербстская) (1729–1796), рос. императрица 20, 41, 64, 65, 71, 72, 74, 81, 127, 128, 170, 226, 234

Елизавета Петровна (1709–1761), рос. императрица 20, 22, 127

Ефимов А.И. 88, 102, 104–106

Ефрон Илья Абрамович (1847–1917), рос. издатель, типограф, книгопродавец 10, 240, 258, 259

Жакер (Жакин) Н., дир-р Венского ботанич. сада 97

Жакин см. Жакер Н.

Жан-Поль (Рихтер Иоганн Пауль Фридрих) (Jean-Paul, Richter J.P., 1763–1825), нем. писатель, эстетик 101

Завадовский Петр Васильевич (1739–1812), гр., гос. деятель 183

Завитухина М.П. 42

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), писатель, драматург 105

Закревские 245

Зализняк Андрей Анатольевич (род. 1935), лингвист, академик РАН 208

Заозерская Е.И. 10

Зегнер, нем. проф. 171, 186

Зубрилов, приказчик Н.А. Демидова 150

Зуев Василий Федорович (1754–1794), естествоиспытатель, этнограф, педагог, переводчик, путешественник 217, 219

Зыбин А.К., президент Берг-коллегии 45, 46, 60

Иван IV Грозный (1530–1584), вел. кн., рус. царь 97

Иваницкий, геолог 217

Иванов Андрей Иванович (1776–1848), художник 259

Иванов Козьма, садовник 137

Иванов Михаил, садовник 137

Иверсен Юлий (Юлий-Готлиб) Богданович (1823–1900) 167

Иениш (Яниш) К., адъюнкт Моск. университета 184

Иест см. Иехт

Иехт (Иест), архитектор 70

Изабелла II (Мария-Луиза) (1830–1904), исп. королева 257

Илизаров Симон Семенович 97, 106

Ильина Татьяна Валериановна 104

Исаев И.И., вице-президент Коммерц-коллегии 45, 46

Исаков Яков Алексеевич (1811–1881), петерб. книготорговец, издатель 245

Исленьев, литограф 227

Иуда, апостол, 113

Казакос Матвей Федорович (1738–1812), архитектор 105, 134, 140, 168

Казначеев, коллекционер 251

Калинин А.Н. 124

Калита Светлана Павловна 12

Каменская Александра Федотовна см. Ржевская А.Ф.

Каменский Александр Борисович 106
Канаев М.Ю. 168

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744), кн., дипломат, писатель 101

Караваев М.Н. 88, 102, 104–106

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) 178

Карамзины 245

Карамышев А.М. 190

Карл XII (1682–1718), швед. король 251

Карнович Евгений Петрович (1824–1885) 70, 100, 103
Карпова Елена Вениаминовна 12, 147, 152, 169
Касаткин Вадим Артурович 12
Кафаева Б.Б. 12
Кафенгауз Бернгард Борисович (1894–1969) 10, 11, 35, 41, 60, 62, 65, 102, 123
 Качалов Г.А., гравер 153
Кашинцев Д.А. 10
 Кеппен Петр Иванович (1793–1864), экономист, статистик, этнограф 207
 Керштенс Иоганн Христиан, проф. минералогии Моск. университета 42
Киприн В. 105
 Кирилов Иван Кириллович (1689–1737), географ, картограф 115
Клейменова Раиса Николаевна 182
 Клеро Алексис Клод (1713–1765), фр. математик, астроном 204, 208
 Клерон, фр. актриса 176
 Климент XIV (Лоренцо Ганганелли), римский папа (1769–1774) 131
 Ключарев Ф.П., один из владельцев рукописного “Сборника Кириши Данилова” 98
 Ковалевский Е.П., геолог 216
 Козин, геолог 217
 Козлов Ананий, соликамский приказчик А.Н. Демидова 107
Козлов Владимир Петрович 177, 273, 279, 285
Козлова Наталья Вадимовна 12
 Кокоринов Александр Филиппович (1726–1772), архитектор 113, 124, 169
 Кокоринова (урожд. Демидова) Пульхерия Григорьевна (1741–1781), жена А.Ф. Кокоринова 112, 124
 Кокс (Коукс) Уильям, англ. путешественник 105, 182
 Колунов П., управляющий конторой Демидовых 222
 Комаровский Евграф Федотович (1769–1843), гр. 196
 Компэны 178
Копелевич Юдифь Хаимовна 169, 259
 Корниловы 245

Коробков 104
 Коробков Яков Родионович, екатеринбургский купец, металлостроитель 63
 Коробкова Евдокия Тарасовна см. Демидова Е.Т.
 Корфы 245
Косточкин Владимир Владимирович 105, 122–124
 Коукс Уильям см. Кокс У.
 Коцебу Отто Евстафьевич (1788–1846), мореплаватель 214
Крамаренков В.И. 10
 Красильников Лукьян Маркович (ум. не позд. 1744), приказчик А.Н. Демидова, тул. железного дела промышленник, металлостроитель 14
 Красильникова (урожд. Демидова) Анастасия Никитична 14
Краснова Елена Иосифовна 12, 44, 68, 104, 107, 112, 123, 124, 126, 168, 170, 194, 197, 208, 209, 258, 269
 Крафт Георг Вольфганг (Krafft, 1701–1754), математик, физик 38–40
 Крашенинников Степан Петрович (1711–1755), естествоиспытатель, путешественник 115, 118, 123–125
Кривошеина Г.Г. 117
 Крижановский см. еп. Смарагд
 Кропоткин Петр Николаевич (род. 1910), геолог, акад. РАН 207
 Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846), мореплаватель, гидрограф, океанограф 214, 278
 Крюгер Франц (Kruger, 1797–1857), нем. художник 243
 Крюйс (Крейс, Крейц) Корнелий Иванович (1657–1727), военноморской деятель 215
 Ксенофонов Емельян, приказчик Н.Д. Демидова 15
 Кубасов 178
Кулакова И.П. 91, 93, 106
 Куракин А.Б., кн. 105
 Кутузов (Голенищев-Кутузов-Смоленский) Михаил Илларионович (1747–1813), гр., св. кн., полководец, дипломат 195

Кюстин Астольф де (Custine A. de, 1790–1857), маркиз, фр. писатель, путешественник 255, 261
Кючарианц Джульетта Артуровна 124

Лаверов Николай Павлович, ученый в области радиогеологии, академик РАН 208

Лавров Федор, капитан Преображенского полка 19

Лаксман Кирилл, химик 158

Лаланн (Лалан) Л., фр. инженер 222, 244

Ланг Лаврентий, секретарь рус. посольства в Китай 34

Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), гр., гос. и воен. деятель 226

Ласарильо с Тормеса, лит. персонаж 149

Ласси (Лесси) Петр Петрович (1678–1751), гр., ген.-фельдмаршал 239

Лебедев Д.М. 215, 259

Леблон Жан Батист (Leblond, 1679–1719), фр. архитектор 20

Левеле (Левелье), участник экспедиции А.Н. Демидова 239

Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735–1822), художник 76, 77, 104, 175

Левшин Василий Алексеевич (1746–1826), писатель, переводчик 274, 276

Левшин П.Г. см. митр. Платон

Ленц Р.Э., географ 207

Лепехин Иван Иванович (1740–1802), путешественник, естествоиспытатель, ботаник 82, 96, 105, 115, 124

Ле-Пле Фредерик (Le Play F., род. 1806), проф., фр. социолог, горный инженер, металлург 222, 231, 244–246, 258–260

Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель, публицист 67

Линней Карл (Linne, 1707–1778), швед. естествоиспытатель, ботаник 81, 118–120, 173, 175, 176, 186, 190, 239

Липищи С.Ю. 102, 105, 124

Лихоткин Г.А. 124

Лобода А.М. 98

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), ученый, писатель, поэт 23, 25, 27, 40, 77, 124, 192, 270
Лопатин В.С. 64

Лугинин Илларион (Ларион) Иванович (1-я пол. 1720-х–1785 или 1786), тул. купец, металлург-заводчик 71

Львова (урож. Демидова) Екатерина Никитична (1772–1832) 130, 133

Львовский С.И., проф. политической экономии и статистики Яросл. Демидовского лицея 188

Любимов, геолог 217

Любина Галина Ивановна 221, 259

Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935) 10, 102

Людерс Давид, нем. художник 112, 122

Людовик (Лудовик, Луи) Наполеон 212

Магидович Вадим Иосифович 259

Магидович Иосиф Петрович 259

Магницкий Владимир Александрович, геофизик, академик РАН 207

Магницкий Леонтий Филиппович (1669–1739), математик, педагог 38

Макаров Алексей Васильевич (1674 или 1675–1750), гос. деятель, кабинет-секретарь Петра I 142, 143

Макаров Тимофей Петрович, купец, занимавшийся организацией поисков золота в Вост. Сибири 200

Малеева Л.П. 29

Маленво (Миленво) А., фр. инженер 222, 244

Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) 192

Малиновский К.В. 124

Мальцева Е.С. 66, 159

Мамонов, гр. 195

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт, прозаик 76, 284

Марре Ж., фр. переводчик 148

Мартос Иван Петрович (1754–1835), скульптор 157

Матвеев (Матфеев) Евтифей, приказчик Н.А. Демидова 145, 147

Маттарнови Г., архитектор 153

Матфеев Евтифей см. Матвеев Е.

- Махаев М.И., гравер 153
Мезенин Николай Александрович 193
 Мейер Т., нем. проф. 171, 186
 Мейтенс Младший Мартин ван, швед.-австр. художник 173
 Меллеры, металлзаводчики 60
 Менгден фон Ю.А. (1628–1702), офицер на рус. службе 215
 Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик 207
 Меншиков Александр Данилович (1673–1729), генералиссимус, светл. кн., гос. деятель (президент Военной коллегии) 17
 Мериан Мария Сибилла (1647–1717), биолог, художник, издатель 148
 Месяц Геннадий Андреевич, вице-президент РАН 207
 Миддендорф Александр Федорович (Middendorf, 1815–1894), естествоиспытатель, путешественник 241
Миллер Герард-Фридрих (Muller Gerard Friedrich, 1705–1733) 74, 97, 98, 106, 115, 118, 123–125, 254, 285
 Миних Бурхард Кристоф фон (1683–1767), гр., гос. и воен. деятель, ген.-фельдмаршал 239
 Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848), воен. историк, мемуарист 217–218
 Монтандон Е.Х. 233, 237, 251
 Монферран Август Августович (Огюст Рикар де М.) (Montferrand, 1786–1858), архитектор, декоратор, рисовальщик 202–203
 Монфор (Бонапарт) Матильда-Летития-Вильгельмина де (1820–1902 или 1904), жена А.Н. Демидова 209, 212
Мосин Алексей Геннадьевич (род. 1957) 193
 Мосолов Антип (Антипа) Максимович (род. ок. 1730), тул. оружейник, металлзаводчик 66
 Мосолов Максим Перфильевич (род. ок. 1693), тул. оружейник, металлзаводчик 66
 Мосолов Терентий, тул. оружейник, откупщик таможенных сборов 59
 Мосоловы, тул. оружейники, металлзаводчики 54
 Муравьев (Муравьев-Карский) Николай Николаевич (1794–1866), воен. и гос. деятель, путешественник, мемуарист 256
 Муромцев, симферопольский гражданский губернатор 229, 236
 Мурчисон Родерик И., англ. геолог 246
 Мусин-Пушкин Аполлос Аполлосович (1760–1805), гос. деятель, ученый, поч. чл. Петерб. АН 282
Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744–1817) 130, 135, 152, 153, 169
 Назаров Ф. 256
 Наполеон I Бонапарт (Napoleon Bonaparte, 1769–1821), фр. император, полководец 212
 Нартов Андрей Константинович (1693–1756), ученый, механик, скульптор 40
 Нарышкин А.Л., президент Коммерц-коллегии 45
 Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877), поэт, прозаик 260, 261
 Никита Романович, боярин 97
 Николай Мирликийский, св. 197
 Николай Михайлович, вел. кн. 77, 108, 129, 171, 195, 198
 Николай I Павлович, рос. император 90, 191, 204, 221, 244
 Николь, аббат, дир-р Ришельевского лицея 226
 Нордман Александр Давидович (1803–1866), зоолог, дир-р Одесского ботанич. сада, проф. Ришельевского лицея 221, 241
 Норовы 245
 Носович Иван Иванович (1788–1877), филолог 207
 Ньютон Исаак (Newton Isaac, 1643–1727), англ. физик, астроном, математик 204
 Оболенские 245
Огарков Василий Васильевич 10, 100, 103, 149
 Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827), естествоиспытатель, медик, путешественник 156
 Окроков В. 80
 Оленин Алексей Николаевич (1764–1843), гос. деятель, археолог, исто-

- рик, президент Академии художеств, дир-р Публичной библиотеки 181
- Оливьери А.Л., горный инженер 217
- Опасов (Апасов) Наум, урядник 49
- Орлов Г.Г., кн. 153
- Орлов Федор Григорьевич (1741–1796), гр., гос. деятель 90
- Орловы 90, 245
- Осипов Н.П. 79
- Отто Христиан, картограф 215
- Павел I Петрович**, рос. император 74
- Павленко Николай Иванович* 10, 11, 32, 47, 48, 51, 52, 54–56, 60, 63, 65, 66, 74, 102, 108, 110, 122, 123, 173
- Паллас Петер Симон (Pallase Peter Simon) (1741–1811), естествоиспытатель, путешественник, академик 19, 34, 37, 78, 81, 82, 84, 85, 87–90, 95, 96, 99, 104–106, 145, 150, 151, 157, 158, 162, 217, 236, 253, 254, 284
- Пальцов Семен Иванович, тул. купец, приказчик и свойственник А.Н. Демидова 159
- Пальцова Евфимия Ивановна см. Демидова Е.И.
- Памбург Питер, капитан 215
- Пастухов (?) Антон Ефимович 139, 169
- Паукер Г. (Магнус Георг) (1787–1855), математик и физик 207
- Пейн Дж., изобретатель 163
- Первошиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880), астроном и математик, акад. Петерб. АН 207
- Петр I Алексеевич Великий (1672–1725), рос. император 15–17, 23, 30, 42, 126, 127, 130, 142, 155, 215, 216, 228, 229, 235, 239, 240, 259, 279, 283
- Петр II Алексеевич (1715–1730), рос. император 114
- Петр III Федорович (1728–1762), рос. император 20, 74, 127
- Петр Петрович (1715–1719), сын Петра I 30
- Пехлин фон, тайн. советник 146
- Пиранези Джованни Батиста (Piranesi, 1720–1778), итал. гравер и архитектор 132
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881), хирург и педагог, акад. Петерб. АН 207
- Пирогова Елена Павловна* 11, 26, 38, 39, 42, 124, 154, 177, 257
- Платон (Левшин Петр Георгиевич), митрополит Моск. (1737–1812) 98
- Плюшар Адольф (1806–1865), петерб. издатель 10
- Погодин Михаил Петрович (1800–1875), прозаик, драматург, публицист, издатель, историк 245, 257
- Покровский Николай Николаевич* (род. 1930), академик РАН 207
- Поленов Ю.А.* 169
- Постухов Антип Герасимович (1679–не ран. 1745), тул. посадский 45, 70
- Постухов Терентий Герасимович (1690–не ран. 1745), тул. посадский, бургомистр 45
- Постухова Анастасия (Настасья) Герасимовна см. Демидова А.Г.
- Постухова Матрена Антиповна см. Демидова М.А.
- Постуховы 63, 169
- Потемкин (Потемкин-Таврический) Григорий Александрович (1736–1791), гос. и воен. деятель 64, 135, 251
- Поуп (Поп) Александр (1688–1744), англ. поэт 265
- Прадье Джеймс (Pradier James) (1790–1852), фр. скульптор 203
- Пренер Иоганн Готфрид, садовник 137
- Преображенский Александр Александрович* 10
- Примашевский, переводчик 243
- Протопопов Г.И., моск. купец 146
- Пурнелль Дж., изобретатель 164
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742–1775), предводитель восставших в крестьянской войне 1773–1775 гг. 64
- Путилов Б.Н.* 98
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 100
- Пыляев М.И.* 100, 103
- Разумовский Алексей Кириллович** (1748–1822), гр., гос. деятель, попечитель Моск. университета, ми-

нистр нар. просвещения 90, 91, 96, 102, 124, 186, 196, 282

Разумовский Кирилл Григорьевич (1724 или 1728–1803), гр., гетман Малороссии, президент Петерб. АН 203

Раушенбах Борис Викторович (род. 1915), ученый в области механики и теории управления, академик РАН 207

Рафф, фр. художник 222, 224, 233, 234, 241–243, 245, 247

Репнин, кн., владелец Оболенской вол. 63

Репнин Петр Иванович (ум. 1778), кн., заводовладелец 94

Репнина Д.Ф., кн. 84

Ржевская (урож. Каменская) Александра Федотовна, учредитель медали “за экспрессии” 167

Ритчер 105

Рихтер Иоганн Пауль см. Жан-Поль

Ришелье Эммануил Осипович (Арман Эмманюэль де) (1767?–1822), герц., градоначальник Одессы 226

Рожков В.И. 60

Рокотов Федор Степанович (ок. 1735–1808), художник-портретист 175

Романовский Г.Д. 246

Романовский С.И. 246

Ромм Жильбер 217, 253

Рослин (Рослен) Александр (Roslin Alexander, 1718–1793), швед. художник-портретист 128, 129, 130

Рубан Василий Григорьевич (1742–1795), литератор, издатель 66

Ругелл (Ругаль) Христиан, инженер 215

Румянцев Николай Петрович (1754–1826), гр., гос. деятель, издатель, коллекционер 171, 176, 185, 214, 256, 273, 278, 286

Руссо, участник экспедиции А.Н. Демидова 222

Рычков Иван 124

Рычков Николай Петрович (1746–1784), путешественник 124

Рычков Петр Иванович (1712–1777), географ, экономист, историк 115, 124

Савич, помощник библиотекаря Моск. университета 29

Сафонов (Софонов) Евтихий Иванович, моск. купец 168

Сафонова Александра Евтихиевна см. Демидова А.Е.

Сверчкова (Демидова) Мария см. Демидова М.

Сверчковы 130

Свиньин П.П. 253

Севергин Василий Михайлович (1765–1826), минералог, химик, академик Петерб. АН 37

Седов Валентин Васильевич (род. 1924), чл.-корр. РАН 208

Семен Александр, моск. типограф 243, 244

Семенова Татьяна Васильевна см. Демидова Т.В.

Сенсон де, участник экспедиции А.Н. Демидова 222, 229

Сердюков Иван Михайлович, ученик академической гимназии 40

Сердюков Михаил Иванович (1678–1754), купец, гидротехник 40

Сердюкова (урож. Демидова) Анна (?) Акинфиевна, жена И.М. Сердюкова (?) 20

Сердюкова Е.И. 131

Сеченов Иван Михайлович (1829–1905), естествоиспытатель и физиолог, поч. чл. петерб. АН 207

Сигезбек Иоганн-Георг (Siegesbeck Johann-Georg, 1685–1755), естествоиспытатель и ботаник 114

Сигизмунди, проф. 170

Сидоров Григорий, приказчик Нижнетаг. заводской конторы 22

Ситников, крепостной строитель 70

Скальковский Аполлон Александрович (1808–1898) 226

Скородумов Г.И., гравир 128

Словцов П.А., историк 42

Смарагд (Крижановский), орл. епископ 67

Смирнова (урож. Россет) Александра Осиповна (1809–1882), мемуаристка 202

Смит Федор Иванович (1787–1865) 207

Соймонов Ф.И., гр. 84

Соколов, геолог 217

- Соколов Н., гравёр 175
- Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882), гр., прозаик, мемуарист 202, 209, 210, 220
- Соловьев Федор Петрович, купец, организовавший поиски золота в Вост. Сибири 200
- Сопиков Василий Степанович (1765–1818), библиограф 81
- Спаский Григорий Иванович* (1783–1864) 10, 14, 41, 65, 123
- Станислав-Август (Понятовский) (1732–1798), пол. король 168
- Старов Иван Егорович (1744 или 1745–1808), архитектор 113
- Старова (урож. Демидова) Наталья Григорьевна (1748–1832), жена И.Е. Старова 112, 113, 123
- Стасов Владимир Васильевич (1824–1906), худож. и муз. критик, историк иск-ва, поч. чл. АН 212
- Стахиева (урож. Демидова) Хиония Григорьевна 113
- Стивен Христиан Христианович (1781–1863), рус. ботаник, энтомолог, основатель и дир-р Никитского ботанич. сада, поч. чл. Петерб. АН 236, 251
- Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм (1709–1746), адъютант по естественной истории Петерб. АН 115, 118, 119, 125
- Стендаль (Бейль Анри Мари) (Stendhal, 1783–1842), фр. писатель 197
- Стефан Ф.Х., ботаник 96, 139
- Стил (Steele, 1672–1729), англ. писатель, драматург 265
- Строганов А.Г., гр. 245
- Строганов Григорий Александрович (1769 или 1770–1857), бар., гр. 242, 260
- Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), гр., попечитель Моск. учебного округа 242–244, 278
- Строганова Елизавета Александровна (1779–1818), бар. см. Демидова Е.А. 242
- Строганова (урож. д'Ойенгаузен) Юлия Петровна (или Павловна) (1782–1864), жена Г.А. Строганова 260
- Строгановы 245, 260
- Строев Владимир Михайлович, журналист, секр. А.Н. Демидова 249
- Струмилин Станислав Густавович* (1877–1974) 60, 102
- Судерланд, англ. купец 161
- Сумароков Павел Иванович (ум. 1846), писатель 253
- Сумароков П.С., обер-штаблмейстер 111
- Сурмищева Анастасия Павловна см. Демидова А.П.
- Сурмищевы 123
- Суровцев Иван, солепромышленник 122, 123
- Суровцев Максим Григорьевич, 123
- Суровцев Павел, солепромышленник 108, 123
- Суровцева Н.Г.* 258
- Суровцевы 123
- Сыроватов, геолог 217
- Тартаковский Владимир Александрович (род. 1932), химик, академик РАН 208
- Татищев Василий Никитич (1686–1750), гос. деятель, историк 17, 19, 27, 41, 46
- Татищев П.А. 98
- Тауберт Иван Иванович (1717–1771), библиотекарь Петерб. АН и советник Академической канцелярии 113, 155, 156
- Телепнев, ассессор Берг-коллегии 60
- Терновский М., переводчик 80
- Тиличев, дир-р Ярослав. Демидовского лицея 188
- Ткачев Андрей Гаврилович, садовник 137, 140
- Толмачев И.А. 40
- Толстиков Генрих Александрович (род. 1933), химик, академик РАН 207
- Толстой Никита Ильич (род. 1923), лингвист, фольклорист, академик РАН 207
- Томилов, геолог 217
- Тонини Лючия* 262
- Трагер (Трегер) Филипп (ум. ок. 1746), горный мастер 36
- Трошина Татьяна Михайловна* 42
- Трубецкой Н.Н., кн. 98
- Тряпицын Дмитрий Иванович, заводо-владелец 53

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) 259

Туен (Туин) А., фр. садовод 97

Тунманн, нем. географ 216, 218, 219

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), прозаик, поэт, драматург, критик, публицист, мемуарист, переводчик 261

Турчанинов (Васильев) Алексей Федорович (ум. 1787), соликамский соле- и металлопромышленник 115, 122

Турчанинов Михаил Филиппович (ум. 1734), металлзаводчик 41, 109

Турчаниновы 122

Тучков Александр, садовник 142

Тюрин Е.Д., архитектор 90

Уайлдмэн Даниэль, автор сочинения по пчеловодству 80

Узянов Алексей, садовник 137

Ульрихс Ю.П., проф. Моск. университета 181

Ундольский Вукол Михайлович (1815–1864), библиограф, исследователь рукопис. и старопеч. книги 177

Устрялов Николай Герасимович (1805–1870), акад. Петерб. АН 207

Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1871), педагог 170, 184, 187–189

Фабр, правитель канцелярии ген.-губернатора Новороссии 226, 262

Фаулз Джон, англ. писатель 264

Федоров Евгений Александрович (1897–1961), писатель 103

Филарет, митрополит 245

Филатьев, гость 109, 123

Филин М.Д. 168

Филисов Меркул, прапорщик 61

Фиркович Авраам Самуилович (Абен Решеф, Авраам Бен Рабби Шемуэл Фиркович) (1787–1874), караимский купец, собиратель рукописей 255

Фишер фон Вальдгейм Григорий (Готхельф, Готтгельф) Иванович (1771–1853), естествоиспытатель, проф. Моск. университета, поч. чл. Петерб. АН 176, 182, 183, 186, 191

Фогт Андриас (Андрей Иванович), садовник 137, 140

Франк Оттон 144

Фурсова Людмила Михайловна 116, 169

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), поэт, драматург, дир-р, позднее куратор Моск. университета 29

Херхеулидзе З.С., кн., градоначальник Керчи 238

Хованский, кн. 93

Хозиков Марк Иванович, зять П.А. Демидова 70, 71, 77, 86, 87, 89, 93, 97, 98, 104, 275

Хозиков Н. Маркович 98

Циглер, нем. фотограф 24

Цыганкова Марина Владимировна 169

Цыкин Федор, соликамский приказчик А.Н. Демидова 107

Чебышев Пафнутий Львович (1821–1894), математик 207

Чевакинский Савва Иванович (1713–2-я пол. 1770-х), архитектор 112

Чевкин К. 262

Челышев Е.П., филолог, академик РАН 207

Черкасский А.А., кн. 98

Черкасов Иван Антонович (1692–1752 или 1758), бар., гос. деятель 69

Черкасова Анастасия Семеновна 11, 17, 25–26, 32, 41, 105, 119, 124, 172

Чернецов Никанор Григорьевич (1805–1879), художник 227

Чернышев И.Г., гр. 186

Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784), гр., гос. и воен. деятель, моск. главнокомандующий 98

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889), писатель, публицист 261

Чистович Илларион Алексеевич (1828–1893), филолог 207

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) 278

Чичерина (рожд. Демидова) Елизавета Петровна (р. 1767), беллетрист, переводчик 276

Шаляпина Г. 105

Шамаев Федор, ястребник 105

Шафиров П.П., бар., президент Коммерц-коллегии 45

Шаховский Л.А. 90

Шварц Иван Григорьевич (Schwartz Johan Georg), проф. Моск. университета 98

Шварц Л.Э., геодезист 207

Швецов Фотий Ильич (1805–1855), горный инженер 288

Шевырев Степан Петрович (1806–1864), поэт, переводчик, критик, филолог 23, 25, 28, 41, 91, 93, 117, 169

Шегрен Андрей Михайлович (Sjogren, 1794–1855), языковед, фольклорист, этнограф 256

Шемберг А.-К. фон, дир-р Генерал-берг-директориума 45

Шепелев Михаил Андреевич, подполковник, тул. воевода 51

Шереметев Петр Борисович (1713–1788), гр., гос. и воен. деятель 149

Шереметевы 149

Шернваль Аврора Карловна см. Демидова А.К.

Шишонко Василий Никифорович (1831–1889) 65, 122, 123, 256

Шмаров Петр, солдат 49

Шорт, англ. художник 182

Штелин Якоб (1709–1785), проф. элоквиенции и поэзии, историк искусства, коллекционер 112, 113, 116, 122, 123, 134, 173

Штеллер Георг Вильгельм см. Стеллер Г.В.

Шубин Федот Иванович (1740–1805), скульптор 130, 131, 139, 148, 152, 169

Шубина (урож. Кокоринова) Вера Филипповна, жена Ф.И. Шубина 169

Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913) 100, 102–105

Шувалов Иван Иванович (1727–1797), гос. деятель, куратор Моск. университета 28, 93, 106, 131, 147, 148, 152, 273

Шумахер Иоганн Даниил (Schumacher, 1690–1761), библиотекарь Петра I, советник Канцелярии АН 125

Шхонебек Адриан (1661–1705), голл. гравер 215

Щепкин Н.М., моск. книготорговец 245

Щербатов И.А., кн., вице-президент Коммерц-коллегии 45

Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), кн. 99

Шукина Е.П. 138

Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884), геолог, проф. 191, 243, 244

Эйлер Леонард (Euler Leonhard, 1707–1783), математик, механик, физик, проф. Петерб. АН 38, 203

Эйро 222, 244

Эрнст Н.Л. 219

Юнкер Готлоб-Фридрих-Вильгельм (Junkern Gottlob-Friederich-Wilhelm, 1703–1746) 27

Юркин Игорь Николаевич 172, 185

Юст И.Х., архитектор 133, 168

Юсупов Николай Борисович (1750–1831), кн., гос. деятель, дипломат 170

Яблочков Михаил Тихонович (1848–1906) 281

Якоби Борис Семенович (Мориц Герман) (1801–1874), физик, изобретатель 207

Яковлев В., архитектор 70

Яковлев (Собакин) Савва Яковлевич (1712–1784), откупщик, металлозаводчик 71, 74, 162

Якубович А.Ф., редактор первого издания “Сборника Кириши Данилова” 98

Якушин В., фотограф 21

Янин Валентин Лаврентьевич, академик РАН 207

Географический указатель

- Абаканские степи 106
Абенвилль, г. 223, 250
Австрия 172, 240
Азия 268
Азов, г. 216
Азовское море 215, 226
Ай-Даниль 229
Ак-Бурун, мыс 238
Алабино, с. см. Петровское
Александровская креп. 216
Алексин, г. 56, 59
Алексинский у. 44, 57
Алмазово (Ошитково, Сергиевское),
с. 134, 138, 140, 168, 169, 194
Алтай 32, 34, 36
Алупка 228–230, 232, 235, 236, 239,
253, 254
Алушта 236
Альт Элизабет, рудник 24
Альпы 131, 152
Америка 176, 281
Амстердам, г. 71, 130, 144, 215
Англия 71, 86, 130, 131, 139, 144, 158,
172–173, 175, 190, 243, 288
Антверпен, г. 130
Арабатская креп. (Арабат) 229, 244
Арзамасский у. 110
Армения 219
Артыш, р. см. Иртыш
Асбестовая гора 33
Астрахань, г. 44, 175
Аюдаг, гора 228
- Бабиновская дорога 108, 124
Баден-Баден, г. 202, 223
Балаклава, г. 228, 251
Барселона, г. 257
Баскунчак, оз. 106
Бахмут, г. 27, 44
Бахчисарай, г. 233–234, 236, 244
Белогорск, г. см. Карасубазар
Бельгия 194, 240, 248
- Бендеры, г. 224, 239, 251
Берда, р. 216, 217
Берислав, г. 232
Берлин, г. 130, 131, 158, 171
Бессарабия 223, 224, 226, 239
Бессарабская губ. 223
Бирмингем, г. 131, 158, 173
Бисертъ, р. 111
Богемия 172
Болонья, г. 131, 229
Большие Тайцы, с. 113, 124
Бородино, с. 199
Босфор, прол. 240
Бразилия 135
Бреслау, г. 241
Бримиджан, г. см. Бирмингем
Брынь (Брыня), р. 44, 53
Брянский у. 62
Буг, р. 226, 230
Бухарест, г. 223
Бым, р. 32
- Валахия 223, 240, 243, 252
Валенсия 257
Варшава, г. 241
Ватикан 131
Везувий, гора 131
Великие Луки, г. 44
Великий Устюг, г. 125
Вена, г. 173, 198, 211, 223, 239
Венгрия 172, 223, 240, 243, 288
Венеция, г. 171, 239
Версаль 130, 146
Верхотурский у. 119
Верхотурье, г. 108, 125
Вильно, г. 245
Витри-ле-Франсуа, г. 223
Владимир, г. 247
Вознесенск, г. 230, 232, 235
Войска Донского обл. 214, 241, 246
Волга, р. 125, 151, 175, 247, 259
Вологда, г. 125

Волынская губ. 187
Воронеж, г. 215, 231, 260
Воронежская обл. 260
Восточный Ногай 216
Вырка, р. 62
Высокая, гора 26
Вышний Волочек, г. 142

Гавр, г. 221, 247
Гайслинген-он-дер-Штайге, г. 223
Галац, г. 223
Галиция 239
Галицкий у. 110
Гамбург, г. 72, 247, 276
Гданьск, г. 146
Гельсингфорс, г. 202
Генуя, г. 131, 239
Геркуланум, г. 131
Германия 25–27, 29, 42, 71, 169, 170,
172, 174, 175, 190, 222, 276
Геттинген (Гёттинген), г. 171, 174,
185
Гёзлев, г. см. Евпатория
Голландия 71, 86, 103, 130, 172, 175,
276
Горенки, с. 282
Гренада 257
Греция 197
Грузия 219
Грузской Еланчик, р. 215, 259

Давыдовка, р. 53
Дания 247
Данциг, г. 130, 131
Дарданеллы, прол. 240
Дармштадт, г. 131
Дмитрия Ростовского креп. 216
Днепр, р. 216, 232
Днепропетровск, г. см. Екатерино-
слав
Дон, р. 214–216, 222, 229–231, 254, 260
Донец, р. см. Северский Донец
Донецкий каменноугольный бассейн
216, 244–246
Донецкий кряж 216, 217
Дрезден, г. 104, 131
Цвингер 27
Дубенский р-н Тульской обл. 14
Дугна, р. 44, 53
Дунайские княжества 223

Евпатория (Гёзлев, Козлов), г. 235,
236, 250

Европа 23, 95, 115, 130, 135, 137, 139,
148, 149, 156, 171, 172, 176, 196,
212, 214, 224, 230, 250, 263, 279
Европа Западная 29, 188
Европейская часть России 175
Екатеринбург, г. 20, 104, 124, 125,
127, 147, 175, 206
Екатеринослав (Днепропетровск), г.
232, 260
Еникале, креп. 217
Енисейск, г. 125

Женева, г. 131, 158, 171

Забайкалье 106
Запорожье, г. 216
Золотой курган 253

Ижорская возвышенность 113
Изюм, г. 260
Иосафатова долина 233, 244
Ингерманландская губ. 186
Иркутск, г. 106, 118, 119, 125
Иртыш (Артыш), р. 22, 175
Исетская пров. 63, 125
Испания 257
Италия 113, 130, 133, 135, 152, 153,
172, 174, 196, 197, 258, 278, 288
Ицкое (Яцкое) Устье, с. 20

Кавказ 219, 255
Казанский у. 53, 111
Казань, г. 20, 69, 110, 111, 125, 127,
142, 243, 247
Калуга, г. 62
Калужский у. 62
Кама, р. 20, 107
Каменка 231
Каменка, рп, Воронежской обл. 260
Каменка, Харьковской обл. 260
Каменская, станица 231
Камчатка, п-ов 125
Камыш-Бурун, мыс 238
Карасубазар (Белогорск), г. 217, 229,
236, 237
Карлсбад, г. 201
Карлсруэ, г. 223
Кастропуло (Кастрополь), д. 228, 234,
235
Каффа, г. см. Феодосия
Каширский у. 79, 204
Кенигсберг, г. 130
Керченский прол. 217

Керчь, г. 215, 217, 218, 228, 236–238, 251–253
 Киргизия 175
 Китай 34
 Кишинев, г. 224, 239
 Княжищево, с. см. Петровское
 Козельская засека 57
 Козлов, г. см. Евпатория
 Коканд, г. 256
 Колхида 219
 Константинополь, г. см. Стамбул
 Кострома, г. 20, 109, 111, 247
 Крапивенский у. 111
 Красное, с. 68, 83, 107, 114, 115, 122
 Красноярск, г. 42, 106, 125
 Кременчуг, г. 216
 Кронштадт, г. 222, 247
 Крым см. Крымский п-ов
 Крымский п-ов 7, 12, 191, 209, 214, 216–219, 228, 229, 231–233, 236, 237, 239–243, 246, 247, 249–253, 255–257, 259, 260
 Крымское ханство 216–219, 233
 Куль-Оба, курган 253
 Кунгур, г. 20, 69, 109, 111
 Кунгурский у. 32, 109, 110
 Куруловка, д. 145

 Ладога, г. 175, 247
 Ласпи 234
 Лейден, г. 130
 Лейпциг, г. 131
 Леоново, с. 174
 Ливорно, г. 144
 Линц, г. 239
 Лион, г. 131
 Лихвин, г. 56
 Лихвинская засека 57
 Ломпадь, р. 62
 Лондон, г. 130, 131, 144, 168, 211, 241
 Луганск, г. 231
 Льеж, г. 130
 Любек, г. 139, 247
 Люберицы, с. см. Люберцы
 Люберцы (Люберицы, Новое Преображенское), с. 74

 Маасский деп. 222, 223
 Майнц, г. 203
 Малиновая засека 53
 Маныч, р. 216
 Марбург, г. 25
 Мариуполь, г. 229

Марна, р. 222
 Марсель, г. 131, 224, 240
 Массандра 229
 Мещовский у. 44, 62
 Минусинская котловина 106
 Мисхор 237
 Митридатова гора 238
 Мо, г. 222
 Моздок, г. 216
 Мойка, р. 111, 112, 115, 134, 168, 174
 Молдавия 223, 224, 240, 243, 252
 Моравия 239
 Москва, г. 15, 19, 20, 28, 29, 32, 41, 44, 45, 48–50, 60, 62, 63, 65, 66, 69, 70, 72, 81, 83–85, 89, 92, 95–97, 101–103, 105, 106, 111, 117, 129, 133, 134, 136, 141, 143, 145, 151, 155, 168, 174, 176, 179–181, 187, 189, 196, 198, 210, 244, 245, 247
 Александринский дворец 90
 Воробьевы горы 94
 Гостиный двор 103
 Зеленый театр 106
 Измайловская пасака 81
 Теремной дворец 248

 заставы:
 Даниловская 103
 Ярославская 174

 мосты:
 Живой мост 64
 Москворецкий 66
 у Данилова мон-ря 66
 у Красного холма 66
 у Смоленской ул. и Дорогомиловской сл. 66

 районы и слободы:
 Балчуг 111
 Басманная сл. 105
 Дорогомиловская сл. 66
 Кремль 92, 248
 Немецкая сл. 133, 151
 Пресня 191
 Садовники 64, 111

 сады:
 Аптекарский, за Сухаревой заставой 96
 Московский ботанический П.А. Демидова 74–76, 78, 80–82, 84, 85, 87–89, 91, 95, 99, 100, 136
 Московский Н.А. Демидова 136, 144

Нескучный 67, 90, 102, 105–106
 церкви и монастыри:
 Данилов м-рь
 Донской м-рь 72
 Софии Премудрости Божией в
 Средних Садовниках ц. 64, 66
 Спаса “за золотой решеткой” ц.
 248
 Успенский собор 195
 улицы, дороги, площади:
 Басманная 89, 134
 Большой Толмачевский пер. 134
 Вознесенская см. Радио
 Гороховый пер. 105
 Калужская дор. 84
 Красная пл. 93
 Моховая 94
 Мясницкая 134
 Радио (Вознесенская) 133
 Смоленская 66
 Софийская наб. 64, 66
 Москва-река 64, 66, 69, 84
 Московская губ. 47
 Московская обл. 134
 Муром, г. 247
 Мюнхен, г. 223
 Нарва, г. 130, 131
 Наро-Фоминский р-н Московской
 обл. 134
 Нахичеван, г. см. Нахичевань
 Нахичевань (Нахичеван)-на-Дону 230,
 231, 260
 Неаполь, г. 131, 172
 Нева, р. 20, 134
 Невьянск, г. 19, 26, 30, 32, 33, 36, 37
 Нейва, р. 15
 Нидерланды 288
 Нижегородский у. 69
 Нижний Новгород, г. 20, 111, 127,
 245, 247
 Нижний Тагил, г. 19, 30, 42, 147, 159,
 168, 169, 196, 203, 258, 288
 Выйско-Никольская ц. 203
 Нижняя Салда, г. 288
 Никита, д. 218, 239
 Николаев, г. 228, 232
 Новгород, г. 247
 Новое Павшино, с. см. Павшино
 Новое Преображенское, с. см. Лю-
 берцы
 Новопавшинская Слобода, с. см. Па-
 шино

Новороссийская губ. 214, 217
 Новороссия 220, 222, 224
 Новочеркаск, г. 231
 Ногайск (Приморск), г. 229, 260
 Норвегия 175
 Нюрнберг, г. 239
 Оболенская вол. 63
 Обь, р. 22
 Одесса, г. 224–226, 228, 230, 231, 232,
 235, 236, 239, 240, 251, 255
 Одоевская засека 57
 Ока, р. 247
 Оксфорд. г. 173
 Ораниенбаумский у. 135
 Оренбург, г. 150
 Осинский у. 32
 Оскол, р. 260
 Османская империя 217, 223
 Ошитково, с. см. Алмазово
 Павшино (Новое Павшино, Новопав-
 шинская Слобода), с. Алексинско-
 го у. 14, 57
 Париж, г. 28, 130, 131, 146, 147, 148,
 152, 153, 171, 196, 198, 199, 204,
 210–212, 219, 222, 240–243, 247,
 249, 258, 259, 261
 Пер-Лашез, кладб. 199
 Пенза, г. 245
 Перекоп, перешеек 217
 Пермьшльская засека 57
 Пермский край 115, 118
 Пермь, г. 20, 111
 Петербург см. Санкт-Петербург
 Петергофская дорога 113, 135
 Петровская креп. 259
 Петровское (Княжицево, Петров-
 ское-Алабино, Алабино), с. 134,
 140, 168, 194
 Петровское-Алабино, с. см. Петров-
 ское
 Пиза, г. 131, 239
 Поволжье 96, 106
 Подмосковье 139
 Подолия 226
 Подонье 217, 229
 Позилиппо, гора 144
 Помпеи, г. 131, 159
 Понарына, д. (пуст.) Крапив. у. 111
 Понтийское царство, 252
 Преображенское, с. 97
 Приазовье 216, 217, 259

Прикамье 123
Прикаспийские степи 259
Приморск, г. см. Ногайск
Приморская мыза 135
Причерноморье Северное 217
Пруссия 37, 242
Прут, р. 239

Раштатт, г. 223
Ревда, г. 111
Ревель, г. 170
Рига, г. 131, 260
Рим, г. 131, 132, 139, 144, 168, 171, 172, 196, 197, 208, 211, 257, 258
Венеры храм 197
Капитолий 197
Колизей 131, 197
Константина арка 197
Константина базилика 197
Тита арка 197
Треви фонтан 132
Форум 193, 197, 286
Ромодановская вол. Калужского у. 62, 63, 183
Российская империя 82, 90, 124, 215, 219, 223, 226
Россия 23, 25, 29, 32, 35–37, 42, 79, 91, 96, 102, 105, 107, 115, 119, 131, 133, 134, 139, 141, 142, 144, 146, 157, 173–175, 186, 190, 191, 192, 194, 196, 198, 203, 205, 210–212, 214–217, 221–223, 239, 242, 243, 244, 246–250, 253, 254, 256, 257, 261–263, 267, 278–283, 286, 287
Россия Европейская 62, 108, 217, 247
Россия Западная 215
Россия Южная 7, 12, 192, 209, 210, 215, 216, 219, 224, 238, 240, 241, 243, 247, 249, 250, 256, 257, 259, 260
Ростов-на-Дону, г. 216, 230, 252, 260
Роттердам, г. 130

Саардам, г. 130
Саки, д. 235
Сакские озера 235
Саксония 23–26, 28, 71, 104
Сан-Дonato 196, 212, 213, 258, 259
Санкт-Петербург (Петербург), г. 12, 19, 20, 28, 29, 41, 44, 45, 47, 63, 69, 70, 77, 79, 80, 85, 95, 108, 110–114, 118, 119, 124, 125, 127, 130, 131, 133, 134, 139, 141–144, 150, 151, 153, 155, 159, 171, 174, 175, 189,

195, 198, 202, 203, 221, 243, 245, 247, 253, 258, 259, 279
Адмиралтейская сторона 134
Васильевский о-в 20, 114, 127, 134, 153, 154
Крюков кан. 134

улицы:

Английская наб. 63
Белинского (Симеоновская) 20, 112
Большая Мещанская 174
Большая Морская 203
Васильевского о-ва 2-я линия 114, 115
Васильевского о-ва 6-я линия 112
Гривцов (Демидов) пер. (Малая Сарская ул.) 111, 174
Декабристов (Офицерская) 168
Демидов пер. см. Гривцов пер.
Малая Сарская ул. см. Гривцов пер.
Матвеев (Тюремный) пер. 168
Миллионная 70
Офицерская см. Декабристов
Плеханова 191
реки Мойка наб. 168
Симеоновская см. Белинского
Тюремный пер. см. Матвеев

церкви и монастыри:

Алекسانдро-Невская лавра 203
Симеона Богоприимца ц. 112
Санкт-Петербургская губ. 135
Свердловская обл. 14
Севастополь, г. 232, 234, 236, 260
Северский Донец (Донец), р. 214, 222, 231, 260
Сен-Дизье, г. 223
Сентец, р. 62
Сергиевское, с. см. Алмазово
Серпухов, г. 20, 111
Сиам 139
Сибирь 15, 29, 41, 68, 97, 106, 108, 118, 124, 125, 175, 258
Сибирь Восточная 200
Сибирь Западная 95, 96, 106
Сиворицы, с. 113, 124
Силезия 239
Симферополь, г. 218, 229, 236, 237, 250
Смирна, г. 240, 244
Смоленск, г. 44
Соликамск (Соль Камская), г. 41, 68, 75, 83, 101, 102, 105, 107–111, 114, 118, 119, 123–125, 142, 143

Соликамский ботанический сад
Демидовых 80, 82–84, 89, 105, 107,
114, 115, 118, 119, 124
Соликамский у. 122
Соловский у. 111
Спа, г. 130, 152, 174, 191
Стамбул (Константинополь), г. 236,
240
Старый Крым (Эски-Крым), г. 219
Стокгольм, г. 259
Страсбург, г. 131, 223
Суксун, г. 109–111, 114

Таврида 217, 232, 236, 239, 251
Таврическая губ. 214, 217
Таврическая обл. 217
Таврический п-ов 236
Таганрог, г. 216, 229, 230, 252, 259
Тагил, р. 33, 37
Тайцы см. Большие Тайцы
Тамань, креп. 216, 236
Тара, г. 20, 127
Тверь, г. 20, 111, 127, 134, 247
Темрюк, креп. 216
Тирасполь, г. 224
Тобольск, г. 20, 30, 124, 125, 127
Токмак, р. 229
Томск, г. 125, 200
Торино, г. 241
Тоскана, г. 197, 262
Тула, г. 14, 15, 19–21, 40, 41, 44, 48–52,
54, 56, 57, 59, 63, 65, 68, 75, 83, 95,
105, 111, 112, 116, 126, 133, 145,
159, 168, 175
Тульский сад П.А. Демидова 80,
83, 84
Оружейная слобода 14, 20–22, 36,
40, 44, 52–54, 58, 59, 63, 83, 84, 89
Николо-Зарецкая (Христорожде-
ственская) ц. 20, 21, 40, 63, 112, 116
Тулица, р. 14
Тулон, г. 131
Тульская губ. 274
Тульская обл. 14
Тульская пров. 60
Тульский у. 36
Тульско-Каширский металлург. р-он
54, 61
Турин, г. 131, 152
Турка, р. 32
Туркмения 256
Турция 223
Тюмень, г. 20, 69, 119

Украина 216, 217, 246, 247
Ульм, г. 223
Упсала, г. 119, 173
Упа, р. 44
Урал 15, 17, 19, 25, 26, 32–34, 44, 52,
53, 63, 68, 69, 75, 97, 106, 108, 110,
126, 127, 140, 141, 147, 150, 169,
175, 200, 244
Урал Средний 203
Урал Южный 96, 106
Уральские горы 256
Усолка, р. 107
Уфа, р. 106

Феодосия (Каффа), г. 219, 229, 232,
236, 237, 244
Флоренция, г. 131, 196, 197, 208, 211,
212, 257–259, 262
Фокино, с. 140
Фоکشани, г. 223
Фонтанка, р. 20, 111, 112
Форос 237
Франкфурт, г. 131, 240
Франция 97, 133, 135, 172, 175, 196,
222, 239, 240, 243, 249, 255, 260,
288
Фрейберг (Фрайберг), г. 23–25, 27–29,
117, 120, 121, 131, 158, 171, 172,
176, 185, 191, 270

Харьковская обл. 260
Херсон, г. 226, 228, 232
Херсонес, г. 232
Хива, г. 256

Царицын, г. 106
Цейлон, о. 139
Центральный металлургический р-он
40, 60

Чатырдаг, гора 236
Чебоксары, г. 20, 69
Челябинск, г. 106
Чердынь, г. 125
Черкасск, г. 216
Черное море 226, 232, 234
Чехия 288
Чирковицы, слц. 131
Чичера, р. 137
Чусовая, р. 126, 168
Чуфут-Кале, г. 233

Шайтанка, р. 53
Шаква, р. 109

Шалон-сюр-Марн, г. 222

Швейцария 172, 194

Швеция 173, 175

Шеффилд, г. 173

Шотландия 172

Штутгарт, г. 223

Щегловская засека 15

Щелковский р-н Московской обл. 134

Эльба, о. 212, 286

Эльзас 250

Эльтон, оз. 106

Эпиналь, г. 223

Эски-Крым, г. см. Старый Крым

Эски-Сарай, креп. 236

Яик, р. 175

Яйльский хребет 237

Ялта, г. 228, 229, 232, 235, 236, 239, 253

Ярославль, г. 20, 69, 109–111, 127, 170, 183–186, 242, 243, 247, 261

Ярославская губ. 184

Ярославский у. 110

Яссы, г. 223, 224

Яуза, р. 137

Яцкое Устье, с. см. Ицкое Устье

Указатель организаций, учреждений, промышленных предприятий

Абенвилльский металлургический завод 222, 223, 244
Адмиралтейство 159
Академия художеств см. Петербургская Академия художеств
Алексинская канцелярия воеводского правления 59
Артиллерийская канцелярия 54
Артиллерийский и инженерный кадетский корпус 79
Артиллерийское училище 153
Архангелогородская берг-контора 46
Ашапский медеплавильный з-д 18, 110

Барнаульский медеплавильный з-д 18, 22
Берг и Мануфактур-коллегия 45
Бергакадемия 172
Берг-коллегия 11, 43, 45–48, 50–56, 58–62, 64, 65, 113, 174, 190, 191, 270, 272, 284
Берлинская Академия наук 203
Библейское общество 189
Бисертский молотовый з-д 111
Болонская Академия наук 156
Брынский молотовый з-д 44
Буйский доменный и молотовый з-д 66
Бымовский медеплавильный з-д 18, 110
Бынгровский молотовый з-д 18, 69

Варшавская библиотека 242
Венский ботанический сад 97
Верхнейвинский доменный и молотовый з-д 71
Верхнелайский молотовый з-д 18, 66, 127
Верхнесалдинский доменный и молотовый з-д 127
Верхнесергинский доменный и молотовый з-д 63

Верхнетагильский доменный з-д 18, 69
Верхнечугунский молотовый з-д 18, 69
Верхотурские железные заводы см. Невьянский доменный и молотовый з-д
Висимо-Уткинский молотовый з-д 127
Висимо-Шайтанский молотовый з-д 18, 127, 144
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи 12
Вольное российское собрание 95, 186
Вольное экономическое общество 79, 158, 204, 268
Воспитательный дом (в Москве) 73, 74, 79, 92, 94, 97
Воспитательный дом (в Петербурге) 74
2-ая, Горная и минеральная экспедиция Коммерц-коллегии 45
Выйский медеплавильный, доменный и молотовый з-д 18, 26, 127
Выйское Демидовское училище 168, 169
Выровский молотовый з-д 62
Высший (Вышний) суд 17

Генерал-берг-директориум 45, 61
Геттингенский университет 171, 190
Гимназия при Петербургской Академии наук 6
Главный магистрат 46
Горенский ботанический сад А.К. Разумовского 90, 91, 97
Горное училище (в С.-Петербурге) 80
Горный департамент 246
Горный институт 242, 288
Гороблагодатские з-ды 150
Городищенский сереброплавильный з-д 36

Городищенский 3-й доменный з-д 36
 Государственная публичная историческая библиотека 243
 Государственная Третьяковская галерея 76
 Государственный архив Свердловской обл. 12
 Государственный архив Тульской обл. 11
 Государственный педагогический университет 134
 Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина 192
 Гринвичская обсерватория 173
 Давыдовский медеплавильный з-д 53
 Демидовский Дом трудолюбия (в Москве) 133, 139
 Демидовский дом призрения трудящихся (Дом трудолюбия) (в Петербурге) 210, 213, 260
 Демидовский музей см. Кабинет (музей) натуральной истории
 Демидовский юридический лицей см. Ярославское высших наук училище
 Дерптский университет 242
 Дружеское ученое общество 98
 Дубенская пристань 144
 Дугненский Н.Н. Демидова доменный и молотовый з-д 44, 48, 49, 52, 53, 62
 Дугненский Верхний доменный и молотовый з-д 44
 Дугненский Нижний з-д см. Дугненский Н.Н. Демидова доменный и молотовый з-д
 Екатеринбургский чугуноплавильный, молотовый, медеплавильный и механический з-д 160, 163
 Есенковский молотовый з-д 62
 Женское училище коммерческого счетоводства при Доме А. Демидова (позднее Демидовские учебно-воспитательные заведения) 259
 Измайловская пасека (в Москве) 81

Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минерологии и геохимии РАН 287
 Институт книги, документа и письма 125
 Кабинет е. и. в. 56, 57, 142
 Казанский берг-амт 46
 Казанский университет 244
 Камбарский молотовый з-д 173
 Камер-коллегия 48, 51, 59, 60, 103
 Каслинский молотовый, позднее и медеплавильный з-д 63, 164
 Керченский музей 253
 Киевский университет 183
 Коллегия иностранных дел 97
 Колывано-Воскресенский медеплавильный з-д 18, 22, 34, 36
 Комитет инвалидов 203
 Коммерц-коллегия 18, 45, 60, 61
 Коммерческое училище при Воспитательном доме (в Москве) 73, 74
 Контора Демидовых в Новороссии 222
 Конюшенная канцелярия 105
 Корельский молотовый з-д 18, 69
 Королевская Стокгольмская Академия 158
 Королевский корпус путей сообщения 222
 Кунсткамера 16
 Кыштымские (Верхний доменный и молотовый и Нижний молотовый) з-ды 63, 164
 Лайские з-ды см. Верхнелайский и Нижнелайский з-ды
 Лейденский университет 170, 171
 Луганский металлургический завод 216, 242
 Людиновский молотовый з-д 62
 Мануфактур-коллегия 170
 Мануфактур-контора 45
 Медицинская контора 133
 Меднорудянский рудник 256
 Международный Демидовский Фонд 287
 Меллеров доменные и молотовые з-ды 60
 Минералогическое общество (в Петербурге) 242, 256

- Министерство внутренних дел 189
 Департамент иностранных веро-
 исповеданий 189
 Министерство государственных иму-
 ществ 184
 Министерство иностранных дел 211
 Министерство народного просвеще-
 ния 187, 204, 245
 Министерство финансов 184
 Московская берг-контора 45
 Московская медицинская школа 96
 Московские домовые конторы Деми-
 довых 22, 141, 156, 159, 166
 Московский архив Коллегии ино-
 странных дел 97
 Московский государственный уни-
 верситет леса 116
 Московский обер-берг-амт 45, 47–52,
 65
 Московский университет 23, 28, 29,
 74, 89–91, 93–95, 106, 117, 145, 148,
 166, 170, 176–184, 186–188, 190–
 193, 196, 204, 242, 244, 278, 281,
 283, 284, 287
 Кабинет (музей) натуральной (ес-
 тественной) истории 94, 176, 181,
 183, 191, 192, 197
 Типография 187
 Московское главное училище 74
 Московское общество испытателей
 природы (Общество московских
 натуралистов) 181, 182, 186, 191,
 192, 244, 268
 Музей горнозаводского дела Средне-
 го Урала 29, 41, 147, 159, 168, 169,
 203
 Мюнхенская Академия 210, 243

 Навигаторская школа 284
 Наполеоновский лицей (в Париже)
 198
 Научный Демидовский фонд 207
 Неаполитанская Академия наук 156
 Невьянская часть з-дов А.Н. Демидо-
 ва 69
 Невьянский доменный и молотовый
 з-д 15, 18, 19, 26, 34, 35, 37, 61, 69,
 162
 Нижнелайский молотовый и метал-
 лобрабатывающий з-д 18, 66, 127
 Нижнесалдинский молотовый з-д 127
 Нижнесергинский доменный и моло-
 товый з-д 63
 Нижнетагильская заводская контора
 22, 127, 135, 140, 143, 145, 147, 156,
 160, 164
 Нижнетагильская часть з-дов А.Н. Де-
 мидова 127
 Нижнетагильский доменный, моло-
 товый, позднее и медеплавиль-
 ный з-д 18, 26, 31, 35, 41, 127, 141,
 150, 157, 159, 162, 166, 200, 201, 288
 Нижнетагильский музей-заповедник
 см. Музей горнозаводского дела
 Среднего Урала
 Нижнетагильский горнозаводский
 музей см. Музей горнозаводского
 дела Среднего Урала
 Нижнетагильский горнозаводский
 округ 194
 Нижнечугунский молотовый з-д 18,
 69
 Нижнешайтанский з-д см. Шайтан-
 ский доменный и молотовый
 Н.Н. Демидова з-д
 Никитский ботанический сад 251
 “Новая гильдия”, акцион. об-во 206

 Общество садоводства 203
 Одесский театр 228
 Одесское общество истории и древ-
 ностей 255
 Олонецких заводов канцелярия 46
 Оружейная канцелярия

 Парижская Академия 210, 243, 256
 Парижская Академия наук 262
 Парижская Академия художеств 131
 Парижская горная школа 222, 288
 Педагогический институт 245
 Перевинские (Перевидские) винные
 з-ды Демидовых 44
 Пермский берг-амт 46
 Петербургская Академия наук 5, 12,
 25, 27, 39, 40, 97, 114, 115, 119, 120,
 125, 150, 153–156, 158, 190, 193,
 203–205, 207, 210, 217, 243, 256,
 267, 283
 Академическое собрание 124, 125
 Библиотека 134, 153, 156
 Ботанический сад 96, 114, 115, 118
 Гимназия 6, 40
 Инструментальная мастерская 40
 Канцелярия 115, 154
 Кунсткамера 27, 28, 134, 153, 155

Обсерватория 154
 Университет 6
 Химическая лаборатория 124
 Петербургская Академия художеств 167, 259
 Петербургская берг-контора 46
 Петербургская контора П.Н. Демидова 260
 Петербургский университет (Императорский Санкт-Петербургский университет) 242, 243
 Петербургский цензурный комитет 258
 Президиум Академии наук СССР 106
 Президиум Российской Академии наук 70
 Приют при Демидовском доме призрения трудящихся (в Петербурге) 213
 Публичная библиотека (в Петербурге) 242
 Пушкинский приказ 215
 Пыскорский медеплавильный з-д 142, 143

Ревдинская часть з-дов А.Н. Демидова 110
 Ревдинский доменный з-д 18, 111
 Ришельевский лицей 226
 Рождественский молотовый з-д 110, 173
 Российская Академия 204
 Российский государственный архив древних актов 11
 Свердловский областной краеведческий музей 147
 Сенат Правительствующий 22, 45, 47, 48, 56, 64, 118, 124, 184, 208
 Сенатская типография 80
 Сибирские заводы А.Н. Демидова 19, 29, 42, 69
 Сибирский обер-берг-амт 45–46
 Сибирский приказ 271
 Соликамский соляной промысел Демидовых 111
 Сохранная казна 74
 Ссудная казна 74
 Стокгольмская Академия 210, 243
 Суксунский медеплавильный з-д 18, 109, 110
 Суксунская заводская контора 166
 Сулемская пристань 127

“Таврика”, библиотека Симферопольского краеведческого музея 241, 243, 247
 Тисовский кожевенный з-д 111
 Тобольский университет 183
 Томское горное начальство 46
 Третьяковская галерея см. Государственная Третьяковская галерея
 Троицкий медеплавильный з-д 109, 122
 Тульская камерирская контора 48, 50
 Тульская контора десятинного сбора 54
 Тульская провинциальная канцелярия 48–52, 59, 105
 Тульская оружейная контора 52, 54, 55, 58
 “Тульские древности”, муз.-выст. центр 21
 Тульские оружейные з-ды 56, 57
 Тульский Демидовых доменный и молотовый з-д 14, 18, 19, 25, 35, 65, 83, 103, 111, 113, 169, 271

Университет св. Владимира в Киеве 245
 Упсальский университет 190
 Уральское отделение Российской Академии наук 206
 Уткинская часть заводов Г.А. Демидова 173
 Уткинский доменный и молотовый з-д 18, 111, 173

Фрейбергский музей города и горного дела 191

Харьковский университет 204, 242

Черноисточенский молотовый з-д 18, 127

Шайтанские з-ды Демидовых 66
 Шайтанский молотовый А.Н. Демидова з-д 18, 69
 Шайтанский (Нижнешайтанский) доменный и молотовый Н.Н. Демидова з-д 53, 63
 Шаквинский медеплавильный з-д 18, 109, 110
 Шелкопрядильная фабрика в Сан-Донато 213

Штаб Корпуса жандармов 212
Шульбинский медеплавильный з-д 18,
22
Шуралинский молотовый з-д 18, 69
Эрмитаж 28, 41, 150, 260
Юстиц-коллегия 20, 100

Ягошихинский з-д 20, 111
Ярославский государственный уни-
верситет им. П.Г. Демидова 185
Ярославское высших наук училище
(позднее Демидовский лицей,
позднее Демидовский юридиче-
ский юридический лицей) 170,
183–189, 192, 240, 261

Содержание

Предисловие	5
Г л а в а 1. Строитель и хозяин горного царства (Акинфий Никитич Демидов, 1678–1745).....	13
Г л а в а 2. Демидовы в Берг-коллегии (Никита Никитич Демидов, ?–1758)	43
Г л а в а 3. Нескучный создатель Нескучного (Прокофий Акинфиевич Демидов, 1710–1786).....	67
Г л а в а 4. Соликамский ботаник (Григорий Акинфиевич Демидов, 1715–1761).....	107
Г л а в а 5. “Неутомимый вояжир и хороший описатель” (Никита Акинфиевич Демидов, 1724–1787)	126
Г л а в а 6. Основатель Демидовского лицея (Павел Григорьевич Демидов, 1738–1821).....	170
Г л а в а 7. Учредитель Демидовских премий (Павел Николаевич Демидов, 1798–1840).....	193
Г л а в а 8. Путешественник и исследователь Южной России (Анатолий Николаевич Демидов, 1813–1870).....	209
Г л а в а 9. Демидовы и некоторые вопросы науковедческой просопографии	263
Заключение.....	287
Источники и библиография	290
Список сокращений	305
Именной указатель	306
Географический указатель.....	321
Указатель организаций, учреждений, промышленных предприятий	328

Научно-биографическое издание

Юркин Игорь Николаевич

**ДЕМИДОВЫ –
ученые, инженеры, организаторы
науки и производства**

Опыт науковедческой просопографии

*Утверждено к печати Редакцией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией
Р. С. Головина

Редактор
Е. А. Жукова

Художественный редактор
Т. В. Болотина

Технический редактор
В. В. Лебедева

Корректоры
З. Д. Алексеева, Г. В. Дубовицкая, А. В. Морозова

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано к печати 09.10.2001
Формат 60 × 90 ¹/₁₆, Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 21,0. Усл.кр.-отт. 21,3. Уч.-изд.л. 22,0
Тираж 1100 экз. Тип. зак. 4419

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины “Книга–почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибирика, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22

142292 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (13) 3-38-60

443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65

199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;

(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-94-64

По вопросам приобретения книг

просим обращаться также

в Издательство по адресу:

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90

тел. факс (095) 334-98-59

E-mail: initsiat@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ДЕМИДОВЫ

И. Н. Юркин

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

И. Н. Юркин

ДЕМИДОВЫ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
вышла в свет книга:

Л.И. Уварова
**Петр
Кондратьевич
ХУДЯКОВ**

9 л.

ISBN 5-02-013058-3

9 785020 130586

